

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории СССР

С. В. Тютюкин

**ИЮЛЬСКИЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
КРИЗИС
1906 Г.
В
РОССИИ**

Москва «Наука» 1991

ББК 63.3(2)522
Т 98

Ответственный редактор

доктор исторических наук К. Ф. ШАЦИЛЛО

Рецензенты

доктор исторических наук В. В. Шелухаев,
доктор исторических наук А. Ю. Чиковани

Редактор издательства Ю. Г. Гордина

Тютюкин С. В.

Т 98 Июльский политический кризис 1906 г. в России.— М.:
Наука, 1991.— 232 с.
ISBN 5-02-008566-9

Монография посвящена одному из переломных моментов в истории первой российской революции, когда в стране возникла альтернативная ситуация: переход масс в решительное наступление на силы реакции или усиление реакции для скорейшего подавления революции. В работе рассматриваются позиции основных партий (РСДРП, эсеры, кадеты, октябристы), история Выборгского совещания части депутатов распущенной Думы, ход Свеаборгского и Кронштадского восстаний 1906 г. Большое внимание уделяется деятельности царского правительства во главе с П. А. Столыпиным.

Для историков, преподавателей и всех интересующихся историей нашей Родины.

Научное издание

Тютюкин Станислав Васильевич

Июльский политический кризис 1906 г. в России

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР
Заведующая редакцией З. Г. Демидова. Редактор издательства Ю. Г. Гордина
Художник Н. И. Казаков. Художественный редактор М. Л. Храмцов
Технический редактор И. Н. Жмуркина. Корректоры Т. П. Вдов, Ф. И. Грушкова
ИБ № 47510

Сдано в набор 12.02.91. Подписано к печати 23.04.91. Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 14,5. Усл. кр. отр. 14,75. Уч.-изд. л. 17,6. Тираж 2400 экз. Тип. зак. 1150
Цена 7 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90.
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

Т 0503020300-132
042(02)-91 83-91, I полугодие

ББК 63.3(2)522

ISBN 5-02-008566-9

© Издательство «Наука», 1991

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1	
Россия накануне июльского кризиса	17
Новый этап в развитии революции	17
I Государственная дума и обострение ее конфликта с правительством	25
Планы роспуска Думы и их реализация	38
Глава 2	
Выборгское совещание членов I Государственной думы	60
Подготовка к совещанию	60
Выборг, 9—11 июля 1906 г.	70
Судьба Выборгского воззвания	85
Глава 3	
Ответ революционных партий и организаций на роспуск Думы	94
Борьба двух тактических линий в РСДРП	94
Планы эсеров и других революционных организаций	111
Глава 4	
В огне военных восстаний	125
Первые вспышки волнений в армии в июле 1906 г.	125
Свеаборг, 17—20 июля 1906 г.	129
Кронштадт, 19—20 июля 1906 г.	143
Крейсер «Память Азова», 20 июля 1906 г.	157
Глава 5	
Революционные выступления рабочих и крестьян в период кризиса	170
Попытка проведения всеобщей политической стачки и причины ее неудачи	170
Крестьянское движение.	185
Глава 6	
Контрнаступление правительственных сил	194
Столыпин: путь к власти	194
Столыпинская тактика борьбы с революцией	203
Последние попытки создания коалиционного правительства	211
Заключение	223

ВВЕДЕНИЕ

Июль 1906 г. выдался в России жарким и душным. Часто гремели грозы, и это состояние природы словно передавалось людям, которые жили в те дни в тревожном, нервном ожидании. После 1905 года мир уже трудно было удивить новостями из Петербурга, но то, что произошло здесь в июле 1906 г., заставило западную печать заговорить не просто о критическом положении романовской империи, а о приближении там «космической анархии». Вслед за известием о роспуске I Государственной думы на страницах газет замелькали новые сенсационные сообщения: депутаты распущенной Думы, собравшись в финском городе Выборге, призвали народ к неповиновению правительству; Германия и Австро-Венгрия готовятся к вторжению в Россию; гарнизоны двух первоклассных военных крепостей, расположенных возле русской столицы, восстали против царя. К этому прибавились телеграммы о крупных забастовках в Петербурге и Москве, росте аграрного движения, волнениях в армии, переговорах о реорганизации Совета министров. В итоге иностранные журналисты дружно пророчили России «социалистическую и анархическую революцию» или установление военной диктатуры¹. И хотя эти прогнозы не оправдались и царский режим устоял, июльский политический кризис действительно стал важным рубежом в развитии первой российской революции.

Можно спорить о том, были ли июльские события 1906 г. ее вторым (после октября—декабря 1905 г.) апогеем, как считал Ленин², или их оценка в исторической ретроспекции должна выглядеть несколько скромнее, но факт остается фактом: именно в те дни решался вопрос о перспективах развития революционного движения в России, а значит, и о судьбах страны в ближайший обозримый период.

Каждая крупная, достаточно протяженная во времени революция имеет свою внутреннюю, часто довольно сложную структуру. Революционный процесс пульсирует, постоянно меняет темп и ритм. Особое значение приобретают переломные, кризисные ситуации, когда перед борющимися силами открывается реальная возможность изменить направление и формы общественного развития, ускорить или, наоборот, замедлить разложение старого и рождение нового строя. Недаром острые политические кризисы часто сравнивают с кризисами в ходе тяжелой, изнурительной болезни, когда решается вопрос о жизни и смерти человека, хотя в

политике, как и в медицине, бывают, разумеется, и менее драматические кризисные моменты, связанные с переходом накопившихся в обществе количественных изменений в качественные.

Здесь не место подробно говорить о типологии политических кризисов, громадном многообразии их форм и проявлений. Объектом настоящего исследования является одна из самых интересных и сложных разновидностей политического кризиса — кризисная ситуация, возникающая уже непосредственно в ходе революции, которая сама представляет собой глубочайший социально-политический кризис общенационального масштаба. Таким образом, речь пойдет о своего рода «кризисе внутри кризиса». Подобная ситуация возникает тогда, когда революция как бы останавливается на развилке дорог и решается вопрос о том, пойдет ли она по пути дальнейшего углубления и развития борьбы масс или, наоборот, верх возьмут силы порядка. Если же такой кризис происходит на фоне начавшегося отступления революции, то проблема сводится к тому, удастся ли народу и революционерам приостановить его и подготовить почву для нового тура борьбы или, наоборот, процесс подавления революции и ее угасания пойдет и дальше, и притом ускоренным темпом. Именно так стоял вопрос в июле 1906 г.

Во время политического кризиса, в основе которого лежат, как правило, глубокие социально-экономические причины, четко прослеживаются два взаимосвязанных момента: не срабатывает привычный механизм власти, катастрофически теряющей доверие общества, и резко повышается активность народных масс. Кризис может сопровождаться полной или частичной сменой кабинета министров, роспуском — на время или без указания определенного срока — представительных учреждений, введением чрезвычайного положения и даже военной диктатуры, резким падением престижа власти в глазах народа. При этом происходит значительное обострение борьбы внутри правящего класса, меняется соотношение сил политических партий и организаций, зарождаются новые, неформальные структуры. Что касается народных масс, то они реагируют на дестабилизацию режима забастовками, демонстрациями, митингами, открытыми восстаниями, ростом преступности. Кризисы, как подчеркивал Ленин, вскрывают суть явлений и процессов, отмечают прочь все поверхностное, мелкое, внешнее, обнажая глубинные основы происходящих перемен³. Именно этим объясняется повышенный интерес к подобным ситуациям со стороны политических деятелей (июльский кризис 1906 г. всесторонне анализировали, например, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, П. Н. Милуков, П. А. Столыпин и др.), а также историков, пытающихся извлечь уроки из прошлого.

Июльский политический кризис 1906 г. в России продолжался в общей сложности менее трех недель — с момента роспуска I Государственной думы 8 июля и до окончания 27 июля крупных стачек в Петербурге и Москве, ставших продолжением вос-

ставий солдат и матросов в Свеаборге и Кронштадте. Однако следует учитывать, что кризисные явления начали нарастать уже с середины мая, а эпилогом июльских событий стало введение 19 августа военно-полевых судов и публикация 24 августа декларации об основных направлениях внутренней политики правительства Столыпина. В этих хронологических рамках и рассматривается июльский политический кризис в настоящей работе.

На примере июльского кризиса 1906 г. хорошо прослеживается потенциальная многовариантность исторического развития России. Так, царизм мог продолжать играть в парламентаризм, сохраняя правительство Горемыкина (или другого ставленника реакционных «верхов»), но мог пойти и на создание коалиционного или даже чисто кадетского кабинета. С другой стороны, возможен был и роспуск Государственной думы, причем в этом случае речь тоже могла бы идти либо о ее полной ликвидации, либо о радикальном изменении избирательного закона в пользу господствующих классов, либо о проведении через некоторое время новых выборов на основе старого закона. В свою очередь, народные массы также могли выразить свой протест против роспуска Думы и против всей правительственной системы в целом по-разному, либо ограничившись так называемым гражданским неповиновением в духе кадетов, либо перейдя к политическим стачкам и открытому восстанию, направленному на коренное изменение существующего строя. Наконец, либералы тоже оказались в июле 1906 г. перед выбором: окончательно превратиться в законопослушную оппозицию «с позволения начальства» или оказать сопротивление правительству, поднять на борьбу с ним народ и добиться таким рискованным для себя путем хотя бы раздела власти с царскими бюрократами. При этом либеральная конфронтация с властями по своей остроте могла варьироваться от «стимуляции» сопротивления до соглашения с революционными партиями и организациями с целью проведения реальных антиправительственных акций.

Понятно, что степень реальности всех этих альтернатив была далеко не одинаковой, а сам выбор их зависел от множества внутренних и внешних факторов. Однако ни одну из перечисленных возможностей нельзя было отбрасывать с порога, и лишь острейшая политическая борьба могла определить победителя, а также форму и меру его успеха. Правда, кризис не дошел в июле 1906 г. до высшей точки, до решительного столкновения борющихся сил. Народ оказался еще не готовым к решительной борьбе с царизмом в общенациональном масштабе. В свою очередь, правительство тоже предпочитало в тот момент не форсировать начавшийся поворот вправо, считая, видимо, недостаточным поугаждать общество военно-полевыми судами, но не идти на поводу у крайних правых, требовавших вернуться к неограниченному самодержавию. Как известно, на изменение избирательного закона в пользу господствующих классов царизм пошел только почти через год, в июне 1907 г. Наконец, кадетам тоже пришлось

отказаться от выдвинутой ими тактики гражданского неповиновения, которая не нашла отклика в народных массах и показала чересчур рискованной кадетскому руководству.

Однако все это не снижает ни драматизма и высокого накала политической борьбы в июльские дни, ни значения исторических уроков этой кризисной ситуации, ни ее важной роли в развитии последующих событий революции. Вот почему изучение всего комплекса вопросов, связанных с июльским политическим кризисом 1906 г., представляет собой давно назревшую задачу исторической науки.

Историю кризиса начали писать сразу же по горячим следам событий, хотя публицистика еще явно преобладала тогда над серьезным научным анализом. Так, уже в августе 1906 г. была написана брошюра «мирнообновленца» А. Н. Брянчанинова с приложением подборки важнейших документов, вышедших из правительственного лагеря между октябрем 1905 и августом 1906 г., причем автор критиковал не столько правительство, сколько кадетов, которые закономерно пришли, по его мнению, в июльские дни к позорному финалу⁴. Кадеты, наоборот, всячески восхваляли I Государственную думу, осуждали политическую близорукость Горемыкина и Столыпина, не оценивших готовности кадетских лидеров идти на компромисс с царизмом, и предъявляли запоздалые претензии к народу, который оказался в период кризиса слишком пассивным и не поддержал партию «народной свободы»⁵. Особый интерес представляет полумемуарная по характеру книга члена ЦК кадетской партии, участника Выборгского совещания М. М. Винавера, написанная в 1910 г. и обсуждавшаяся в рукописи на совещании руководящих деятелей кадетов с участием П. Д. Долгорукова, П. Н. Милюкова, Ф. Ф. Кокوشкина, Д. И. Шаховского⁶. Явно сглаживая разногласия между кадетами и трудовиками, Винавер нарисовал в остальном достаточно объективную картину событий, связанных с роспуском Думы, организацией Выборгского совещания частью ее бывших депутатов и подготовкой ими воззвания к народу.

Несколько забегая вперед, отметим, что после Великой Октябрьской социалистической революции, находясь в эмиграции, идеологи кадетов дали две диаметрально противоположные оценки поведения своей партии в июле 1906 г. Так, П. Н. Милюков откровенно признавал, что Выборгское воззвание было попыткой предотвратить вооруженные столкновения на улицах Петербурга и вместе с тем дать выход всеобщему негодованию по поводу роспуска Думы. Он дал очень высокую оценку эффективности кадетской тактики в период июльского кризиса. Не будь Выборгского манифеста, писал Милюков, правительство либо вообще не назначило бы выборы во II Государственную думу, либо изменило бы избирательный закон примерно на год раньше, чем это произошло в действительности (имеется в виду закон 3 июня 1907 г.)⁷.

Постоянный оппонент Милюкова в руководстве кадетской партии В. А. Маклаков дал Выборгскому воззванию прямо противоположную и, надо сказать, гораздо более объективную оценку. «Нельзя было придумать более бесполезного и неудачного шага,— писал Маклаков.— Он (манифест.— С. Т.) никого и не увлек, и не испугал; напротив, он скорее власть „успокоил“, ибо она боялась другого; но зато он дал ей возможность всех подписавших воззвание привлечь к судебной ответственности и пока лишить избирательных прав». По мнению Маклакова, кадеты не выдержали в 1906 г. экзамен на роль государственных мужей, поскольку отвергли соглашение с властью и пошли «в услужение к Ахеронту», т. е. к революционной народной стихии⁸. И хотя последнее было явным преувеличением, бессилие кадетов как партии подмечено здесь Маклаковым очень точно.

Авторы меньшевистского пятитомника «Общественное движение в России в начале XX-го века» не только осветили позицию либерально-буржуазного и правительственного лагерей в связи с роспуском I Думы, но и кратко охарактеризовали реакцию народных масс на этот акт царских властей. А. С. Мартынов расценил Выборгское воззвание как «решительный шаг», хотя и объяснял его исключительно состоянием психологического аффекта, в котором находились тогда кадеты, оказавшиеся неожиданно «пленниками» революционной обстановки в стране и собственной тактики балансирования между силами революции и реакции. Мартынов подчеркивал, что кадеты приняли в Выборге около 20 поправок, внесенных социал-демократами в первоначальный проект обращения к нации. Объясняя равнодушие народа к судьбе распущенной Думы, Мартынов справедливо отмечал отсутствие прочной связи между депутатами и массами, возлагающая ответственность за это на кадетов. Поэтому народное движение в дни июльского кризиса, включая Свеаборгское и Kronstadtское восстания солдат и матросов, не было связано с Думой. «Распыленное, лишенное единства и конкретной цели, к тому же не связанное также с организованным движением пролетариата, которое в октябрьские (1905 г.— С. Т.) дни играло роль цемента, оно постепенно падало и сходило на нет»⁹.

Меньшевики М. С. Балабанов и Ф. И. Дан, опубликовавшие в 1907 г. работу о деятельности социал-демократической фракции I Государственной думы, «списывали» слабость ее позиции в Выборге на кадетов и трудовиков. Анализируя стоявшую тогда перед меньшевиками альтернативу — подписать заведомо слабое, с революционной точки зрения, воззвание вместе с представителями буржуазной демократии или самостоятельно обратиться к народу с более радикальными лозунгами, авторы брошюры отдают предпочтение первому варианту, ибо разрыв с буржуазией пагубно отразился бы, по их мнению, на судьбах освободительного движения в России¹⁰.

Эсеры, всегда считавшие июль 1906 г. одним из «звездных часов» своей партии, также опубликовали в дооктябрьский период

несколько мемуарно-публицистических работ о военных восстаниях на Балтике¹¹, воздав должное героизму их участников, которые, не раздумывая, шли за своими вожаками. Вместе с тем авторы этих работ вынуждены были признать неподготовленность и обреченность июльских восстаний, отсутствие у революционеров четкого и продуманного плана действий.

Во многом прояснила ситуацию, сложившуюся летом 1906 г. в России, трудовическая публицистика¹². Левые трудовики, в первую очередь Г. К. Ульянов, показали процесс разочарования крестьянских депутатов в партии кадетов, претендовавшей на роль вождя думской оппозиции, и вместе с тем незрелость и внутреннюю неоднородность членов самой Трудовой группы, ее недостаточную связь с крестьянскими массами.

Таким образом, еще в дооктябрьский период был собран значительный, хотя и довольно фрагментарный материал по истории июльского политического кризиса 1906 г. в России и сделаны первые попытки его систематизации и обобщения. Уже в то время выявилось несколько точек зрения на июльские события, отражавшие характерные черты общих концепций первой российской революции, выработанных различными политическими партиями. Однако в центре внимания участников событий и публицистов были тогда в основном деятельность I Государственной думы, ее роспуск, Выборгское совещание и обращение его участников к народу, тогда как революционные выступления в стране летом 1906 г. оставались, как правило, в тени или освещались очень скупо.

В научном плане историю июльского политического кризиса 1906 г. стали изучать в полном объеме лишь после Октября. Советские историки исходили из ленинского положения о том, что «центр тяжести перводумской эпохи заключался, конечно, не в думских выступлениях. Он заключался во внедумской борьбе классов, борьбе помещиков-крепостников и их монархии с народной массой, рабочими и крестьянами. Революционное движение масс именно в это время стало снова подниматься: и стачки вообще, и политические стачки, и крестьянские волнения, и военные бунты грозно поднялись весной и летом 1906 г. Вот почему ... сферы¹³ колебались: борьба течений внутри царской шайки шла из-за того, можно ли сразу совершить государственный переворот при данной силе революции или надо еще *выждать*, еще поводить за нос буржуазию»¹³. Ленин вскрыл политические, социальные и экономические предпосылки кризиса, подверг аргументированной критике позиции кадетов и меньшевиков. Проведенный им в брошюре «Роспуск Думы и задачи пролетариата» (июль 1906 г.) и статье «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» (август 1906 г.)¹⁴ анализ политической ситуации в стране позволял дать четкое объяснение причин победы контрреволюции и поражения демократических сил.

В первых работах советских историков-марксистов, прежде всего М. Н. Покровского, июльский кризис 1906 г. рассматривал-

ся еще довольно односторонне. Массовому революционному движению в этот период в «Русской истории в самом сжатом очерке» Покровский посвятил всего несколько строк. Лето 1906 г. он характеризовал как «черный день» самодержавия, но подчеркивал, что у царизма было тогда уже достаточно сил, чтобы справиться с революцией. В Выборгском воззвании Покровский видел «жалкий» ответ кадетов на роспуск Думы, а о действиях революционных партий и организаций даже не упоминал¹⁵.

Примерно в этом же плане рассматривался июльский кризис и в работе ученика Покровского, С. Г. Томсинского «Борьба классов и партий в Первой Государственной думе» (1924). Раздел о роспуске Думы и Выборгском воззвании бывших депутатов к народу занимал в ней не более трех страниц. Томсинский писал, что после роспуска Думы революционная волна ни разу не захватывала якобы широких народных масс: крестьяне встретили этот акт унылой покорностью, рабочие, бойкотировавшие выборы, не склонны были поддерживать и саму Думу¹⁶. О восстаниях же в армии и на флоте Томсинский вообще не говорил ни слова. Таким образом, указанные работы, сильной стороной которых была критика кадетов, отражали слабое знакомство историков с положением дел в революционно-демократическом лагере.

Дальнейшее, более углубленное изучение июльского кризиса пошло по отдельным направлениям. Видимо, не случайно исследователи начали с изучения самой яркой страницы июльских событий — военных восстаний на Балтике, которые навсегда останутся ярким примером революционного героизма народных масс. Параллельно с публикацией архивных документов, хрестоматий, воспоминаний участников и научно-популярных работ¹⁷ уже в 1922 г. в ленинградском журнале «Красная летопись» (№ 2—5) появились первые серьезные статьи Н. Ольшанского о Свеаборгском и Кронштадтском восстаниях солдат и матросов. За этим последовали интересные работы А. К. Дрезена и В. Н. Соколова¹⁸. В частности, Дрезен впервые глубоко проанализировал объективные и субъективные причины поражения военных восстаний 1906 г.

Фактический запрет на изучение истории партии эсеров, которые сыграли видную роль в июльских событиях 1906 г. на Балтике, привел к тому, что в середине 30-х годов в разработке этой темы наступил длительный перерыв. Лишь в 1948 г. к ней вернулся С. Ф. Найдя — автор капитального исследования «Революционное движение в царском флоте. 1825—1917». Им были использованы богатейшая коллекция архивных документов, хранящихся в Москве и Ленинграде, обширная мемуарная литература, большое количество газет самых разных политических направлений. Можно с полным основанием сказать, что книга Найдя, а также опубликованная в 1956 г. работа Ю. И. Кораблева «Революционные восстания на Балтике в 1905—1906 гг.» являются пока наиболее глубокими исследованиями по данному вопросу. В них использован большой фактический материал,

раскрыта роль большевиков в революционном движении, проанализированы сильные и слабые стороны солдатских и матросских выступлений. Однако работы и С. Ф. Найды, и Ю. И. Кораблева отмечены печатью времени (преувеличение роли большевиков, замалчивание или односторонняя, негативная оценка деятельности эсеров, слабый анализ объективных и субъективных причин поражения повстанцев).

Из последних работ на эту тему можно выделить адресованную широкому читателю книгу Ю. П. Кардашева «Буревестники. Революция в России и флот» (1987), где событиям 1906 г. посвящен специальный раздел, отличающийся ярким, образным изложением фактического материала. Что касается революционных выступлений в провинциальных армейских гарнизонах в июле 1906 г., то они исследованы пока довольно фрагментарно¹⁹.

Для правильного понимания июльского кризиса 1906 г. большое значение имел цикл исследований, связанных с историей I Государственной думы, буржуазных и мелкобуржуазных партий и организаций, хотя непосредственно интересующая нас тема и занимает в них сравнительно скромное место. Много сделал в этом плане Е. Д. Черменский, книга которого «Буржуазия и царизм в первой русской революции» выдержала два издания в 1939 и 1970 гг., хотя в целом он все же преуменьшил масштабы деятельности буржуазных партий и степень их оппозиционности самодержавному строю.

Ленинградские историки Б. В. Ананьич и В. И. Старцев рассмотрели вопрос о попытках создания летом 1906 г. ответственного перед Думой кадетского правительства²⁰. Особенно интересна книга В. И. Старцева, который считает такую возможность вполне реальной, ибо в правящих «верхах» были влиятельные сторонники соглашения с кадетами и октябристами, а эти партии, в свою очередь, непрочь были при определенных условиях встать у руля государственного корабля. Дело, однако, заключалось в том, пишет Старцев, «насколько каждая из сторон осознавала необходимость подобной сделки, прочность собственного положения, каковы были их взгляды на дальнейший ход событий и перспективы революционного движения в стране»²¹. Несовпадение этих намерений и оценок и было в каждом конкретном случае причиной срыва переговоров между «верхами» и либералами, причем в основе отката либерализма на исходные позиции летом 1906 г. лежало в конечном счете отсутствие достаточно сильного массового революционного движения — единственного реального фактора, способного принудить царя и камарилью к серьезным уступкам. В. И. Старцев прав, когда считает, что переговоры П. А. Столыпина с либералами в июне и особенно в июле 1906 г. носили характер «отвлекающего маневра». Успешно осуществив роспуск Думы и подавив восстания в Свеаборге и Kronштадте, Столыпин укрепил свое положение и больше не нуждался в общественных деятелях. Несомненным достоинством работы Старцева является также то, что он одним из первых применил в сво-

ем исследовании признаний пыпе весьма плодотворным метод анализа альтернативных ситуаций.

На высоком научном уровне выполнены исследования В. В. Шелохаева, Д. А. Колесниченко, Н. Г. Королевой, А. В. Игнатьева, где рассматриваются сюжеты, связанные с деятельностью кадетов, октябристов, Трудовой группы, а также внутренняя и внешняя политика царизма в период июльского кризиса²¹. Трудно переоценить и значение такого фундаментального труда ленинградских историков, как коллективная монография «Кризис самодержавия в России: 1895—1917» (Л., 1984) под редакцией В. С. Дякина.

На протяжении долгого времени отстающим участком советской историографии первой российской революции являлось изучение рабочего движения в 1906 г. Теперь ситуация во многом изменилась. Заметным явлением стала большая статья Г. М. Деренковского «Всеобщая стачка и Советы рабочих депутатов в июле 1906 г.», опубликованная в 1965 г. в 77 т. «Исторических записок». Автор буквально по дням проследил полные драматизма события июльского кризиса, показал принципиальные различия между большевистским, меньшевистским и эсеровским анализами сложившейся в те дни ситуации, тактику этих политических течений, ход рабочего движения, деятельность возродившихся было в то время Петербургского и Московского Советов рабочих депутатов. Важный и интересный материал содержится также в других статьях Деренковского, в том числе и в его посмертно изданной работе о деятельности революционных партий по подготовке пового вооруженного восстания в 1906—1907 гг.²² Автор настоящей монографии имел возможность на протяжении многих лет тесно сотрудничать с Г. М. Деренковским. Знаком памяти об этом содружестве с одним из наиболее эрудированных специалистов по истории первой российской революции и является предлагаемая вниманию читателя книга.

История рабочего и социал-демократического движения в польские дни 1906 г. отражена также в ряде монографических исследований и коллективных работ, в том числе и историко-партийных²³.

В последние годы на Западе появилось несколько интересных монографий, которые следует специально выделить в этом историографическом обзоре. Так, американская исследовательница Роберта Мэннинг в книге «Кризис старого порядка в России. Дворянство и правительство» (1982) подробно рассматривает ту часть предиюльских и июльских событий 1906 г., которая связана с деятельностью царского правительства, Думы и дворянских сословно-представительных организаций. Книга ее отличается документальной точностью и объективным изложением фактов. Р. Мэннинг пишет, в частности, что неудача переговоров Трепова с Милюковым определялась в конечном счете не позицией кадетов или нетерпимостью правительства, а вмешательством Совета объединенного дворянства, рекомендовавшего Столыпину

распустить Думу, не дожидаясь того момента, когда революция уже не позволит этого сделать. Острота аграрного вопроса и оппозиция дворянства — вот что решило судьбу I Думы, справедливо считает Р. Мэннинг²⁵.

Обратили на себя внимание специалистов и работы американского исследователя Джона Бушнелла²⁶. Его монография о революционном движении в русской армии в 1905—1906 гг. является, по существу, первым серьезным исследованием на эту тему в западной историографии, причем по богатству собранного автором (в том числе и во время пребывания в СССР) материала книгу Д. Бушнелла можно поставить в один ряд с известной работой советского исследователя В. А. Петрова «Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г.», появившейся четверть века назад. Заслуживает внимания и тот факт, что по примеру Петрова Бушнелл включил в свою монографию подробную хронику солдатских выступлений с указанием источников.

Специальный раздел книги Д. Бушнелла посвящен июльскому кризису 1906 г. и военным восстаниям в Свеаборге, Кроунштадте, Дешлагаре, Полтаве и других местах. Привлекательной стороной исследования Бушнелла является широкий общеисторический контекст, в котором рассматриваются революционные процессы в русской армии. Так, американский автор подробно пишет о политике правящих верхов, работе Думы, позиции либералов и различных революционных партий, крестьянском и рабочем движении. При этом он вводит в научный оборот некоторые неизвестные ранее советским историкам источники: воспоминания очевидцев и участников событий 1905—1906 гг. (например, эсера А. А. Аргунова), материалы из фонда партии социалистов-революционеров в архиве Института социальной истории в Амстердаме и некоторые другие интересные материалы.

Однако в работах Бушнелла есть и отдельные спорные моменты. Так, для американского историка русский солдат и русский крестьянин — это фактически одно и то же лицо, а солдатская казарма и сельская община — два совершенно однотипных социальных организма, противостоящих процессу европеизации и модернизации России. Бушнелл объясняет причины быстрого перехода русских солдат от революционных настроений к покорности и обратно лишь психологическими мотивами. Падение престижа царской власти в глазах народа, кризис самодержавного строя, элементы анархии, появившиеся после 17 октября 1905 г. и в период работы I Государственной думы, придавали солдату храбрость и превращали в бунтаря, считает Бушнелл, тогда как консолидация «верхов» и стабилизация власти, наоборот, возвращали армию к покорности и делали ее послушным орудием царизма в борьбе с революцией.

Можно согласиться с тем, что концепция Бушнелла неплохо объясняет некоторые психологические мотивы поведения солдатской массы. Но здесь недостаточно учитывается, на наш взгляд,

наличие среди солдат значительной, и притом численно постоянно возрастающей, пролетарской прослойки, активно влиявшей на выходцев из деревни. Не будем забывать, что в отличие от деревенской общины в армии и на флоте сталкивались и взаимодействовали люди из разных сословных, этнических и религиозных групп, что позволяло в значительной мере преодолеть пресловутый «идиотизм деревенской жизни».

Нельзя не отметить также неубедительность тезиса Д. Бушнелла о том, что рабочие в июльские дни 1906 г. якобы фактически отсутствовали на политической арене и чуть ли не предавали восставших солдат и матросов. Трудно согласиться с американским историком и в том, что если бы революционеры заранее готовили рабочих к использованию роспуска Думы в революционных целях, а их призыв к стачке в защиту Думы раздался бы сразу же после 9 июля, то забастовка была бы более впечатляющей и, может быть, достаточно сильной, чтобы поддержать крестьянское восстание и ускорить коллапс армии, а вместе с ней и всего царского режима²⁷. Ведь хорошо известно, что рабочие, хотя бы частично, откликнулись на военные восстания в Свеаборге и Кронштадте, которые стали важным стимулом для начала всеобщей стачки в Петербурге. Кстати говоря, до начала солдатских и матросских выступлений идея стачки в защиту Думы вообще почти не находила отклика в рабочей среде, о чем почему-то не говорит Бушнелл.

Наконец, хотелось бы отдать должное оригинальной, богато документированной монографии западногерманского профессора Манфреда Хильдермайера о партии эсеров, где уделено немало места ее тактике в период июльского политического кризиса 1906 г., причем впервые использованы материалы из фондов амстердамского архива²⁸.

Сложившаяся к настоящему времени историографическая ситуация во многом определила и задачи настоящей работы.

Во-первых, в отличие от предшествующих исследований, посвященных, как правило, какому-либо одному аспекту истории июльского кризиса, автору хотелось показать в действии все три политических лагеря, все партии, все потоки революционной борьбы. Иначе говоря, предстояло соединить различные кусочки исторической мозаики в целостную картину и раскрыть масштабность и глубину июльского кризиса 1906 г. в полном его объеме.

Во-вторых, предстояло обратиться к некоторым слабоизученным страницам истории этого кризиса (массовое движение, деятельность меньшевиков и эсеров и т. д.), чтобы попытаться показать не только процесс выработки политических решений, будь то идея гражданского неповиновения, лозунги всероссийской политической стачки и вооруженного восстания или столыпинский план «умиротворения» России, но и ход их практической реализации, что тоже не всегда удавалось сделать авторам предшествующих исследований.

В-третьих, хотелось привнести в работу как можно больше

элементов социальной и индивидуальной психологии, определявшей действия классов, партий и их руководителей, показать не безликую человеческую массу, а конкретных людей в конкретных обстоятельствах.

Обилие опубликованных материалов по истории июльского кризиса 1906 г. позволило сделать их основой источниковой базы настоящей работы. Ценнейший материал собран, в частности, в трех томах фундаментального сериала «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы»²⁹, посвященных событиям весны и лета 1906 г. Кроме того, автором использованы еще около 100 документальных сборников и журнальных публикаций, периодическая печать различных политических направлений, мемуарная литература, дневники, переписка, а также архивные материалы из фондов ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ЦГАОР СССР, ЦГИА СССР, ЦГВИА, АВПр, Дома Плеханова в Ленинграде.

Автор глубоко благодарен своим товарищам по работе в Отделе истории СССР периода империализма Института истории СССР АН СССР.

¹ См.: АВПр. 2 экспедиция Канцелярии МИД России. Оп. 476. Д. 441. Л. 44—44 об.; Д. 442. Л. 40, 78 об., 79, 88, 90 об., 107, 176 об., 178 об.

² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 341.

³ Там же. Т. 20. С. 245.

⁴ См.: *Брянчишилов А. Н.* Роспуск Государственной думы: причины — последствия. Псков, 1906. С. 54, 57, 68.

⁵ См.: Первая Государственная дума: Сб. статей. СПб., 1907. Вып. 1; *Винавер М. М.* Конфликты в Первой думе. СПб., 1907; *Езерский Н.* Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907; *Милюков П. Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905—1906. СПб., 1907; *Сергей Андреевич Муромцев*: Сб. М., 1911; *Обнинский В. П.* Новый строй. СПб., 1909. Ч. 1/2. *Винавер М. М.* История Выборгского воззвания. Б/м, 1913.

⁶ См.: *Милюков П. Н.* Три попытки/Самодержавие и либералы в революции 1905—1907 гг. М.; Л., 1925. С. 80—82.

⁷ *Маклаков В. А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 361; *Он же.* Первая Государственная дума (восп. современника). Париж, 1939. С. 246.

⁸ См.: Общественное движение в России в начале XX-го века. СПб., 1914. Т. III, кн. 5. С. 53—56.

⁹ См.: *Б-ов М., Д-н Ф.* Рабочие депутаты в Первой Государственной думе. СПб., 1907. С. 169—170, 175.

¹⁰ См.: *Цион С. А.* Три дня в Свеаборге. Гельсингфорс, 1907; *Зубелевич Ю.* Кронштадт в 1906 году. Кронштадт, 1917. Ч. 1—3; *Шелавин И. А.* Восстание на крейсере «Память Азова». Ревель, 1917.

¹¹ См.: *Локоть Т. В.* Первая Дума. Статьи, заметки и впечатления. М., 1906; *Он же.* Политические партии и группы в Государственной думе. М., 1907; *Бондарев С., Субботин И.* Тактика Трудовой группы. Роспуск Первой Государственной думы. СПб., 1907; *Ульянов Г. К.* К моим избирателям: из писем депутата Государственной думы. М., 1907; *Брамсон Л. М.* В истории Трудовой партии: Трудовая группа Первой Государственной думы. Пг., 1917; и др.

¹² *Лешин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 332.

¹³ Там же. Т. 13. С. 305—327, 348—364. Подробнее об этом см.: *Корнев В. В.* Разоблачение В. И. Лениным позиции либеральной буржуазии в период июльского политического кризиса 1906 г. // Вопр. истории КПСС. 1986. № 8.

- ¹⁵ См.: *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1923. Ч. III, вып. 1. С. 246–247.
- ¹⁶ См.: *Томский С. Г.* Борьба классов и партий в Первой Государственной думе. Ростов / Д. Краснодар, 1924. С. 74.
- ¹⁷ См., например: *Пламя*. 1920. № 15, 16 (воспоминания И. В. Егорова); *Красный балтиец*. 1920. № 4; 1921. № 1–6 (хроникальные публикации); *Красная летопись*. 1925. № 3 (воспоминания К. С. Жарновецкого); *Пролетарская революция*. 1924. № 12 (воспоминания С. В. Иванова); *Федоровский И. М.* Борьба в Свеаборге в 1906 г. М.; Л., 1928; В царской казарме. Солдаты и матросы в первой революции. М., 1929; *Митрофанов В. М.* В память жизни. Л., 1930; Военные восстания в Балтике в 1905–1906 гг.; Сб. док. М., 1933; и др.
- ¹⁸ *Дрезен А. К.* Революция во флоте. Балтийские моряки в восстании 1905–1906 гг. Л., 1926; *Соколов В. И.* Свеаборг. Военные восстания в 1906 году. М., 1933; *Он же.* Свеаборг и Кронштадт. М., 1934.
- ¹⁹ См.: *Алиаев М.* Участие солдатских масс в революции 1905–1907 годов в Туркменистане. Ашхабад, 1966; *Гаджиев А.* Революционные выступления солдат в Дагестане в период первой русской революции // Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1964. Т. 12; *Нарушквич И. Н.* Восстание солдат 83-го Самурского пехотного полка в Дагестане // Учен. зап. Дагестанского гос. пед. ин-та. Махачкала, 1956. Т. 2; Революционное движение в армии в годы первой русской революции. М., 1955; и др.
- ²⁰ См.: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970; *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977.
- ²¹ *Старцев В. И.* Указ. соч. С. 129.
- ²² См.: *Шелоголев В. В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983; *Он же.* Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987; *Колесниченко Д. А.* Из истории борьбы рабочего класса за крестьянские массы в 1906 г. // Ист. зап. М., 1975. Т. 95; *Она же.* Трудовики в период первой российской революции. М., 1985; *Она же.* Состав Трудовой группы в I и II Государственных думах. Сводная таблица членов фракции. М., 1988; *Королева Н. Г.* Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. М., 1982; *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986.
- ²³ См.: *Даренковский Г. М.* Проблема вооруженного восстания в 1906–1907 гг. // Ист. зап. М., 1986. Т. 114.
- ²⁴ См.: *Бондаревская Т. П.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905–1907 гг. Л., 1975; *Кириллов В. С.* Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905–1907). М., 1976; *Шустер У. А.* Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Л., 1976; Ленин и революция: 1905 год. Л., 1980; *История рабочих Ленинграда*. Л., 1972. Т. 1; Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981; *История рабочего класса Белорусской ССР*. Минск, 1984. Т. 1; и др.
- ²⁵ См.: *Manning R. T.* The Crisis of the old Order in Russia. Gentry and Government. Princeton, 1982. P. 247, 250, 258.
- ²⁶ См.: *Bushnell J.* Mutiny amid Repression. Bloomington, 1985; *Idem.* The dull-witted Muzhik in Uniform: why did he smash the Revolution? // 1905: la première révolution russe. Paris, 1986.
- ²⁷ См.: *Bushnell J.* Mutiny amid Repression. P. 224.
- ²⁸ См.: *Hildermeier M.* Die Sozialrevolutionäre Partei Rußlands. 1900–1914. Köln, 1978.
- ²⁹ См.: Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы. Второй период революции. 1906–1907 годы. Ч. вторая. Май – сентябрь 1906 года. М., 1964–1963. Кн. 1–3. (Далее: Второй период революции). Отв. редакторы: Г. М. Деренковский, М. С. Симонова, А. В. Пяковский.

РОССИЯ НАКАНУНЕ ИЮЛЬСКОГО КРИЗИСА

Новый этап в развитии революции

1905 год современники часто называли «красным» — по цвету революционных флагов, заревам от пожаров старых дворянских гнезд, крови безвинных жертв самодержавного произвола. Это был настоящий взрыв социальных, политических и национальных страстей, время интенсивной организации и консолидации всех классов российского общества, стремительного роста их самосознания. Не случайно английские дипломаты сообщали в Лондон, что в 1905 г. русский народ начал, наконец, думать и свободно говорить¹.

Для царизма и господствующих классов это было время тяжелейших испытаний, потрясений и потерь. Что касается трудящихся масс, то 1905 год принес им не только немалые жертвы и лишения, но и радость борьбы, ощущение своей силы, реальные экономические и политические завоевания. Так, почти $\frac{3}{4}$ бастовавших в 1905 г. рабочих добились полного или частичного удовлетворения своих требований. У многих из них выросла заработная плата, сократились штрафы, снизилась продолжительность рабочего дня. Правительство вынуждено было пойти (правда, с рядом существенных ограничений) на легализацию профсоюзов и экономических забастовок, предоставить рабочим, занятым на крупных и средних предприятиях, избирательное право. Крестьянство добилось сокращения размеров выкупных платежей, тяжелым грузом висевших на них еще с 1861 г., уменьшения арендной платы за землю, избрало в I Государственную думу значительное число своих депутатов. В апреле 1906 г. были сокращены сроки военной службы: в пехоте с 4 до 3 лет, в других родах сухопутных войск — с 5 до 4, на флоте — с 7 до 5. Несколько увеличилось также денежное жалование и нормы пищевого и вещевого довольствия солдат и матросов.

Очень медленно, неуверенно, с громадным запозданием и скрипом неповоротливая колымага царского самодержавия совершала в период революции второй, после реформ 60–70-х годов XIX в., разворот в сторону буржуазной монархии. Важными вехами этого сложного, драматического процесса стали акты 6 августа о созыве Думы, манифест 17 октября и избирательный закон 11 декабря 1905 г., реформирование Совета министров и Государственного совета, принятие в апреле 1906 г. новых Ос-

новых законов Российской империи, а затем работа I и II Государственной думы.

Однако, несмотря на огромные успехи, достигнутые народом в 1905 г., основные задачи буржуазного переворота оставались в России нерешенными. Революция в стране продолжалась, хотя после подавления декабрьских вооруженных восстаний 1905 г. в Москве и некоторых других районах (Украина, Прибалтика, Закавказье, Сибирь и т. д.) она явно пошла на спад. Но окончательно ясным это стало лишь позже, уже в исторической ретроспекции. Пока же и силы старого порядка, и силы революции готовились к новым боям.

Так, в первый же день нового, 1906 г., реакционные «Московские ведомости» рисовали следующую альтернативу: либо созываемая весной Государственная дума лишит царя его самодержавной власти, либо царь лишит власти Думу, причем в обоих случаях, по мнению газеты, неизбежны были бы беспорядки и гражданская война. В свою очередь, революционеры, которые относились к Думе в основном весьма скептически, тоже были уверены, что временная пауза в развитии революции скоро сменится новым ее подъемом. В. И. Ленин считал, например, что «демократическая революция в России не только не идет на убыль, а, напротив, идет к новому подъему, и теперешний период относительного затишья следует рассматривать не как поражение сил революции, а как период накопления революционной энергии, усвоения политического опыта пройденных стадий, вовлечения новых слоев народа в движение и, следовательно, подготовки нового, еще более могучего революционного натиска»².

В том же духе высказывались тогда многие меньшевики, а также представители других революционных партий. Не собирались складывать оружие в борьбе за буржуазное правовое государство и либералы, хотя их позиция стала после декабря 1905 г. гораздо более осторожной и умеренной, а свои надежды они связывали прежде всего с верой в добрую волю и здравый смысл правящих «верхов».

Надо сказать, что для оптимистических прогнозов революционеров были в то время определенные основания. Несмотря на психологический шок, вызванный декабрьским поражением 1905 г., пролетариат продолжал борьбу. После резкого, но в целом вполне естественного спада забастовочного движения в феврале—марте 1906 г. оно затем вновь круто пошло на подъем в апреле, а в мае и июне, несмотря на новое сокращение числа стачечников, оставалось все же на достаточно высоком уровне, превышавшем соответствующие показатели почти половины месяцев 1905 г.

В абсолютных цифрах картина забастовочного движения на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, выглядела так: декабрь 1905 г. дал 432,5 тыс. стачечников, январь 1906 г. — 190,2, февраль — 27,4, март — 51,7, апрель — 221,3, май — 157,1, июнь — 101,2 тыс.³ Высока была и результатив-

ность стачек: полной или частичной победой увенчалась в апреле борьба 42% бастующих, в мае — 73, а в июне — 77% ⁴.

Таким образом, с весны 1906 г. началось новое оживление забастовочного движения, свидетельствовавшее о твердом намерении рабочих приостановить свое отступление. Очень важно отметить и высокий удельный вес участников политических стачек в общей массе забастовщиков: март — 55%, апрель — почти 70, май — 59, июнь — 55% ⁵. И все это, несмотря на влияние таких неблагоприятных для рабочих факторов, как сильное истощение сил пролетариата в ходе классовых боев 1905 г., продолжающуюся экономическую депрессию, безработицу, ужесточение наказаний за стачки и т. д. Не могли не действовать на часть рабочих и конституционные иллюзии в связи с созывом I Государственной думы. Тем не менее ни о каком разгроме пролетарского движения не могло быть и речи. Более того, у передовых рабочих сохранялась твердая уверенность в том, что основная борьба еще впереди.

Серьезные опасения внушало царским властям и положение в деревне, где с мая 1906 г. крестьянское движение вновь резко пошло на подъем. По далеко не полным данным, в апреле было отмечено 47 выступлений, в мае — 160, а в июне — уже 739 ⁶. Крестьяне поджигали и громили помещичьи имения, захватывали дуга, лес, пашню, устраивали сельскохозяйственные забастовки с требованием увеличения оплаты труда батракам и снижения арендных цен на землю. Во время доклада Николаю II 5 июля 1906 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин привел очень тревожную для правительства и помещиков цифру: во второй четверти 1906 г. крестьянским движением были охвачены 32 губернии страны ⁷.

При всей политической наивности и неразвитости значительной части крестьянства в его сознание все глубже входила мысль о необходимости активной революционной борьбы против существующего строя. Иногда один психологический штрих стоит многих статистических выкладок. С этой точки зрения очень характерен эпизод, который произошел весной 1906 г. в вагоне железной дороги где-то в Центральной России. Когда попутчики спросили одного крестьянина, надо ли бунтовать, он даже растерялся. «Бунтовать? — переспросил мужик. — Почто бунтовать-то? Мы не согласны бунтовать, этого мы не одобряем... Бунт? Ни к чему он... Наше дело правое, чего нам бунтовать?.. Мы землю и волю желаем... Нам землю отдай да убери господ подале, чтобы утешения не было... Нам надо простору, чтобы наша власть была, а не господам.. А бунтовать мы не согласны».

В ответ один из собеседников, рабочий засмеялся: «Землю отдай, власть отдай, а бунтовать они не согласны... Чудак! Кто же вам отдаст, ежели вы только желать будете да просить... Чудаки! Ничего вы не получите, ни земли, ни воли... ничего!». Однако взволнованный крестьянин тут же разъяснил, что за правое дело весь народ «грудью восстанет, жизни своей не жалеючи»,

и, если разобраться по совести, это будет «святое народное дело»⁸. Так крестьянство, которое господствующие классы столетиями сознательно отлучали от политики, начинало вырабатывать собственное, пусть во многом наивное, но по-своему глубокое и объективное отношение к происходящим событиям, страиваться на решительный отпор угнетателям, не останавливаясь перед применением в случае необходимости и насилия.

Яркой иллюстрацией роста революционных настроений в деревне может служить и перлюстрированное полицией письмо одного из представителей древнего княжеского рода Шаховских, который, побывав в мае 1906 г. на Харьковщине, отмечал: «Настроение крестьян самое опасное. Озлобление, уверенность, что землю нужно отбирать силой, разговоры вызывающие. Жутко становилось во время бесед с крестьянами. Агитация и пропаганда, призывающие к бунту и резне, продолжаются. Почва для культивирования этих идей самая благоприятная. Мысль о праве на помещичью землю так укрепилась, что никакие доводы против не имеют никакого значения... Помещики трусят уже не за свое достояние, а за жизнь»⁹.

Аналогичная картина наблюдалась и в других губерниях страны¹⁰, хотя гамма крестьянских настроений была очень пестрой — от открытых антицаристских настроений и ожидания «большой крови» до пассивного упования на царя и Думу. Характерен эпизод, приведенный в письме из Самарской губернии от 17 мая 1906 г.: старый крестьянин, узнав об отказе Николая II принять делегацию членов Думы, открыто заявил, что все зло не в министрах, а в самом царе. «Пусть-ка он разгонит наших (крестьянских) депутатов Думы. — С. Т.), мы ему покажем». Комментируя этот факт, автор письма добавлял: «И это высказал в большой толпе 60-летний старик, который три недели тому назад за царя душу положил бы. Да, совершаются такие быстрые вещи в сознании наших мужичков, что как бы не быть пророком: близок тот день, когда крестьянство сольется с рабочими и затопит всю придворную камарилью»¹¹.

Однако эти факты говорили пока лишь о некоторых тенденциях в изменении психологии и сознания крестьянства, которое в своей массе оставалось еще почти 100-миллионным «великим сфинксом». Бунтарский дух и колоссальное терпение, тяга к новой, свободной жизни и вековая забитость — все это причудливо переплеталось в социальном облике российского крестьянина. И никто заранее не мог дать достоверный, особенно в масштабах всей страны, политический прогноз о перспективах развития крестьянского движения. Ясно было после 1905 г. лишь одно: без широкой и глубокой крестьянской революции настоящей обществено-политический переворот в России невозможен.

С весны 1906 г. вновь активизировалось и революционное движение в армии и на флоте, рядовой состав которых в основном состоял из вчерашних крестьян. В апреле, мае и июне 1906 г. произошло соответственно 4, 24 и 84 солдатских выступления¹².

Завершив после заключения мира с Японией возвращение войск и флота с Дальнего Востока, царизм в целом укрепил свои позиции во внутренних районах страны. Однако настроения солдатской и матросской массы предвещали серьезные осложнения. Не случайно наместник на Кавказе И. И. Воронцов-Дашков в докладе царю (июль 1906 г.) сетовал на то, что в обстановке резкой политизации всей общественной жизни армию уже нельзя уберечь от политики, поскольку в нее сплошь и рядом вступают люди, либо сами участвовавшие до призыва в революционном движении, либо так или иначе связанные с ним. Кроме того, Воронцов-Дашков отмечал постоянное проникновение в казармы различных печатных органов, а также тот факт, что войска «при условии военных положений значительную часть времени проводят на улицах, среди населения»¹³.

В июне 1906 г. серьезные беспорядки произошли даже в Преображенском гвардейском полку, где одним из батальонных командиров числился сам царь. По признанию одного из высокопоставленных русских генералов, там имели место полное отчуждение аристократов-офицеров от солдатской массы, беззастенчивая эксплуатация ее со стороны фельдфебелей, падение дисциплины. По его мнению, «войска уже не те, какими они были всего 2—3 года назад, и никто не в состоянии сказать, какими они покажут себя через несколько лет». Вместе с тем генерал решительно возражал против попыток слишком расширительного толкования подобных фактов, считая (и здесь он оказался в то время прав), что «в критическую минуту правительство всегда останется хозяином положения и армия в массе своей будет на его стороне»¹⁴.

Таким образом, общая политическая ситуация в России оставалась обоюдоострой и для сил, поддерживавших старый порядок, и для противостоявших им революционных и оппозиционных элементов. Уровень социально-политической напряженности в стране по-прежнему был очень высок. Достаточно сказать, что если в 1905 г. в тюрьмах находились 719 тыс. заключенных, то в 1906 г. их число возросло до 980 тыс. Весьма значителен был и контингент войск, привлекавшихся для подавления революционного движения: если в 1905 г. в карательных акциях участвовало 3190,6 тыс. солдат, то в 1906 г. — 1981,4 тыс.¹⁵

Наглядным показателем напряженности политической обстановки в стране было большое количество террористических актов, направленных против представителей царской администрации, полиции и армии. Только за время работы I Государственной думы (27 апреля — 9 июля 1906 г.) было совершено 177 удавшихся и 52 неудавшихся покушения на должностных лиц, 88 покушений на частных лиц, 189 нападений на казенные учреждения, в том числе банки, и 93 — на частные торговые помещения и квартиры граждан. В ходе этих акций были убиты 58 чинов полиции, 46 представителей администрации и 90 частных лиц. Общее количество раненых составило 233 человека¹⁶. Наиболь-

ний общественный резонанс вызвали покушения на коменданта Севастопольской крепости генерала Неплюева (14 мая), кутаисского генерал-губернатора Алиханова (16 мая), командующего Черноморской эскадрой адмирала Чухнина (28 июня). В ночь на 7 июля бомба была обнаружена на даче одного из столпов реакции К. П. Победоносцева.

Крайне сложным и противоречивым оставалось и экономическое положение России, переживавшей в то время состояние затяжной депрессии. Страна выходила из кризиса 1899—1903 гг. с большим трудом: начавшееся в 1904 г. оживление промышленности было прервано спадом производства в 1905 г., затем опять последовало улучшение экономической конъюнктуры в 1906—1907 гг. и новый спад в 1908 г. Лишь в 1909—1910 гг. в России начался промышленный подъем, продолжавшийся до начала первой мировой войны. Русско-японская война, революционные события 1905 г. и неурожай 1905—1906 гг. больно ударили по российской экономике. Забастовки рабочих и ответные локауты капиталистов, крупные перебои в работе железнодорожного и водного транспорта, пожары и разгром нефтепромыслов и т. д. не могли не сказаться на объеме промышленного производства, хозяйственных связях между отдельными регионами, состоянии рынка и уровне цен. В 1905 г. добыча нефти, например, сократилась на 30%, произошло снижение производства в черной металлургии, угольной, текстильной, сахарной и некоторых других отраслях промышленности¹⁷. При этом чисто политические факторы как бы наслаивались здесь на глубинные экономические процессы, создавая сложную ситуацию и для господствующих классов, и для народных масс. В ходе классовых битв 1905—1907 гг. решался, в частности, и вопрос о том, будет ли осуществлен выход России из экономического кризиса в основном за счет трудящихся, как этого хотелось бы буржуазии, или капиталистам придется взять часть издержек по стабилизации экономики на себя.

В 1906 г. состояние народного хозяйства России оставалось довольно противоречивым. Налицо было определенное оживление промышленного производства, прежде всего в отраслях группы «Б», что во многом объяснялось некоторым повышением покупательной способности населения благодаря завоеваниям революции. Особенно увеличился, хотя и кратковременно, спрос на хлопчатобумажные ткани, в первую очередь на ситец. В группе «А» оживление затронуло прежде всего угольную промышленность и отчасти нефтедобычу. Характерно, однако, что рост добычи угля объяснялся почти исключительно повышением цен на нефть и переходом промышленности на уголь, т. е. носил во многом искусственный характер. Выпуск чугуна, железа и стали оставался в 1906 г. меньше, чем в 1905 и тем более чем в 1904 г. Сокращение строительства, в том числе и железнодорожного, создало значительные затруднения для металлургической промышленности. Так, если в декабре 1905 г. в России действовали

155 доменных печей, то в марте 1906 г. — 160, а в августе — лишь 112¹⁸. Сократились по сравнению с 1905 г. и основные капиталы акционерных предприятий. Нижегородская ярмарка проходила летом 1906 г. в обстановке неуверенности в прочности и целесообразности заключаемых сделок, что косвенно свидетельствовало о напряженном состоянии экономики страны в целом.

Положение дел в промышленности, естественно, отражалось и на уровне безработицы. Хотя точного учета безработных в России не велось, их количество в 1906 г., по данным печати, составляло около 300 тыс., в том числе в Петербурге — около 40 тыс., Москве — более 20 тыс., Риге — 15 тыс. и т. д.¹⁹

Неблагоприятно складывалась и конъюнктура в сельском хозяйстве. В 1906 г. минимально допустимый уровень душевого потребления хлеба и картофеля (12 пудов) был зарегистрирован в 235 уездах с населением 44,4 млн человек (по сравнению со 164 уездами в 1905 г.). Полный неурожай, чреватый голодом, был отмечен в 38 уездах с населением около 10 млн человек. Голодали крестьяне в Казанской, Симбирской, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Уфимской, большей части Астраханской, Воронежской, Оренбургской, Рязанской, Тамбовской, Черниговской губерний и Донской области²⁰. Государственная помощь голодающим, отданная в руки царских бюрократов-казнокрадов, не давала существенных результатов. Если же учесть, что и предыдущий, 1905 год, был в России малоурожайным, то станет ясно, что продовольственный вопрос стоял в годы революции очень остро, а повышение цен на продукты питания в значительной мере «съедало» тот рост номинальной заработной платы, которого сумели добиться рабочие в результате забастовочной борьбы. Все это обостряло состояние социальной напряженности в стране, стимулировало классовую борьбу в городе и деревне, увеличивало затруднения правительства.

По-прежнему неустойчивым, хотя и более прочным, чем в 1905 г., было финансовое положение царизма. В марте 1906 г. Председатель Совета министров С. Ю. Витте писал министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу: «Мы находимся на волоске от денежного (а следовательно, и общего) кризиса. Перебиваемся с недели на неделю, но всему есть предел»²¹. Достаточно сказать, что русские финансы вступили в 1906 г. с дефицитом в 481,1 млн руб., а если учесть необходимость погашения краткосрочного займа 1905 г. и другие чрезвычайные расходы, то становится ясно, почему правительству необходимо было срочно изыскать 811 млн руб.²²

В этих условиях вопрос о заключении крупного долгосрочного внешнего займа приобретал для царизма решающее значение. Недаром этим занимался и сам С. Ю. Витте, и министр финансов В. Н. Коковцов. Новый русский заем стал объектом острой дипломатической борьбы, в которую включилась и демократическая общественность ряда европейских стран, стремившаяся сорвать эту контрреволюционную в сущности сделку. Неблаговид-

ную по отношению к революции роль вновь сыграли в этот момент кадеты, которые могли оказать давление на правящие круги и общественное мнение западных стран и не допустить заключения займа без санкции Думы. Однако они не пошли дальше отдельных, чисто «партизанских» выступлений против займа, которые были затем официально дезавуированы кадетским руководством. ЦК партии кадетов, находя заем крайне вредным для интересов страны, признал, тем не менее, невозможным делать какие-либо официальные шаги, чтобы воспрепятствовать заключению этой сделки²³. Не осуществленным остался и замысел части кадетов поставить в мае 1906 г. вопрос о незаконности заграничного займа без санкции Думы и об его аннулировании²⁴.

В итоге в начале апреля 1906 г. был заключен контракт царского правительства с финансистами Франции, Англии, Австрии и Голландии на сумму 843 750 000 руб. (2250 млн франков). За вычетом процентов, гербового сбора и других расходов заем предоставил в распоряжение царизма 677 млн руб.²⁵ По оценке С. Ю. Витте, «заем этот дал императорскому правительству возможность пережить все перипетии 1906—1910 годов, дав правительству запас денег, которые вместе с войском, возвращенным из Забайкалья, восстановили порядок и самоуверенность в действиях власти»²⁶. Недаром в благодарственном письме царя Витте, который внес большой личный вклад в заключение займа, эта операция характеризовалась как «большой нравственный успех правительства и залог будущего спокойствия и мирного развития России»²⁷.

Разумеется, заем не был панацеей от всех зол. В начале сентября 1906 г. В. Н. Коковцов уже снова жаловался П. А. Столыпину на нехватку почти 155 млн руб., ссылаясь на последствия неурожая 1905—1906 гг., рост военных расходов, дополнительные требования Японии в связи с издержками на содержание русских военнопленных и т. д.²⁸ Однако все эти затруднения уже не шли ни в какое сравнение с тем катастрофическим положением, в котором оказались русские финансы к концу 1905 г. Не будет преувеличением сказать, что международный финансовый капитал в значительной мере спас царизм от финансового краха, щедро (хотя и далеко не бескорыстно) заплатив ему за выполнение функций стража империалистического «порядка» не только в Европе, но и в Азии. Все это, несомненно, значительно помогло царю и правительству Столыпина устоять затем во время июльского политического кризиса 1906 г.

В итоге весна и начало лета 1906 г. прошли в России под знаком переплетения и углубления двух взаимосвязанных кризисов — революционного, выразившегося в росте народного движения против существующего строя, и конституционного, порожденного конфликтом царского правительства с I Государственной думой. Разумеется, первый из них был гораздо глубже и опаснее для правящих «верхов», чем второй, являвшийся во многом лишь слабым отражением той борьбы, которую вели за стенами Думы

народные массы. Однако конфликт Думы с правительством также оказывал заметное влияние на политическую жизнь страны и сыграл далеко не последнюю роль в назревании нового кризиса самодержавия.

I Государственная дума и обострение ее конфликта с правительством

Июльскому политическому кризису предшествовали 72 дня работы I Государственной думы. Если учесть, что после последнего Земского собора 1653 г. прошло более 250 лет, а со времени созыва екатерининской Уложенной комиссии 1767 г., которая тоже была неким подобием выборного сословно-представительного учреждения.—около 150 лет, то легко представить себе, сколько надежд и ожиданий всколыхнул созыв Думы в самых разных слоях российского общества. Правда, ни крайне правые круги, ни левый фланг революционно-демократического лагеря, прежде всего передовые рабочие, бойкотировавшие выборы, не были заражены конституционными иллюзиями и не ждали от Думы крутых перемен в судьбах страны. Однако десяткам миллионов людей нужно еще было на собственном опыте убедиться, что манифест 17 октября — лишь красивая ширма, прикрывающая виселицы и погромы, что права и свобода завоевываются только в борьбе. Этому нельзя было научиться по книгам и газетам, здесь мог быть только один учитель — собственный опыт масс, их ошибки, разочарования и горькие уроки, ведущие к прозрению.

Истоком конституционных иллюзий были не только традиционное долготерпение русского народа и поколебленная, но не разбитая до конца вера в царя. Надежды на Думу, созыв которой так или иначе увязывался всеми с революцией и ростом влияния трудящихся на политику «верхов», отражали одновременно и то переходное состояние в сознании и психологии мелкобуржуазных масс, когда они уже проснулись от векового сна, но еще боялись идти в своем протесте до конца, до полного разрыва со старым порядком и насильственного свержения царской власти. Людям все еще хотелось верить, что наученное горьким опытом 1905 г. правительство пойдет, наконец, на примирение с народом. Иначе, зачем же было царю созывать Думу? С другой стороны, поражение декабрьских вооруженных восстаний 1905 г. отрезвило и испугало многих случайных попутчиков революции. Временная победа правительства над пролетариатом толкала мелкую буржуазию на путь «законности» и поиски компромисса. Вся эта пестрая и во многом противоречивая гамма настроений и нашла отражение в результатах первых думских выборов.

При этом конституционные иллюзии не только стихийно прорывались «снизу», но и планомерно пасаждались «сверху». Правительство сознательно дурачило народ, отвлекая его туманными обещаниями реформ от продолжения активной борьбы, а ли-

беральная буржуазия и в первую очередь ее интеллигентское крыло со ссылками на западные образцы вполне искренне рекламировали преимущества парламентского способа обновления страны. В России не успел еще родиться настоящий буржуазный парламент, но зато пышным цветом расцвели парламентский фетишизм, псевдоконституционализм, реформистские иллюзии и самая беззастенчивая демагогия.

Просеянная сквозь сито многоступенчатых и далеко не равных для различных социальных слоев выборов, I Государственная дума не была и не могла быть подлинным народным представительством. Сказались здесь и бойкотистские настроения сознательного пролетариата и некоторых других демократических групп населения страны, а также тактика активного бойкота I Думы, проводившаяся большевиками, эсерами, Всероссийским крестьянским союзом, рядом национальных социал-демократических и неонароднических партий, Союзом союзов. По подсчетам советского историка С. М. Сидельникова, более половины депутатов принадлежало к буржуазии, помещикам, цензовой интеллигенции, а около 30% — к трудовому крестьянству и пролетариату²⁹. Тем не менее рабочих и крестьян в I Думе действительно было намного больше, чем в парламентах других европейских государств того времени³⁰.

В ходе работы Думы непрерывно шло пополнение ее состава за счет представителей национальных районов и окраин страны, где выборы происходили позже, чем в центральных губерниях. Кроме того, ряд депутатов перешли за это время из одной фракции в другую. В итоге к моменту роспуска I Государственной думы ее партийный состав выглядел следующим образом: социал-демократы — 3,5% депутатов, трудовики — 19,4%, кадеты — 32,3%, представители от Царства Польского и других национальных районов (автономисты) — 14%, члены партии демократических реформ — 2,8%, прогрессисты — 2,4%, «мирнообновленцы» — 5%, беспартийные — 20,6%. В общей сложности были избраны 499 депутатов. Не успели пройти выборы на Дальнем Востоке, в Дагестане и Средней Азии³¹.

Кадеты занимали в Думе руководящее положение: из состава кадетской фракции были избраны председатель, оба заместителя председателя и секретарь Думы, а также руководители 22 постоянных и временных думских комиссий (57% их членов также были кадетами)³². В таком составе Думы и ее руководящих органов с самого начала был потенциально заложен их конфликт с правительством, не имевшим необходимой опоры в лице правых депутатов, тогда как кадеты в общем и целом сумели повести за собой крестьян-трудовиков, значительную часть депутатов от национальных районов и беспартийных и фактически установили в Думе своего рода политическую гегемонию. В явно антиправительственном духе действовала оформившаяся в июне думская фракция РСДРП, постепенно налаживавшая контакты с крестьянской Трудовой группой, левое крыло которой

все более разочаровывалось в кадетях. Именно эти три фракции и сыграли в I Государственной думе главную политическую роль, доставив немало неприятных минут царскому правительству.

Положение Думы в рамках существующей политической системы было достаточно сложным. Разрабатывая Основные законы Российской империи, принятые накануне открытия первой думской сессии в апреле 1906 г., царские бюрократы и юристы сделали все возможное, чтобы ограничить права российского парламента. Министры назначались и смещались лично царем и не были ответственны перед Думой. Прерогативой императора оставались инициатива пересмотра Основных законов, руководство внешней политикой, объявление войны и заключение мира, верховное командование вооруженными силами, объявление той или иной местности на военном или исключительном положении, право чеканки монеты, помилования осужденных и объявления общедоступной амнистии. Очень коварной была 87 статья Основных законов о чрезвычайном законодательстве в перерыве между сессиями Думы: сформулированная как «исключение», она стала на практике широко распространенным явлением. Чрезвычайно урезаны были и бюджетные права Думы. Кроме того, все принятые ею законопроекты могли стать законами только после утверждения их Государственным советом и лично царем.

В то же время из Основных законов было устранено после долгих колебаний определение царской власти как власти неограниченной. Подчеркивалось, что император осуществляет законодательство «в единении» с Государственной думой и Государственным советом. Потерял царь и право бесконтрольного распоряжения бюджетом страны. Таким образом, в России возникло после 1905 г. своего рода «конституционное самодержавие»³³, т. е. самодержавие за парламентской ширмой, которое постоянно поворачивалось к западному общественному мнению показной, либерально-конституционной стороной, а к трудящимся массам собственной страны — оборотной, военно-полицейской.

Но по сравнению с тем, что было в России до 1905 г., Дума представляла собой несомненный шаг вперед. Бессильная как законодательный орган, она постоянно будоражила, а во многом и формировала общественное мнение, предавая гласности наиболее вопиющие злоупотребления царских властей. Сюда же стекались со всей России многочисленные просьбы и петиции населения. Бесспорно, «таврический комар», как иронически пазывали Думу в консервативных кругах, не мог всерьез соперничать ни с самодержавным «слоном», ни с народной «улицей», которые олицетворяли две главные силы, непосредственно столкнувшиеся в ходе революции. Тем не менее Дума не стала послушным орудием в руках царя и правительства. Она давала царизму некоторую передышку для накопления сил, необходимых в открытой борьбе с народом, она в то же время мешала стабилизации старого порядка и в своем тогдашнем составе объективно приносила царизму больше вреда, чем пользы.

В деятельности I Думы достаточно четко прослеживается несколько взаимосвязанных тенденций. Несмотря на все старания кадетов превратить ее в орудие примирения народа с властью, конфликт Думы с правительством непрерывно обострялся, отражая процесс назревания нового подъема революционного движения в стране. Одновременно осложнились и взаимоотношения между кадетами и трудовиками. Большую роль сыграли обращение 14 рабочих депутатов ко всему пролетариату России от 18 мая 1906 г. с призывом «готовиться поддержать Думу в ее столкновении с правительством и защитить свои интересы», а также декларация думской фракции РСДРП от 12 июня с изложением программы-минимум партии³⁴. Более регулярными и целенаправленными становились в ходе работы Думы и контакты ее левого крыла — социал-демократов и трудовиков — с народом, что представляло особую опасность для царских властей.

Параллельно с оформлением рабочего представительства в Думе менялось и отношение к ней пролетариата. Сначала переодические рабочие относились к Думе со смешанным чувством враждебности и безразличия. В большевистских кругах преобладало тогда настроение: либо Дума, либо восстание. Не случайно в день открытия думской сессии, 27 апреля 1906 г., фабрики и заводы Петербурга работали, хотя капиталисты предлагали рабочим отпраздновать это событие. По свидетельству большевика В. С. Войтинского, который был в то время членом Петербургского комитета РСДРП и председателем столичного Совета безработных, примерно до 13 мая, когда Дума выразила недоверие правительству, рабочие были настроены против Думы, но затем в их настроении наметился определенный перелом³⁵. Благожелательно встретили в пролетарской среде и заявление рабочих депутатов от 18 мая, и их обещание стремиться превратить Думу в инструмент созыва Учредительного собрания³⁶.

Первое крупное столкновение Думы с правительством (если не считать поднятого в первый же день ее работы, 27 апреля, вопроса о политической амнистии) произошло 5 мая по вопросу об «Ответном адресе» на речь, произнесенную царем 27 апреля в Зимнем дворце на церемонии встречи с «народными избранниками». Хотя и в несколько урезанном виде, кадеты включили в этот документ основные пункты своей программы. Среди них были: создание ответственного перед Думой правительства, отмена особого полицейского режима, на котором находились многие районы страны, упразднение Государственного совета, введение всеобщего избирательного права и демократических свобод, установление полного гражданского равноправия, отмена смертной казни, всеобщее бесплатное начальное обучение, реформа органов местного управления и самоуправления, «укрепление в армии и флоте начал справедливости», решение аграрного вопроса на основе кадетской программы принудительного отчуждения части помещичьих земель, «ограждение интересов рабочего клас-

са», удовлетворение «справедливых нужд отдельных племен и наций», амнистия ³⁷.

Правда, в «Ответном адресе» ничего не говорилось об Учредительном собрании, 8-часовом рабочем дне, освобождении всех политических заключенных, не расшифровывалось требование всеобщего избирательного права (тайное голосование, участие женщин). В самой общей форме — и то под давлением трудовиков — были намечены пути решения аграрного вопроса. Тем не менее почти единодушное одобрение Думой кадетского проекта «Ответного адреса» ³⁸ правительство и высшие сферы восприняли как прямой вызов. Царь демонстративно отказался принять делегацию депутатов Думы, которая должна была лично передать ему этот документ, а в «Правительственном вестнике» началась публикация телеграмм монархических организаций с требованием роспуска первого российского парламента.

Однако это было еще лишь самым началом конфликта. Беседа 6 мая во время завтрака у царя в Петергофе с военным министром А. Ф. Редигером, председатель Думы кадет С. А. Муромцев сказал ему, что Дума «готова уважать сильное правительство, которое твердо и с убеждением будет проводить свои взгляды». Муромцев высказал также мнение, что парламент нужно поскорее занять конкретной работой и тогда он быстрее дифференцируется на партийные фракции, с которыми правительству легче будет иметь дело ³⁹. Редигер немедленно сообщил об этом разговоре премьеру Горемыкину, но тот явно не торопился воспользоваться советом думского лидера.

Прошла всего неделя, и в Таврическом дворце разразился новый скандал, связанный теперь уже с ответом правительства на адрес Думы. Правительственная декларация, оглашенная 13 мая 1906 г. Председателем Совета министров И. Л. Горемыкиным, носила подчеркнуто агрессивный характер. В этом проявились и общий курс внутренней политики правительства после подавления декабрьских вооруженных восстаний в стране, и нескрываемое раздражение царя и камарилы, вызванное «Ответным адресом» Думы, и личная антипатия Горемыкина к «народным избранникам», треть из которых, по его мнению, «просилась на виселицу» ⁴⁰.

И. Л. Горемыкин был типичным представителем царской бюрократической элиты, консерватором до мозга костей, ультрамонархистом и крайним националистом. Более приятной царской чете фигуры на посту главы правительства трудно себе представить: полное послушание монаршей воле, нескрываемая враждебность к Думе, строгое соблюдение придворного этикета, «неторопливость» в действиях. Само назначение Горемыкина на место Витте за неделю до созыва Думы было прямым и откровенным вызовом, брошенным Николаем II и камарильей обществу. С первых же дней работы Думы стало ясно, что новый премьер никогда не найдет, да и не будет искать с ней общего языка.

Горемыкин прекрасно знал вкусы хозяев Зимнего и Петерго-

фа. Он мог быть вполне уверен, что при дворе ему никогда не поставят в вину ни его «негибкость» по отношению к кадетам и левому крылу Думы, ни нескрываемые симпатии к неограниченному самодержавию. Ведь заявил же царь, ознакомившись с проектом горемыкинской декларации в Думе, что ему хотелось бы, чтобы она звучала еще более резко и решительно! И лишь из опасения, что в этом случае ответственность за конфликт между Думой и правительством ляжет на последнее, Николай оставил проект без изменений⁴¹.

Горемыкин очень умело изобразил на думской трибуне полное равнодушие ко всему происходящему. Он огласил декларацию тихим, вялым голосом утомленного царедворца, которого оторвали ради пустяков от важных государственных дел. На все основные положения думского адреса правительство устами Горемыкина ответило категорическим «нет». Решение аграрного вопроса в духе внесенного кадетами в Думу 8 мая проекта принудительного отчуждения частновладельческих земель (хотя бы частично и за выкуп) было объявлено «безусловно недопустимым». Такие вопросы, как установление ответственности министров перед Думой, упразднение Государственного совета и устранение пределов законодательной инициативы и деятельности Думы, последняя, по мнению правительства, не имела права даже поднимать. Отказано было Думе и в ее ходатайстве о пересмотре законов об усиленной и чрезвычайной охране и об амнистии⁴². Таким образом, народ имел все основания считать, что царь ответил ему предельно ясно: ни земли, ни воли! Именно так расценил декларацию Горемыкина В. И. Ленин⁴³.

Разумеется, в накаленной политической атмосфере мая 1906 г. правительство не могло выйти на думскую трибуну без всякой позитивной программы. Это было бы слишком даже для такого реакционера, как Горемыкин. Поэтому в его декларации туманно говорилось, например, об удовлетворении крестьянской нужды в земле за счет свободных казенных и частновладельческих участков, приобретаемых при содействии Крестьянского банка. Эти положения были развиты в дальнейшем в законопроекте, внесенном правительством 12 июня 1906 г. в Думу и ставшем первым шагом на пути к законодательному оформлению будущей столыпинской аграрной реформы. Еще более абстрактно звучало обещание улучшить положение рабочего класса, ввести в стране подоходный налог, всеобщее начальное образование, реорганизовать местный суд и т. д.⁴⁴

Поэтому неудивительно, что правительственная декларация вызвала нескрываемое разочарование, раздражение и протест депутатов Думы. Как заявил депутат от тамбовских крестьян трудовик И. Т. Лосев, «листок», оглашенный Горемыкиным с думской трибуны, «помутил глаза и сердца крестьян». Кадет Ф. И. Родичев выразил глубокое разочарование по поводу того, что «вместо сотрудничества мы встречаем со стороны власти отпор», а его товарищ по партии «народной свободы» В. Д. Набо-

вой торжественно провозгласил: «Исполнительная власть да поворится власти законодательной». В итоге кадеты проголосовали за трудовическую (!) резолюцию, в которой выражалось «полное недоверие к безответственному перед народным представительством министерству» и выдвигалось требование заменить его правительством, пользующимся доверием Государственной думы⁴⁵. Заметим, что требование отставки правительства Горемыкина выдвигалось в Думе и позже, 9 и 12 июня, а также при обсуждении вопроса о Белостокском погроме 29 июня 1906 г.

События в Таврическом дворце давали богатый материал для дискуссий в социал-демократических кругах, вырабатывавших в это время тактику партии по отношению к Думе. В мае 1906 г. ЦК РСДРП, где после Объединительного съезда преобладали меньшевики, обратился к партийным организациям страны с письмом, в котором подчеркивалось, что созыв Думы — это крупнейшее событие в политической жизни России. «Форсировать теперь же столкновение на улицах, — говорилось в письме, — значило бы вновь (как и в декабре 1905 г. — С. Т.) поставить изолированный рабочий класс в целом лицом к лицу со всеми силами реакции. В первую очередь это относится к передовым рабочим. Поэтому отношение к Думе не должно носить абсолютно отрицательного, нигилистического характера». ЦК определял свою позицию в данном вопросе так: стремиться к обострению конфликтов Думы с правительством и к созданию такого положения, когда она стала бы нетерпимой для властей, а массы поняли бы, что путь к свободной, демократической России проходит не через Думу, а через свержение самодержавия и созыв Учредительного собрания. «Если развитие Думы, — говорилось далее в письме, — пойдет в этом направлении и приведет к разгону Думы правительством и если в результате этого возникнет широкое революционное движение, тогда настанет время и для нашей партии принять участие в восстании и двинуться возможно дальше вперед, выставляя самые крайние лозунги, обеспечивающие революционные стремления пролетариата». Пока же ЦК РСДРП рекомендовал местным партийным организациям начать широкую кампанию давления на Думу: обсуждать стоящие перед ней вопросы на рабочих собраниях, выносить соответствующие резолюции и доводить их до сведения депутатов Думы, а при благоприятных условиях поддерживать требования пролетариата политическими демонстрациями⁴⁶.

С учетом этих рекомендаций Петербургский комитет РСДРП, где преобладали большевики, принял не позже 19 мая резолюцию, где были сформулированы основные положения большевистской тактики в тот период. Петербургский комитет советовал привлечь к Думе внимание широких слоев народа, организовать их активное давление на работу царского парламента, а при благоприятных условиях — и выступления против самодержавной власти. Для этого необходимо было оперативно анализировать все конфликты Думы с правительством, давать классовую

оценку думских дебатов, критиковать ограниченность и половинчатость позиции буржуазных партий и решительно поддерживать каждый действительно революционный шаг Думы. Практические рекомендации Петербургского комитета партийным организациям предусматривали: принятие на фабриках и заводах резолюций с критикой слишком робкой деятельности Думы, выработку и передачу депутатам коллективных требований пролетариата, продолжение подготовки к вооруженному восстанию, создание рабочих клубов, дальнейшее развитие профсоюзов⁴⁷.

К середине июня в столице было создано около десяти рабочих клубов, проведено две конференции с участием представителей от рабочих и социал-демократических депутатов Думы, начались выборы рабочих комитетов, на базе которых предполагалось затем создать Советы рабочих депутатов⁴⁸.

Активно обсуждали социал-демократы и вопрос о создании ответственного перед Думой правительства. ЦК РСДРП поддерживал идею создания кабинета, назначенного Думой, и призвал к единению Думы с народом и народа с Думой во имя борьбы с царским правительством⁴⁹. Большевики, от имени которых 24 мая и 6 июня выступил Петербургский комитет РСДРП, выражавший ленинскую точку зрения, категорически отвергли новый лозунг ЦК. Сущность большевистской позиции сводилась к следующему: Дума бессильна и (за исключением рабочих депутатов и трудовиков) нереволюционна; дело идет к решительной борьбе за стенами Таврического дворца; создание кадетского правительства означало бы сделку либеральной буржуазии с самодержавием за спиной народа и за его счет, а поддержка этого требования социал-демократией лишь помогла бы укреплению конституционных иллюзий. Исходя из этого, большевики считали, что пролетариату следует поддержать не планы создания кадетского правительства, а идею образования Исполнительного комитета из состава революционных элементов Думы в целях объединения усилий народных масс на местах⁵⁰.

Петербургских большевиков поддержали москвичи, ряд других местных организаций партии, съезд социал-демократии Королевства Польского и Литвы.

В 20-х числах мая по Петербургу и другим городам страны прокатилась волна митингов, посвященных обсуждению работы Думы и отношению к ней пролетариата. Собрания принимали, как правило, большевистские резолюции. Усилилась борьба рабочих с черносотенцами. Активизировалось движение безработных. Рабочие предлагали социал-демократическим депутатам и трудовикам призвать народ к революционной борьбе «снизу» и созданию демократических революционных организаций — сельских комитетов, Советов рабочих депутатов и т. д. За шесть недель, с 18 мая до конца июня 1906 г., только в Петербурге прошли 42 рабочих митинга, в том числе больше десяти митингов-гигантов с участием от 4 до 6 тыс. рабочих в каждом⁵¹.

18 мая большевистская линия по отношению к Думе была накрепче в резолюции Московского комитета РСДРП⁵². На московских предприятиях во второй декаде мая началась полоса партийных собраний, участники которых призывали депутатов требовать от правительства немедленной и полной политической амнистии, осуществления всех демократических свобод, решения аграрного вопроса в интересах крестьян, привлечения к суду должностных лиц, причастных к насилию над народом, созыва Учредительного собрания. Участники рабочих митингов были единодушны в том, что Думу нужно или направить на революционный путь, или дискредитировать в глазах народа, если она заключит сделку с самодержавием. Допускалась и возможность того, что левые элементы Думы, действительно говорящие от имени трудящихся, выйдут из ее состава и обратятся непосредственно к народу⁵³. Аналогичная политическая кампания развернулась и в других промышленных центрах страны.

Между тем в Думе продолжалась конфронтация депутатов и правительства, которое и не думало уходить в отставку. По рекомендации Горемыкина члены кабинета перестали посещать Таврический дворец, и лишь 28 мая министр народного просвещения Кауфман как бы в насмешку направил в Думу два «вермишельных» законопроекта: об учреждении частных курсов с программой преподавания «выше средних учебных заведений» и об отпуске средств на переоборудовании пальмовой оранжереи и постройку прачечной при Юрьевском университете.

Законодательная инициатива самой Думы была ограничена. Достаточно сказать, что кадеты считали большой победой уже одну только возможность *предварительного выяснения* в Думе сущности внесенного законопроекта до истечения месячного срока, в течение которого он должен был рассматриваться соответствующим министром. Не будь этой уловки, придуманной кадетскими юристами, Думу ждала бы настоящая стагнация, ибо министры, получив соответствующий запрос, отнюдь не торопились санкционировать его обсуждение в Думе. За все время работы Думы ею был принят, прошел Государственный совет и был подписан царем лишь один закон — об ассигновании 15 млн руб. на помощь голодающим. Почти три десятка других законопроектов так и остались в ее комиссиях, а законопроект об отмене смертной казни, принятый Думой 19 июня, был отклонен Государственным советом.

Кадетские законопроекты касались таких важных вопросов, как неприкосновенность личности, гражданское равенство, свобода собраний и печати, аграрная реформа — типичный для либерализма набор буржуазных преобразований со столь же типичными отступлениями от последовательного демократизма и различными оппортунистическими оговорками, которые служили прекрасной мишенью для критики со стороны революционных партий, в первую очередь большевиков. Не случайно обсуждение каждого вопроса на заседаниях Думы и в ее комиссиях, а затем

более широкие дискуссии на страницах печати сопровождалась острейшей борьбой между кадетами, трудовиками, большевиками, меньшевиками, эсерами, энесами и другими политическими течениями. При этом трудовики постепенно эволюционировали влево, хотя так и не смогли до роспуска Думы окончательно вырваться из-под кадетского влияния. Их критика кадетских законопроектов — а трудовики, как правило, ограничивались лишь поправками к кадетским проектам — не давала значительных результатов. Что касается социал-демократов, то они вносили в Думу и собственные законопроекты, которые, однако, не получали поддержки большинства депутатов. Однако и кадетские проекты, как уже говорилось выше, не могли стать реальными законами, что лишний раз демонстрировало бессилие Думы как законодательного учреждения.

Второй стороной деятельности Думы были запросы депутатов правительству. Всего за время работы I Думы был внесен 391 запрос, в том числе 123 срочных⁵⁴. Характерно, что 198 из них были адресованы министру внутренних дел Столыпину. Большинство запросов касались необоснованных арестов, вынесения смертных приговоров, незаконного содержания под стражей, полицейских погромов, применения военной силы для подавления беспорядков и т. д. Так, 4 мая был внесен запрос об участии Департамента полиции в погромной деятельности, 12 мая — запрос о 8 смертных приговорах, вынесенных в Риге (правительство ответило на него новыми казнями) и т. д. Несмотря на то, что запросы не давали практических результатов, их обсуждение нередко выливалось благодаря выступлениям социал-демократов и трудовиков в настоящие антиправительственные демонстрации, получавшие большой общественный резонанс. Особенно бурно обсуждался запрос по поводу Белостокского погрома 1—3 июня 1906 г.⁵⁵ Обсуждение запросов способствовало сближению социал-демократов и трудовиков и стало одной из конкретных форм осуществления левоблокнистской тактики. Так, в мае 1906 г. трудовики подписали вместе с кадетами 47 запросов, а в июне — лишь 21, зато вместе с социал-демократами — 31⁵⁶.

Первый месяц работы Думы дал достаточный материал для выводов о ее потенциальных возможностях и перспективах думской борьбы. «Дума заседает пять — шесть недель, — писал В. И. Ленин, — и уже люди, всей душой стремящиеся развить и разработать деятельность в Думе и около Думы, признают откровенно и честно великий факт: „Как народ устал ждать“»⁵⁷. Тем не менее Ленин еще вполне допускал в то время возможность сосуществования Думы с правительством при условии, что она не сделает какого-либо действительно революционного шага или вне Думы не разгорится такое широкое народное движение, при котором и кадетский парламент станет уже помехой правительству⁵⁸.

О многом пришлось задуматься и кадетам. 30 мая 1906 г. П. Н. Милюков опубликовал в «Речи» статью «Первый месяц дум-

ской работы», где со ссылками на печать различных политических направлений сделал попытку оценить сложившуюся ситуацию. Старый режим, писал Милюков, не только не исчез, но еще сильнее, чем прежде, дает знать о себе смертными казнями, ссылками, арестами, военными судами. С другой стороны, народ волнуется тоже еще больше, чем раньше: вновь началось и грозит усилиться аграрное движение, появились признаки революционного брожения в армии, растет число террористических актов, хотя формально партия эсеров и вынесла решение об их приостановке.

Что может противопоставить этому Дума? — спрашивал Милюков. Ведь она вносит законопроекты, судьба которых неизвестна; выражает недоверие правительству, на которое не обращают внимания; назначает комиссии для расследования злоупотреблений царских властей, не располагая средствами привлечь их к ответу; вносит запросы, на которые отвечают канцелярскими отписками; направляет к верховной власти ходатайства, на которые вообще нет ответа. Что же делать Думе дальше? Обращаться в просьбами прямо к царю? Уйти и отдать решение всех вопросов непосредственно в руки народа? Объявить себя правительством и взять все в свои собственные руки? Пассивно ждать развития событий или создавать их самим? Как видим, альтернативные решения намечены здесь довольно верно, однако сделать выбор кадеты так и не решились, склонившись в конце концов к тактике пассивного выжидания. Недаром Милюков заканчивал статью успокоительным прогнозом: скоро, очень скоро положение может стать безвыходным, но пока оно еще не безвыходно. На этой оптимистической позиции кадеты, как известно, оставались вплоть до 9 июля 1906 г.

Коллега Милюкова по кадетскому ЦК Н. А. Гредескул откровенно писал 5 июня: «Наша цель — *исчерпать все мирные средства*, во-первых, потому, что если мирный исход возможен, то мы не должны его упустить, а во-вторых, если он невозможен, то в этом надо *вполне и до конца* убедить народ до самого последнего мужика»⁵⁹.

Перлюстрированные полицией письма, датированные первой декадой июня 1906 г., обнаруживают очень пеструю, но достаточно тревожную гамму настроений, царивших тогда в самых разных кругах общества. Так, директор ярославской гимназии Высокский писал 4 июня: «Свои мрачные предчувствия я строю не на угрозах представителей крайних партий, а на несомненных грозных фактах, сведениями о которых полны газеты. Упорное пожелание министерства хоть сколько-нибудь идти навстречу освободительному движению есть положительный факт, невозможность для Думы добиться удовлетворения своих желаний и провести свои законопроекты — тоже факт... Приговоры военных судов и расстрелы, с одной стороны, бомбы и политические убийства — с другой, не прекращаются. Заявления черносотенных союзов и резолюции революционных организаций накапли-

ваются в изобилии. Нет возможности выйти из всего этого хаоса мирным путем. Деятельность провинциальных властей возмутительна до последней степени. Добром ничего от правительства не добьешься. Я не вижу возможности компромисса с людьми, которые ничего не хотят знать и понимать. Правительство само парализует все легальные пути, само толкает своих противников на революционный путь»⁶⁰.

Один из представителей консервативно-монархического лагеря писал 3 июня за границу: «Дума не внесла успокоения в общественную совесть и показала только, что мы, русские, много говорим и мало делаем. Со дня на день ждем беспорядков, и проповедь вооруженного восстания все громче раздается во всяких жидовствующих газетах. Россия теперь — громадный дом сумасшедших. Просто страшно жить». В другом письме (тоже из Москвы) высказывалось предположение, что восстанием в конце июня будут охвачены и город, и деревня. «Либералы ведут к анархии, крови. Я никак не могу решить, где будет безопаснее — в деревне или в городе. Думаю, что придется остаться в городе, т. к. здесь все же войско, которое, слава Богу, до сих пор еще верно долгу и присяге»⁶¹.

Но многие уже не верили в спасительную силу штыков. Так, А. Абаза писал графу Л. Бобринскому из Петербурга в Рим 3 июня: «На гвардию, я думаю, рассчитывать можно, но на армию — едва ли. Там идет усиленная пропаганда, и на этот раз на основании „земли“. Солдатам толкуют, что землю нужно взять, раз правительство не дает. Против всяких революционеров армейских солдат пойдет, но против мужиков, желающих „землю взять“, он может и не пойти. Тогда что? Политическое положение все больше и больше обостряется, и со дня на день можно ожидать общего пожара во всей России»⁶².

Аналогичные сомнения высказывал и крупнейший русский ученый, член ЦК кадетской партии В. И. Вернадский, «Теперь, — читаем мы в его письме сыну от 8 июня, — дело решается частью стихийными настроениями, частью все больше и больше приобретает вес армия, этот сфинкс, еще более загадочный, чем русское крестьянство. Не знаю, сколько правды в газетных сообщениях о широких волнениях в армии, но этого желают и ждут. А наряду с этим Белостокский погром, где армия соединилась с черной сотней. Несомненно, и левые, и крайние правые желают коллизии, разгона Думы — взрыва, и каждый верит в успех»⁶³.

Очень характерно для представителей господствующих классов, склонных возложить всю ответственность за грядущую «анархию» на народ и революционеров, перлюстрированное полицией письмо от 6 июня: «А дела-то дрянь! Черт их возьми, прямо выхода, кроме драки, не видно. Народ озверел. Все эти забастовки и аграрные беспорядки, по-моему, создались на почве зависти к сытому и богатому со стороны голодного и бедного. Это такое движение, которое не поддается убеждению, а разрешается битвой и победой. Впрочем, что же — война, так война. Только про-

тивно видеть, что поднялись самые подлые страсти. Бедность, голод и т. д. вовсе не от того, что у крестьян мало земли или плохо платят за работу, а от неумения работать, от необразованности и лени. Революционеры хотят все отобрать у тех, кому хорошо. Они не знают, что все, что хорошо, достается упорным трудом, а все, что добыто грабежом и попало в ленивые руки, все равно сгинет бесплодно»⁶⁴.

Как и следовало ожидать, главным вопросом, на котором «споткнулась» I Государственная дума, стал аграрный. Примирить интересы крестьян и помещиков, за которыми стояло самодержавное государство, оказалось невозможно. Пропаша между ними была слишком велика, и аграрные прения в Думе показали это самым недвусмысленным образом. Кадетский проект 42-х и трудовический проект 104-х оказались в полном смысле слова антиподами.

20 июня в дебаты вмешалось правительство, опубликовавшее официальное сообщение «О мерах к улучшению быта крестьянства». В сообщении еще раз подчеркивалось, что принудительное отчуждение частновладельческих земель даже в кадетском варианте для правительства неприемлемо. Улучшение земельного быта крестьянства виделось царским властям на путях ломки общины, увеличения помощи переселенцам и продажи крестьянам «по доступным ценам» казенных и частновладельческих земель (при условии, что последние сначала добровольно продавались бы помещиками казне, а затем — крестьянам).

Правительство явно провоцировало Думу на переход к более решительным действиям, чтобы получить предлог для ее роспуска. Трудовики поставили вопрос о необходимости обратиться за помощью непосредственно к народу. Основная часть кадетской фракции поддержала эту идею. Так родился составленный кадетами проект думского «контрсообщения» по аграрному вопросу, в котором подчеркивалось, что крестьяне должны сохранять спокойствие и не терять веру в возможность мирного исхода борьбы Думы с правительством. В то же время в проекте говорилось, что Дума остается при своем намерении провести принудительное отчуждение части частновладельческих земель. Однако 6 июля за кадетский проект проголосовали лишь 124 депутата, против — 53, включая социал-демократов, воздержались трудовики и представители Царства Польского. При этом трудовики мотивировали свой шаг тем, что в основу «контрсообщения» положены принципы, несовместимые с взглядами Трудовой группы.

Позиция трудовиков на заключительном этапе работы Думы свидетельствовала об углублении их противоречий с кадетами. Укрепление связей с крестьянскими массами — а Трудовая группа получила из 50 губерний России около 400 приговоров и наказов от сельских сходов, под которыми стояли подписи 45 тыс. крестьян⁶⁵, — толкало трудовиков к разрыву с партией «народной свободы». Крестьяне требовали от своих депутатов последовательного проведения в жизнь лозунга «Вся земля и вся воля

трудовому народу!», обещали им поддержку в борьбе с царскими властями.

Оказавшись бессильной сыграть роль моста между властью и народом, Дума потеряла в глазах правительства всякую цену. Вдобавок она становилась слишком опасной. Само по себе ее аграрное «контрсообщение» не было ни противозаконным, ни революционным. Тем не менее это был определенный вызов правительству, ибо кадеты продолжали настаивать на принципе принудительного отчуждения земли. Закрывать на это глаза мог либо очень слабый, либо, наоборот, очень сильный кабинет, даже не считающий нужным пресекать подобные словесные эскапады. Правительство Горемыкина, а затем Столыпина не было ни тем, ни другим: оно было достаточно сильным, чтобы держать ситуацию в стране в своих руках, но разгромить революцию еще не могло. Поэтому жесткая реакция на обращение Думы стала одновременно и средством самоутверждения «верхов», и попыткой запугать оппозицию, а вслед за ней и народ.

Кроме этого, последний шаг Думы создавал опасный прецедент: вслед за кадетами к народу могли обратиться уже трудовики и социал-демократы, а от них можно было ожидать и призыва к самовольному захвату земель, и призыва к смещению местных властей. Наконец, аграрное «контрсообщение» Думы нужно было рассматривать в контексте широкого рабочего, крестьянского и солдатского движения, которым была охвачена вся страна. А на таком фоне даже самый умеренный либеральный документ приобретал уже совсем иное звучание.

Таким образом, наступало время привести в исполнение планы роспуска Думы, которые давно вынашивались в правящих «верхах». С точки зрения царя и большинства министров, она исчерпала себя. С ней пора было кончать.

Планы роспуска Думы и их реализация

Возможность бесславного конца Думы была запрограммирована в «верхах» еще до того, как ее депутаты переступили порог Таврического дворца. Это произошло на апрельском совещании в Царском селе, где обсуждался проект Основных законов Российской империи. Будущий премьер И. Л. Горемыкин заявил тогда, что Думе нельзя позволить говорить о принудительном отчуждении земли, а если она не подчинится этому условию, «ее придется брать в штыки», т. е. разогнать. Того же мнения придерживались и другие участники совещания — граф К. И. Пален и «герой» 9 января 1905 г. великий князь Владимир Александрович⁶⁶.

Однако у Николая II не было сначала определенного мнения по этому вопросу. Так, 22 апреля он говорил министру финансов В. Н. Коковцову, что Дума, «встретившись с ответственной работой», может оказаться менее революционной, чем он ожидает⁶⁷. Но последующие события показали царю, камарилье и Совету

объединенного дворянства, что на примирение с правительством (а, по мнению реакционных кругов, это примирение должно было означать полную капитуляцию) Дума не пойдет. Поэтому уже через три дня после оглашения правительственной декларации, 16 мая 1906 г., на заседании Совета министров, как вспоминает В. Н. Коковцов, обсуждался вопрос, разогнать ли Думу немедленно или занять выжидательную позицию. Возобладала вторая точка зрения. Министр внутренних дел П. А. Столыпин признал возможным дать еще Думе «поговорить», хотя и не скрывал, что роспуск ее в конечном счете неизбежен⁶⁸.

В кругах буржуазной общественности все чаще говорили об альтернативе: «свержение» кабинета Горемыкина или разгон Думы. И то, и другое, считал, например, лидер октябристов А. И. Гучков, должно было стать величайшим потрясением для страны. «В первом случае, — писал он, — получим анархию, которая приведет нас к диктатуре; во втором случае — диктатуру, которая приведет к анархии. Как видите, положение, на мой взгляд, совершенно безвыходное. В кружках, в которых приходится вращаться, такая преступная апатия, что иногда действительно думаешь, да уж не созрели ли мы для того, чтобы нас проглотил пролетариат?»⁶⁹

В мае — начале июня 1906 г. слухи о предстоящем роспуске Думы, как волны морского прилива, периодически набегали на страницы печати посыллись в разгоряченных думских кулуарах. Так, уже 14 мая 1906 г. трудовик-саратовец Я. Е. Дитц писал на родину: «Завтра ждем разгона. Но нас отсюда не выпустят: если разгонят, то завтра же ожидается железнодорожная забастовка, и мы перед уходом из Петербурга издадим манифест к народу... Будьте готовы *на все*... Если эти подлости не желают давать народу свободу мирным путем, то она будет добыта силой»⁷⁰.

2 июня сельский учитель из Смоленской губернии трудовик Т. О. Волков тоже сообщал о предполагаемом буквально на днях разгоне Думы. «Хотя бы скорее, а то все измучились. Скорее бы рассчитались с этим режимом. Если не арестуют, решено собраться в другом городе и объявить себя Учредительным собранием. Многие уже подумывают, что вместо конституции не получилась бы сразу республика. И это вполне возможно, если правительство не пойдет на уступки». Через три дня, 5 июня, тот же Т. О. Волков пишет на родину: «Положение дел в Думе самое скверное. Правительство ввиду оппозиционности Думы решило ее распустить на днях. В партийных заседаниях этот вопрос обсуждался, и пришли к заключению не расходиться, пока не добудут земли и воли. Вера сделать что-либо хорошее и в самой Думе исчезает. Революция неизбежна. Левые партии уже готовятся вступить в бой. Будет сильное кровопролитие. Из достоверных источников известно, что бумага о распусчении Думы уже подписана государем, только не поставлено число — это последнее предложено сделать министерству, когда оно пойдет удобным. Необходимо гото-

виться на местах, чтобы в известную минуту всем вступить в бой с правительством и добить его окончательно. Брожение в армии уже началось. Надеемся, что когда встанет вся страна, то и армия перейдет на нашу сторону»⁷¹.

Дело дошло до того, что 6 июня Петербургское телеграфное агентство вынуждено было официально опровергнуть слух о том, что 4 июня царь якобы подписал указ о роспуске Думы⁷². Как явствует из письма кадета М. Я. Герценштейна от 5 июня, премьер Горемыкин тоже заявил в ответ на вопросы членов Государственного совета, что мысль о роспуске Думы даже на канникулы оставлена⁷³. Ему следовало бы добавить: оставлена на время, но об этом Горемыкин предпочел умолчать.

Глава правительства проклинал своего предшественника С. Ю. Витте, который собрал не палату депутатов, а «грязные подонки населения, сплотившиеся в разбойничью шайку». «Теперь, — говорил Горемыкин в начале июня 1906 г., — не остается ничего другого, как распустить Думу, затем созвать ее вновь, повлияв всеми возможными средствами на выборы, а если и это не поможет, то вновь распустить Думу и издать новый избирательный закон»⁷⁴. Ультранправые же прямо объявили созыв Думы «серьезнейшей ошибкой» и указали правительству на «неотложную необходимость водворить железною рукою порядок в измученной родине». Что касается депутатов Думы, то их предлагали отдать под суд как революционеров⁷⁵.

Тем не менее единого мнения по вопросу о судьбе Думы в правящих «верхах» в начале июня еще не было. Различные группировки выявились и на заседаниях Совета министров 7—8 июня 1906 г.⁷⁶ Министры констатировали, что Дума открыто высказывает неуважение к органам исполнительной власти и намерена изменить основы существующего государственного и общественного строя. «Дума, подчинившаяся с первых шагов своей деятельности влиянию крайних партий, стала и продолжает быть центром революционной пропаганды и точкой опоры для революционной журналистики», — говорилось в Особом журнале Совета министров. Отсюда министры делали вывод, что сочетание «революционной» Думы и данного состава правительства представляется «в высокой степени опасным» и тормозит правильный ход государственной жизни.

Однако возможный выход из кризисной ситуации члены кабинета представляли себе по-разному. Министр финансов В. Н. Кокцов, министр народного просвещения П. М. Кауфман и министр иностранных дел А. П. Извольский считали немедленный роспуск Думы роковым шагом, означавшим бы явный разрыв правительства с народом. Испробованы ли уже все средства умиротворения, стал ли роспуск Думы неизбежным? — ставили вопрос министры-либералы и отвечали: нет, «эти средства еще не истощены, их даже почти не пытались применить». Главное из них — установление контактов с более умеренными членами Думы на деловой почве, «и если бы нынешнему составу Совета

министров такая задача оказалась непосильною, то ему надо уступить место другим деятелям, которым она представлялась бы более доступною».

При этом подчеркивалось, что речь идет не о кадетском министерстве как таковом, а о правительстве, пользующемся доверием Думы и состоящем частью из «либеральных» бюрократов, частью из представителей общественности. Правда, В. Н. Коковцов склонялся все же к кадетскому министерству, но главная его мысль заключалась в том, что в вопросе о роспуске Думы нужны осторожность и терпение, что его нельзя решать сгоряча и следовало бы обсудить на Особом совещании под председательством царя. Не нужно спешить, убеждал Коковцов своих коллег, ибо «каждый день существования Думы при проявляемом ею явно революционном настроении роиает авторитет ее в глазах благомыслящей части населения, а следовательно, укрепляет тем самым положение правительства».

Однако большинство членов кабинета (И. Л. Горемыкин, министр Двора В. Б. Фредерикс, военный министр А. Ф. Редигер, морской министр А. А. Бирляев, обер-прокурор Синода А. А. Ширинский-Шихматов, государственный контролер Н. Х. Шванебах, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. С. Стивинский, министр путей сообщения Н. К. Шауфус, министр внутренних дел П. А. Столыпин и министр юстиции И. Г. Щегловитов) полагало, что состав Государственной думы и направление ее работы прямо угрожают существованию государства. «Дума стала у нас опорным пунктом революционного движения, и каждый день укрепления ее в присваиваемой ею себе власти приближает срок открытого взрыва, предвестники которого уже достаточно явственны. Не подлежит сомнению, что если бы политическое положение не было так напряжено, то выжидательная по отношению к Думе политика в расчете на падение ее авторитета в глазах мыслящего населения была бы политикой приемлемою. Но в предвидении неизбежного, быстро приближающегося революционного взрыва такую политику воздержания от мер решительных надо признать недопустимою».

Большинство членов кабинета считало, что компромисс с Думой мог бы выразиться в создании кадетского министерства или правительства, пользующегося доверием Думы. Но и то, и другое должно было бы подчиняться Думе и вести политику, продиктованную ее большинством. Кроме того, неясны были пределы компромисса: «До каких же пределов допускать компромиссы и уступки? До уровня правых или же левых кадетов или же до программы трудовиков?». В любом случае это была бы линия, аналогичная той, которую вел Витте в октябре—ноябре 1905 г., т. е. политика «боязливых уступок и деморализации администрации при растущей дерзости революционных партий». Рапо или поздно такое правительство вынуждено вступить в борьбу с революционерами, но оно будет к тому времени обессилено, а армия и государственный аппарат «демократизирова-

ны». В целом же позиция правительства будет заранее проигранной. Выход отсюда лишь один: твердая решимость предотвратить роковую катастрофу.

«Ввиду сказанного, — говорилось далее в Особом журнале, — большинство членов (Совета министров. — С. Т.) приходят к заключению, что без распускания Государственной думы, которое может быть произведено на точном основании действующего закона, и без принятия самых энергичных мер к подавлению возможных вследствие сего революционных всплеск обойтись невозможно. Откладывать осуществление такого решения на неопределенное время было бы неосторожно, ибо существование нынешней Думы и соединенная с этим невозможность для правительства действительной борьбы с революционным движением с каждым днем подтачивают положение государственной власти. Теперь она может еще распустить Государственную думу, но пройдет некоторое время и будет уже поздно: перевес сил окажется на стороне революционного лагеря. Поэтому правительство должно быть в постоянной готовности прибегнуть к этой решительной мере».

Большое значение имеет при этом и правильный выбор момента роспуска Думы, «дабы оправдать в глазах благоразумной части населения государственную необходимость такой меры». «Стремление Думы уклониться от рассмотрения правительственных законопроектов и какие-либо крайние заключения ее в области общеполитических вопросов могут со дня на день создать этот момент. Правительство должно умело воспользоваться им и, оставаясь на строго законной почве, объявить о роспуске Думы с назначением новых выборов и времени вторичного созыва Думы». Одновременно Совет министров солидаризировался с предложением Коковцова об обсуждении данного вопроса в Особом совещании под личным председательством царя.

Таким образом, в Совете министров судьба I Государственной думы была фактически предрешена, хотя она просуществовала после заседания 7—8 июня еще целый месяц. Как стало известно позже из показаний московского градоначальника А. А. Рейнбота, уже в июне 1906 г. П. А. Столыпин вызвал губернаторов и градоначальников в Петербург и сделал им секретную информацию о том, что Думу решено распустить, но правительство опасается повторения декабрьских событий 1905 г.⁷⁷ Столыпину было ясно, что необходимо тщательно подготовиться к этой акции в военно-полицейском отношении, создать в обществе иллюзию «самоисчерпания» Думы как законодательного органа и «честной игры» между правительством и народными представителями. А это требовало определенного времени.

Пока же правительственный лагерь тщательно маскировал свои истинные намерения. Так, 16 июня Столыпин предупредил Горемыкина, что один из конфиденентов премьеры, князь Касаткин-Ростовский, открыто пересказывает повсюду, со ссылкой на своего высокого друга, содержание упомянутой выше мемории

Совета министров от 7—8 июня по поводу роспуска Думы. «Я боюсь,— писал Столыпин,— как бы такие слухи не встревожили преждевременно общественное мнение, а в Думе не укрепили позиции левых»⁷⁸.

Едва ли не дольше всех сохранял отрицательное мнение по вопросу о роспуске Думы министр иностранных дел А. П. Извольский, хорошо знавший, какой неприятный для царизма резонанс может вызвать подобная акция за рубежом. 22 июня 1906 г. он писал русскому послу в Берлин Н. Д. Остен-Сакену, что единственным выходом из острого конфликта между Думой и правительством видится ему в создании кабинета министров, способного достигнуть взаимопонимания с умеренными элементами Думы. Вместе с тем Извольский как бы мимоходом отмечал, что большинство его коллег по Министерству иностранных дел придерживается диаметрально противоположного мнения⁷⁹.

Однако противники Думы явно набирали силу. В придворных кругах о Думе говорили не иначе, как с отвращением и даже с какой-то гадливостью. В ней видели «очаг революции», возмущались «наглостью» речей депутатов, а трудовиков открыто называли «мерзавцами». Тем не менее единодушия в правящих «верхах» все же не было. Характерна в этом плане запись в дневнике великого князя К. К. Романова (поэта, мецената, президента Академии художеств) от 28 июня 1906 г.: «В обществе много говорят о решительной невозможности правительству, т. е. кабинету Горемыкина, работать с данным составом Государственной думы. Поговаривают о желательности составить новое министерство из умеренных, но более приятных Думе, чем нынешнее министерство. Часто слышим, что мы быстрыми и широкими шагами приближаемся к какому-то страшному бедствию, тем более грозному, что оно неизвестно. Будет ли это гибель царствующего дома, междоусобная война, кровопролитие? Люди положительные, монархического направления жаждут разгона Государственной думы, диктатуры, крутых мер, казней, насилия, террора в ответ на террор. Другие, и я к ним присоединяюсь, полагают, что Думу лучше не трогать и дать ей самой провалиться в общественном мнении»⁸⁰.

Аналогичная картина наблюдалась и в более широких дворянских кругах. Так, на состоявшемся 21—28 мая 1906 г. съезде уполномоченных дворянских обществ 29 губерний России мнения по вопросу о судьбе Думы тоже разделились. Одни требовали немедленного ее роспуска и восстановления самодержавия, другие советовали сохранить Думу, ибо ее роспуск может еще больше взбудоражить массы, а следующая Дума окажется, пожалуй, еще хуже и в ней могут получить преобладание социал-демократы и анархисты⁸¹.

Довольно точно отразил колебания в правящих «верхах» России хорошо информированный петербургский корреспондент немецкой газеты «Hamburger Nachrichten». Он подчеркивал, что сторонники создания кадетского министерства рассчитывают

таким образом выиграть время и одновременно дискредитировать Думу в глазах народа, доказав ему, что соглашение с народными представителями оказалось невозможным, несмотря на проявленную «верхам!» добрую волю. Особого внимания заслуживала данная корреспондентом характеристика настроений «придворной партии», которая считала, что в решающий момент друг против друга будут стоять разрозненная и слабая «толпа» и верные правительству войска, способные склонить чашу весов в пользу царя⁸².

Однако сам царь продолжал колебаться. Он находился в довольно сложном положении: с одной стороны, А. П. Извольский и В. Н. Коковцов внушали ему, что следует уступить кадетам, с другой — П. А. Столыпин убеждал в обратном. Кроме того, царь получил 16 июня записку государственного контролера П. Х. Шванебаха с советом распустить Думу. Сам Николай признавался В. Н. Коковцову, что, хотя он и любит слушать разные мнения и не отвергает с порога даже самые неприятные для него суждения, но поступает всегда в соответствии с тем, что подсказывала ему совесть⁸³. При этом царь не скрывал, что хочет одного: передать своему сыну Алексею все, что сам он получил от отца, Александра III.

В итоге принятие окончательного решения о роспуске Думы затягивалось. Больше того, практически весь июнь прошел под знаком переговоров о создании ответственного перед Думой чисто кадетского или коалиционного кабинета, которые подробно освещены в работах Е. Д. Черменского, В. И. Старцева, В. В. Шелохаева и других исследователей. Переговоры эти отражали борьбу различных закулисных влияний на царя, поочередно бравших верх при дворе, а также бесконечные сомнения самого Николая. Слухи об этом будоражили общественное мнение, то вселяя в либералов надежду, то повергая их в отчаяние. Сложность ситуации усугублялась еще и тем, что переговоры о судьбе министерских портфелей проходили на фоне нараставшей напряженности в Думе и усиления классовой борьбы в стране. Вот почему наряду с элементом политической игры и желанием правящих сфер «подурачить» общество в них был и позитивный момент — поиск компромисса между более прогрессивной частью бюрократической верхушки и буржуазно-либеральной общественностью.

В конечном счете в Петергофе все же возобладало мнение о необходимости проведения консервативно-охранительного, хотя и не доведенного до крайностей курса, одним из компонентов которого был роспуск Думы. Николай II мог пойти на радикальные уступки типа манифеста 17 октября 1905 г. только под давлением чрезвычайных обстоятельств и до тех пор, пока революция не схватила его за горло, отвергал всякую мысль о разделе власти с ненавистными ему кадетами. Таким образом, недостаточная сила революционного натиска масс обернулась поражением кадетов.

К провалу переговоров о создании кадетского министерства привел целый ряд факторов: самодержавные устремления царя и нажим на него со стороны консервативных кругов; позиция кадетов, которые при всей своей предрасположенности к политическим торгам с «верхами» все же сохраняли верность своим принципам, в том числе и особенно ненавистным царю идеям полной политической амнистии и принудительного отчуждения части помещичьих земель⁸⁴; неспособность кадетской Думы сгладить классовые противоречия в стране и банкротство кадетов как противовеса революции. В итоге после 20 июня 1906 г. дело неумолимо шло к роспуску Думы. По утверждению Милюкова, с 24 июня Столыпин уже имел полномочия на роспуск Думы, а не позже 27 июня царь определенно заявил Коковцову, что кадетского министерства не будет⁸⁵. Принципиальное значение имела и петергофская встреча царя с Д. Н. Шиповым 28 июня, в ходе которой Николай II убедился в негативной реакции собеседника на предложение возглавить правительство и вновь столкнулся с выдвинутой Шиповым жесткой альтернативой — либо кадетское министерство либо роспуск Думы.

За десять дней до роспуска Думы, 28 июня 1906 г., кадет Н. А. Гредескул писал в «Речи», что Россия «горит» и стоит накануне решающих событий: или думское министерство — или величайшая катастрофа. Взрыв предрекало в тот же день и «Новое время», возлагая ответственность за него и на правительство, и на кадетов, которые совершили «преступление против закона мирной эволюции», настаивая на «немедленном боевом осуществлении политической программы, тогда как на это требуется очень продолжительное время».

На основании документов, материалов прессы и воспоминаний историк может выстроить вполне определенный хронологический ряд: правительственное сообщение по аграрному вопросу в Думе от 20 июня; заявление царя Коковцову о том, что у него нет больше колебаний, сделанное около 27 июня; и, наконец, совещание у Горемыкина с участием Столыпина и Редигера 2 июля, где, по свидетельству последнего, речь уже шла о роспуске Думы ровно через неделю, 9 июля 1906 г., причем было принято решение срочно вызвать к этому времени в Петербург войска⁸⁶. Слушая 4 июля в Таврическом дворце жаркие дебаты, связанные с обсуждением проекта обращения Думы к народу по аграрному вопросу, Столыпин еще больше утвердился в мысли о необходимости самых решительных и безотлагательных действий. 5 июля он был принят царем в Петергофе⁸⁷, и в тот же день в высших кругах Петербурга стали без обиняков говорить о роспуске Думы 9 июля⁸⁸.

Некоторые подробности, связанные с принятием решения о роспуске Думы, мы узнаем из перлюстрированного полицией письма депутата I Думы князя Г. Е. Львова от 12 июля. Он пишет о том, что правые силы, включая К. П. Победоносцева, оказывали на царя сильнейшее давление, чтобы убедить его в не-

обходимости роспуска Думы: «В пятницу (7 июля.—С. Т.) стало известно, что роспуск решен. Я убеждал Муромцева ехать к царю. Он колебался. Ночью я был у Столыпина, который сказал мне, что роспуск Думы последует. День выберет сам государь. Я обещал Столыпину, что мы постараемся задержать рост возбуждения в Думе и вновь завяжем переговоры с Петергофом. Утром в субботу (8 июля.—С. Т.) я узнал, что роспуск отложен в ожидании уступок со стороны Думы. Муромцев не решился собрать экстренное заседание главарей. Он написал письмо царю, и было решено, что он докажет необходимость вызвать и переговорить с Милюковым и, в случае завяжутся переговоры, ему идти в премьеры, а Милюкову — в министры внутренних дел. Письмо запоздало часом в Петергоф, и роспуск состоялся, как говорят, благодаря воздействию Путяты (спирита)»⁸⁹.

Последние дни перед роспуском Думы были заполнены спешными военно-полицейскими приготовлениями к этой акции. В придворных кругах царило сильное беспокойство⁹⁰. Начиная с 6 июля в столицу стали прибывать войска⁹¹. В перлюстрированном полиции письме из Петербурга от 8 июля говорилось: «Камарилья наводнила Питер войсками, поговаривают о роспуске Думы»⁹².

Утром 8 июля 1906 г. министр иностранных дел А. П. Извольский предупредил иностранных послов, что ввиду ожидаемой в ночь с 8 на 9 июля стачки рядом с посольствами будут размещены войска, которые в случае надобности окажут помощь и защиту сотрудникам дипломатических миссий⁹³.

7 июля Столыпин направил всем генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам циркуляр, в котором говорилось: «Ввиду ожидаемого с ближайших же дней возникновения общих беспорядков прошу немедленно распорядиться обысками, арестами руководителей революционных и железнодорожных, а также боевых организаций и агитаторов среди войск, хранителей оружия и бомб... Кроме того, необходимо сейчас же принять все меры к охранению правительственных и железнодорожных сооружений, телеграфов, банков, тюрем, складов и магазинов оружия и взрывчатых веществ, в особенности узловых станций, предупредив телеграфные сношения агитаторов между собою и поставив в полную готовность охранные поезда. Если заметите, что телеграф в руках мятежников, то предпочтительно закрыть его вовсе. На случай перерыва телеграфа, телефона, обеспечьте заранее способы сношений между органами власти хотя бы при помощи частных лиц. Затребуйте от жандармских начальников сведения о воинских частях, зараженных пропагандой, для сообщений в распределении охраны и имея в виду, что революционеры рассчитывают на выдачу им солдатского оружия. Примите действительные твердые меры к обузданию печати с закрытием, если нужно, типографий и к защите помещичьих владений». Столыпин требовал обеспечить полное единство действий всех административных органов и призвать их к решительному и муже-

ственному исполнению долга. Рекомендовалось также принять и другие необходимые по местным условиям меры к предупреждению и подавлению беспорядков, не ссылаясь, однако, для устранения паники, на данный циркуляр⁹⁴.

Одновременно Столыпин направил телеграмму губернаторам и градоначальникам, в которой уже прямо указывалось, что возникновение беспорядков возможно в воскресенье, 9 июля («Ожидаю от вас самого энергичного отпора мятежным попыткам»⁹⁵). Вряд ли нужно говорить, что распоряжения министра были приняты местными органами МВД к неуклонному руководству и исполнению и привели к целому ряду репрессивных акций в отношении социал-демократических и эсеровских организаций, левой печати и т. д.

Параллельно шла и идеологическая подготовка к роспуску Думы. 1 июля 1906 г. в «Новом времени» была опубликована заметка сына Л. Н. Толстого Л. Л. Толстого, в которой доказывалось, что Дума — «плод болезненного времени» и роспуск ее неизбежен. Ссылаясь на пример Японии, где за последние 17 лет парламент распускался 11 раз, причем никаких волнений и беспорядков после этого не было, Л. Л. Толстой успокаивал русских читателей тем, что «все это проще, чем кажется».

Тоска по сильной власти, по «богатырям мысли и дела» сквозила в статье брата П. А. Столыпина Аркадия⁹⁶ и в очередном фельетоне ведущего публициста «Нового времени» М. О. Меньшикова. Россия гибнет от отсутствия сильной власти, писал последний. Старая бюрократия должна уступить место сильным людям. А если сложилось твердое убеждение, что ни с Думой, ни с кадетской партией нельзя вести государственные дела, заканчивал свои рассуждения Меньшиков, что же мешает распустить Думу?⁹⁷

Еще более откровенно подобные мысли уже давно высказывались в частной переписке. Так, еще 4 мая 1906 г. киевский генерал-губернатор, будущий военный министр В. А. Сухомлинов писал: «Министерство оформилось, по-видимому, недурное, по одного этого ведь мало: нужна сильная и твердая рука при большом государственном уме, чтобы в заварившейся каше разобратся и подать ее к столу в надлежащем виде. Последнего здесь что-то не видно. При таких условиях может получиться большой кавардак». А небезызвестный В. М. Пуришкевич жаловался А. Н. Крупенскому: «Нужен человек с волей и характером, презирающий лай газетной мрази,— такой человек сыграет сейчас историческую роль. Ведь Россия идет по наклонной плоскости к падению. Правительство частью глупо, частью трусливо, частью беспомощно, и никто в среде его не умеет говорить. А теперь это более всего необходимо правым»⁹⁸.

Приготовления к роспуску Думы осуществлялись и по внешнеполитической линии. Видимо, не случайно 5 июля 1906 г. правительственный официоз «Россия» опубликовал статью «Иностранные державы и положение дел в России» за подписью «Dir-

lomaticus», выпедшую из недр ведомства Столыпина⁹⁹. Поводом к ее появлению послужили уже давно циркулировавшие в европейских столицах слухи о возможной австро-германской интервенции в России. Так, в первой декаде июня в связи с поездкой в Берлин великого князя Владимира Александровича английская «Таймс» писала о каких-то переговорах между Россией, Германией и Австро-Венгрией на предмет совместных действий в случае усиления революционного движения в западных областях Российской империи¹⁰⁰. Масла в огонь подлили и беседы, которые имели место в венском дворце Шеннбрун между Францем-Иосифом и Вильгельмом II в том же июне 1906 г. Газеты вообще тогда о соглашении двух императоров «на случай взрыва в России всеобщей революции». Оно предусматривало меры по охране границ Австро-Венгрии и Германии, о чем русское правительство было «дружески» поставлено в известность¹⁰¹.

В России эту информацию немедленно взяла на вооружение печать самых различных политических направлений. Крайне правые запугивали читателей перспективой раздела страны иностранными державами¹⁰². Либералы, не слишком принимая подобные слухи всерьез, старались противопоставить политику Англии и Франции (которые якобы пекутся об упрочении в России конституционного строя), с одной стороны, политике «некоторых других государств» (посылающих к русским границам войска, чтобы в момент смуты извлечь для себя наибольшую пользу из затруднительного положения великой соседки) — с другой¹⁰³. Наконец, в игру вступил и таинственный «Diplomaticus» из «России», который заявил: Германия и Австрия пришли к выводу, что «при известных условиях» их активное вмешательство во внутренние дела России с целью подавления или ограничения революционного движения в ней «могло бы явиться желательным и полезным». Одним из условий осуществления этой акции было бы, как говорилось в статье, ясно высказанное желание русского правительства.

Разумеется, тут же последовали официальные опровержения. Однако В. И. Ленин отнесся к статье правительственного официоза очень серьезно, расценив ее как сознательную угрозу правящих верхов по адресу кадетов: «Не смейте! а то я разгоню Думу и позову австрийские и немецкие полки! Я уже приготовился». Ленин считал, что заговор международной контрреволюции не подлежит сомнению. Но не нужно забывать, продолжал он, что международный резерв есть не только у царского правительства, но и у русской революции. Николай II рассчитывает на реакционные круги Германии, Австрии и других стран, революционная Россия — на социалистический пролетариат Европы и партии II Интернационала. «В добрый час, гг. Треповы! — писал В. И. Ленин, — Стреляйте-ка! Зовите-ка австрийские и немецкие полки против русских крестьян и рабочих! Мы — за расширение борьбы, мы — за международную революцию!»¹⁰⁴

Характерно, что кадетская «Речь» тоже расценила статью «Diplomaticus'a» как стремление правительства воодушевить своих сторонников («Ничего не бойтесь»), а опровержения — как подтверждение того, что сговор в Вене действительно имел место. Однако она советовала Думе быть особенно осторожной и во что бы то ни стало оставаться на почве «права», ссылаясь и на недвусмысленную угрозу правящих «верхов» призвать на помощь войска соседних держав, выраженную в статье «Diplomaticus'a»¹⁰⁵.

Нам неизвестны сегодня факты, говорящие об обращении Николая II за помощью к Германии и Австро-Венгрии накануне роспуска Думы. Видимо, в этом и не было особой необходимости. Однако пропагандистская шумиха, развернутая вокруг проблемы интервенции, говорила о том, что подобная перспектива не исключалась в правящих сферах как «крайнее средство» в борьбе с революцией. Вместе с тем царское правительство не могло не понимать, что морально-политический ущерб, который нанесла бы такая акция династии Романовых, намного превзошел бы все ожидаемые выгоды. Несколько забегая вперед, отметим, что во многих листовках революционных партий и организаций, выпущенных в июле 1906 г., слухи об интервенции использовались для разоблачения антинародной политики Николая II и стали прекрасным агитационным материалом, который сразу же подхватывали широкие народные массы¹⁰⁶. Вдобавок военное вмешательство иностранных держав во внутренние дела России не только окончательно подорвало бы и без того катастрофически упавший после Порт-Артура и Цусимы международный престиж царизма, но и вызвало бы серьезные осложнения в отношениях России с Францией, Англией и рядом других стран. Недаром 7 июля 1906 г. английская либеральная газета «Трибюн», расценившая статью «Diplomaticus'a» как выдумку безответственной придворной клики с целью запугать Думу, на всякий случай предупреждала, что контрреволюционный альянс трех императоров — Николая II, Вильгельма II и Франца-Иосифа — означал бы конец русско-французского союза, а сама интервенция вызвала бы протесты не только со стороны социалистов, но, возможно, и правительств остальных европейских держав.

Вот почему слухи об интервенции остались в июле 1906 г. только слухами, хотя известно, что в случае краха царизма Вильгельм II имел намерение присоединить к Германии всю Прибалтику¹⁰⁷. О стремлении царского правительства избегать в тот период каких-либо «демонстраций» говорит и тот факт, что 28 июня оно отказалось от приема британской военной эскадры на Балтике. Визит эскадры мог быть истолкован по-разному: и как морально-политическая поддержка Николая II его родственником королем Эдуардом VII, и как выражение симпатий английского общественного мнения к русскому конституционализму и демократии, и как недружелюбный шаг России и Англии по отношению к Германии. А ведь такой визит был сущим пустяком

по сравнению с планами вооруженного вмешательства Германии и Австро-Венгрии в ход первой российской революции¹⁰⁸.

Наступило, наконец, и время оформить решение о роспуске Думы в соответствующих документах. Как явствует из дневника Николая II, который вел свои записи очень аккуратно, указ о роспуске Думы был подписан царем во время посещения И. Л. Горемыкиным Петергофа 7 июля 1906 г., хотя и датирован уже следующим днем. Об этом же пишет в своих воспоминаниях и французский посол в России М. Бомпар: 20(7) июля Горемыкин подписал у царя в Петергофе указ о роспуске Думы с датой 21(8) июля¹⁰⁹.

8 июля, согласно записи в камер-фурьерском журнале, где фиксировались все приемы у царя и царицы, Николай II привял в 16 час. 45 мин. Столыпина, а в 18 час. 55 мин.—Горемыкина вместе со Столыпиным¹¹⁰. Во время этих встреч и были оформлены царские указы об отставке Горемыкина и назначении Столыпина на пост Председателя Совета министров. Сам царь записал в дневнике в тот день: «Занятой, утомительный день, напомнивший мне те дни, предшествовавшие 17-му октября прошлого года. От 5 до 8 1/2 разговаривал с Горемыкиным, который уходит, и с Столыпиным, назначенным на его место»¹¹¹.

В. Н. Коковцов в своих воспоминаниях (в основе их тоже лежали записи дневникового характера) соединяет в одну красочную сцену подписание указа о роспуске Думы и указа о назначении Столыпина главой правительства и относит ее к 8 июля. Особый интерес для нас представляют приведенные в этих воспоминаниях (видимо, со слов Столыпина) высказывания Николая II в столь важный исторический момент, каким, несомненно, был роспуск Думы и смена главы правительства. «Все мы, и я в первую очередь,—сказал царь,—понесем ответственность за нашу слабость и нерешительность. Бог знает, что произойдет, если не распустить этого очага призыва к бунту, неповиновения властям, издевательства... и нескрываемого стремления вырвать власть из рук правительства, которое назначено мною, и захватить ее в свои руки, чтобы тотчас же лишить меня всякой власти и обратить в послушное орудие своих стремлений, а при малейшем несогласии моем просто устранить и меня... Я обязан перед моей совестью, перед Богом и перед родиной бороться и лучше погибнуть, нежели без сопротивления дать всю власть тем, кто протягивает к ней свои руки». Затем Николай II перекрестил Столыпина, обнял, поцеловал его и спросил, когда и какие сделать распоряжения для поддержания порядка в Петербурге и Москве¹¹².

После этого Горемыкин, а через некоторое время и Столыпин направились в Петербург, где сообщили о роспуске Думы и переменах в составе правительства остальным министрам. Как вспоминал товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский, на этом заседании Совета министров присутствовали и высшие чины МВД. Директор Департамента полиции М. И. Тру-

евич докладывал о мерах, принятых по линии его ведомства на случай возможных на следующий день беспорядков. Столыпин, добавляет Крыжановский, скромно сидел и помалкивал: дело было сделано. Выходя с заседания, Коковцов бросил в сердцах: «Что будет в стране, точно не знаю, но на бирже будет полный крах, это несомненно»¹¹³.

Что же представляли собой царские указы 8 июля 1906 г.? Указ о роспуске Думы гласил: «На основании статьи 105 Свода Основных государственных законов, издания 1906 года, повелеваем: Государственную думу распустить, с назначением времени созыва вновь избранной Думы на 20-е февраля 1907 года. О времени производства новых выборов в Государственную думу последует от нас особый указ. Правительственный Сенат не оставит учинить к исполнению сего подлежащее распоряжение. Николай»¹¹⁴.

Текст указа был составлен таким образом, что позволял продемонстрировать верховную власть царя, но вместе с тем ставил роспуск Думы на вполне законную почву, давая точную ссылку на соответствующую статью Основных законов 1906 г. Одновременно указанием на созыв новой Думы в феврале 1907 г. устраивалась (по крайней мере формально) возможность обвинения царя в отказе от представительного законодательного учреждения вообще, хотя и оставалось неясно, будет ли сохранен существующий избирательный закон или нет.

8 июля царь подписал еще несколько указов, также опубликованных в «Правительственном вестнике» 9 июля. Одним из них Петербург был объявлен на положении чрезвычайной охраны. Далее следовали два высочайших именных указа. Первый: «Снисходя на просьбу Председателя Совета министров, члена Государственного совета, сенатора, действительного тайного советника Горемыкина, всемилостивейше увольняем его от занимаемой им должности Председателя Совета министров с оставлением членом Государственного совета и в звании сенатора». И второй: «Министру внутренних дел, Двора нашего в звании камергера, действительному статскому советнику Столыпину всемилостивейше повелеваем быть Председателем Совета министров с оставлением его в должности министра внутренних дел и в придворном звании». Был уволен от занимаемой должности и главноуправляющий землеустройством и земледелием А. С. Стишинский, а 9 июля то же проделано с обер-прокурором Синода А. А. Ширинским-Шихматовым (оба они были известны как крайние реакционеры). Как утверждает Извольский, их отставка являлась одним из условий согласия Столыпина занять пост премьера¹¹⁵.

Таким образом, в отличие от смены кабинета, произведенной накануне созыва I Государственной думы, когда в отставку ушли С. Ю. Витте, министры внутренних дел П. Н. Дурново, юстиции — М. Г. Акимов, иностранных дел — В. Н. Ламздорф, народного просвещения — И. И. Толстой и обер-прокурор Синода А. Д. Оболенский, масштабы перемен в июле 1906 г. были гораздо скром-

нее. Обращает на себя внимание и тот факт, что произошла дальнейшая концентрация власти в руках главы правительства, оставшегося одновременно и руководителем полицейского ведомства. При этом Николай II в своем обычном, несколько иезуитском стиле закамуфлировал еще более решительный поворот вправо отставкой трех реакционных членов кабинета (хотя ультрареакционер П. X. Шванебах сохранил свой пост).

Однако правящим сферам было ясно, что, помимо указа от 8 июля, нужен и другой, более развернутый официальный документ с объяснением мотивов предпринятого царем чрезвычайного шага и разъяснением основ будущего правительственного курса. Как рассказывает С. Е. Крыжановский, ночь перед роспуском Думы ему пришлось провести без сна, так как шло составление текста царского манифеста к народу. На дачу Столыпина на Аптекарском острове были приглашены также И. Г. Щегловитов и А. Д. Самарин. Участвовал в работе и сам премьер, стремившийся придать тексту манифеста более приподнятый, торжественный характер. Настроение было тревожное, под утро караул у дачи усилили, но, по словам Крыжановского, «все обошлось»¹¹⁶.

Утром 9 июля Столыпин обратился к царю с письмом, в котором сообщал, что посылает два проекта манифеста к народу по случаю роспуска Думы. Если один из них будет одобрен, писал он, то в тот же день его напечатают, «чему я придаю громадное значение»¹¹⁷. Авторы первого, более краткого, проекта был сам Столыпин, второго — Самарин и Щегловитов. Проекты были очень близки по содержанию (точнее говоря, писались они явно по одной и той же схеме) и общему тону. Столыпин, однако, предлагал усилить ту часть манифеста, где содержались угрозы в адрес «ослушников закона». Если Самарин и Щегловитов предлагали ограничиться фразой: «Да будет же ведомо, что мы не допустим никакого своеволия и беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению нашей царской воле», то Столыпин настаивал на более устрашающей формулировке: «... и не останавливаясь ни перед чем, приведем ослушников закона к подчинению нашей царской воле». Столыпин был более склонен к патетике в той части проекта, где речь шла об основных контурах будущей аграрной реформы. «Приняв перед престолом всевышнего обет всеми силами стремиться к благоденствию вверенной нам земли русской, мы направим наши отеческие заботы на немедленное поднятие благосостояния дорогого нашему сердцу крестьянства. Просторна еще земля русская, и пахарь русский без ущерба чужому владению получит там, где существует теснота земельная, законный и честный способ расширить свое землевладение»¹¹⁸.

Царь отдал предпочтение проекту Самарина и Щегловитова, который и был опубликован в ночь с 9 на 10 июля отдельным изданием, а 11 июля — в «Правительственном вестнике». Пытаясь как-то мотивировать роспуск Думы, манифест ставил депутатам в вину ряд противозаконных деяний, которые якобы и за-

ставили царя пойти на такой экстраординарный шаг. «Выборные от населения, — говорилось в манифесте, — вместо работы строительства законодательного, уклонились в непринадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас местных властей, и указаниям нам на несовершенство законов основных, изменения которых могут быть предприняты лишь нашею монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению». Эти действия депутатов «смутили» крестьян, которые перенли в ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества и неповиновению властям, так что в итоге царю не оставалось ничего иного, кроме роспуска Думы.

Предупредив (хотя и без столыпинских угроз) «ослушников», манифест призвал всех «благомыслящих русских людей» объединиться для поддержания законной власти и восстановления мира в «нашем дорогом отечестве». «Верные сыны России! — говорилось в заключительной части документа. — Царь вас призывает вас, как отец своих детей, сплотиться с ним в деле обновления и возрождения нашей святой Родины. Верим, что появятся богатыри мысли и дела и что самоотверженным трудом их воссияет слава земли Русской». Одновременно в манифесте содержались смутные намеки на предстоящие реформы и в первую очередь на меры по расширению крестьянского землевладения (разумеется, без «покушения» на помещичью собственность).

Характерна запись, сделанная Николаем II в дневнике 9 июля: «Свершилось! Дума сегодня закрыта. За завтраком после обеда заметны были у многих вытянувшиеся лица. Днем составлялся и переписывался манифест на завтра. Подписал его около 6 часов»¹¹⁹.

10 июля царским указом была приостановлена до 20 февраля 1907 г. и работа Государственного совета¹²⁰.

Сразу же после роспуска Думы возникла версия о том, что в последний момент Николай II якобы отменил свое решение, но по вине Горемыкина, приказавшего не будить его в ночь с 8 на 9 июля, царская воля не была выполнена. Эта полудетективная история не только обошла мемуары ряда политических деятелей¹²¹, но и стала предметом специального разбирательства на одном из заседаний Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством после Февральской революции 1917 г.

Бывшему министру финансов, а затем и Председателю Совета министров В. Н. Коковцову было задано несколько вопросов, связанных с обстоятельствами роспуска I и II Государственных дум. Отвечая на них, Коковцев сказал, что в ночь с 8 на 9 июля 1906 г. И. Л. Горемыкин якобы «получил пакет от бывшего императора с указанием приостановиться с роспуском, но указ уже был передан министру юстиции для распубликования, утром прибыл на дверях Государственной думы и опубликован через „Правительственный вестник“». При этом Коковцов видел в действиях

Горемыкина не какой-то хитроумный политический маневр с целью парализовать возможные колебания царя, а чисто житейскую ситуацию, объяснявшуюся эпикурейскими наклонностями экс-премьера, обрадованного освобождением от тяготивших его обязанностей главы правительства (Горемыкин, согласно показаниям Коковцова, говорил: «Теперь я пойду спать. Пожалуйста, меня не будите»)¹²². Характерно, что всю эту историю, по словам Коковцова, передавали в июле 1906 г. в Петербурге как «непререкаемый» факт. Однако позже в своих мемуарах, в основе которых лежали делавшиеся по горячим следам событий записи дневникового характера, Коковцов уже писал, что не верит этому рассказу¹²³.

Существует и еще одна, притом очень красочная версия событий 8–9 июля, изложенная в изданных в 1934 г. в Германии мемуарах начальника Петербургского охранного отделения А. В. Герасимова. Он утверждает, что провел ночь с 8 на 9 июля 1906 г. на квартире Горемыкина, где находились также Столыпин и еще кто-то из министров, в томительном ожидании гонца из Петергофа, который должен был доставить в столицу подписанные царем указы о роспуске Думы и изменениях в составе правительства.

Пикантность ситуации заключалась в том, что на словах Николай II разрешил 8 июля Горемыкину принять все необходимые меры, связанные с роспуском парламента, и даже сообщить об этом прессе, но соответствующие документы оставил при этом якобы у себя, пообещав прислать их позже. Однако время шло, а указы с царской подписью все не было. Около полуночи Горемыкин, который уже запустил в ход военно-полицейскую машину, призванную обеспечить сохранение порядка во время этого «конституционного переворота», позвонил в Петергоф Трепову, но тот сухо ответил, что об указах ему ничего не известно. Горемыкин пришел в страшное волнение и начал уже подумывать о том, как бы отменить принятые в отношении Думы меры. При этом он прекрасно сознавал, что царь ставит правительство в глуейшее положение. Однако на рассвете, как пишет Герасимов, документы были все же доставлены, и 9 июля роспуск I Государственной думы стал совершившимся фактом¹²⁴.

Сегодня трудно судить о достоверности приведенных Герасимовым фактов. Бросается, однако, в глаза разительное несоответствие его версии легенде о нектати «заснувшем» Горемыкине, которую передавали из уст в уста в петербургских гостиницах в июле 1906 г., а также совершенно бесспорным дневниковым записям царя, о чем уже говорилось выше.

Так или иначе, остается ощущение какой-то закулисной возни, которая шла 8–9 июля вокруг указа о роспуске Думы и отзвуки которой дошли до нас в мемуарной литературе. Не исключено, что слухи о «случайности» этого акта, «прозрении» царя и его готовности пойти на попятный были одним из серии отвлекающих маневров, задуманных в «верхах», чтобы лишний раз об-

мануть общественное мнение и переложить ответственность за роспуск Думы с Николая II на непопулярного в народе Горемыкина и других министров. Можно предположить, что мы имеем здесь дело с типичным случаем игры в «испорченный телефон», когда из-за недостатка объективной информации реальная картина борьбы, которая шла в ближайшем окружении монарха по вопросу о роспуске Думы, стала обрастать (возможно, не без помощи искусных «режиссеров») разного рода вымыслами и анекдотами.

Несомненно, что слухи выростали не на пустом месте. О колебаниях Николая II рассказывал, например, французский посол в Петербурге М. Бомпар, утверждавший, что В. Б. Фредерикс и Д. Ф. Трепов советовали царю отложить исполнение подписанного им указа о роспуске Думы до беседы с ее председателем С. А. Муромцевым, который по их же рекомендации попросил аудиенции в Петергофе. Однако, если верить Бомпару, Горемыкин уговорил Николая II не менять принятого решения. Французский посол сообщил и еще один интересный эпизод, ярко характеризующий атмосферу крайней неуверенности и нервозности, царившую в те дни в правящих сферах. Когда 8 июля Горемыкин совершенно неожиданно для него получил приказ немедленно явиться в Петергоф с текстом указа о роспуске Думы, подписанного накануне царем, он был уверен, что придворная машина «дала задний ход». Укладывая документ в портфель, старый царедворец не удержался якобы от слов: «Я его больше не увижу». Однако опасения Горемыкина не оправдались¹²⁵.

Совершенно очевидно, — и тому есть мемуарные подтверждения, что противники роспуска Думы действительно старались «нажать» в последний момент на царя. Миллюков, например, приводит в своих воспоминаниях слова Д. Ф. Трепова, якобы сказанные им после того, как он узнал о решении царя распустить Думу: «Это ужасно! Утром мы увидим здесь весь Петербург!», на что Горемыкин мрачно заметил: «Те, кто придут, назад не вернутся». Однако переломить настроение Николая Трепов уже не смог¹²⁶.

Так закончилась изобиловавшая бурными, драматическими моментами предыстория июльского кризиса. Царизм ответил на нарастание революционной волны и рост оппозиционных настроений в обществе роспуском Государственной думы. Вопрос заключался теперь в том, как ответят на это революционные и оппозиционные партии и, главное, народ.

¹ См.: *Ascher A. The Revolution of 1905. Russia in Disarray. Stanford, 1988. P. 341.*

² *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 225.*

³ См.: *Ленинский сборник XXV. М., 1933. С. 138—139.*

⁴ Там же. С. 132—133 (подсчет автора).

⁵ Там же. С. 138—139 (подсчет автора).

⁶ См.: *Дубровский С. М. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956. С. 42.*

- ⁷ См.: *Сидельников С. М.* Образование и деятельность I Государственной думы. М., 1962. С. 327.
- ⁸ На очередные темы. СПб., 1906. С. 65–66.
- ⁹ ЦГИА СССР. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 1981. Л. 5.
- ¹⁰ Там же. Д. 1982. Л. 6, 9, 29, 89.
- ¹¹ Там же. Д. 1981. Л. 26.
- ¹² См.: *Bushnell J.* Mutiny amid Repression. Bloomington, 1985. P. 173.
- ¹³ Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. М., 1963. С. 294.
- ¹⁴ ЦГИА СССР. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1105. Л. 127 об.–131.
- ¹⁵ См.: *Греков Б. И., Шацкило К. Ф., Шелухаев В. В.* Эволюция политической структуры России в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1988. № 5. С. 41–42. По мнению авторов статьи, уровень внутриполитической напряженности в России можно оценить в 1905 г. индексом 1,175, а в 1906 г. – 1,173 (Там же, С. 49).
- ¹⁶ См.: ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 172. Л. 13 об.–14.
- ¹⁷ См.: *Бовыкин В. И.* Формирование финансового капитала в России. М., 1984. С. 54–55.
- ¹⁸ См.: *Балабанов М. С.* Промышленность в 1904–1907 гг. // Общественное движение в России в начале XX-го века. СПб., 1912. Т. IV. С. 90.
- ¹⁹ См.: Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 267–268.
- ²⁰ См.: *Першин П. Н.* Аграрная революция в России: От реформы к революции. М., 1966. Кн. 1. С. 48–49.
- ²¹ Цит. по кн.: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 172–173.
- ²² См.: Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М.; Л., 1926. С. 337.
- ²³ См.: Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции // Вопр. ист. 1990. № 5. С. 97.
- ²⁴ См.: ЦГИА СССР. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 1980. Л. 9 об.
- ²⁵ Русские финансы и европейская биржа ... С. 337–338.
- ²⁶ *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 249.
- ²⁷ Там же. С. 250.
- ²⁸ Русские финансы и европейская биржа ... С. 338.
- ²⁹ См.: *Сидельников С. М.* Указ. соч. С. 190.
- ³⁰ В английской Палате общин, например, было лишь 4 рабочих и крестьянина, в итальянском парламенте – 6, во французской Палате депутатов – 5, в германском Рейхстаге – 17 (см.: Первая Государственная дума. СПб., 1907. Вып. I. С. 1).
- ³¹ См.: Думский сборник. Государственная дума первого созыва. СПб., 1906. С. 9–10.
- ³² См.: *Сидельников С. М.* Указ. соч. С. 196.
- ³³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 305.
- ³⁴ См.: Второй период революции. М., 1961. Ч. 2, кн. I. С. 22, 28–30. Несмотря на бойкотистские или полубойкотистские (участие только в первых стадиях выборов) настроения членов революционных партий по отношению к I Думе, в нее без санкции комитетов РСДРП было избрано несколько социал-демократов или сочувствовавших социал-демократии рабочих. Сначала они вошли в Трудовую группу, затем образовали Рабочую группу, а после того как в Петербург прибыли пять депутатов социал-демократов с Кавказа, где выборы происходили уже после отмены тактики бойкота, все представители рабочего класса составили 12 июня 1906 г. думскую фракцию РСДРП, действовавшую под руководством ЦК партии. Наиболее активными членами фракции были Н. Н. Жордания, С. Н. Церетели, И. Г. Гомартели, С. Д. Джапаридзе, И. И. Рамишвили, а также рабочие М. И. Михайличенко, И. Ф. Савельев, З. И. Выровой, Б. Д. Диденко и др. Всего в социал-демократическую фракцию I Думы входили 18 депутатов. Большевиков среди них не было.
- ³⁵ См.: *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. Кн. 2. На ущербе ре-

- волюции. Берлин. 1924. С. 57. В дальнейшем Войтинский отошел от большевиков, стал меньшевиком, а после Октября эмигрировал.
- 86 См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 22.
- 87 См.: Государственная дума. Стеногр. отчеты. Сес. первая. СПб., 1906. Т. 1. Стб. 75.
- 88 Зад заседания демонстративно покинули только октябристы во главе с П. А. Гейденом (в июне они образовали фракцию „мирнообновленцев“). Рабочие депутаты также были против принятия адреса, но поскольку они остались в зале, то формально считались поддерживавшими кадетский проект. Трудовики, несмотря на критику проекта, голосовали на него.
- 89 ЦГИА СССР. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1146. Л. 2–3.
- 90 Там же. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 1980. Л. 50.
- 91 См.: *Кокорцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. Париж, 1933. Т. 1. С. 184.
- 92 См.: Государственная дума Стеногр. отчеты. 1906 г. Сес. первая. Т. 1. Стб. 323.
- 93 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 106.
- 94 См.: Государственная дума. Стеногр. отчеты. Сес. первая. Т. 1. Стб. 324–325.
- 95 Там же. Стб. 350, 326, 327, 352.
- 96 См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 597. Л. 1–4.
- 97 См.: Петербургский комитет РСДРП. Протоколы и материалы заседаний. Июль 1902 – февраль 1917. Л., 1986. С. 223–225.
- 98 См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 600. Л. 1–2.
- 99 См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 23.
- 100 См.: Петербургский комитет РСДРП... С. 226–227, 232–233.
- 101 См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 223–226, 229–230; *Шустер У. А.* Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Л., 1976. С. 239.
- 102 См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 425.
- 103 См.: Светоч. 1906. 18, 21, 25 мая.
- 104 См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. VI. С. 229.
- 105 Дума направила в Белосток специальную комиссию для расследования обстоятельств дела и действий царских властей, чем вызвала настоящее бешенство правых кругов.
- 106 См.: *Колесниченко Д. А.* Трудовики в период первой российской революции. М., 1985. С. 86.
- 107 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 206.
- 108 Там же. С. 165.
- 109 ЦГИА СССР. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 1982. Л. 40.
- 110 Там же. Л. 1а.
- 111 Там же. Л. 14, 23.
- 112 Там же. Л. 16.
- 113 Там же. Л. 65.
- 114 Там же. Л. 49.
- 115 См.: *Брамсон Л. М.* К истории Трудовой группы. Пг., 1917. С. 69.
- 116 См.: Былое. 1917. № 4. С. 236, 244.
- 117 См.: *Кокорцов В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 168–169.
- 118 Там же. С. 189.
- 119 ЦГИА СССР. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 1980. Л. 176.
- 120 Там же. Л. 161.
- 121 Там же. Д. 1982. Л. 13, 43.
- 122 АВРР. 2 (газетная) экспедиция Канцелярии МИД России. Оп. 476. Д. 441. Л. 8 об.
- 123 ЦГИА СССР. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 1982. Л. 35.
- 124 Красный архив. 1923. Т. 4. С. 114 (записки А. А. Половцева).
- 125 Московские ведомости. 1906. 4, 9 июня.
- 126 См.: Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. М., 1982. Ч. 1. С. 32–43.
- 127 См.: Речь. 1910. 7 июля.
- 128 ЦГИА СССР. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1233. Л. 1.

- ⁷⁹ См.: *Iswolsky A.* Au service de la Russie. Paris, 1937. Vol. 1. P. 53, 208, 314, 321; см. также: ЦГИА СССР, Ф. 1982. Оп. 2. Д. 1982. Л. 27.
- ⁸⁰ Красный архив. 1931. Т. 2(45). С. 123–124.
- ⁸¹ См.: *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 229–230.
- ⁸² См.: ЦГИА СССР, Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1105. Л. 126–126 об.
- ⁸³ См.: *Кокорцов В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 200–201.
- ⁸⁴ См.: *Милюков П. Н.* Год борьбы. СПб., 1906. С. 499.
- ⁸⁵ См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 389; *Кокорцов В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 201.
- ⁸⁶ См. Красный архив. 1933. Т. 5 (60). С. 115.
- ⁸⁷ См.: Дневник императора Николая II. Берлин, 1923. С. 244.
- ⁸⁸ См.: *Кокорцов В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 208.
- ⁸⁹ ЦГАОР СССР, Ф. 102. Оп. 265. Д. 89. Л. 22.
- ⁹⁰ См.: Красный архив. 1933. Т. 5(60). С. 115; 1931. Т. 2(45). С. 124–125.
- ⁹¹ См.: ЦГАОР СССР, Ф. 102. Оп. 265. Д. 87. Л. 55.
- ⁹² Там же. Л. 81.
- ⁹³ См.: *Извольский А. П.* Воспоминания. Пг.; М., 1924. С. 130–131.
- ⁹⁴ ЦГАОР СССР, Ф. 102. Оп. 236. Отд. 11. 1906 г. Д. 716. Л. 2–2 об.
- ⁹⁵ Там же. Л. 1.
- ⁹⁶ Ночное время. 1906. 1 июля.
- ⁹⁷ Там же. 5 июля.
- ⁹⁸ ЦГИА СССР, Ф. 1982. Оп. 2. Д. 1980. Л. 37, 58 об.
- ⁹⁹ См.: *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986. С. 129.
- ¹⁰⁰ АВПР. Ф. 2 (газетная) экспедиция Канцелярии МИД России. Оп. 476. Д. 441. Л. 11.
- ¹⁰¹ См.: *Игнатъев А. В.* Указ. соч. С. 127.
- ¹⁰² См.: Московские ведомости. 1906. 25 июня. Характерно в этом плане и перлюстрированное полицией письмо, направленное в начале июня из Тамбова. В нем говорилось: «Да, ждали много от Думы, думали, что она умиротворит нашу родину, а выходит, что, должно быть, придется усмирять и водворять мир у нас, как в Китае. Вильгельм только и ждет, чтобы двинуть свои войска и забрать за усмирение Прибалтийский край» (ЦГИА СССР, Ф. 1982. Оп. 2. Д. 1982. Л. 24).
- ¹⁰³ См.: Речь. 1906. 23 июня.
- ¹⁰⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 303.
- ¹⁰⁵ Речь. 1906. 6, 8 и 9 июля.
- ¹⁰⁶ Упоминания об этом встречаются в листовках Петербургского, Пермского, Минского окружного и Саратовского комитетов РСДРП, ЦК Латышской социал-демократии, обращении ВКС к крестьянам, листовке ВЖС и ряде эсеровских прокламаций. См.: ЦГАОР, Ф. 1741. Ед. хр. 26 783, 21 826, 11 518, 11 548, 32 299, 16 588 и др.).
- ¹⁰⁷ См.: *Бюлов Б.* Воспоминания. М., 1935. С. 320–321.
- ¹⁰⁸ См.: *Игнатъев А. В.* Указ. соч. С. 124–125. Характерно, что в личной телеграмме королю Эдуарду VII Николай II прямо ссылался на беспорядки в стране.
- ¹⁰⁹ См.: Дневник императора Николая II. Берлин, 1923. С. 244; ЦГИА СССР, Ф. 516. Оп. 2. Д. 206. Л. 26; *Wotpard M.* Mon ambassade en Russie (1903–1908). Paris, 1937. P. 222.
- ¹¹⁰ ЦГИА СССР, Ф. 516. Оп. 2. Д. 206. Л. 27 об.– 28.
- ¹¹¹ Дневник императора Николая II. С. 244.
- ¹¹² См.: *Кокорцов В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 213–215.
- ¹¹³ См.: *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. Петрополис, б. г. С. 91–92.
- ¹¹⁴ Правительственный вестник. 1906. 9 июля.
- ¹¹⁵ А. П. Извольский вспоминал, что на заседаниях Совета министров Стишинский и Ширинский-Шихматов постоянно твердили, что для нормальной деятельности правительства надо восстановить самодержавие (*Извольский А. П.* Воспоминания. С. 120, 135).
- ¹¹⁶ *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. С. 92.
- ¹¹⁷ ЦГАОР СССР, Ф. 601. Оп. 1. Д. 909. Л. 9.

- ¹¹⁰ Там же. Л. 15, 5.
- ¹¹¹ Дневник императора Николая II. С. 245.
- ¹¹² Правительственный вестник. 1906. 11 июля.
- ¹¹³ См.: *Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 231; *Миллюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 401; *Коковцов В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 218–219; *Курлов П. Г.* Конец русского царизма. М.: Пг., 1923. С. 60; и др.
- ¹¹⁴ Падение царского режима. М.: Л., 1927, Т. VII. С. 96–97.
- ¹¹⁵ См.: *Коковцов В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 219.
- ¹¹⁶ См.: *Ганелин Р. Ш.* Царизм и I Государственная дума // Новое о революции 1905–1907 гг. в России. Л., 1989. С. 34–35.
- ¹¹⁷ См.: *Вотпарт М.* Op. cit. P. 224.
- ¹¹⁸ См.: *Миллюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 400.

ВЫБОРГСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ЧЛЕНОВ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Подготовка к совещанию

Официальное уведомление о роспуске Думы ее председатель С. А. Муромцев получил от П. А. Столыпина лишь в 9 час. утра 9 июля. Однако еще в половине третьего ночи к начальнику охраны Таврического дворца прибыл курьер из Сенатской типографии с целым тюком экземпляров только что отпечатанного царского указа, который надлежало расклеить у входа во дворец и на близлежащих улицах¹. Около 4 час. утра о роспуске Думы стало известно и в редакциях ведущих петербургских газет. Лидер кадетской партии П. Н. Миллюков, всю ночь готовивший очередной номер «Речи», только что вернулся домой и еще не успел заснуть, как в его квартире раздался телефонный звонок. Сначала Миллюков не поверил сообщению о роспуске Думы (сколько таких «уток» было за последние два месяца!) и попросил не мешать ему спать, но через полчаса новость подтвердилась. Стало очевидно: то, чего давно ждали, надеясь все же в глубине души на благоразумие властей, свершилось. Налицо была совершенно новая ситуация, требовавшая от теперь уже бывших членов бывшей Государственной думы и в первую очередь от ее ведущей кадетской фракции незамедлительных решений и действий, если они не хотели тихо и покорно уйти в политическое небытие. Вот почему Миллюков срочно принялся за организацию экстренного заседания ЦК партии «народной свободы»².

Пройдет почти 50 лет, и в изданных в Нью-Йорке мемуарах П. Н. Миллюкова снова как бы оживет яркая картина того памятного июльского утра 1906 г.: пустынные улицы досматривающего последние сны Петербурга, тишина и одинокая, довольно странная в столь ранний час фигура respectableного господина профессорского вида, энергично крутящего педали своего велосипеда. Так Миллюков собирал на экстренное заседание членов ЦК партии «народной свободы»³. Оно должно было состояться на квартире председателя думской фракции кадетов И. И. Петрункевича в 8 час. утра и, если учесть, что в Петербурге находилось тогда более 20 членов ЦК кадетской партии, то нельзя не признать, что организовали заседание достаточно оперативно.

Между тем стали поступать сообщения о том, что здание Таврического дворца, где заседала Дума, оцеплено полицией и войсками. Та же картина наблюдалась у кадетского партийного клуба. В целом же в Петербурге сохранялось внешнее спокойствие.

Обычно пустынный в воскресный летний день, город казался на этот раз особенно унылым и безлюдным. Многие петербуржцы выехали на воскресенье за город. Студенты были на каникулах. Вдобавок в утренних номерах газет о роспуске Думы еще ничего не сообщалось, и известие об этом важном событии распространилось довольно медленно. Поэтому понятно, почему настроение кадетских лидеров, собиравшихся на заседание ЦК, было растерянным и подавленным: создавалось впечатление, что распущенная Дума — по крайней мере в данный момент — осталась один на один с правительством и его военно-полицейской машиной.

Нельзя сказать, что роспуск Думы явился для кадетов полной неожиданностью. Ведь на заседании их ЦК еще 8—9 апреля 1906 г. был впервые поднят вопрос о том, что надлежит делать членам Думы в случае ее преждевременного роспуска, но обсуждение его было призвано тогда преждевременным⁴. 3 июня ЦК партии кадетов высказался за то, чтобы не прерывать работу Думы на летние каникулы. А буквально на следующий день там снова очень подробно обсуждался вопрос, «как отнестись нашей фракции в Думе к навязываемым Думе каникулам, какие употребить способы к устранению таковых и как поступить в том случае, если Дума будет распущена вопреки своему желанию». При этом, как отмечено в протоколе заседания от 4 июня, прения были горячими и продолжительными. Милоков заявил, что в случае роспуска Думы кадетские депутаты встанут перед выбором: либо разбегаться по домам и готовиться к новой избирательной кампании, либо не подчиняться решению властей и объявить себя временным правительством. Тем самым, продолжал Милоков, кадеты оказали бы серьезную услугу революционному движению, но сами сразу же оказались бы у него в хвосте (а этого кадеты, как известно, очень не любили).

Лидер кадетской партии выступил за то, чтобы не входить в конфликт с правительством. Его поддержал и В. Д. Набоков, подчеркнувший, что неподчинение царскому указу будет революционным актом и партия «народной свободы» потеряет в этом случае лицо конституционной, парламентской партии. Но одновременно раздавались голоса и в пользу призыва к неповиновению царскому указу. М. М. Винавер, например, говорил: «Нужна жертва ... нужно внешнее сопротивление, сопровождаемое или общим арестом или физическим разгоном». Он подчеркнул, что кадеты не должны быть сторонниками легальности во что бы то ни стало и предложил предоставить тем депутатам, которые не захотят подчиниться указу о роспуске Думы, право продолжать думские заседания нелегально. Винавер поддержал мысль Н. Н. Черненко о возможности создания революционного думского комитета за границей и высказался за соглашение с другими партиями, но отрицательно отнесся к переговорам с Трудовой группой, на чем, наоборот, настаивали Н. Н. Черенков и А. А. Корнилов.

Судя по протоколам кадетского ЦК, вопрос о позиции трудящихся в случае роспуска Думы очень волновал лидеров партии

«народной свободы». Так, член ЦК кадетской партии А. А. Муханов прямо заявил, что если трудовики не подчинятся воле царя, а кадеты будут следовать «указаниям Павла Николаевича» (Милюкова) и покорно покинут Таврический дворец, то в этом случае как партия они погибнут.

И. И. Петрункевич советовал не драматизировать ситуацию и ограничиться тем, что разъяснить народу, почему не выполнены взятые на себя Думой обязательства, а «все остальное предоставить индивидуальным условиям и характерам». Наконец, Л. И. Петражицкий, как истинный философ, предлагал вообще ничего не предпринимать.

С наибольшей откровенностью, доходящей до цинизма, высказался член ЦК Ф. В. де Роберти: «Для малокультурного народа необходим символизм, и потому надо устроить спектакль и не расходиться добром, а заставить полицию вытолкать, а перед этим — хорошо составленное обращение к народу».

Тогда же на заседании 4 июня было решено подготовить и проект декларации на случай роспуска Думы. Однако составлен он не был (очевидно, кадетов отвлекли переговоры о формировании ответственного министерства, которые снимали, по их мнению, вопрос о роспуске), и существенных практических последствий для партии «народной свободы» описанная выше дискуссия в ЦК не имела⁵.

Интересен в этой связи отрывок из перлюстрированного копии частного письма одного из кадетских депутатов от 6 июня 1906 г.: «Встал вопрос, что делать в случае роспуска? Для трудовиков-главарей и крайних партий вопрос был по обыкновению крайне прост и ясен: превращаться немедленно в Учредительное собрание (предварительно, разумеется, выехавши в Финляндию или за границу) и выпустить воззвание к народу с призывом с оружием в руках немедленно подняться всем. Готов ли народ на организованное выступление, есть ли надежда на победу? На все эти мучительные вопросы люди революционного образа мышления отвечали очень спокойно: нужно быть впереди революции, а там будь, что будет. Но мы рассуждали иначе, нас угнетало чувство ответственности и долга перед страной мирным путем проложить дорогу освобождению России. Было два партийных заседания, каждое чуть не по восемь часов. Настроение ужасное, все металось, как в клетке, и выхода не было ни одного вполне удовлетворительного. В конечном счете решено было целым рядом постановлений и заявлений в Думе указать ясно народу и правительству, что Дума не считает возможным добровольно делать какие-либо перерывы в своей работе»⁶.

В итоге роспуск Думы застал депутатов (да и не только их) врасплох. Ведь еще совсем недавно кадеты всерьез примеряли министерские портфели, получали льстившие их самолюбию приглашения на неофициальные свидания с наиболее влиятельными деятелями царской администрации и были, казалось, на пороге власти. Успокаивало и то, что П. А. Столыпин 7 июля попросил

председателя I Думы С. А. Муромцева назначить на понедельник, 10 июля очередное заседание и включить в повестку дня выступление министра внутренних дел с объяснениями по поводу Белостокского погрома, вызвавшего широкое возмущение всех демократических кругов России.

На полдень 10 июля была назначена и аудиенция Муромцева в Петергофе. Французский посол в России М. Бомпар вспоминал впоследствии, что 7 июля он стал свидетелем одной странной сцены. Приехав с визитом к Муромцеву, посол еще в передней услышал оживленные голоса, доносившиеся из внутренних апартаментов, но в приеме ему было отказано под тем предлогом, что хозяйина якобы нет дома. Позже Бомпар узнал, что как раз в это время у председателя Думы шло совещание кадетского руководства, на котором обсуждались условия принятия Муромцевым поста главы правительства. Для поездки в Петергоф Муромцев заказал даже, как того требовал придворный этикет, фрак, но после событий 9 июля он ему уже не понадобился⁷.

Разыгранный 7 июля Столыпиным перед председателем Думы спектакль с просьбой назначить заседание на 10 июля усыпил бдительность кадетов. Если 6 июля «Речь» оценивала ситуацию в стране как канун гражданской войны («потому, что роспуск Думы — в этом сомнений быть не может — равносильен гражданской войне»), то в номере той же «Речи» от 9 июля (он был, кстати говоря, конфискован властями) Милюков утверждал, что политический маятник в Петергофе якобы вновь качнулся влево. Как вспоминал позже И. В. Гессен, 8 июля кадетов со всех сторон предупреждали о надвигающемся роспуске Думы, а очень осведомленный английский журналист Вильямс (позже муж члена ЦК кадетов А. В. Тырковой) сообщил им, что в столицу стянуты войска и в ночь на 9 июля Дума будет распущена. Однако Милюков считал, что слухи эти запоздали и ситуация опять изменилась в пользу кадетов⁸.

Очень важно и другое: распустив Думу в воскресный день и не сообщив об этом непосредственно депутатам во время их очередного заседания, правительство лишило кадетов возможности разыграть прощальный спектакль «неповиновения» царской воле. На насильственный разгон первого российского парламента, который мог бы сопровождаться арестом части депутатов и водворением их в Петропавловскую крепость — а именно такие драматические картины не раз возникали в разгоряченном воображении некоторых левых кадетов — правительство не пошло, спутив все планы руководства партии «народной свободы».

Что касается второй по численности после кадетов фракции Думы — трудовиков, то ее члены были склонны доверять правительству гораздо меньше, чем кадеты. Их тактика была рассчитана на то, чтобы по возможности оттянуть роспуск Думы. Не случайно еще 1 июня 1906 г. трудовик из Курска Г. Н. Шапошников писал на родину: «Рано или поздно (если будет нужно) мы обратимся к стране, примем самые решительные постановления от

имени народа с признанием, что и займы, и все прочее незаконно, и разведемся. Но мы смотрим на это как на самый решительный шаг и прежде всего считаем нужным заседать здесь, в Питере, и требовать своего и скорее самим подвергнуться аресту и попасть под штыки, лишь бы сдержать правительство в его остервенелом натиске»⁹.

По признанию члена комитета Трудовой группы И. И. Субботина, роспуска Думы трудовики в общем ожидали, но предполагали, что о нем будет официально объявлено с думской трибуны и произойдет это не раньше понедельника, 10 июля. Поэтому, когда 9 июля Дума все же была распущена, трудовики тоже растерялись и по инерции пошли за кадетами¹⁰.

О позиции думской фракции РСДРП накануне роспуска Думы известно немного. Сохранились, однако, протокольные записи ее заседания от 8 июля с участием члена ЦК РСДРП большевика А. А. Богданова и меньшевика А. С. Мартынова. В связи с ожидавшимся роспуском Думы было решено придерживаться следующей тактики: Дума не расходится (Богданов даже предлагал довести дело до применения властями насилия), объявляет свои заседания непрерывными и обращается к народу. При этом подчеркивалась необходимость контактов и соглашений с другими партиями¹¹.

Вряд ли нужно доказывать, что очень многое в поведении Думы зависело в то время от позиции кадетов, их ЦК и лично Милюкова. Партия «народной свободы», бесспорно, претендовала на роль лидера нации, причем именно думская арена казалась ей наиболее подходящим полем борьбы за утверждение в России конституционного строя и осуществления настоящих, а не утопических, социальных реформ. Поэтому роспуск Думы кадеты переживали, пожалуй, более болезненно и остро, чем какая-либо другая политическая партия страны.

В связи с роспуском Думы кадетской партии нужно было одновременно решить две достаточно сложные задачи: сохранить лицо кадетизма как оппозиционного течения, чтобы не потерять доверия избирателей, и вместе с тем решительно отмежеваться от революции, чтобы сохранить шанс на сделку с царизмом. Это была опасная и довольно рискованная политическая игра, ибо повести за собой мелкобуржуазную демократию города и деревни можно было, лишь вплотную подойдя к той черте, которая отделяла мирных оппозиционеров от революционеров. Нечто подобное кадеты уже проделали в октябре 1905 г., когда на своем первом, учредительном съезде приветствовали на словах всероссийскую политическую стачку. Однако в июле 1906 г. игра была уже гораздо азартнее, поскольку на повестку дня встала стачка-восстание, подкрепленная вооруженными выступлениями крестьян, солдат и матросов. Поэтому кадетские руководители прекрасно понимали, что, пообещав массам слишком много, они рискуют оказаться «поджигателями» народного восстания и загнать свою партию в подполье, а проявив умеренность и отстав от

масс,— потерять последние остатки и без того более чем скромного влияния на народ.

Многое здесь зависело также от поведения правительства (переход к военной диктатуре или проведение консервативно-охранительного курса под флагом умеренных буржуазных реформ?), реакции на роспуск Думы народных масс (восстание или одно лишь глухое брожение?), тактики революционно-демократических партий и организаций (принятие ими кадетской гегемонии или проведение самостоятельной политической линии, ведущей к обостренному революционной борьбе?). Налицо было, таким образом, уравнение со многими неизвестными, которое не поддавалось пока решению. Можно было ожидать и сопротивления более умеренной линии Милюкова со стороны левых кадетов, в том числе и некоторых членов ЦК. Словом, кадетским лидерам и прежде всего самому Милюкову было о чем подумать в то памятное утро 9 июля 1906 г., которое могло оказаться переломным для судеб всей страны.

Можно не сомневаться, что еще до роспуска Думы кадеты — а среди их руководителей было несколько видных историков — перебрали в памяти и исторические прецеденты, которые могли бы помочь им при выработке тактической линии в случае досрочного прекращения деятельности Думы. Возможно, перед ними вставали некоторые эпизоды истории Великой французской революции конца XVIII в., в частности знаменитая клятва депутатов Национального собрания в Зале для игры в мяч 20 июня 1789 г., когда они решили воспротивиться планам королевской партии распустить парламент и решили не расходиться до тех пор, пока не выработают текст конституции. Когда же Людовик XVI действительно приказал 23 июня депутатам разойтись, представитель от третьего сословия граф Мирабо произнес свою знаменитую фразу: «Находясь здесь по воле народа, мы разойдемся, только уступая силе штыков». И король вынужден был в конце концов сдаться, воскликнув: «А, впрочем, черт с ними: пусть заседают!», хотя это и была капитуляция не столько перед депутатами, сколько перед находившимися на грани восстания парижскими массами. Не забыли, вероятно, кадетские историки и о том, что еще 17 июня 1789 г. Национальное собрание объявило, что, как только оно будет распущено, народ будет иметь полное право не платить налоги в королевскую казну¹².

Аналогичный эпизод имел место и в истории германской революции, когда в ноябре 1848 г. в ответ на роспуск Национального собрания Пруссии его депутаты призвали население отказаться от уплаты налогов. Характерно, однако, что К. Маркс на страницах «Новой Рейнской газеты» тогда же подчеркивал, что такая мера должна опираться на активное сопротивление народа правительству, ибо в противном случае она «унодобится сопротивлению теленка, которого мясник тащит на убой»¹³. Позором, величайшей глупостью и трусостью назвал «пассивное сопротивление» Ф. Лассаль.

Угрозы финансового бойкота правительства раздавались и в ходе борьбы за парламентскую реформу 1832 г. в Англии.

В России 2 декабря 1905 г. за подписями Петербургского Совета рабочих депутатов, Всероссийского крестьянского союза, РСДРП, партии социалистов-революционеров и Польской социалистической партии был опубликован так называемый «Финансовый манифест», призывавший население России оказать экономическое давление на царское правительство — не платить выкупных и других казенных платежей, брать вклады из сберегательных касс и Государственного банка и требовать уплаты заработной платы звонкой монетой. И хотя реализовать эту угрозу тогда не удалось, она произвела на царское правительство довольно сильное впечатление, несомненно, ускорив арест членов Петербургского Совета и вызвав закрытие восьми газет демократического направления, опубликовавших этот документ.

Отметим, что идея гражданского неповиновения широко пропагандировалась в России и Л. Н. Толстым, исповедовавшим теорию непротivления злу насилем¹⁴. Призыв Толстого не платить налогов и уклоняться от несения военной службы отражал психологию патриархального русского крестьянина и был в условиях царской России с ее мощным карательным аппаратом чистой утопией.

Тактика пассивного сопротивления должна была либо логически перерасти здесь в сопротивление активное, либо обанкротиться из-за неорганизованности и раздробленности масс, с одной стороны, и репрессий царских властей — с другой. Думается, что для прожженных кадетских политиканов типа Милюкова это было очевидно с самого начала, но они предпочитали делать вид, что гражданское неповиновение представляет собой радикальную, эффективную и вполне реальную меру, отвечающую настроениям широких трудящихся масс.

Что же происходило утром 9 июля на заседании ЦК кадетской партии? Надо сказать, что его официального протокола не сохранилось, а может быть, и не было вообще, и поэтому единственным источником нашей информации в данном случае является мемуарная литература. Из нее известно, что еще до прихода остальных участников заседания Петрункевич предложил Милюкову призвать народ к гражданскому неповиновению царским властям. Эту идею поддержал затем и главный эксперт кадетов по конституционным вопросам Ф. Ф. Кокоркин. Проект обращения было поручено составить Милюкову, который, удалившись в соседнюю комнату, наскоро набросал карандашом текст документа. Затем он вернулся к членам ЦК (их было к тому времени уже около 20) и познакомил их с проектом обращения. При этом Милюков счел своим долгом предупредить товарищей по партии, что каждый подписавший воззвание тем самым автоматически войдет в конфликт с законом и уже не сможет в дальнейшем баллотироваться на выборах во II Государственную думу. Петрункевич ответил ему, что все присутствующие отдают себе полный

отчет в значении подобного шага и идут на него совершенно сознательно.

Началось обсуждение проекта. Он был раза в три длиннее обнародованного на следующий день окончательного варианта и казался некоторым членам кадетского ЦК слишком многословным, вялым и бесцветным. Так, товарищу председателя кадетской фракции I Думы Винаверу, прибывшему в Петербург из Финляндии немного позже остальных членов ЦК, казалось, что обращение в интерпретации Милюкова является «жалким минимумом действия», тогда как надо было бы «издать крик возмущения», который соответствовал бы силе нанесенного по Думе удара и раскатился бы громом по всей стране. Однако сам Винавер от предложенного ему прямого участия в составлении текста обращения к народу уклонился (что не преминул отметить в своих воспоминаниях явно уязвленный его критикой Милюков)¹⁵. В итоге проект Милюкова был принят за основу будущего воззвания. Одновременно было одобрено и предложение («не помню, кем сделанное», писал Милюков) отправиться в Выборг — ближайший к Петербургу город на территории Великого Княжества Финляндского, где могли бы собраться все желающие присоединиться к кадетам депутаты Думы и где предстояло принять обращение к народу. Д. Д. Протопопов немедленно выехал туда для подыскания подходящего для совещания помещения.

Совершенно очевидно, что перед кадетами сразу же встал вопрос о привлечении к участию в совещании представителей других думских фракций и прежде всего трудовиков и социал-демократов, что позволило бы создать некоторую видимость общенациональной оппозиции правительству. При этом мемуарные источники обнаруживают одну небезытересную деталь: кадеты, все время стремившиеся изобразить себя лучшими друзьями и самыми надежными союзниками трудовиков, сделали все возможное, чтобы «пригладить» картину переговоров, в то время как трудовики рассказали о них более правдиво, всячески подчеркивая остроту споров, возникших между руководителями двух главных думских фракций. В изображении Милюкова и Винавера трудовики выглядели 9 июля 1906 г. значительно более сговорчивыми и «управляемыми», чем было на самом деле. Вот почему необходимо скорректировать свидетельства кадетских мемуаристов с учетом воспоминаний левых трудовиков Г. К. Ульянова и И. И. Субботина, оставивших подробные записи о событиях 9 июля¹⁶.

Напомним, что накануне роспуска Думы кадеты и трудовики резко разошлись в вопросе об ответе на правительственное сообщение в связи с аграрными прениями. Воздержавшись от голосования за кадетский проект резолюции, трудовики бросили открытый вызов партии «народной свободы». Отношения между фракциями явно обострились, что дало основание Ульянову заявить в своей брошюре: «Трудовая группа с каждым днем становилась непримиримее и неуступчивее не только по отношению

к правительству, но и к заседавшим в Думе членам кадетской партии»¹⁷.

Утром 9 июля, хотя и несколько позже, чем кадеты, собрался на заседание комитет Трудовой группы, где наиболее активную роль в то время играли И. В. Жилкин, С. И. Бондарев, И. И. Субботин и Г. К. Ульянов (С. В. Аникин находился в составе думской делегации в Лондоне на международной парламентской конференции). Как вспоминает Ульянов, писавший свою брошюру по свежим следам событий, в октябре 1906 г., членов комитета больше всего волновал вопрос, как отзовется на действия правительства народ. Сами трудовики испытывали даже некоторое облегчение: ведь после того, как царизм сбросил маску и распустил Думу, не было больше необходимости «играть в парламент». Возникла реальная опасность ареста членов комитета, обыска в помещении трудовического клуба (Невский проспект, 116), а также на квартирах наиболее видных трудовиков. Что касается арестов, то правительство решило с ними не спешить, а обыски действительно были произведены 9 июля и в клубе, и на квартирах Ульянова, Аникина и некоторых других трудовиков.

Как и кадеты, трудовики не были готовы к событиям 9 июля. Ульянов писал, что позже они жестоко раскаивались в своем увлечении парламентской работой, ибо надо было заранее обдумать план действий на случай досрочного роспуска Думы. По свидетельству того же Ульянова, на протяжении последней недели думской сессии этот вопрос неоднократно поднимался членами Трудовой группы; ее комитету было дано поручение выработать соответствующий план, но ничего реального трудовики, как и кадеты, сделать не успели¹⁸.

Фактор времени сыграл немалую роль и в ходе переговоров, начавшихся 9 июля между кадетами и трудовиками. Первыми получив известие о роспуске Думы, кадеты опередили трудовиков и при обсуждении плана ответных действий, сразу же захватили инициативу в свои руки. Представитель кадетов появился у трудовиков на Невском, 116 еще до того, как собрались члены комитета Трудовой группы. Он застал на месте лишь одного члена группы и сообщил ему, что кадеты уже составили проект обращения к народу, с текстом которого тут же познакомил трудовика. Однако на вопрос о том, что намерена делать его группа в создавшейся ситуации, последний ответить не смог, сославшись на отсутствие своих товарищей¹⁹.

По мере сбора членов комитета Трудовой группы стало ясно, что содержание кадетского проекта воззвания к народу с призывом к гражданскому неповиновению их не устраивает. Одновременно, как явствует из воспоминаний Субботина (отличающихся, впрочем, в этом месте некоторой сбивчивостью и неясностью), трудовики вступили в контакт с социал-демократической фракцией Думы. Сейчас уже трудно сказать, кто являлся здесь инициатором переговоров, но вскоре к кадетам был направлен один из трудовиков, который уже от имени Трудовой группы и дум

ской фракции РСДРП заявил о желательности скорейшего проведения нелегального заседания Думы и обратился к кадетам с просьбой подыскать для этого подходящее место.

Во избежание ареста члены комитета Трудовой группы и другие трудовики покинули свой клуб на Невском и разошлись небольшими группами по разным квартирам, позаботившись предварительно о сохранности документации фракции, в частности полученных ею крестьянских приговоров и приказов. В томительном ожидании кадетского ответа прошло часа полтора. Где-то около полудня трудовики направили к кадетам уже целую делегацию, которая узнала, наконец, что кадеты решили ехать в Выборг. Разгорелся спор о том, нужно ли покидать столицу в столь ответственный момент. Кадеты пугали трудовиков возможностью ареста, ссылались на отсутствие в Петербурге подходящего помещения. В ответ трудовики говорили, что по пути в Выборг арестовать депутатов будет еще легче, чем в Петербурге. Предлагали они и несколько мест для проведения нелегального заседания Думы (кадетский клуб, Публичная библиотека, казармы одного из распропагандированных эсерами полков столичного гарнизона).

Выезд депутатов в Финляндию трудовики сравнивали с трусливым бегством от врага, которое должно было, по их мнению, произвести на народ самое неблагоприятное впечатление. Указывалось и на то, что поездка приведет к потере драгоценного времени и лишит депутатов столь необходимого им контакта с народом. Чтобы как-то ободрить кадетов, трудовики ссылались на антиправительственные настроения, царившие в войсках, расквартированных в Петербурге и его окрестностях. Позицию наиболее радикально настроенной части трудовиков И. И. Субботин сформулировал так: добить для народа землю и волю или умереть! Однако кадеты продолжали стоять на своем и в конце концов пустили в ход последний, «железный» аргумент: менять принятое ими решение поздно, так как часть кадетской фракции уже выехала в Выборг²⁰.

Таким образом, 9 июля столкнулись два тактических плана, предложенных кадетами и трудовиками. Кадетам хотелось придать выступлению бывших депутатов как можно более массовый и единодушный характер, противопоставив правительству бышую Думу как целое, но не называя, однако, совещание депутатов заседанием Думы. Они явно не торопились ни в казематы Петропавловской крепости, ни к рабочим и солдатам, предпочитая обратиться из безопасного места к народу с призывом к неповиновению царским властям. Трудовики, по крайней мере их наиболее радикально настроенная часть, готовы были пойти на дальнейшее обострение и без того острой ситуации. Им даже импонирует такой вариант развития событий, при котором Дума, собравшись на нелегальное заседание в самой столице, дала повод правительству применить силу и арестовать депутатов, что, в свою очередь, могло бы подтолкнуть массы к более решитель-

ным действиям в защиту своих избранных. Однако настоять на принятии своего плана трудовикам не удалось. В итоге они согласились поехать в Выборг, надеясь вернуться оттуда, по словам Ульянова, с более определенным планом борьбы с правительством.

Как и прежде, трудовики боялись еще окончательно порвать с кадетами и стремились не брать на себя ответственность за «дробление» оппозиционных сил. Однако очень характерна фраза, брошенная одним из трудовиков кадетам: «Хорошо, мы едем, но знайте, что этим мы губим дело освобождения народа»²¹. Субботин прямо писал, что вся тяжесть ответственности за поездку в Выборг лежит на кадетях. Таким образом, победа кадетов над трудовиками 9 июля 1906 г. отнюдь не была такой легкой и безоговорочной, какой изображали ее позже Милюков и Винавер. С другой стороны, следует учитывать, что ни социал-демократы, ни эсеры не предложили в тот момент трудовикам какой-либо реальной альтернативы поездке в Выборг, и это тоже помогло кадетам возглавить оппозицию.

Винавер пишет, что для окончательного редактирования текста воззвания было решено перейти на находившуюся поблизости квартиру брата И. И. Петрункевича — М. И. Петрункевича. По пути встретили еще одну группу трудовиков (видимо, не дождавшись возвращения делегации, направленной к кадетам, они тоже двинулись к Петрункевичу). И. В. Жилкин, обращаясь к кадетам, с горечью сказал: «Ну, теперь уж мы заодно, ведите...», на что Винавер многозначительно ответил: «Поздно»²². После того как текст воззвания был заново прочитан и отредактирован, его переписали в трех экземплярах для отправки с разными лицами в Выборг, а оригинал документа уничтожили.

По свидетельству Милюкова, к кадетам и трудовикам присоединились потом и социал-демократы, «резервируя для себя попытку вооруженного восстания». Их привлекла в кадетском плане возможность объединенного выступления всех левых депутатов Думы. Кроме того, они могли, по словам Милюкова, идти в своих действиях и сколько угодно дальше, но уже самостоятельно²³. Таким образом, 9 июля кадетам удалось навязать левым фракциям Думы свою тактическую линию. Однако совещание в Выборге не обещало быть ни коротким, ни легким. Борьба между его участниками — и борьба очень острая — была неизбежна.

Выборг, 9—11 июля 1906 г.

Поезда на Выборг отправлялись с Финляндского вокзала в 14 час. 40 мин., 16 час. 30 мин. и 19 час., но основная часть депутатов, по свидетельству Винавера, выехала с четырехчасовым поездом и прибыла в Выборг около 7 час. вечера. Как пишет Г. К. Ульянов, трудовики и кадеты встречались на вокзале довольно дружелюбно и приветливо, но если в поведении трудовиков чувствовалась решительность и бодрость, то кадеты, наоборот, выглядели подавленными и удрученными. Это же отмечал и

большевик М. Н. Лядов, ехавший тем же поездом из Петербурга в Финляндию²⁴. Вместе с кадетами и трудовиками в Выборг выехали также член ЦК РСДРП большевик А. А. Богданов и видный меньшевик А. С. Мартынов.

Время между прибытием основной группы депутатов в Выборг и началом общего заседания было использовано для фракционных совещаний. Трудовики, как пишет И. И. Субботин, обсудили собственный проект обращения к народу, суть которого сводилась к следующему: 1. Дело народа находится отныне в руках самого народа. 2. Дума будет сохранять свои полномочия до созыва Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего избирательного права. 3. Народ имеет все основания рассматривать правительство, распустившее Думу, а также местную царскую администрацию как незаконную власть, распоряжения которой не подлежат исполнению. 4. Армия и флот должны встать на сторону народа. Далее шли призывы к отказу от уплаты налогов и несения воинской службы. Все эти пункты были одобрены и приняты Трудовой группой²⁵.

Кадеты также обсуждали проект обращения, с которым многие из них познакомились либо по пути в Выборг, либо в самом Выборге. При этом, как вспоминает Винавер, раздавались возгласы: «Слабо! Надо резче!»²⁶. В итоге еще до начала заседания стало ясно, что вокруг текста обращения к народу развернется борьба, целью которой будет корректировка милюковского проекта в сторону его радикализации.

Возникли и разногласия процедурного характера. Кадеты, по свидетельству Субботина, настаивали на том, чтобы на совещании было разрешено присутствовать членам Центральным комитетов тех партий, которые были представлены в Выборге, т. е. кадетов, социал-демократов и эсеров. Напомним, что среди приехавших в Финляндию членов кадетского ЦК, не являвшихся депутатами I Думы, были такие видные фигуры либерального лагеря, как П. Н. Милюков, П. Б. Струве, В. М. Гессен, А. С. Изгоев, А. В. Тыркова. В Выборге находились также А. А. Богданов и А. С. Мартынов от РСДРП и члены ЦК партии эсеров В. М. Чернов и М. А. Натансон (был здесь и Е. Ф. Азеф)²⁷. Однако трудовики и социал-демократы, стремившиеся придать Выборгскому совещанию характер очередного заседания Думы, продвигающей, несмотря на царский указ, свою работу, воспротивились предложению кадетов, ссылаясь на то, что на думских заседаниях правом голоса пользуются лишь депутаты. По соображениям конспирации было решено не допускать на совещание представителей прессы и публику, для которых двери Таврического дворца обычно были открыты.

В Выборг приехало менее половины общего состава депутатов Думы. Отсутствовали представители фракций, стоявших правее кадетов: прогрессисты, «мирнообновленцы», так называемые «автономисты» (поляки, литовцы, латыши, украинцы, депутаты-мусульмане), беспартийные. Не в полном составе были представле-

ны в Выборге и сами кадеты — инициаторы совещания, а также трудовики и социал-демократы: некоторых депутатов вообще не было в момент роспуска Думы в столице, часть разъехалась на выходные дни на отдых. Ряд видных депутатов Думы (Ф. И. Родичев, М. М. Ковалевский, С. В. Аникин, А. Ф. Аладыи и др.) находились в Лондоне на международной парламентской конференции. В ожидании открытия совещания оркестр трижды играл «Марсельезу», а выходявших на балкон гостиницы депутатов толпа приветствовала криками «Ура!»²⁸.

Совещание, как отмечено в его протоколе, открылось в 22 час. 15 мин. 9 июля 1906 г. в расположенной на берегу моря второразрядной выборгской гостинице «Бельведер», где собрались к этому времени 178 депутатов I Государственной думы²⁹. Открыл его председатель Думы профессор С. А. Муромцев. Он не был среди энтузиастов проведения совещания, но привычка честно и добросовестно исполнять свой долг привела в Выборг и его. Как выяснилось позже, уже после отъезда Муромцева из Петербурга было получено адресованное ему приглашение на аудиенцию к царю, назначенную на 12 час. 30 мин. 10 июля. Ничего не знавший об этом Муромцев в Петергоф, естественно, не поехал³⁰.

Впоследствии легенда приписала Муромцеву «историческую» начальную фразу: «Заседание Государственной думы продолжается», в которой был заключен вызов правительству, приказавшему опечатать Таврический дворец. В действительности, как свидетельствует Винавер, все было гораздо проще, будничнее, и фразы о продолжении заседаний Думы просто не было³¹. Товарищами председателя совещания были избраны (уже на следующий день) товарищи председателя Думы, члены ЦК партии кадетов князь Петр Д. Долгоруков и профессор Н. А. Гредескул. Секретарем совещания стал секретарь I Думы, член ЦК партии кадетов князь Д. И. Шаховской. Одновременно с ним протокольные записи вел другой член ЦК кадетов В. Д. Набоков.

После обсуждения ряда процедурных вопросов первым взял слово трудовик С. И. Бондарев, который изложил в тезисной форме проект обращения к народу, принятый на уже упоминавшемся выше предварительном заседании членов Трудовой группы в Выборге. После принятия текста обращения депутатам, по мнению Бондарева, следовало остаться в Выборге или перебраться в Гельсингфорс и продолжать свою работу в качестве членов Думы или Временного правительства. Следовало избрать Исполнительный комитет Думы, который должен был поддерживать постоянную связь с населением страны.

Однако тут же выяснилось, что единого мнения по этому вопросу среди трудовиков нет. Член Комитета Трудовой группы, депутат от крестьян Екатеринославской губернии С. М. Рыжков энергично высказался за возвращение депутатов в столицу. В случае невозможности проникнуть в Таврический дворец, они должны были бы собраться в кадетском клубе, огласить Выборгское воззвание и продолжать заседания Думы. «Столкновение при

этом неизбежно, — закончил свою речь Рыжков. — Надо обратиться за поддержкой к различного рода организациям, как, например, железнодорожным союзам». Депутат-трудовик от Черниговской губернии профессор Т. В. Локоть, наоборот, возражал против возвращения в Петербург. Трудовик И. А. Баратов предложил создать на местах органы для подготовки к созыву Учредительного собрания (видимо, по образцу тех местных земельных комитетов, идея создания которых была, как известно, выдвинута трудовиками еще в ходе думской сессии, но отвергнута кадетами). Наконец, будущий историограф Трудовой группы Л. М. Брамсон поддержал предложение о скорейшем возвращении депутатов в Петербург и о создании там постоянного Исполнительного комитета Думы (который мог бы взять на себя неофициально функции Временного правительства), а также местных думских комитетов на основе всеобщего избирательного права. Внес Брамсон и еще одно важное предложение: средством защиты Думы и борьбы с правительством могла бы стать всеобщая забастовка³².

Таким образом, трудовики сразу же довольно дружно атаковали позиции кадетов, прямо поставив вопрос о необходимости перехода от пассивного сопротивления царским властям к сопротивлению активному. Вместе с тем выявилась и определенная несогласованность в действиях трудовиков, которые не сумели выступить в Выборге — как, впрочем, и в самой Думе — единым фронтом против кадетов.

Кадеты, заинтересованные в создании «общенациональной оппозиции» царскому правительству, старались создать видимость единства с трудовиками. Они акцентировали внимание на необходимости обсуждения прежде всего вопроса о том, насколько реальны меры неповиновения властям, которые следует предложить от имени совещания народу. Винавер считал, в частности, необходимым дополнительно призвать массы к отказу от выплаты процентов по иностранным займам, заключенным правительством без санкции Государственной думы. Он подчеркнул также, что забастовка (если она, конечно, возможна в данной ситуации) имеет преимущества перед всеми другими средствами борьбы. По мнению Винавера, пребывание членов Думы в Финляндии могло бы стать «самым могучим средством постоянного воздействия на общественное мнение» при наличии достаточно сильных и деятельных органов для проведения работы на местах. Однако сам Винавер сомневался в возможности реализации подобного плана и склонялся к тому, чтобы спровоцировать правительство на арест депутатов в Петербурге. «Государственная дума в тюрьме, — заключил он, — служила бы хорошим символом и возбудителем для общественной борьбы»³³.

Это мнение было оспорено, однако, другим кадетом, Н. Ф. Езерским, заявившим, что он не видит смысла в аресте Думы. Со своей стороны Езерский предложил обратиться непосредственно к царю, избрав для этого специальную делегацию. «Вместе с тем

стране следует указать на необходимость всеобщей забастовки», — заявил он ³⁴.

Высказались по обесуждаемым вопросам и социал-демократы. Н. Н. Жордания и С. Д. Джапаридзе настаивали на возвращении членов Думы в Петербург и продолжении там думской сессии, если бы даже для этого потребовалось силой открыть двери Таврического дворца. Джапаридзе заявил, что надо столкнуть силы правительства и народа, и рекомендовал отказ от рекрутчины и бойкот распоряжений центральных и местных властей. Он солидаризировался также с предложением трудовиков обратиться к армии и флоту с призывом не идти против народа. Что касается идеи объявить Думу Временным правительством, то Жордания назвал ее «смехотворной».

В ходе первого заседания выступили в общей сложности 8 кадетов (из них 6 по процедурным вопросам), 7 трудовиков и 2 социал-демократа. Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от кадетов трудовики всячески подчеркивали решающую роль народа в разрешении возникшей кризисной ситуации, считали необходимым активно добиваться превращения армии в реально защитника интересов трудящихся масс, выдвигали лозунг созыва Учредительного собрания. Готовы они были и провозгласить Думу Временным правительством. Что касается призыва к всеобщей политической забастовке, то он прозвучал в Выборге довольно робко и явно не вызвал у большинства участников совещания сочувственного отклика.

Стало также очевидно, что меньшевики не смогут сыграть на совещании сколько-нибудь самостоятельной роли, да, видимо, и не ставят перед собой подобной задачи, ограничиваясь ролью скромного участника «общенациональной оппозиции». В итоге степень радикализма Выборгского обращения депутатов к народу должна была определиться в ходе борьбы кадетов и трудовиков, начавшейся с первых же выступлений участников совещания. При этом очень многое зависело от позиции левых кадетов, поскольку трудовики и социал-демократы были в Выборге в меньшинстве. С другой стороны, нельзя было сбрасывать со счетов правых кадетов и кадетский «центр», которые в решающую минуту могли вообще ограничиться чисто словесным протестом против роспуска Думы. Наконец, дело могло кончиться и разрывом между кадетами и трудовиками, что явно пошло бы только на пользу революции. Словом, на исходе дня 9 июля ситуация в Выборге была достаточно острой, но пока еще довольно неопределенной. Ясно было одно: кадетский сценарий Выборгского совещания с самого начала стал давать серьезный сбой. Трудовики оказались более «строптивыми» и менее «управляемыми», чем хотелось бы кадетам, но гораздо более нерешительными и менее самостоятельными, чем хотелось бы большевикам. Однако решающие события были еще впереди.

Около половины двенадцатого ночи был объявлен перерыв в работе совещания для обсуждения проекта обращения к народу

по фракциям с участием представителей ЦК соответствующих партий и для выборов членов редакционной комиссии (по два от каждой из трех участвовавших в совещании думских фракций). Трудовики и социал-демократы закончили обсуждение довольно быстро, тогда как у кадетов разгорелись жаркие споры. Первая часть обращения с протестом против досрочного роспуска Думы не вызвала принципиальных возражений, но нуждалась, по мнению кадетских депутатов, в сокращении и придании ей более резкой и эмоциональной формы. Вторая же часть документа, где излагался призыв к гражданскому неповиновению, была фактически отвергнута почти 40 депутатами. При этом центр тяжести в критике идеи Петрункевича — Кокошкина — Милюкова был перенесен на непрактичность данного предложения.

Указывалось, в частности, на то, что новый рекрутский набор будет происходить лишь в ноябре 1906 г. и призыв к отказу от рекрутчины не сможет поднять парод на немедленную борьбу с правительством. Говорилось и о том, что прямые налоги, которые предлагалось не платить отныне населению, составляют лишь незначительную часть государственного бюджета и не смогут оказать серьезного влияния на финансовое положение правительства²⁵. Кроме того, от финансового бойкота могли пострадать и земства — один из главных опорных пунктов либерального движения в России. Фигурировал и такой мотив, как неподготовленность населения страны к подобным коллективным действиям, требующим значительной сознательности и организованности. Точно так же была поставлена под сомнение и возможность отказа от выплаты процентов по заграничным займам, которая могла поколебать международный престиж России и уронить авторитет кадетов в глазах мирового общественного мнения, свято почитающего принцип частной собственности. Наконец, идея всеобщей политической стачки в знак протеста против роспуска Думы была с порога отвергнута кадетами почти единогласно.

В свою очередь, защитники проекта обращали внимание своих товарищей по фракции на то, что суть дела заключается не в практической осуществимости плана гражданского неповиновения (в это, судя по всему, мало кто и верил), а в необходимости выработать своего рода политическое завещание I Думы, которое одновременно явилось бы и предостережением правительству на будущее. После бурных дебатов вопрос об отношении к проекту воззвания практически остался открытым.

Примерно к часу ночи 10 июля кадетское совещание закончилось и наступило время работы редакционной комиссии, в состав которой вошли Ф. Ф. Кокошкин и М. М. Винавер (председатель) от кадетов, И. В. Жилкин и С. И. Бондарев — от трудовиков, П. Н. Жордания и С. Д. Джапаридзе — от социал-демократов.

Уставшие и разомлевшие от духоты депутаты разбрелись по переполненным номерам «Бельведера», некоторые расположились в подсобных помещениях и прямо в коридорах гостиной, пытаясь забыться хотя бы на несколько часов в спасительном сне. Милю-

ков, например, прикорнул на одной кровати со своим будущим шефом в первом составе Временного правительства 1917 г. князем Львовым. За окнами царил волшебная белая ночь, а в опустевшем зале ресторана среди неприбранных столов вновь начались жаркие споры — теперь уже между членами редакционной комиссии, продолжавшиеся до половины пятого утра.

Работа комиссии, как отмечал Винавер, была малопродуктивной. Предложенное трудовиками новое начало обращения к народу, написанное В. В. Водовозовым (публицистом народнического толка, вошедшим в 1907 г. в ЦК Трудовой группы), было забраковано, и комиссия вернулась к тексту Милюкова. По предложению трудовика С. И. Бондарева было принято название обращения: «Народу от народных представителей». Большевик Жордания попробовал было вновь вернуться к идее всеобщей забастовки в знак протеста против роспуска Думы, с которой очень поспешно в то время меньшевистский ЦК РСДРП, но его предложение сразу же отклонили. Джапаридзе ограничился тем, что пытался «заострить» некоторые формулировки. Однако в целом, как пишет трудовик Субботин, «равнодействующая в комиссии прошла так близко к проекту кадетов, что от проекта трудовиков не осталось почти ничего»³⁶.

Тем не менее пострадал и текст Милюкова (позже он жаловался: «Весь манифест исковеркали»). Окончательной литературной отделкой документа должен был заниматься Ф. Ф. Коконкин, но ввиду его плохого самочувствия за дело пришлось взяться Винаверу. К половине восьмого утра 10 июля 1906 г. все было готово. Винавер отнес текст обращения в комнату трудовиков и попросил их переписать его в нескольких экземплярах. Как подчеркивает Г. К. Ульянов, только желание выпустить обращение к народу от имени всех участников совещания заставило трудовиков согласиться с таким слабым документом³⁷.

Между тем в 9 час. утра кадеты собрались на новое фракционное совещание. В нем участвовало примерно 60 депутатов. Их интересовал в первую очередь вопрос о том, что происходит в Петербурге, ибо от этого зависело очень многое. Однако в столице продолжало царить внешнее спокойствие. Градоначальник фон дер Лауниц издал распоряжение о воспрещении любых митингов, шествий, распространения прокламаций и забастовок на предприятных, обеспечивающих удовлетворение насущных нужд населения. Власти конфисковали ряд либерально-буржуазных газет. Столица была оцеплена войсками. По некоторым данным, в Петербурге было сосредоточено 9 июля до 22 тыс. солдат, в том числе полки, жестоко усмирявшие в начале 1906 г. Прибалтику³⁸. На Невском во дворах разместили гусар и драгун. По городу разъезжали конные городовые и жандармы, военные патрули. Николаевский вокзал охранялся солдатами-измайловцами. Иностранные дипломаты получили от МИД России рекомендации не выходить 9 и 10 июля на улицы города ввиду возможных «осложнений». Полиция блокировала входы в помещения Союза инже-

неров, Вольного экономического общества, Союза гражданских инженеров, считавшиеся центрами либерального «вольномыслия». Днем был произведен на всякий случай обыск и в Таврическом дворце.

На Выборгской стороне прошло несколько рабочих митингов. В Народном доме Нобеля собралось много рабочих, но, когда они стали обсуждать известие о роспуске Думы, полиция закрыла собрание. За Нарвской заставой рабочие собрались, чтобы отслужить панихиду по жертвам Кровавого воскресенья (9 июля исполнилось полтора года со дня начала первой российской революции), но были встречены черносотенцами. Произошла свалка, Полиция разогнала толпу. Вечером на Сенном рынке стихийно возник митинг. Выступавшие призывали поддержать депутатов Думы. Когда полиция попыталась арестовать очередного оратора, в нее полетели камни. Митинги в поддержку Думы прошли также у Семеновских казарм и на Николаевской улице у памятника Пушкину³⁹.

Однако крупных забастовок и демонстраций в столице 9 июля не было. В перлюстрированном полицией письме, отправленном из Петербурга 10 июля, говорилось: «Настроение очень приподнятое, по заводам всюду митинги, выносятся самые разные резолюции, но в общем все сдерживается». Автор другого письма писал: рабочие на митингах заявляют, что «на баррикады пойдут, но политической забастовки, даже на несколько дней, не хотят, т. к. изголодались и измучились»⁴⁰. Большевик М. И. Лядов, побывавший утром 9 июля вместе с депутатом Думы меньшевиком И. И. Рамишвили на 5-тысячном митинге рабочих и крестьян в лесу за Пороховым заводом в окрестностях Петербурга, вспоминал, что настроение участников митинга было очень боевым, но из-за полной неясности обстановки и позиции самой Думы социал-демократы решили пока не призывать народ к каким-либо решительным действиям. В тот момент, пишет Лядов, еще не исключалось, что Дума сама обратится к населению с призывом к восстанию или объявит себя Учредительным собранием⁴¹.

Разъясняя причины индифферентности петербургских рабочих, меньшевичка Л. И. Аксельрод сообщила Г. В. Плеханову 14 июля 1906 г., что столица встретила закрытие Думы полной тишиной. «Социал-демократия немало компрометировала Думу и этим самым сильно умалила агитационное значение всех ее важных моментов. Трудно сразу вселить истинное возмущение в сердца петербургских рабочих по поводу закрытия такого учреждения, которое бойкотировалось и рассматривалось как сконище изменников народа», — писала она⁴².

Известия из Петербурга значительно понизили и без того не слишком воинственное настроение кадетов и вызвали раскол в их рядах. После бурных споров вторая часть обращения с призывом к неповиновению правительству была отвергнута, но окончательное решение вопроса было отложено до пленарного заседания всех участников совещания.

Утреннее пленарное заседание 10 июля собрало 152 депутата и началось под председательством С. А. Муромцева в 11 час. П. Д. Долгоруков огласил привезенный утром из столицы в Выборг текст царского манифеста от 9 июля о роспуске Думы (до сих пор депутаты были знакомы лишь с царским указом от 8 июля), а М. М. Винавер — подготовленный комиссией текст обращения к народу. Согласно протоколу в дискуссии приняли участие 32 оратора, в том числе 24 кадет, 5 трудовиков и 3 социал-демократа⁴³. На этот раз первую скрипку в дискуссии играли уже кадеты, а сами прения носили значительно более бурный характер, чем накануне. При этом если трудовики не пошли влево, то кадеты явно поправили.

Против редакционного проекта выступили, в частности, кадеты М. Я. Герценштейн, Г. Б. Поллос, Л. И. Петражицкий и А. И. Макушкин. М. Я. Герценштейн, считавшийся в кадетской партии крупным специалистом по аграрному вопросу, в частности, говорил: «Мне кажется, что, указывая пути борьбы, мы должны ограничиться только осуществимым. Между тем практически рекомендовать те средства, которые указаны во второй части воззвания, для многих из нас невозможно. Пойти на них значило бы для некоторых изменить прежним убеждениям, и для сохранения единства не следует настаивать на включении этих средств в воззвание». Исходя из этого, Герценштейн внес предложение опустить всю вторую часть обращения к народу. Его поддержали еще пять кадетов, а Макушкин во избежание раскола советовал оставить во второй части документа лишь призыв к отказу от уплаты податей.

Фигурировал в речах кадетов и такой аргумент, как возможность присоединения к обращению (без его второй части) правых депутатов Думы, а также торгово-промышленных кругов, которые не одобрили бы тактику, ведущую к гибели всей промышленной жизни страны. Член ЦК кадетской партии профессор Л. И. Петражицкий указывал на «политическое ничтожество» рекомендуемых народу средств сопротивления, а кадет Скульский сравнивал их с «булавочными уколами», которые не могут нанести серьезного ущерба правительству. Однако из этих верных в принципе посылок делался вывод не в пользу необходимости радикализации кадетской тактики, а наоборот, — в пользу отказа от всякого сопротивления вообще. Кроме того, Петражицкий указывал на «неконституционность» призыва к пассивному сопротивлению, поскольку и государственный бюджет на 1906 г., и общее количество лиц, подлежащих призыву в армию, были определены на законном основании еще до начала думской сессии.

В свою очередь, сторонники тактики гражданского неповиновения доказывали, что любой сдвиг влево будет равносильен призыву к террору (П. Д. Долгоруков), который кадеты, естественно, рекомендовать не могут. Член ЦК кадетской партии, земский врач и депутат I Думы З. Г. Френкель не скрывал, что для тех, кто будет участвовать в решительной борьбе, т. е. для рабочих

и наиболее революционно настроенной части крестьянства, «наши указания не важны». Однако есть еще значительная часть населения, стоящая вне прямой, открытой борьбы, говорил он, и для нее отказ от уплаты податей будет единственной формой участия в сопротивлении правительству. По мнению Френкеля, финансовый бойкот обессилит царские власти и нанесет удар по их престижу внутри страны и за рубежом.

Н. А. Гредескул пугал участников совещания тем, что если ограничиться только первой, констатирующей частью обращения, то «исход будет еще хуже — захваты». По его мнению, прямые налоги составляют не такую уж ничтожную часть государственного бюджета, а кроме того, надо призвать народ и к воздержанию от употребления казенного вина. Вдобавок, говорил Гредескул, важно, чтобы народ и правительство знали, что у депутатов есть воля и что они не уклонятся от ответственности за определенные антиправительственные действия.

Вместе с тем проект редакционной комиссии был подвергнут критике не только справа, но и слева. Так, социал-демократ И. И. Рамишвили, стоявший на меньшевистских позициях больше из чувства солидарности с Ноем Жордания и пользовавшийся даже известной симпатией со стороны большевиков, заявил: «Мы еще недавно были уверены, что не вернемся домой без земли и воли. Мы не несем избравшим нас ни той, ни другой, а несем только оплеуху от правительства. И поэтому я тоже не согласен со второй частью нашего обращения. Ее надо бы заменить словами: теперь дошло дело до народа, в его руках его судьба, и в свои руки должен он взять борьбу. Но на эти более решительные выражения вы не пойдете. Так надо по крайней мере указать на необходимость общего бойкота правительства по всей линии: и в платежах, и в суде, и в администрации. Надо, чтобы народ как одно могучее целое отвернулся от правительства, он должен приступить к выборам своих людей и к созданию своего правительства. Если мы этого не выскажем, то не будет ли это изменой тем обещаниям, которые мы в свое время торжественно дали? И тогда, может быть, от Государственной думы останется одно печальное воспоминание. Чтобы этого не случилось, мы должны создать одну общую организацию, не партийную, а общедумскую».

Характерно, что Ной Жордания, который был в Выборге среди меньшевистских депутатов за «старшего», не нашел ничего лучшего, как начать дискуссию с кадетом Имшенецким, пытавшимся отождествить призыв к гражданскому неповиновению чуть ли не с лозунгом вооруженного восстания. Жордания заявил, что разница между ними огромна и что вообще важны не практические последствия такой меры, а моральное воздействие этого призыва на народ и правительство.

Ряд трудовиков выступил на совещании гораздо ярче социал-демократов. Так, И. А. Баратов советовал, например, указать народу «на нечто такое, за что он готов был бы сражаться. А за

этот манифест, — добавил он, — никто не прольет ни одной капли крови». Баратов не скрывал, что обращение к народу должно «служить гораздо больше выражением протеста и возмущения и призывом к отпору». Другой трудовик, Д. А. Кутومانов, подчеркнул, что в обращении следовало бы рекомендовать населению отказываться от всякого подчинения начальству, включить в этот документ обращение к армии и указать, что Дума продолжает свою работу. Л. М. Брамсон выразил удивление по поводу того, что «при всем бледном и сравнительно невинном характере рекомендуемых мер» они характеризуются некоторыми кадетами как «нечто ужасное и недопустимое», и предложил принять текст воззвания в целом. Наконец, Т. В. Локоть предложил добавить пункт о непризнании народом правительства Столыпина после роспуска Думы. Первое чтение проекта редакционной комиссии на этом закончилось, и по предложению Брамсона (при 1 против и 6 воздержавшихся) было решено перейти к постатейному обсуждению документа⁴⁴.

До перерыва было заслушано также заявление нескольких приехавших 10 июля в Выборг представителей Польского кола (так называлась близкая к кадетам группа депутатов Думы от Царства Польского). Они мотивировали свой отказ от участия в работе совещания и от подписания обращения к народу тем, что еще не знают мнения польского народа, который находится в особых условиях по сравнению с другими национальностями России. Польские депутаты заявили, что сами обратятся к своим избирателям по поводу роспуска Думы.

Около часа дня 10 июля в работе Выборгского совещания был объявлен перерыв, во время которого снова состоялось заседание кадетской фракции. На этот раз большинство его участников высказалось за принятие итогового документа совещания в том виде, в каком его подготовила редакционная комиссия. В начале второго часа дня в «Бельведере» появились «мирнообновленцы» П. А. Гейден, М. А. Стахович и Н. Н. Львов, пытавшиеся отговорить кадетов от выпуска обращения к народу⁴⁵.

Во время перерыва, как сообщала агентура Департамента полиции, некоторые трудовики вышли на набережную, причем депутаты Медведев и Жилкин беседовали с солдатами⁴⁶.

После возобновления заседания началось постатейное обсуждение проекта обращения к народу, сопровождавшееся внесением мелких редакционных поправок. Тем временем Муромцева вызвали из зала заседания вниз, где его ожидал выборгский губернатор Рейхенберг. Накануне, в момент прибытия депутатов в Выборг, он был на даче, и переговоры о разрешении проведения совещания вел с кадетами местный полицмейстер. Кадеты заявили тогда ему, что в Петербурге ожидается объявление города на положении усиленной охраны и из опасения возможных демонстраций и столкновений населения с полицией и войсками члены Думы от кадетской партии прибыли в Выборг для обсуждения создавшегося положения. Полицеймейстер ответил, что доложит

обо всем губернатору, который, вероятно, даст разрешение на проведение совещания. Ночью возвратившийся в город губернатор сам приехал в «Бельведер», но его заверили, что утром депутаты покинут Выборг.

Однако время шло, а совещание все продолжалось. Поэтому в полдень 10 июля губернатор, которого все время теребили из Петербурга, пригласил к себе председателя собрания Муромцева. Вместо него приехал Долгоруков, заверивший Рейхенберга, что ничего «противоправительственного» на совещании не происходит. В 14 час. 15 мин., когда работа совещания после перерыва возобновилась, выборгский губернатор снова подъехал к гостинице, у входа в которую и состоялся его разговор с Муромцевым. Рейхенберг потребовал немедленно закрыть совещание, угрожая в противном случае объявить город на военном положении⁴⁷. Надо сказать, что Выборг как город-крепость действительно мог быть в любой момент объявлен на военном положении с передачей всей полноты власти русскому военному командованию, которое не стало бы церемониться не только с революционерами, но и с либералами. В этом отношении выбор места совещания оказался крайне неудачным. В итоге «законопослушный» Муромцев, убоившись конфликта с царскими властями, сложил с себя председательские полномочия и тут же покинул зал заседаний⁴⁸.

Работа Выборгского совещания оказалась, таким образом, под угрозой срыва. Большинство участников склонялось к тому, чтобы подчиниться требованиям властей и не злоупотреблять гостеприимством финляндских друзей. Вдобавок для многих кадетов появление губернатора было поистине спасительным выходом из той крайне щекотливой ситуации, в которой они невольно оказались. Ведь ссылаясь на непреодолимую силу обстоятельств, можно было уйти от подписания документа, который сулил кадетам лишь массу неприятностей. С другой стороны, отступление без боя дискредитировало бы их в глазах трудовиков и социал-демократов, а главное — в глазах народа. Поэтому решено было продолжить совещание под председательством Долгорукова и попытаться, так или иначе, принять обращение к нации.

Винавер внес предложение перебраться за черту крепости, в одну из ближайших к Выборгу деревень — Юстиля, закончить там обсуждение проекта обращения, а потом отправиться в Гельсингфорс⁴⁹. В свою очередь, трудовики и меньшевики, чтобы облегчить выход из создавшегося положения, сняли все свои поправки и заявили, что будут голосовать за проект редакционной комиссии. Это позволило Петрункевичу внести компромиссное предложение: немедленно подписать документ в том виде, в каком он был подготовлен комиссией в ночь на 10 июля. И хотя содержание его, как пишет Субботин, далеко не удовлетворяло трудовиков, они решили подписать обращение, надеясь, что события скоро заставят кадетов свернуть с избранного ими умеренного пути. При этом трудовики не теряли надежды на возможность созыва заседания Думы в Петербурге⁵⁰.

Принятый участниками совещания документ гласил:

«НАРОДУ ОТ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Граждане всей России!

Указом 8 июля Государственная дума распущена. Когда вы избрали нас своими представителями, вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составили законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые безнаказанно нарушали законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым. А когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей. Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через 7 месяцев. Целых 7 месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волнениями и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых 7 месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодную Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы. Граждане! Стойте крепко за поправные права народного представительства, стойте за Государственную думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиваться этого.

Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе ему не давать ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне недействительны, русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свое право все, как один человек. Перед единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может. Граждане! В этой вынужденной и неизбежной борьбе ваши выборные будут с вами»⁵¹.

Таким образом, практически ни одно сколько-нибудь существенное предложение трудовиков и меньшевиков в окончательный текст документа не вошло. С этой точки зрения победа кадетов, одержанная в Выборге, выглядит внешне довольно убедительно. Однако они проиграли в главном: трудовики и социал-демократы не ограничились подписанием Выборгского обращения к народу, а выпустили во второй декаде июля ряд очень важных самостоятельных документов, носивших гораздо более радикальный характер. В итоге ставка на единство думской оппозиции оказалась битой. Выборгское совещание, созванное в противовес «левому блоку», лишь укрепило этот последний, показав несостоятельность претензий кадетов на гегемонию в освободительном движении.

Сколько же депутатов подписалось под Выборгским воззванием? Оригинал его с подписями участников совещания не сохранился (или был сознательно уничтожен кадетами). Кроме того,

часть подписей была собрана затем дополнительно. На судебном процессе по делу об участниках Выборгского совещания фигурировал печатный текст обращения со 180 подписями. Кроме того, имеется типографский экземпляр воззвания со 189 подписями (эту цифру называет в своем донесении и сотрудник Департамента полиции Меньщиков). Не раз уже упоминавшийся нами М. Бомпар писал о 213 подписях. Наконец, Милюков в интервью корреспонденту французской газеты «Тан» заявил, что Выборгское воззвание подписали 218 депутатов, в том числе 130 кадетов⁵².

Около 4 час. дня 10 июля 1906 г. Выборгское совещание закончило свою работу, приняв решение о том, чтобы бывшие депутаты не разъезжались из Петербурга. Это означало, что участники совещания еще не теряли в тот момент надежды на возможность тем или иным путем вернуться в стены Таврического дворца и продолжить свою депутатскую деятельность.

В 5—6 час. вечера началось совместное заседание комитетов трех думских фракций, участвовавших в Выборгском совещании (кадетов, трудовиков и социал-демократов), и представителей Центральных комитетов указанных партий. Встреча кадетских, трудовических и меньшевистских лидеров продолжалась примерно до полуночи. Винаверу запомнилось, что меньшевик А. С. Мартынов и эсер В. М. Чернов очень хвалили Думу. По саркастическому замечанию Винавера, лучшие друзья Думы не могли бы быть красноречивее в своем «надгробном слове» о ее деятельности (это дало повод кадету Гессену ядовито напомнить Чернову о недавнем прошлом, в частности о бойкоте Думы эсерами)⁵³.

Комитет Трудовой группы доказывал необходимость вернуться на следующий же день, 11 июля, в Петербург и объявить там о возобновлении заседания Государственной думы, сделав его при этом непрерывным. Трудовики снова повторили, что считают поездку в Выборг ошибкой, которую можно еще, однако, исправить. Они убеждали кадетов в том, что народ окажет поддержку депутатам, если они будут действовать более решительно. Левые кадеты присоединились к предложению трудовиков о возвращении в столицу, но более осторожные из них предпочитали остаться пока на территории Финляндии. Обсуждался и вопрос о том, чем займется Дума, если она все же соберется в Петербурге. Предполагалось, в частности, обратиться за поддержкой к парламентам европейских государств, указав на неконституционный характер акта роспуска Думы, выработать новый избирательный закон и призвать армию и флот защищать интересы народа. Судя по всему, эти предложения исходили от трудовиков, поскольку зафиксированы они только в брошюре Бондарева и Субботина⁵⁴. В итоге было решено, что все участники совещания вернуться вместе в Петербург, а по дороге окончательно договорятся о времени и месте нового заседания Думы.

В ночь с 10 на 11 июля и утром 11 июля трудовики вновь

обсуждали на фракционном совещании создавшееся положение и решили совместно с социал-демократами обратиться с воззванием к армии и флоту. Тогда же, как пишет Субботин, был выработан и его текст⁵⁵.

Около часа дня 11 июля депутаты, сфотографировавшись предварительно на память, выехали из Выборга в Петербург. Ходили слухи, что Финляндский вокзал столицы уже оцеплен войсками для ареста участников совещания. К моменту отъезда депутатов они имели на руках отпечатанный типографским способом текст Выборгского воззвания: вечером 10 июля он был отпечатан сначала на финском языке, а немного позже — на русском (тиражом 10 тыс. экземпляров)⁵⁶. Затем был выпущен дополнительный тираж. Тогда же корреспонденты, в том числе и иностранные, начали передачу текста воззвания из Выборга и Гельсингфорса в Петербург и столицы зарубежных государств.

Поезд отошел от перрона Выборгского вокзала, украшенный красными флажками. Из последнего вагона социал-демократы во главе с Рамшвилем махали провожающим куском красной материи. Пели «Марсельезу». Казалось, что поезд идет в революцию. По дороге в вагоне, где ехали кадеты, шли совещания. Строились планы распространения Выборгского воззвания чуть ли не миллионными тиражами. На остановках депутаты бросали из окон вагонов пачки воззвания (отдельные экземпляры его привозились потом дачниками в Петербург или расклеивались в пригородах столицы). Опасения, что депутаты будут по приезде в Петербург арестованы, не оправдались. Все прошло спокойно, если не считать ареста на несколько дней журналиста народнического толка В. М. Хижнякова за сочувственный возглас в адрес участников Выборгского совещания⁵⁷.

Вечером 11 июля состоялось заседание думской фракции кадетов, на котором было принято решение выехать на следующий день в Териоки для обсуждения вопроса о возможности осуществления призыва к гражданскому неповиновению⁵⁸. Характерно, что кадеты покинули столицу, так и не дав трудовикам обещанного ответа на вопрос, когда и где соберется Дума. Как и 9 июля, они просто поставили их перед совершившимся фактом, фактически сорвав совместные действия, на которые рассчитывала Трудовая группа.

К вечеру 12 июля кадеты прибыли в Териоки, где и состоялось совещание, в работе которого участвовали кадетские руководители и более 90 депутатов от партии «народной свободы». 14 июля в Териоки были приглашены также трудовики и социал-демократы. По словам Г. К. Ульянова, это была самая печальная и позорная страница в жизни I Государственной думы. Кадеты объявили своим партнерам по Выборгскому совещанию, что возобновление думской сессии невозможно, так как народ безмолвствует. Поэтому нужно сложить оружие и ждать «девятого вала», т. е. нового подъема революционной волны. Все попытки левых депутатов убедить кадетов в том, что Дума должна идти в аван-

гарде революции, остались безрезультатными. Кадеты били отбой по всем пунктам. Отвергли они и предложение трудовиков о том, чтобы распущенная Дума образовала особый исполнительный орган, наделив его всеми полномочиями, которые имели прежде депутаты. По мнению кадетов, каждая думская фракция должна была создать свой комитет, который мог бы собрать всю фракцию в целом, если бы народ все же поднялся на борьбу.

На заседании в Териоках между кадетами и трудовиками царил такая враждебность, какой не было за все время существования I Думы. Разошлись не прощаясь, вспомнил Ульянов. Трудовикам было теперь ясно, что, пока кадеты составляют большинство Думы, ей не удастся завоевать для народа ни земли, ни воли. Добыть их можно было только в упорной борьбе⁵⁹.

Судьба Выборгского воззвания

Рассказ о Выборгском совещании и принятом на нем обращении к народу был бы неполон, если бы мы не сказали о дальнейшей судьбе этого документа.

Освободившись от изрядно тяготивших уже кадетов «друзей слева» в лице трудовиков и социал-демократов, руководство партии «народной свободы» на заседании ЦК 15 июля поставило, наконец, крест на старой Думе: ее деятельность как официально-государственного учреждения была признана прекращенной, и кадетские депутаты получили разрешение покинуть Петербург. Как явствует из протокола заседания, лозунг возвращения I Думы в прямом виде был отвергнут и заменен требованием немедленного созыва народных представителей. Оставались в силе такие тактические лозунги кадетов, как образование ответственного министерства и требование принудительного отчуждения земли. Вопрос о всеобщем избирательном праве оставался открытым. ЦК партии «народной свободы» в принципе присоединился к Выборгскому манифесту, но решать вопрос о практической реализации содержащихся в нем рекомендаций должны были местные организации и отдельные члены партии. Последнее слово оставалось здесь за очередным кадетским съездом⁶⁰.

Вопросы, связанные с тактикой кадетов после Выборгского совещания, обсуждались также на заседаниях ЦК 17, 20 и 23 июля, однако каких-либо принципиальных решений по ним принято не было. По мере того, как либералы остывали от лихорадочного возбуждения выборгских дискуссий, они все больше приходили к выводу, что несколько «погорячились». Недаром граф П. А. Гейден писал жене по возвращении из Выборга: «Половина кадетов не одобряет этого акта ... Кроме вреда, из этого ничего не будет и пользы кадетам как партии не принесет»⁶¹.

2—3 августа 1906 г. в Москве и Домодедове состоялось совещание с участием 31 члена ЦК и 33 представителей от 29 губернских комитетов кадетской партии⁶². Особенно интересовался кадетский ЦК тем, как был встречен в провинции роспуск Думы,

как оценивается там Выборгское воззвание и можно ли рассчитывать на практическую реализацию его рекомендаций. На совещании отмечалось, что в польские дни в кадетской партии образовался своего рода порочный замкнутый круг: ЦК ждал сведений о настроении в провинции, воздерживаясь до их получения от конкретных директив, а местные организации ничего не предпринимали без указаний из Петербурга. Целый ряд кадетских организаций (половина районных комитетов Москвы, Петербург, Московская, Рязанская, Вологодская, Костромская, Орловская, Пензенская, Могилевская, Тверская, Полтавская губернии)⁶³ расценивали рекомендации Выборгского воззвания как опасные, непрактичные и, главное, идущие вразрез с прежней, чисто парламентской тактикой партии.

В нескольких выступлениях звучал неприкрытый страх перед крестьянским восстанием. В Воронежской губернии кадеты прямо говорили, например, что пустить Выборгское воззвание в обращение среди крестьян, которые и без того жгут помещичьи имения, — дело очень «ответственное». С другой стороны, многие выступавшие на совещании находили воззвание слишком бледным и считали, что если уж партия решила сойти с легального пути, то следовало выступать более решительно: выпустить воззвание к войскам, организовать всеобщую забастовку, более широкий и разносторонний финансовый бойкот правительства, неповиновение властям, пойти на соглашение с левыми партиями на предмет совместных выступлений против карательных экспедиций в деревне, потребовать созыва Учредительного собрания и т. д. Многие говорили о том, что депутатам следовало остаться в Петербурге и показать личный пример сопротивления правительству⁶⁴.

Наконец, выявились и сторонники тактики гражданского неповиновения (примерно половина районных комитетов Москвы, Воронежская, Тамбовская, Таврическая, Могилевская губернии)⁶⁵. Были делегаты, которые считали, что хотя отречься от Выборгского воззвания нельзя, но и «выносить его на свет божий не следует» и вообще лучше всего незаметно свести воззвание на нет. Присутствовал в речах некоторых участников и такой оттенок: воззвание вызывает симпатии, но возможность его практического осуществления сомнительна⁶⁶.

Такая же разногласия царил и в выступлениях кадетских руководителей. А. И. Шингарев, например, заявил: мы скорее запоем «Отречемся от старого мира» (имеется в виду известная революционная песня. — С. Т.), чем отречемся от Выборгского воззвания. К соглашению с левыми партиями вплоть до организации всеобщей забастовки призывал член ЦК Н. В. Тесленко. Он горячо говорил о том, что заботиться о легальности кадетских организаций больше нечего, что чисто конституционное поведение губительно и нельзя смотреть на действия революционеров, как смотрят в театре спектакль из партера. Выборгское воззвание — это авторитетное разрешение народу не повиноваться правительству «со всеми последствиями, с карательными отрядами и

восстанием». Недаром революционеры, по словам Тесленко, стали распространять этот документ. «Теперь умыть руки нельзя», — заявил он, хотя тут же бросил многозначительную фразу, из которой следовало, что кадеты не берут на себя обязательство выполнить все Выборгские решения «буквально». Защищал Выборгское воззвание и Н. А. Гредескул, который заявил, что правительство совершило государственный переворот и теперь мирные средства борьбы исчерпаны. Нужно рисковать⁶⁷.

В то же время В. М. Гессен прямо сказал, что хотя Выборгское воззвание из почтения к думской фракции кадетов и будет одобрено, но осуществление его не может быть делом партии. «Мы не можем уйти в подполье», — закончил он. П. Б. Струве также считал, что кадетская партия на условиях Выборгского воззвания существовать не может. Поэтому надо найти формулу, которая деликатно сводила бы выборгские постановления на нет, ибо становиться на точку зрения «истребления правительства» еще преждевременно. Если мы станем нелегальной партией, говорил Струве, избиратели отвернутся от нас. Наконец, Ф. И. Родичев поставил все точки над «i», заявив, что вопрос о бойкоте практически похорошен; нужно признать, что «не хватило пороха» и даже уход кадетской партии в подполье здесь уже не поможет⁶⁸.

На заседании ЦК кадетской партии 5 сентября 1906 г. вновь столкнулись две точки зрения. А. М. Колюбакин заявил, что уклонение от выборгского курса будет означать моральную смерть партии: «На выборах ее вытолкают». И наоборот, верность принятым в Выборге решениям, несмотря на неизбежные репрессии со стороны властей, — поднимет престиж кадетов среди населения. Милюков, напротив, явно стремился похоронить Выборгское воззвание и как можно скорее отступиться на позиции чистого легализма. Он справедливо указывал, что в условиях стольшинского военно-полевого режима «пассивное сопротивление» неизбежно должно перейти в активное, совершенно неприемлемое для кадетов. Поэтому, делал вывод лидер кадетской партии, «мы должны от всего этого отказаться и заняться выборами». Правда, Милюков пытался представить разыгранный кадетским руководством спектакль как смелую и честную политическую акцию, принципиальная правильность которой не вызывает у него сомнений, но которую приходится отменить из-за репрессий правительства и пассивности масс. «...Мы должны сказать, — заявил он, — что принцип пассивного сопротивления мы очень уважаем, и теперь только (!) держаться его не можем»⁶⁹.

Характерно, что в самой кадетской партии мало кто принял Выборгское воззвание всерьез. Лишь единицы пытались лично проводить его в жизнь. Так, например, князь Петр Долгоруков отправился в Суджанский уезд Московской губернии, где был предводителем дворянства, и повел агитацию за отказ крестьян от рекрутского набора. Депутат I Думы адвокат Е. И. Кедрин отказался платить налоги, и его мебель пошла с молотка. Однако

абсолютное большинство кадетов считало, что воззвание обращено не столько к народу, сколько к правительству, которое оно должно было испугать и заставить раскаяться в роспуске Думы⁷⁰.

Тем не менее Выборгское воззвание довольно широко распространялось в июле — августе 1906 г. по всей стране, причем занимались этим не только и даже не столько кадеты, сколько трудовики, социал-демократы и представители других демократических партий и организаций. Отметим лишь несколько случаев распространения Выборгского возвания организациями РСДРП. Так, в Костромской губернии социал-демократы издали в июле 5 тыс. экземпляров возвания, заменив требование скорейшего созыва Думы требованием созыва Учредительного собрания. 20 июля 10 тыс. экземпляров возвания были напечатаны в Симферополе в губернской земской типографии Севастопольской военной организацией РСДРП. 3 тыс. экземпляров Выборгского возвания были отпечатаны Союзом туркестанских организаций РСДРП. В Минеральных Водах местный комитет РСДРП издал листовку к крестьянам, в начале которой был приведен текст Выборгского возвания, а затем шел своеобразный комментарий к нему, заканчивавшийся совсем не по-кадетски: «Да здравствует борьба за свободу и землю!», хотя при этом социал-демократы и советовали выполнять рекомендации депутатов — не платить налогов и не давать правительству солдат. Примерно по такому же пути пошли социал-демократы Ярославля: в ночь на 14 июля они заставили наборщиков местной типографии отпечатать 5 тыс. экземпляров Выборгского возвания и одновременно листовку Ярославского комитета РСДРП с большевистским призывом готовиться к вооруженному восстанию⁷¹.

Известно, что в своей агитационно-пропагандистской работе социал-демократы, в том числе и большевики, широко использовали конфликты Думы с правительством. Ниже мы более подробно рассмотрим вопрос о большевистских листовках, выпущенных после роспуска Думы. Пока же отметим, что в подавляющем большинстве из них не было сколько-нибудь серьезной критики Выборгского возвания, а позиция Думы в целом нередко даже отождествлялась с позицией ее левого, трудовического и социал-демократического, крыла и характеризовалась как борьба за интересы народа. Если добавить к этому, что перепечатка Выборгского возвания сурово пресекалась властями, газеты с его текстом конфисковывались, а агитация в духе выборгских решений каралась арестом, то нетрудно понять, почему большевики-практики, не говоря уже о меньшевиках, считали вполне допустимым распространение этого документа, который независимо от своих конкретных призывов мог — особенно с соответствующими комментариями — сыграть объективно революционизирующую роль, особенно если речь шла о слабо развитых в политическом отношении слоях населения.

Нужно также учитывать большую популярность трудовиков и

рабочих депутатов в крестьянской и пролетарской среде, что, несомненно, привлекало массы к Выборгскому воззванию, под которым стояли их подписи. Кроме того, нельзя забывать, что участие думской фракции РСДРП в работе Выборгского совещания было санкционировано ЦК РСДРП, который, кстати говоря, никогда открыто не критиковал воззвание. В свете этих фактов легко объяснить и те единичные случаи распространения Выборгского воззвания социал-демократическими организациями, о которых шла речь выше.

Говоря о распространении Выборгского воззвания и его идей, следует отметить, что царские власти карали за это не только революционеров и кадетов, но и бывших депутатов Думы. После ее роспуска аресту были подвергнуты более 20 депутатов, в первую очередь трудовики (Д. Я. Медведев, В. П. Недоносков, М. Д. Кутоманов, И. И. Субботин, И. Е. Соломко, Я. А. Осадчий, И. В. Тарасенко и др.). Обычным явлением стали обыски, административная высылка и другие репрессии в отношении бывших народных представителей. Некоторые депутаты-дворяне были исключены соответствующими дворянскими собраниями из рядов сословия за «бесчестный поступок» (так квалифицировалось участие в Выборгском совещании). Эта мера наказания была применена к 15 депутатам Думы, в том числе к Муромцеву и его заместителю Долгорукову⁷². Часть депутатов исключили из сословия адвокатов.

16 июля 1906 г. против подписавших Выборгское воззвание было возбуждено уголовное преследование, венцом которого стал судебный процесс, состоявшийся в декабре 1907 г. В обвинительном заключении поименно названы 180 депутатов, подписавших воззвание. К суду привлекли 167 человек, в том числе 100 кадетов, 50 трудовиков и 13 социал-демократов. Явились на процесс 159 бывших депутатов. Кадеты М. Я. Герценштейн и Г. Б. Иоллоз были убиты в 1906 г. черносотенцами, трудовик Ф. М. Оникко осужден в связи с участием в Кронштадтском восстании и т. д. Всем явившимся на суд бывшим депутатам было предъявлено обвинение в составлении и распространении Выборгского воззвания. Двоих суд оправдал, а остальных приговорил к трехмесячному заключению в крепости, которое они, включая С. А. Муромцева, отбывали в 1908 г.⁷³ И хотя наказание носило довольно символический характер, сам факт осуждения «цвета нации», в том числе и некоторых представителей старинных дворянских и даже княжеских родов, достаточно ярко характеризует атмосферу тех дней.

В следственных материалах по делу «выборгцев» (так стали называть участников совещания) было зафиксировано 150 случаев распространения Выборгского воззвания, в том числе 13 — в общественных местах⁷⁴. В обвинительном акте были поименно названы 13 депутатов Думы, в том числе трудовики М. Д. Кутоманов, Г. С. Шапошников, В. Ф. Врагов, В. Н. Чурюков, В. П. Недоносков и др., а также социал-демократ М. И. Михай-

личенко, которые распространяли Выборгское воззвание. Местами агитации служили сельские сходы, рабочие митинги, городской театр (в Уральске) и т. д. Были случаи, когда эти собрания заканчивались столкновениями с войсками, что служило лучшей и притом наглядной агитацией против «пассивного сопротивления». Так, 30 июля в с. Каменка Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии крестьяне буквально отбили трудовика В. Ф. Врагова у солдат и казаков, убив при этом исправника и ранив станowego пристава. Восстановить порядок и вновь арестовать Врагова удалось лишь после прибытия боевого поезда с новым отрядом пехоты и казаков с пулеметами⁷⁵.

Кутоманов вел агитацию среди рабочих сахарного завода и крестьян в Грайворонском уезде Курской губернии⁷⁶, за что и был арестован властями. Очень активно действовал в это время Михайличенко⁷⁷, который с 21 июля по 18 августа много раз выступал в Екатеринославской губернии перед своими избирателями — рабочими и шахтерами, призывая их к восстанию, бойкоту царских властей, созыву Учредительного собрания. Распространял он и Выборгское воззвание, хотя сам был убежденным сторонником активного сопротивления царским властям и, не будучи большевиком, действовал по-большевистски. Митинги, на которых выступал этот замечательный рабочий депутат, заканчивались столкновениями с полицией и войсками, в результате которых были раненые и даже убитые. Михайличенко выступал в Юзовке, на Луганском заводе Гартмана, Щербиновском, Карповском, Александровском рудниках и т. д., собирая иногда до 5—6 тыс. слушателей. Несмотря на все усилия царских властей арестовать Михайличенко, он оставался неуловимым.

Таким образом, всякая серьезная агитация за Выборгское воззвание перерастала на практике в активную борьбу с царским правительством, что лишний раз свидетельствовало о надуманности и полной бессмысленности «пассивного сопротивления» в условиях царской России. Это понимали и трудящиеся массы, которым была органически чужда «игра в революцию», и сами кадеты, быстро отказавшиеся от всяких попыток реализации плана, изложенного в Выборгском воззвании.

Окончательные «похороны» Выборгского воззвания произошли на IV съезде кадетской партии (третья декада сентября 1906 г.), который 89 голосами против 53 признал проведение Выборгского воззвания в жизнь невозможным. Кадетам рекомендовалось распространять воззвание, но не с целью возбуждения населения и немедленному его осуществлению, а просто «для ознакомления». Таким образом, съезд, по меткому выражению В. И. Ленина, объявил пассивное сопротивление «пассивному сопротивлению», еще раз доказав, что Выборгское воззвание было лишь угрозой правительству, а не практическим лозунгом кадетской партии⁷⁸.

Народ и на этот раз не пошел за партией «пародной свободы». Революционно-демократический лагерь и его политические партии ответили на роспуск Думы призывом к активному сопро-

тивлению самодержавию, хотя выработка их лозунгов и тактики проходила в обстановке упорной идейной борьбы и не привела в июле 1906 г. к полному взаимопониманию и единству действий.

- ¹ См.: Рус. слово. 1906. 10 (Прил.), 11 июля; Новое время. 1906. 9 июля.
- ² См.: *Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 213.
- ³ См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 1. С. 401.
- ⁴ См.: Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции // Вопр. ист. 1990. № 5. С. 101–102.
- ⁵ См.: Там же. С. 142, 149.
- ⁶ ЦГИА СССР. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 1982. Л. 47–47 об.; см. также: Л. 25. Одно из заседаний думской кадетской фракции по этому вопросу, состоявшееся где-то во второй половине июня, красочно описал князь В. А. Оболенский. Сначала выступил Гредескул, заявивший, что Дума не может встать на революционный путь, но в то же время и не может молча разойтись, не скомпрометировав себя в глазах народа. Поэтому он предложил составить «эпитафию», в которой можно было бы довести до сведения населения о заслугах российского парламента. «Скользкая» речь Гредескула вызвала возражения со стороны курского депутата Долженкова, сказавшего: «Мы должны продолжать работать, а если нас будут разгонять штыками, то должны быть готовы умереть». Милюков в общем и целом повторил то, что он уже говорил на заседании кадетского ЦК. Прения продолжались до поздней ночи, причем большинство выступавших в общем поддерживало Долженкова. В итоге бюро фракции пообещало учесть высказанные мнения. Кроме того, было решено, что в случае внезапного роспуска Думы все кадетские депутаты должны будут собраться на квартире Набокова для получения соответствующих инструкций. См.: Наука и жизнь. 1990. № 8. С. 104–105.
- ⁷ См.: Сергей Андреевич Муромцев: Сб. статей. М., 1911. С. 49; *Vompard M.* Mon ambassade en Russie (1903–1908). Paris, 1937. P. 222–223.
- ⁸ См.: *Гессен И. В.* Указ. соч. С. 230–231.
- ⁹ ЦГИА СССР. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 1982. Л. 10.
- ¹⁰ См.: *Бондарев С.* Тактика Трудовой группы; *Субботин И.* Роспуск Первой Государственной думы. СПб., 1907. С. 16.
- ¹¹ См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 4 об. – 5 об.
- ¹² См.: *Кропоткин П. А.* Великая французская революция 1789–1794 гг. // Соч. М., 1919. Т. 11. С. 53–56.
- ¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 32.
- ¹⁴ См.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 154; *Маковицкий Д. П.* У Толстого // Лит. наследство. М., 1979. Т. 90, кн. 2. С. 525.
- ¹⁵ См.: *Винавер М. М.* История Выборгского воззвания (Воспоминания). Б. м., 1913. С. 15–16; *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 403.
- ¹⁶ См.: *Бондарев С., Субботин И.* Указ. соч.; *Ульянов Г. К.* К моим избирателям. Из писем бывшего депутата Государственной думы. М., 1907. Саратовский крестьянин-мордвин Г. К. Ульянов (1864–1943), народный учитель по профессии, служил в годы революции статистиком в Саратовской земской управе, был членом партии эсеров, неоднократно подвергался арестам. В Трудовой группе I Думы Ульянов занимал крайне левые позиции. В 1907 г. он эмигрировал и вернулся на родину лишь в 1917 г. Был членом партии левых эсеров. В дальнейшем Ульянов работал в Наркомпросе, являлся автором ряда книг и брошюр (см.: *Колесниченко Д. А.* Состав Трудовой группы в I и II Государственных думах. М., 1988. С. 52–55).
- ¹⁷ *Ульянов Г. К.* Указ. соч. С. 8.
- ¹⁸ Там же. С. 10–11.
- ¹⁹ См.: *Бондарев С., Субботин И.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁰ См.: Там же. С. 19–21.
- ²¹ Там же. С. 21–22.

- ²² *Винавер М. М.* История Выборгского воззвания. С. 19.
²³ *Миллюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 404–405.
²⁴ См.: *Ульянов Г. К.* Указ. соч. С. 12; *Лядов М. Н.* Из жизни партии в 1903–1907 гг. (Воспоминания). М., 1926. С. 172.
²⁵ См.: *Бондарев С., Субботин И.* Указ. соч. С. 22–23.
²⁶ *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 25.
²⁷ Там же. С. 68.
²⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 236. Отд. II. 1906 г. Д. 2. Ч. 1. Т. 5. Л. 45.
²⁹ См.: Красный архив. 1933. Т. 2 (57). С. 85.
³⁰ См.: Сергей Андреевич Муромцев. С. 49.
³¹ См.: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 28.
³² См.: Красный архив. 1933. Т. 2 (57). С. 86–87.
³³ Там же. С. 88.
³⁴ Там же.

³⁵ Характерно, что, отвечая на вопрос французского корреспондента о том, как может отразиться Выборгское воззвание на поступлении налогов, министр финансов В. Н. Коковцов заявил: «Выборгский манифест мог бы отразиться лишь на поступлении прямых налогов, между тем как в основу податной системы в России положены косвенные налоги. Нельзя думать, чтобы народ, даже если допустить, что он послушается призыва бывших депутатов Думы, отказался от употребления спичек или водки. Мы имеем доказательства противоположного свойства».

Налоги распределялись в то время в России следующим образом (в млн руб.):

	1904 г.	1905 г.	1906 г.
Прямые налоги	134,9	126,9	163,2
Косвенные налоги	795,3	848,8	1013,5
Пошлина	104,2	100	113,3
Выкупные платежи	81,6	55,4	35,0
Всего	1116	1131,1	1325,0

Потребление вина возросло в России в 1906 г. по сравнению с 1905 г. на 10 429,2 тыс. ведер, а доход от винной монополии — на 84 млн руб. (См.: Общественное движение в России в начале XX-го века. СПб., 1912. Т. IV. С. 180–181).

- ³⁶ См.: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 35; *Бондарев С., Субботин И.* Указ. соч. С. 24.
³⁷ *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 43–44; *Ульянов Г. К.* Указ. соч. С. 14.
³⁸ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 102. 2-е д-во. 1906 г. Д. 9 Ч. 60. Л. 664–664 об.
³⁹ См.: Речь. 1906. 10 июля; Рус. слово. 1906. 11 июля.
⁴⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. Д. 88. Л. 2; Д. 92. Л. 65.
⁴¹ См.: *Лядов М. Н.* Указ. соч. С. 172.
⁴² Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 3. Д. 302. Ед. хр. В. 8. 89. Л. 1.
⁴³ См.: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 46; Красный архив. 1933. Т. 2 (57). С. 89–95 (подсчет автора).
⁴⁴ См.: Красный архив. 1933. Т. 2 (57). С. 89–95.
⁴⁵ См.: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 51. «Мирнообновленцев» уговорил поехать в Выборг Д. Н. Шилов, который, впрочем, сам призывал, что шансов на то, чтобы удержать Думу от слишком дерзкого, «революционно-го» шага, очень мало, поскольку революция, по его словам, «вызывается и создается сверху» (ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. Д. 88. Л. 11).
⁴⁶ См.: Там же. Оп. 236. II отд. 1906 г. Д. 2. Ч. 1. Т. 5. Л. 45 об.
⁴⁷ Там же. Д. 716. Л. 99 об. — 100 об.
⁴⁸ См.: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 55; *Миллюков П. Н.* Указ. соч. С. 406.
⁴⁹ См.: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 55. Согласно донесениям полицейской агентуры, Муромцев и Петрункевич вновь были 10 июля у губернатора, добиваясь разрешения собрать депутатов хотя бы еще раз, но получили отказ (см.: ЦГАОР. Ф. 102. Оп. 236. Отд. II. 1906 г. Д. 2. Ч. 1. Т. 5. Л. 46).
⁵⁰ См.: *Бондарев С., Субботин И.* Указ. соч. С. 25.
⁵¹ См.: Второй период революции. М., 1961. Ч. 2, кн. 1. С. 33. Текст воззвания, опубликованный вместе с протоколами совещания в журнале

- «Красный архив» (1933. Т. 2 (57). С. 97–98), отличается от приведенного текста лишь небольшими, чисто редакционными изменениями, что было предусмотрено в предложении Петрункевича от 10 июля голосовать за проект как он есть, поручив последующую шлифовку документа редакционной комиссии.
- ⁵² См.: Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 7–9; ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 236. Отд. II. 1906 г. Д. 716. Л. 226 об. (подсчет автора); Там же. Д. 2. Ч. 1. Т. 5. Л. 47; Новое время. 1906. 20 июля.
- ⁵³ См.: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 68.
- ⁵⁴ См.: *Бондарев С., Субботин И.* Указ. соч. С. 26; см. также: *Ульянов Г. К.* Указ. соч. С. 15–16 (совещание ошибочно датируется здесь 12 июля).
- ⁵⁵ См.: *Бондарев С., Субботин И.* Указ. соч. С. 27.
- ⁵⁶ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 236. Отд. II. 1906 г. Д. 716. Л. 28; Д. 2. Ч. 1. Т. 5. Л. 41.
- ⁵⁷ См.: *Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 333; *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 74; *Ульянов Г. К.* Указ. соч. С. 20.
- ⁵⁸ См.: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 75.
- ⁵⁹ См.: ЦГАОР. Ф. 102. Оп. 236. Отд. II. 1906 г. Д. 716. Л. 71; Д. 2. Ч. 1. Т. 5. Л. 49; *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 75; *Ульянов Г. К.* Указ. соч. С. 21, 23, 30; *Бондарев С., Субботин И.* Указ. соч. С. 29–30.
- ⁶⁰ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 1. Д. 27. Л. 134–140 об.; Ф. 102. Оп. 263. Отд. II. 1906 г. Д. 2. Ч. 1. Т. 5. Л. 49; Красный архив, 1931. Т. 3 (46). Л. 67–68; Вопр. ист. 1990. № 6. С. 145–146.
- ⁶¹ ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. Д. 88. Л. 1.
- ⁶² См.: ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 1. Д. 27. Л. 148–196 об.; Красный архив. 1931. Т. 4–5 (47–48). С. 112–139.
- ⁶³ Там же. С. 114, 116, 117, 119, 122, 125, 127.
- ⁶⁴ См.: Там же. С. 114–126.
- ⁶⁵ См.: Там же. С. 114, 118, 121.
- ⁶⁶ См.: Там же. С. 116, 118, 119, 124, 126.
- ⁶⁷ См.: Там же. С. 132–134.
- ⁶⁸ Там же. С. 130–131.
- ⁶⁹ Там же. С. 139.
- ⁷⁰ См.: *Гессен И. В.* В двух веках. С. 234–235; *Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. С. 399.
- ⁷¹ Красный архив, 1931. Т. 4–5 (47–48). С. 127; Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. С. 284, 400; Революция 1905–1907 годов на Тереке. Док. и материалы. Орджоникидзе, 1986. Т. 2. С. 159–160; Правительственный вестник. 1906. 19 июля.
- ⁷² См.: *Куприянова Л. В.* Депутаты первого призыва после роспуска Государственной думы // Былое. 1907. № 2. С. 35.
- ⁷³ См.: Выборгский процесс. С. 177–178.
- ⁷⁴ См.: *Сидельников С. М.* Образование и деятельность Первой Государственной думы. М., 1962. С. 377.
- ⁷⁵ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 2. С. 269–272.
- ⁷⁶ Там же. С. 143.
- ⁷⁷ Материалы о его революционной деятельности см.: ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 236. Отд. II. 1906 г. Д. 735.
- ⁷⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 38.

ОТВЕТ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ НА РОСПУСК ДУМЫ

Борьба двух тактических линий в РСДРП

В условиях начавшегося кризиса первостепенное значение приобретала политическая линия партии рабочего класса — РСДРП. По оценке В. И. Ленина, после объединения большевиков, меньшевиков, польских, литовских и латышских социал-демократов ее рядах насчитывалось весной 1906 г. около 70 тыс. членов, а вместе с Бундом (он объединился с РСДРП в августе 1906 г.) как минимум 100 тыс. человек¹, т. е. больше, чем у кадето-октябристов или эсеров, явившихся в то время самыми крупными непролетарскими партиями России. Положение, однако, осложнялось тем, что Российская социал-демократическая рабочая партия отнюдь не обрела после своего IV (Объединительного) съезда внутренней монолитности. Сохранялось неофициальное деление социал-демократов на две фракции — большевиков и меньшевиков, а национальные социал-демократические организации частью поддерживали, хотя и с определенными оговорками большевиков (Социал-демократия Королевства Польского и Литвы, Латышская социал-демократическая рабочая партия), частично в основных вопросах за меньшевиками (Бунд).

Как отмечал член ЦК РСДРП большевик Л. Б. Красин, «как правило (1906 г. — *С. Т.*) большевики и меньшевики противостояли друг другу как два совершенно обособившихся крыла социал-демократического движения, и хотя старые заграничные формы междупартийной борьбы — дразни значительно сгладились, хотя в период свобод (октябрь—ноябрь 1905 г. — *С. Т.*) почти во всех местных организациях большевиков и меньшевиков слились и о частях успели даже перестроиться на демократических началах, причем фракционность, по крайней мере теоретически, уже не принималась во внимание при выборах в заводские, районные, общегородские комитеты, все-таки питать особенно больших надежд на полное объединение, вплоть до исчезновения старой группы, было нельзя. Съезд подтвердил этот скептический взгляд».

В рамках единого, революционного пути борьбы за демократизацию и обновление российского общества большевики и меньшевики тем не менее, представляли собой два вполне самостоятельных политических течения внутри рабочего движения. У каждого из них было свое видение тех сложных социально-экономических и политических процессов, которые происходили в стране, свой взгляд на соотношение объективных и субъективных фак-

ров общественного развития, свой подход к оценке роли различных классов и партий. В задачу настоящего исследования не входит детальный анализ гносеологических и социальных корней большевизма и меньшевизма, которые уходят в противоречивое переплетение революционных и реформистских тенденций в развитии российского общества, неоднородность рабочего класса, сильное влияние на него других социальных слоев и групп и т. д. Однако очень важно подчеркнуть, что объективный научный подход к истории российской социал-демократии исключает как абсолютное противопоставление большевизма и меньшевизма, чем еще недавно сильно грешили наши исторические исследования, так и полное стирание всяких различий между ними и тем более неоправданную идеализацию меньшевиков.

Уходят в прошлое времена, когда меньшевиков автоматически отлучали от марксизма, революции, рабочего класса, а их политические колебания однозначно трактовали как реформизм и ревизионизм. Совершенно очевидно, что ни поиски классовых компромиссов, ни стремление по возможности снизить «цену революции» сами по себе еще не означают измену революционному делу, точно так же, как теоретический догматизм и политическое сектанство отнюдь не являются признаками «настоящего» революционера. Вот почему необходим более гибкий и трезвый подход к большевизму и меньшевизму, ибо у каждого из них были свои сильные и слабые стороны, свои достижения и ошибки.

Бесспорно, большевики были более последовательными революционерами и стояли ближе к народным «низам», чем меньшевики. В дооктябрьский период, на наш взгляд, оправдали себя ставка большевиков на сильную подпольную партийную организацию, союз рабочих и крестьян, вооруженные методы борьбы с царизмом, хотя не обошлось здесь и без некоторых серьезных издержек (сверхцентрализация, элементы сектанства и волюнтаризма, «командные» методы работы в массовых беспартийных организациях, известная неразборчивость в выборе средств борьбы). В свою очередь, сильной стороной меньшевиков было их стремление максимально использовать все легальные возможности, проявлять необходимые в политике осторожность и трезвость, избегать «революционного нетерпения». Однако меньшевизм страдал от свойственной интеллигенции политического импрессионизма, идейной неустойчивости и организационной расплывчатости, своеобразного исторического фатализма. Не принес меньшевикам успеха и курс на сотрудничество с русской либеральной буржуазией. Не раз подводило их пристрастие к абстрактным теоретическим схемам, ориентация на европейские образцы, недостаточный учет специфики российской действительности, слишком «книжный», догматический характер их подхода к марксизму.

Если в 1905 г., когда революция шла на подъем, в положении «догоняющих» оказались меньшевики, вынужденные силой

обстоятельств сближаться по ряду позиций, в том числе и в вопросах подготовки и проведения вооруженного восстания, с большевиками, то в 1906 г. в сходную ситуацию попали уже последние, не сумев сразу перестроить свою тактику в обстановке начавшегося спада революционной волны. Достаточно сказать, что ошибочная тактика бойкота I Государственной думы привела к тому, что на думской арене борьбы большевики практически оказались на первых порах «вне игры». Справедливости ради нужно сказать, что бойкотистские или полубойкотистские настроения были и у многих меньшевиков, которые, однако, сумели исправить эту ошибку быстрее своих оппонентов из большевистской фракции. Правда, и большевики достаточно оперативно пересмотрели затем свою тактическую линию и постарались установить необходимое равновесие между нелегальной и легальной, в том числе думской, работой, добившись в этом плане неплохих результатов. Тем не менее допущенный просчет был достаточно досаден, тем более что еще на Таммерфорской конференции большевиков в декабре 1905 г. сам Ленин склонялся к участию в выборах в I Думу, но отказался от этой точки зрения из солидарности с большевиками-практиками.

Что касается меньшевиков, то нужно сказать: на протяжении 1906 г. они в общем и целом дрейфовали в сторону отказа от гегемонии пролетариата в освободительном движении, признания политического главенства кадетов и свертывания военно-боевой работы. Возможно, в какой-нибудь другой стране с менее заскорузлым полицейско-бюрократическим аппаратом и более европеизированной, а значит, и более склонной к компромиссу с народом буржуазией, такая линия могла бы принести свои плоды. Но в России, где каждая уступка вырывалась у царизма с боем и где даже кадеты казались деловой, торгово-промышленной буржуазии чуть ли не «красными», меньшевистская идея «общенациональной революции» выглядела достаточно утопичной.

Трагедия России заключалась в том, что здесь история обычно перекрашивалась в новые цвета кровью, но эта трагедия была исторически данной реальностью, с которой не мог не считаться ни один трезвый политик. И именно этим объяснялись то неистовство, та страсть, та беспощадность, с которыми Ленин буквально обрушивался на кадетов, а заодно и на меньшевиков. Сегодня эта полемика кажется многим слишком резкой и неконструктивной. Однако нужно признать, что у Ленина была своя логика, которая диктовала все его поведение. Он исходил из того, что шансы на победу демократической революции в России достаточно велики, причем целенаправленная революционная работа марксистской партии могла бы поднять их еще выше. У большевиков были основания считать, что даже после декабрьского поражения 1905 г. боевой дух масс остается несломленным, что основная борьба еще впереди, а позиции социал-демократов достаточно прочны. С другой стороны, ни псевдоконституционные

маневры самодержавия, ни оппозиционные выступления либералов не внушали Ленину ни малейшего доверия.

Возможно, другой политический лидер на месте Ленина вел бы себя в этой ситуации несколько иначе, проявляя больше выдержки, такта, гибкости. Но насколько иначе? И как конкретно? Кто может сегодня ответить на этот вопрос? Заметим лишь, что если в 1917 г. Ленин столкнулся с довольно сильными оппонентами в рядах собственной партии, то на рубеже 1905—1906 гг. по основным стратегическим и тактическим вопросам таких оппонентов практически не было, и даже А. А. Богданов, в котором некоторые западные историки видят своего рода противовес Ленину среди большевиков, отнюдь не был сторонником свертывания работы по подготовке к новому вооруженному восстанию и переходу на точку зрения меньшевиков. А это значит, что позиция Ленина была не только его личной позицией, а точкой зрения большевизма в целом.

Все это необходимо иметь в виду, анализируя состояние РСДРП после IV (Объединительного) съезда партии, на котором по ряду причин, в том числе и случайных, меньшевики оказались в большинстве. Это наложило отпечаток на многие решения съезда, страдавшие непоследовательностью, половинчатостью и расплывчатостью. Ситуация усугублялась резким поворотом меньшевиков вправо, который начался после поражения декабрьских вооруженных восстаний 1905 г. и стал особенно заметен в так называемый «думский» период революции. Все это ставило большевиков, обязанных подчиняться партийной дисциплине, в очень сложные условия, тем более что в ЦК РСДРП были избраны только три сторонника ленинской линии (Л. Б. Красин, В. А. Десницкий, А. И. Рыков, замененный затем А. А. Богдановым) и семь меньшевиков (Б. А. Бахметьев, Л. И. Гольдман, Л. Н. Радченко, В. Н. Розанов, П. Н. Колокольников, В. Н. Крохмаль, Л. М. Хинчук)³. В дальнейшем в состав ЦК были введены представители национальных социал-демократических организаций, которые вошли в 1906 г. в РСДРП: от польских социал-демократов — А. С. Варский и Ф. Э. Дзержинский (он приехал в Петербург в конце июля 1906 г.), от латышских — К. Х. Данишевский, от Бунда (с осени 1906 г.) — Р. А. Абрамович и А. И. Кремер.

Кроме того, существовала еще избранная на IV съезде РСДРП редакция Центрального органа партии (правда, он так и не издавался) в составе пяти меньшевистских лидеров — Ю. О. Мартова (во время июльского кризиса он находился в тюрьме), А. С. Мартынова, П. П. Маслова, Ф. И. Дана и А. Н. Потресова, которые не только участвовали в работе ЦК, но и задавали там тон. Часто в ЦК приглашали и руководителей думской фракции РСДРП во главе с Н. Н. Жордания.

ЦК РСДРП, действовавший между IV и V съездами РСДРП, оказался практически меньшевистским фракционным центром. Большевики резко критиковали меньшевиков, но изменить взя-

тый последними курс не могли. Как говорил на V съезде РСДРП член ЦК от большевиков А. А. Богданов, «в наших попытках работать в ЦК мы наткнулись на стену» и возможность сотрудничества с меньшевиками свелась «к ничтожной величине, о которой не стоит и говорить»⁴.

Первое после роспуска Думы заседание ЦК РСДРП состоялось, видимо, утром 9 июля⁵. Состав участников этого заседания (кроме большевика А. А. Богданова) неизвестен, но его ход в самых общих чертах можно реконструировать по такому ценному источнику, как заявление трех большевистских членов ЦК от 20 июля 1906 г., написанное специально для того, чтобы все члены партии с фактами в руках могли составить представление о линии большевиков и меньшевиков в июльские дни. Из документа явствует, что сразу же после получения известия о роспуске Думы А. А. Богданов внес на рассмотрение членов ЦК РСДРП проект обращения ко всем рабочим России. В нем подчеркивалось, что новый реакционный шаг правительства должен убедить самые широкие массы в необходимости всенародного восстания. В то же время большевики подчеркивали, что пролетарское восстание без участия крестьянства привело бы лишь к повторению декабрьских событий 1905 г. Исходя из этого, они предлагали рабочим подождать подъема крестьянского движения, который должен был произойти, по их расчетам, в самом ближайшем будущем, а пока готовиться к предстоящим боям. Однако меньшевики отвергли большевистский план⁶.

Разъясняя позже в письме на имя находившихся тогда в США А. М. Горького и М. Ф. Андреевой тактику большевиков, Л. Б. Красин писал: мы считали весьма вероятным, что роспуск Думы приведет в конечном счете к восстанию рабочих, крестьян и революционных слоев армии, причем решающую роль в нем в отличие от декабря 1905 г. должна будет сыграть деревня. Вот почему следовало подождать, пока известие о роспуске Думы будет «переварено» крестьянством в самых глухих уголках России и, окончив полевую страду, оно возьмется за вилы и топоры и пойдет войной на помещичьи имения. «Сколько потребуются времени для того, чтобы этот всероссийский пожар разгорелся, насколько велика будет согласованность отдельных восстаний, их сила, упорство, одновременность,— все это вопросы, на которые ответить может лишь сама жизнь. Практически же городу и всем вообще революционным организациям надо готовиться и ждать того нарастания движения в деревне, которое в определенный момент позволит одновременному и энергичному выступлению городов в связи с общей и железнодорожной забастовкой нанести решительный и, может быть, на этот раз даже решающий удар».— писал Л. Б. Красин. При этом он отмечал, что настроение петербургского пролетариата не благоприятствовало скороспелым и необдуманым решениям. «Мы выступим, когда встанет вся Россия»; «мы пойдем драться, но мы не хотим неудач-

ной забастовки», — говорили наиболее сознательные петербургские рабочие после роспуска Думы⁷.

В том же письме довольно подробно говорилось и о настроении меньшевистских верхов после роспуска Думы. Они видели в ней «центр революционного движения», связывали с Думой все свои надежды и считали, что если в ответ на акцию Николая II и Столыпина немедленно же не произойдет взрыва народного возмущения, то придется ждать созыва II Думы, без которой трудно будет вновь поднять настроенные массы. Поэтому меньшевики предлагали немедленно объявить трехдневную демонстративную забастовку с перспективой перевода ее в случае успеха в решительное общенародное выступление, может быть, даже в последний решительный бой с самодержавием, т. е. в восстание. Было высказано и мнение о том, что следует просто объявить всероссийскую политическую стачку протеста против роспуска Думы без указания на ее демонстрационный характер, поскольку само правительство постаралось бы использовать любое выступление пролетариата как предлог для очередного «кровопускания» рабочим.

Характеризуя тактику меньшевиков, Л. Б. Красин писал: «Такова логика революции: люди, сочинявшие покаянные псалмы после декабрьских якобы „увлечений“ восстанием, люди, принявшие на Объединительном съезде резолюцию, которая по справедливости была там же окрещена резолюцией „против вооруженного восстания“, люди, за весь период с апреля по сне число не ударившие палец о палец в деле подготовки к вооруженному столкновению и не истратившие на это ни одного гроша, в несколько дней перескочили от этой позиции индифферентизма к объявлению всеобщей стачки, которая при нынешних условиях и боевой подготовленности правительства не может не перейти в вооруженное восстание»⁸.

Однако 9 июля, взяв в принципе курс на всеобщую забастовку в защиту Думы, меньшевистский ЦК РСДРП не принял еще никакого окончательного решения. Причина была проста: предстояло Выборгское совещание, итоги которого могли оказать значительное влияние на всю политическую ситуацию в стране. Поэтому на заседании 9 июля члены ЦК РСДРП ограничились обменом мнениями и приняли решение подождать результатов совещания депутатов Думы, направив в Выборг в качестве своих представителей А. А. Богданова и А. С. Мартынова.

В Москве 9 июля состоялось заседание МК РСДРП, о котором мы знаем из воспоминаний Н. А. Рожкова. Именно он и предложил объявить в ответ на роспуск Думы всеобщую забастовку, но большинство участников встречи поддержало Б. П. Позерна, считавшего, что нужно сначала запросить директивы у ЦК РСДРП⁹.

В. И. Ленин узнал о роспуске I Государственной думы в небольшом, малонаселенном дачном поселке Саблино под Петербургом. В субботу 8 июля он приехал сюда вместе с Н. К. Круп-

ской на отдых к своей матери, М. А. Ульяновой, жившей там на даче у А. И. и М. Т. Елизаровых. Предыдущая неделя выдалась для Ленина очень напряженной: в большевистской газете «Эхо» были опубликованы семь его статей и две заметки, а 7 июля он выступил под фамилией Карпов на собрании партийных работников Петербургской организации РСДРП с докладом о тактике социал-демократической фракции Думы. До 5 июля состоялась и его беседа с членом ЦК Латышской социал-демократии П. И. Стучкой о предстоящем съезде СДЛК. Владимир Ильич предполагал пробыть в Саблино с неделю, но уже утром 10 июля, прочитав в газетах царский указ о роспуске Думы, он вместе с Н. К. Крупской и А. И. Ульяновой-Елизаровой уехал в Куоккала, чтобы обсудить там с товарищами по партии сложившуюся обстановку и наметить тактику большевиков¹⁰.

В Куоккала на дачу «Ваза» приехали партийные работники из столицы, в частности М. Н. Лядов. Он вспоминал: „Я направился в Куоккала, к Ильичу, чтобы проинформировать его обо всем. У Ильича я уже застал кое-кого из петербуржцев. Они сошлись о том, как реагировать на роспуск Думы. Я передал все, что видел и на митинге (в окрестностях Петербурга утром 9 июля.—С. Т.) и в вагоне (где Лядов встретился с А. А. Богдановым.—С. Т.), и самым горячим образом доказывал, что надо провалить лозунг ЦК о всеобщей забастовке как протесте против разгона Думы. Ильич также решительно был против того, чтобы устраивать во имя Думы какие-нибудь забастовки, протесты. Лозунг ЦК, говорил он, необходимо во что бы то ни стало сорвать как вредный лозунг. Сейчас нельзя говорить о забастовке, не говоря о восстании, в которое неизбежно выльется всякая забастовка при военном положении почти во всей России. Сейчас, без подготовки это может вылиться в ряд стихийных бунтов, которые—каждый в отдельности—будут подавлены.

Под лозунгом „За Думу“ общего восстания не вызовешь. Нашим лозунгом должен остаться старый лозунг — полномочное Учредительное собрание после победы всеобщего вооруженного восстания, после свержения самодержавия. К восстанию надо сейчас же готовиться, всюду организуя дружины, десятки вооруженных людей, которые должны вести партизанскую войну, нападать на представителей правительства, на карательные отряды, на помещиков. Особенно важно бросить этот лозунг в деревнях: там эти десятки должны руководить нападением крестьян на барские усадьбы, захватом помещичьих земель. В разговоре с нами Ильич говорил именно то, что он (кажется, в этот же день) начал писать в своей брошюре „Роспуск Думы и задачи пролетариата“¹¹.

На этом же совещании В. И. Ленин поручил М. Н. Лядову срочно выехать в Выборг, связаться там с А. А. Богдановым и посоветовать ему повлиять на позицию трудовиков. Однако когда Лядов передал Богданову это поручение, тот ответил, что выполнить задание вряд ли удастся, так как «меньшевики и трудо-

вики в паническом настроении»¹². В итоге участие Богданова в Выборгских совещаниях свелось лишь к внесению некоторых поправок в проект воззвания, которые были, однако, отклонены меньшевиками под предлогом их неприемлемости для кадетов.

Первая реакция В. И. Ленина на Выборгское воззвание нашла отражение и в воспоминаниях председателя Петербургского Совета безработных, члена ПК РСДРП В. С. Войтинского: „Это бессмыслица! — воскликнул Ленин. — Пассивное сопротивление, — до какой точки? А когда стражники придут за подателями или за рекрутами, тогда тоже пассивное сопротивление или активный отпор? Увидите... никто из кадетов „пассивного сопротивления“ проводить не станет. На что им? Они своего добились: трудовиков и меньшевиков поймали, революции помешали, реакции помогли ... Чего им еще?“¹³.

В. И. Ленин вернулся затем к этому вопросу в конце октября 1906 г. в статье «К итогам кадетского съезда». Выборгское воззвание, писал он, даже в самый момент его подписания было в лучшем случае угрозой перехода к активному наступлению с оружием в руках на правительство, но вовсе не практическим призывом к такому переходу. Тактика «пассивного сопротивления» была изначально несостоятельна, ибо «при теперешней напряженности борьбы нет и не может быть такого массового пассивного сопротивления, которое не переходило бы непосредственно в активное наступление. Г. Струве вполне прав, говоря, что такой культурный способ борьбы (в противоположность, извольте ли видеть, способу чисто революционному, наступательному) уместен только против культурного, конституционного правительства. Кто усомнится хоть на минуту в том, что столыпинская банда двинет свои карательные экспедиции при первых же признаках массового неплатежа податей и массовой недачи рекрутов? А кто остановит тогда население от перехода к активному наступлению с оружием в руках?»¹⁴.

Более полное представление о позиции В. И. Ленина в связи с роспуском Думы можно составить на основании текста его брошюры «Роспуск Думы и задачи пролетариата», написанной в Куоккала между 13 и 17 июля 1906 г. и изданной нелегально большевистским издательством «Вперед» в Петербурге в августе 1906 г. В ней были поставлены четыре главных вопроса: 1) общая оценка роспуска Думы, 2) определение содержания дальнейшей борьбы и ее лозунгов, 3) возможные формы этой борьбы, 4) выбор момента борьбы. В основе брошюры лежали взгляды В. И. Ленина, изложенные им на совещании 10 июля в Куоккала, а затем на собрании актива Петербургской организации большевиков и в беседе с представителями Луганской организации РСДРП¹⁵.

Строго конституционный, по оценке Ленина, характер роспуска Думы (а он как юрист прекрасно разбирался в тонкостях царского законодательства) лишний раз подчеркнул призрачность российского парламентаризма.

Но социал-демократы не будут ни радоваться роспуску Думы подобно черносотенцам, ни надать духом подобно либералам. Мы взяли свое и от Думы, подчеркнул Ленин. От роспуска же ее народ выиграл то, что потерял одну из своих иллюзий. Еще до созыва Думы он осознал невыносимость самодержавия, негодность чиновничьего правительства, необходимость народного представительства, но не осознал еще непримиримость старой власти с властным народным представительством. Уроки I Думы помогли в этом, писал Ленин. Поэтому после 9 июля 1906 г. речь должна идти уже не о народном представительстве вообще, а о создании условий, при которых оно обладало бы реальной властью, т. е. о свержении самодержавия и созыве Учредительного собрания.

Надо сказать, что Ленин с пониманием отнесся к идее ответить на роспуск Думы всероссийской забастовкой, считая ее совершенно естественной для широкой массы способных к борьбе элементов общества. Однако он убедительно показал, что решить коренную задачу революции — замену самодержавия властью народа — такая стачка не может. Наглядный пример этому дала Всероссийская октябрьская политическая забастовка 1905 г., которая стала самым большим успехом пролетариата и всего народа за период революции, но не дала стране не только демократической республики, но и настоящей конституционной монархии. Поэтому Ленин считал, что путь к победе народа в России проходит не через очередную мирную всероссийскую политическую стачку, а через стачку-восстание, причем успех ей могло бы принести только слияние воедино трех потоков борьбы — рабочего, крестьянского и солдатского.

Роспуск Думы, на которую возлагали большие надежды крестьянство и армия, полагал Ленин, мог бы явиться хорошим поводом для такого слияния: «Отсюда вывод: усиленно использовать именно роспуск Думы, как повод к концентрированной агитации с призывом к всенародному восстанию. Разъяснить связь политической стачки с восстанием. Направлять все усилия к тому, чтобы достигнуть объединения и совместного выступления рабочих, крестьян, матросов и солдат на активную, вооруженную борьбу»¹⁶.

Большое внимание уделил Ленин и вопросам военно-боевой работы партии, в частности организации боевых дружин. «Пусть на каждой фабрике, в каждом профессиональном союзе, в каждой деревне раздастся призыв к организации ... вольных боевых дружин»¹⁷, — писал он. Такие дружины могут создаваться по профессиональному признаку, по месту работы или жительства, быть как партийными, так и беспартийными. И если в каждом большом городе будут тысячи и тысячи дружинников, разбитых на десятки, пятки, тройки, тогда никакие пулеметы правительства не устоят.

Мемуаристы свидетельствуют, что Ленин входил также в мельчайшие детали подготовки вооруженного восстания в войсках.

Так, эсер С. Д. Мстиславский, возглавлявший в 1905—1906 гг. подпольный Всероссийский союз военнослужащих, состоявший из представителей различных политических партий революционного направления, вспоминал о своей первой встрече с В. И. Лениным, состоявшейся летом 1906 г. на конспиративной явке (Караванная ул. в Петербурге). «Разговор был тогда чисто технический: о складах боевых припасов, о распределении сил, численности и качестве офицеров, на которых можно было рассчитывать при выступлении, о методах самого выступления. Высказывался Ленин мало и скупо: спрашивал ... Беседовали долго: часа полтора, должно быть»¹⁸.

Ленина не мог не волновать и вопрос о времени восстания. Особенно важно это было в свете опыта декабрьских восстаний 1905 г., когда сроки их начала были фактически навязаны революционерам правительством. В 1906 г. В. И. Ленин предвидел два возможных варианта развития событий: 1) восстание будет неожиданным, стихийным взрывом, и тогда революционным партиям даже не придется решать вопрос о времени его начала; 2) события потребуют от партии назначения руководителей и срока вооруженного выступления, и в этом случае было бы целесообразно приурочить всероссийскую забастовку и восстание к середине или к концу августа, поскольку этот срок совпал бы с периодом строительных работ в городах и окончанием летней полевой страды в деревне. При этом Ленин считал, что шансы на осуществление второго варианта значительно возросли бы в том случае, если бы удалось добиться соглашения между всеми партиями и организациями «левого блока». Большую роль могли бы сыграть тогда и влиятельные члены Думы из социал-демократов и трудящихся. В противном случае развитие событий пошло бы по старому пути стихийного нарастания революционного настроения со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая разрозненные солдатские бунты и крестьянские восстания.

Заканчивая брошюру «Роспуск Думы и задачи пролетариата», Ленин подчеркивал: неизбежность политической забастовки и восстания как борьбы за власть чувствуется широкими слоями населения, как никогда прежде. Задача большевиков заключается в том, чтобы развернуть самую широкую агитацию в пользу всероссийского восстания, разъяснить его задачи, приложить все усилия к тому, чтобы массы шли не на бунты, не на демонстрации, не на простые стачки и разгромы, а именно на борьбу за власть с целью свержения царского правительства¹⁹.

Таким образом, Ленин разработал тщательно продуманную, логически стройную и глубоко революционную по сути программу действий пролетарской партии в условиях переживаемого страной кризиса. Кое-кому ленинский план мог показаться несколько пассивным и выжидательным, поскольку он не был на внешний эффект и не содержал призыва к немедленному боевому выступлению. Однако трезвый анализ обстановки и настроений масс показывает, что любая другая тактика в июльские дни

1906 г. была чревата поражением революционных сил. Это доказали затем и неудача военных восстаний на Балтике, и быстрый спад политических забастовок в Петербурге и Москве. Однако убедить в своей правоте ЦК РСДРП большевики тогда не смогли.

Хотелось бы обратить внимание и на наличие многочисленных точек соприкосновения с ленинскими взглядами в позиции видного «внефракционного» социал-демократа Л. Д. Троцкого. Он находился в то время в тюрьме (был арестован 3 декабря 1905 г. вместе с другими руководителями Петербургского Совета рабочих депутатов), и написал там статью «Революция и ее силы», опубликованную московским большевистским издательством «Новая волна» и посвященную анализу июльских событий 1906 г. Мовет создаться впечатление, писал Троцкий, что революция зашла в тупик, однако в действительности революционная энергия народа еще далеко не исчерпана. При этом «именно теперь настал момент, когда движение крестьянства должно принять широкие размеры и создать благоприятный момент для нового победоносного выступления городских рабочих масс». Без массового выступления крестьянства, продолжал Троцкий, события не пойдут вперед. Только длительное восстание в деревне создаст благоприятные условия для революционных выступлений в городе. Что же касается восстаний в армии и на флоте, то известно: оставаясь не связанными с массовыми пролетарскими выступлениями, они неизбежно терпят крушение. Поэтому вопрос о позиции крестьянства закономерно выдвигается теперь на первый план, подчеркивал Троцкий. Он вполне допускал возможность нового вооруженного восстания в России в конце 1906 г.²⁰

Но вернемся к анализу работы ЦК РСДРП в июльские дни. Он собрался на свое второе после роспуска Думы заседание после окончания Выборгского совещания — вечером 11 или самое позднее утром 12 июля. Всех членов ЦК, по свидетельству А. А. Богданова²¹, найти не удалось, но зато на заседании присутствовали социал-демократические депутаты Думы, проинформировавшие, видимо, высокую партийную коллегия о результатах Выборгского совещания. Затем собравшиеся перешли к обсуждению общего тактического плана партии.

Было совершенно очевидно, что ограничиться простым присоединением к Выборгскому воззванию не могут даже меньшевики, хотя под ним и стояли подписи членов думской фракции РСДРП. Однако открыто критиковать этот документ меньшевики тоже не хотели²². Поэтому они решили пойти по пути дальнейшей разработки идеи всеобщей политической стачки протеста против роспуска Думы, выдвинутой еще 9 июля, но отвергнутой в Выборге, т. е. дополнить достаточно расплывчатый лозунг гражданского неповиновения призывом к каким-то активным действиям масс.

Большевики заняли на заседании ЦК позицию, направленную на поиски соглашения с меньшевиками. Следуя тактике «левого блока», они предложили немедленно выпустить (совместно со все-

ми революционными партиями, ВКС, ВЖС и Почтово-телеграфным союзом) манифест к народу — своего рода противовес Выборгскому воззванию. Большевистские члены ЦК предлагали также получить под этим документом подписи всех или хотя бы части членов Трудовой группы и социал-демократической фракции Думы. В манифесте, по мнению большевиков, следовало выдвинуть призыв к всероссийской забастовке под лозунгом созыва Учредительного собрания, причем о начале забастовки должно было последовать специальное извещение через организации ВЖС и Почтово-телеграфного союза.

Но план большевиков вновь был отвергнут, хотя они и сделали шаг навстречу меньшевикам. Последние предложили призвать рабочих к подготовке всероссийской забастовки под лозунгом «Возобновление сессии Думы для созыва Учредительного собрания». Однако большевики опротестовали этот лозунг, справедливо указав, что, строго говоря, он предполагает приостановку всеобщей забастовки и восстания в том случае, если царь возвратит распущенную Думу, хотя сам по себе этот акт еще не означал бы решения стоящих перед страной проблем. Говорили они и о том, что большинство депутатов Думы — это заведомые противники созыва Учредительного собрания революционным путем, которые за ничтожные уступки пойдут на союз со старой властью, бросив рабочих на произвол судьбы. С другой стороны, меньшевистский лозунг был неприемлем, по мнению большевиков, для сознательного пролетариата, которому отводилась роль прислужника буржуазных фракций Думы, тогда как в октябре—декабре 1905 г. рабочее движение шло под лозунгом созыва Учредительного собрания. Наконец, позиция меньшевиков противоречила резолюции Объединительного съезда РСДРП, в которой прямо говорилось о непригодности Думы для разрешения коренных вопросов революции²³. Таким образом, дискуссия опять зашла в тупик.

Очевидно, на том же заседании был согласован текст обращения ЦК РСДРП к пролетариям всей России по поводу роспуска Думы. В нем излагалось содержание царского манифеста от 9 июля и Выборгского воззвания и делался вывод: «Между царским правительством и народными представителями вспыхнула война. Обе воюющие стороны обратились к народу. Теперь слово за русским народом, слово за вами, рабочие и работницы»²⁴. Отдавая должное ведущей роли пролетариата в революции, авторы обращения писали, что ныне предстоит новая великая схватка с правительством, в которой на стороне рабочих будут миллионы крестьян, сотни тысяч городских жителей и часть армии — все, кто возлагал надежды на распущенную Думу. Не останется равнодушной к покушению на свободу и буржуазия. «Вступив в борьбу с правительством насильников в защиту разогнанной Думы, — говорилось в обращении, — вы ускорите освобождение народа и армии от вековых предрассудков, вы не останетесь одиночками, вы приобретете могущественных союзников в борьбе за Учредительное собрание».

В заключительной части обращения проводилась мысль о том, что царское правительство никогда не сможет и не захочет созвать Учредительное собрание. Для этого нужно *вырвать власть* у палачей народа и передать ее новому, народному правительству. В настоящее время таким правительством может стать только разогнанная Дума, которая пользуется известным доверием в самых различных слоях населения и может под напором революции созвать Учредительное собрание.

Обращение ЦК РСДРП заканчивалось, однако, совершенно неопределенным и ни к чему не обязывающим призывом: «Рабочие и работницы, вновь выпадает на вашу долю великий и счастливый жребий: стоять впереди народа в решительной битве за свободу! Протестуйте против насилия, совершенного правительством над народными представителями, всеми способами, к каким будут призывать вас ваши организации. Близится час великой битвы! Еще немного — и разольется по всей Руси грозная стихия революции, и дружный и гневный порыв великого русского народа сметет с лица земли шайку его угнетателей»²⁵.

Видно, на следующий день, т. е. 12 или 13 июля, состоялось новое заседание Центрального комитета РСДРП, на котором по инициативе отсутствовавших накануне членов ЦК было решено призвать пролетариат к немедленной забастовке протеста под лозунгом «Борьба с правительством в защиту Думы в целях созыва Учредительного собрания!». Окончательное решение вопроса о стачке было поставлено в зависимость от соглашения между всеми революционными партиями и организациями²⁶.

Совещание партий и организаций «левого блока» состоялось по инициативе ЦК РСДРП, видимо, 15 июля²⁷. В нем участвовали эсеры, Бунд, ППС, трудовики, ВКС. Все участники совещания убеждали меньшевиков, что Дума умерла и бессмысленно связывать дальнейшую борьбу с этим политическим трупом. Поэтому другие революционные партии и организации не поддерживали идею всеобщей политической забастовки в защиту Думы. Начался разброд и среди меньшевиков. Один из них (Н. Н. Жордания) выступил солидарно с большевиками в поддержку лозунга «За немедленный созыв полномочного народного представительства на основе всеобщего избирательного права!». Стали раздаваться и другие голоса за очищение тактического лозунга партии от «останков Думы»²⁸.

Однако на следующем заседании ЦК, которое состоялось еще до начала военных восстаний на Балтике, меньшевики опять круто повернули вправо. Столкнувшись с отказом партнеров по «левому блоку» поддержать их призыв к всеобщей политической забастовке протеста против роспуска Думы, они решили снова видоизменить свою тактику. Было выдвинуто предложение рекомендовать *частичные массовые проявления протеста* против роспуска Думы во всех слоях населения под лозунгом «За Думу как орган власти, который созовет Учредительное собрание!». Речь шла теперь о стачках, демонстрациях, митингах и других анало-

гичных формах протеста в локальном масштабе с целью «развязать революцию»²⁹.

Такую перемену фронта меньшевиками можно было оценить только отрицательно: хотя организовать «частичные» проявления протеста было гораздо легче, но принести сколько-нибудь ощутимых результатов они вообще не могли и были заранее обречены на провал. При этом вновь подчеркивалось, что «в глазах широких сельских и городских масс, армии, офицерства и оппозиционных слоев буржуазии роль естественного преемника власти играет пока Государственная Дума». И хотя большевики пытались убедить меньшевиков в том, что представителем рабочего класса нелепо выступать от лица офицерства и оппозиционной буржуазии и что пролетариат должен выдвигать лозунг созыва Учредительного собрания, а не чуждый ему лозунг «За Думу!», меньшевики стояли на своем. В итоге «невероятная», с точки зрения большевиков, резолюция была не только принята ЦК РСДРП, но и развита в его специальном директивном письме № 4 к партийным организациям.

Меньшевики писали в нем, что в отличие от октября и особенно декабря 1905 г., когда пролетариат пытался осуществить своими силами те социально-экономические преобразования, для которых он еще не созрел, и в результате оказался изолированным от революционных и оппозиционных слоев нации и был наголову разбит правительством, теперь, в июле 1906 г., положение коренным образом меняется. Ныне народ сознает необходимость вырвать власть из рук царской бюрократии (народное сознание, по мнению меньшевиков, еще не отвергло самый принцип монархии), и грядущий революционный подъем впервые за время революции будет сознательной борьбой широких народных масс, а не одного только пролетариата за переход государственной власти из рук царской бюрократии в другие руки.

Но кто же является в глазах 140-миллионного народа естественным преемником царской власти? По мнению меньшевиков, вся предшествующая история российской революции не выдвинула еще ни отдельных организаций, ни таких политических партий или партийных коалиций, которые в силу своей популярности в народе могли бы претендовать на роль Временного революционного правительства. «Говорят о Советах рабочих депутатов или об отдельных вожаках их,— писали меньшевики.— Это наивное заблуждение. Какою бы популярностью эти организации и их вожаки ни пользовались в глазах рабочих, смешно и говорить о том, чтобы стомиллионное крестьянство, городское мещанство, солдаты и казаки, отказавшиеся повиноваться старому правительству, офицерство, средняя буржуазия, чтобы все эти элементы, безусловно необходимые для успеха движения в его нынешней стадии, видели естественного преемника царской власти в классовых организациях пролетариата и их вожаках. Весь опыт „местных“ декабрьских „революций“ убедительно свидетельствует против возможности такой комбинации. Если бы действительно

нельзя было в данный момент выдвинуть в качестве носителя власти ничего другого, кроме Советов рабочих депутатов, то можно заранее сказать, что победа над правительством в *борьбе за власть* (а эта победа непременно предполагает участие армии в этой борьбе) привела бы не к чему иному, как к военной диктатуре армии, перешедшей „на сторону народа“»³⁰.

Не подойдет на эту роль, по мысли меньшевиков, и Исполнительный комитет Трудовой группы и думской фракции РСДРП, который предлагали создать большевики, так как он будет пользоваться некоторой популярностью лишь среди рабочих и крестьян, по ровню ничего не скажет уму и сердцу других слоев населения, против воли которых государственную власть в России устанавливать нельзя. Однако в народном сознании все же есть естественный преемник старой власти — это Дума или ее остатки. Отсюда вытекал новый лозунг ЦК РСДРП: «Против царского правительства, за Думу как орган власти, который созовет Учредительное собрание!»

Далее меньшевики в завуалированной форме вели полемику с большевиками. Говорят, что Дума — «труп», писали они. Но не надо забывать, что Выборгское воззвание было принято в обстановке гробового молчания, растерянности, нерешительности масс. Поэтому Дума, сделав «один робкий революционный шаг в Выборге», не решилась на дальнейшие революционные шаги. Но в обстановке революционного подъема она будет действовать более решительно.

В итоге меньшевики призывали массы по мере сил протестовать против роспуска Думы, специально оговорив недопустимость партизанских действий и ненужного кровопролития. Подобная тактика, по их мнению, держала бы всю страну в состоянии возбуждения, которое рано или поздно вылилось бы в решительную борьбу с царизмом. Одновременно меньшевики предлагали укреплять уже существующие и создавать новые массовые беспартийные пролетарские организации, в том числе Советы³¹.

Характеризуя указанную резолюцию ЦК, развитую в письме к партийным организациям, три большевистских члена ЦК писали: «Нецелесообразная в своей первой части (растрата сил на частичные массовые выступления накануне общего революционного взрыва), непартийная в своей последней части (лозунг „За Думу“, *непригодную*, по мнению Объединительного съезда), несоциал-демократичная в своей мотивировке (желание быть идеологами „общенационального“ движения „офицеров, темного крестьянства и оппозиционной буржуазии“), она вызовет большую смуту в нашей партии и большое унижение партии в глазах революционного народа»³². Исходя из этого, Л. Б. Красин, А. А. Богданов и В. А. Десницкий выразили 20 июля протест против этой слепой, оппортунистической тактики и призвали ЦК отказаться от нее.

Таким образом, до начала Свеаборгского восстания меньшевики так и не сумели выработать никакого реального ответа на дей-

ставии царского правительства и либералов. С завидным упорством они цеплялись за кадетскую Думу, политическая недееспособность которой стала к тому времени ясна даже самим кадетам. Меншевицкая идея всеобщей забастовки, как и лозунг организации локальных проявлений протеста против роспуска Думы, не были поддержаны пролетариатом, который не собирался выступать в ее защиту.

Не получила тактика ЦК поддержки и местных организаций партии, большинство которых заняло позицию, близкую к ленинской. Так, Петербургский комитет РСДРП признал нецелесообразной организацию частичных массовых проявлений протеста против роспуска Думы, предложенную ЦК, так как «такие шаги ослабили бы силы рабочих и оказали бы дезорганизующее воздействие на подготовку к предстоящему всероссийскому выступлению» (это решение было принято 11 голосами против одного при одном воздержавшемся). Петербургский комитет признал, правда, обязательным подчинение директивам ЦК, но сделал оговорку о том, что в конфликтных ситуациях ЦК не следует действовать методом простых приказов³³.

В связи с роспуском Думы Областное бюро социал-демократических организаций Центральной России приняло резолюцию о задачах текущего момента. В ней отмечалась неизбежность вооруженной борьбы за созыв полновластного Учредительного собрания, но подчеркивалось, что общее пролетарское выступление должно быть приурочено к моменту наибольшего подъема крестьянского и солдатского движения. При этом делалась оговорка о поддержке партией текущих экономических забастовок, «по-скольку последние представляются целесообразными в данное время и в данном месте». Рекомендовалось также поддерживать крестьянское движение во всех его формах, удерживая крестьян лишь от бесцельных убийств и поджогов. В качестве лозунгов для агитации в деревне выдвигались: отказ от уплаты налогов и рекрутчины, смена революционным путем сельских должностных лиц, сельскохозяйственные стачки, бойкот помещиков, а также царской администрации и при возможности партизанская борьба с нею. Рекомендовалось создавать Советы крестьянских (и солдатских) депутатов, содействуя установлению их связи с соответствующими пролетарскими организациями. Социал-демократам следовало поддерживать все случаи солдатского движения, стремясь расширить его до размеров общего восстания всей армии против самодержавного строя. Было высказано также желание о заключении боевых соглашений с эсерами, профсоюзами, ВКС, ВЖС, Почтово-телеграфным, Учительским союзами и другими организациями³⁴.

Большой интерес представляет анализ социал-демократических листовок, выпущенных в первую декаду июльского политического кризиса. Еще в середине 60-х годов Г. М. Деренковский выявил листовки 40 комитетов и групп РСДРП, посвященные роспуску Думы³⁵. В большинстве их мы находим лозунг созыва

Учредительного собрания и призыв к подготовке вооруженного восстания. Так ставили вопрос в своих обращениях к пролетариату, крестьянству, солдатам, всему народу такие комитеты РСДРП, как Московский, Вятский, Екатеринбургский, Иваново-Вознесенский, Елисаветградский, Казанский, Киевский, Костромской, Красноярский, Курский, Нижегородский, Омский, Орловский, Самарский, Пермский, Рижский, Саратовский, Томский, Уфимский, Читинский, Ярославский, где преобладали большевики.

Аналогичной позиции придерживался ряд окружных организаций партии (например, Минская и Нижегородская), а также не менее полутора десятков местных групп РСДРП. Следует учитывать, что они были поставлены часто в очень трудные условия: официальные газетные сообщения пестрели противоречиями, информации от ЦК и от петербургских большевиков не поступало (напомним, что ленинская брошюра «Роспуск Думы и задачи пролетариата» увидела свет лишь в августе), а партийная пресса была тогда закрыта властями. Так, уфимский корреспондент большевистской газеты «Пролетарий», характеризуя обстановку июльских дней, писал: «Поневоле приходилось держаться выжидательной тактики и вести пока общую агитацию, разъясняя смысл события, его значение и указывая на неизбежность вооруженного восстания»²⁶. Такую оценку можно было услышать и от ряда других комитетов РСДРП.

Стоит отметить, что близкую к большевистской оценку сложившейся ситуации давали в то время возглавлявшиеся меньшевиками Донской и Иркутский комитеты РСДРП, а также Либавский объединенный комитет РСДРП, Бунда и Латышской социал-демократии.

Главное правление СДКШЛ подчеркивало, что лишь совместной борьбой с русскими братьями можно добиться свободы, предостерегало польских и литовских рабочих от мелких, разрозненных вспышек и провозглашало лозунги созыва Учредительного собрания и образования демократической республики²⁷. ЦК Латышской социал-демократии рекомендовал дополнить лозунги Выборгского воззвания призывами к созыву Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права и заявил, что будет готов поддержать всякий революционный шаг, с какой бы стороны он ни исходил²⁸.

Лишь Калужский комитет РСДРП выпустил 10 июля листовку с призывом к организации всеобщей политической забастовки под лозунгом созыва Учредительного собрания²⁹, а Тифлисский комитет РСДРП ограничился революционным призывом общего характера.

Среди многочисленных социал-демократических листовок периода июльского кризиса преобладали прокламации, которые можно было бы назвать типовыми. Но есть среди них и очень яркие документы, написанные настоящими мастерами большевистской агитации. Особенно хотелось бы выделить здесь листовку МК РСДРП «Депутаты и пролетариат» (она перепечатывалась

и некоторыми другими большевистскими организациями), где дана убедительная критика Выборгского воззвания, а также написанную М. В. Фрунзе листовку Иваново-Вознесенского комитета РСДРП «Разгон Государственной думы и царский манифест»⁴⁰.

В листовке московских большевиков говорилось, например, о том, что они всегда расширяли, исправляли и дополняли требования Думы. Так будет и на этот раз. «Думцы говорят — стойте за Государственную думу. Социал-демократы говорят — боритесь за Учредительное собрание, выбранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Депутаты говорят — ни одной копейки в казну, ни одного солдата в армию. А мы скажем — мало этого: товарищи, побольше денег в партийные рабочие кассы, побольше солдат в партийные боевые дружины! Депутаты говорят — стойте за свое дело, как один человек. Мы прибавим — а отстаять свои права народ может, только поднявшись с оружием в руках, чтобы свергнуть иго царского самодержавия ... Отказ от уплаты податей, от поставки рекрутов будет полным, решительным и действительным только тогда, когда весь народ сумеет с оружием в руках защититься от насилья царских опричников, сможет отстаять свое право не платить податей, не давать рекрутов ... Мирные пути невозможны. Да здравствует вооруженное восстание!»

С яркими статьями в связи с роспуском Думы выступали на страницах армянской социал-демократической газеты «Кайц» большевики-ленинцы С. Г. Шаумян и С. С. Спандарян⁴¹. «Дума умерла, да здравствует Учредительное собрание!» — писал С. Г. Шаумян. Он подчеркивал, что роспуск Думы не остановил развитие революционного движения в стране, призывал готовиться к всероссийскому вооруженному восстанию, предостерегал от мелких стихийных вспышек борьбы, обреченных на неудачу.

Таким образом, большевики использовали роспуск Думы для усиления революционной агитации в городе и деревне. Связанные партийной дисциплиной, которая обязывала их подчиняться решениям ЦК РСДРП, они искали и находили пути для того, чтобы ориентировать массы в сложной, противоречивой обстановке и готовить их к активной борьбе с царизмом. Большевики, наоборот, явно переоценивали значение Думы, рассматривая ее как главную пружину дальнейшего развития революции. Поэтому тактика меньшевиков, ориентировавшихся на «развязывание революции» во имя «спасения» Думы, не была принята авангардом пролетариата, не считавшим нужным связывать судьбу царского парламента с судьбой всей страны.

Планы эсеров и других революционных организаций

Важной составной частью революционно-демократического лагеря в России было почти 100-миллионное крестьянство и значительные слои городской мелкой буржуазии. От их имени выступали

на политической арене партия социалистов-революционеров, Трудовая группа Думы, Всероссийские крестьянский, железнодорожный, почтово-телеграфный, учительский союзы, а также ряд других партий, союзов и организаций, в том числе и национальных. В ленинской классификации непролетарских партий России все они условно объединялись понятием «трудовическое течение», хотя в их политических и социально-экономических платформах и были существенные оттенки.

Указанные партии и организации выступали против самодержавия и помещиков, требовали передачи всей земли крестьянству, более или менее последовательно признавали революционные методы борьбы, а большинство из них — и социализм как конечную цель трудящихся масс. Вместе с тем они разделяли многие свойственные мелкой буржуазии иллюзии и предрассудки, причудливо соединяли в своей тактике соглашательские и ультралиберальные тенденции, отличались крайней идейно-политической неустойчивостью, а в национальных районах — национализмом.

Объективно партии и организации трудовического течения боролись за «американский» путь развития капитализма, хотя и отрицали эксплуатацию человека человеком, мечтали о торжестве «трудоу принципа», всеобщем равенстве трудящихся и т. д. Марксисты ценили боевой революционный демократизм непролетарских масс и вместе с тем резко критиковали их утопические концепции социализма, колебания мелкобуржуазных демократов в сторону либерализма. Они рассматривали мелкую буржуазию как союзника пролетариата по борьбе с самодержавием, а «трудовиков» в широком смысле этого слова — как активных участников революционного «левого блока», объединявшего представителей пролетарской и мелкобуржуазной демократии.

Наиболее активной и боевой частью трудовического течения была партия социалистов-революционеров. Эсеры стояли на крайнем левом фланге непролетарских партий России, являясь выразителями настроений наиболее радикальной части мелкой буржуазии и некоторых групп рабочих. По подсчетам советского историка М. И. Леонова, в эсеровских организациях на рубеже 1906—1907 гг. состояло около 65 тыс. членов. Примерно по трети губернских организаций известен и социальный состав социалистов-революционеров: рабочих — 43%, крестьян — 45%, интеллигентов — 12% и т. д.⁴² По эсеровской партийной статистике, ко времени II съезда партии в феврале 1907 г. в России было до 50 тыс. «действительных членов» и до 300 тыс. «захваченных в сферу постоянного партийного воздействия»⁴³. Наиболее крупные эсеровские организации существовали в Петербурге, Москве, Северо-западном районе, Поволжье, Центральных губерниях России, на юге, Урале.

Первый съезд партии социалистов-революционеров (декабрь 1905 — январь 1906 г.) рекомендовал всем эсеровским организациям быть к весне 1906 г. в боевой готовности в ожидании почти неизбежного аграрного взрыва — если не всеобщего крестьянско-

го восстания — в целом ряде местностей. Исходя из этого, практическим работникам партии социалистов-революционеров было предложено заранее составить планы мероприятий по подготовке к восстанию (взрывы железных дорог и мостов, повреждение телеграфа, физическое устранение ряда административных лиц и т. д.)⁴⁴. Ожиданием близкого восстания жили летом 1906 г. и эсеровские военные организации.

По воспоминаниям лидера партии В. М. Чернова, эсеры знали о предстоящем роспуске Думы из секретного полицейского источника⁴⁵. Они считали, что этот акт станет той искрой, от которой вспыхнут военные и крестьянские восстания по всей стране. Исходя из этого, ЦК партии социалистов-революционеров⁴⁶ принял решение поднять восстания в армии и на флоте (Кронштадт, Ревель, Свеаборг, Киев, Севастополь) и направил в Финляндию В. М. Чернова и Е. Ф. Азефа, в Ревель — И. И. Бунакова (Фундаминского), в Кронштадт — депутата I Думы трудовика Ф. М. Онишко⁴⁷. Одновременно было решено развернуть работу по организации крестьянских вооруженных выступлений в деревне. Пролетариату отводилась в этом плане подсобная роль: он не должен был, по мнению эсеров, подниматься на борьбу раньше солдат и крестьян.

Сначала эсеры пытались убедить членов распущенной Думы собраться в Петербурге и заставить правительство разогнать их силой⁴⁸. Когда же это не удалось, эсеры, поставив крест на кадетях, решили действовать вместе с трудовиками и социал-демократами. Уже 13 или 14 июля ЦК ПСР дал эсеровским организациям директиву начать восстание⁴⁹. «Принимая во внимание неизбежное всенародное возбуждение, связанное с роспуском Государственной думы, учитывая то впечатление на народные массы, которое должны произвести обращения к народу Государственной думы и Трудовой группы, — говорилось в директиве, — ЦК ПСР считает неизбежным немедленно объявить и начать открытую войну с правительством. Инициативу боевого выступления должен взять на себя сам народ, не выжидая дальнейших действий правительства».

ЦК ПСР признал необходимым, чтобы все наличные организации партии немедленно начали боевые выступления, обратив главное внимание на крестьянство и войска. Ставилась задача призвать крестьян к открытому восстанию, в ходе которого предполагалось: сместить (а в случае вооруженного сопротивления уничтожить) все сельские и волостные власти, конфисковать казенное имущество и денежные средства и ввести по селам, волостям и уездам революционное самоуправление, захватить все помещичьи, казенные, удельные земли и передать их во временное распоряжение революционных комитетов и новых органов самоуправления. При этом рекомендовалось щадить тех, кто не выступает против народа, и не истреблять имущество, полезное для крестьян. Эсеры советовали с самого начала придать крестьянским восстаниям наступательный характер, распространять их

на соседние районы, организовать походы крестьян на близлежащие города для соединения там с рабочими и солдатами и вводить всюду новые выборные власти.

ЦК ПСР рекомендовал местным организациям своей партии призывать солдат не выполнять приказов военного командования, не стрелять в крестьян и рабочих, переходить на сторону народа, открыто выступать против царских властей. Было признано необходимым, чтобы перешедшие на сторону революции войска вооружали рабочих и обучали их обращению с оружием.

В городах следовало немедленно приступить к созданию Советов рабочих депутатов, в задачу которых входило бы проведение всеобщей забастовки с переводом ее по мере возможности в вооруженное восстание. Советы должны были также обратить особое внимание на то, чтобы выступления рабочих не были изолированы от выступлений в деревне и в армии. Рекомендовалось проведение террористических акций против представителей царской администрации. Предусматривалось, что будут заключены общие и местные соглашения с другими революционными партиями и организациями для координации их усилий в борьбе с правительством.

Таким образом, эсеры разработали довольно стройный план комбинированных действий революционных сил в городе, деревне и армии⁵⁰. Однако у этого плана были и чреватые поистине фатальными последствиями недостатки — полная оторванность от реальной действительности, крайний волюнтаризм и полное пренебрежение к судьбам народных масс (последних эсеры готовы были без раздумий бросить в костер совершенно неподготовленного вооруженного восстания). Результаты такой политики будут показаны на примере трагической судьбы участников военных восстаний на Балтике.

Под влиянием эсеров находились в то время и две крупные революционно-демократические организации — Всероссийский крестьянский союз и Всероссийский железнодорожный союз. Хотя пик их деятельности приходится на 1905 г., в период отступления революции они еще оказывали довольно значительное влияние на трудящиеся массы. Поэтому для нас далеко не безынтересна их позиция в период июльского кризиса.

В выпущенной после роспуска Думы листовке ВЖС призвал железнодорожных рабочих и служащих готовиться к всероссийской политической забастовке под лозунгом борьбы за созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании и «ожидать момента, когда она (забастовка.— С. Т.) окажется необходимой по соображению с общим ходом народного движения во всей стране»⁵¹. В дальнейшем в связи с усилением карательной политики царизма на железнодорожном транспорте и преследованием членов ВЖС эта организация, к сожалению, не сумела принять более активное участие в развитии июльских событий. В августе 1906 г. прошла III конференция ВЖС, на которой были делега-

ты от 23 железных дорог, Трудовой группы, ПСР, РСДРП, Бунда, Почтово-телеграфного союза и Волжской судоходной организации эсеров. Конференция вновь призвала всех железнодорожных рабочих и служащих готовиться к всеобщей политической забастовке, призванной вырвать власть из рук самодержавного правительства. Подчеркивалось, что забастовка на железных дорогах должна быть обусловлена широкими массовыми выступлениями пролетариата, крестьянства и других слоев населения⁵².

Во Всероссийском крестьянском союзе интенсивно шел процесс дифференциации более радикальных и умеренных элементов, отражавший аналогичные процессы в масштабах всей российской деревни. Предметом горячих споров были вопрос о форме государственной власти, условия ликвидации помещичьего землевладения (с выкупом или без него) и т. д. Руководство союза явно отставало в 1906 г. не только от эсеров, но и от левых трудящихся. Давали знать о себе и непрекращавшиеся репрессии царских властей против местных отделений союза. В этих условиях популярность ВКС в крестьянских массах, численность его организаций и роль в трудовическом течении постепенно падали. Тем не менее он оставался еще достаточно весомой политической величиной, которая привлекала к себе пристальное внимание полиции. Большое значение придавали там, в частности, съезду ВКС, состоявшемуся в Гельсингфорсе 8—10 июня 1906 г.⁵³

В обращении к крестьянам в связи с роспуском Думы ВКС констатировал, что теперь деревне остается рассчитывать только на свои силы. Союз призывал смещать сельских старшин и старост, брать власть в волостях и уездах в свои руки, не исполнять распоряжений чиновников. Рекомендовалось (в письмах и через ходяков) убеждать солдат не стрелять в революционеров, не повиноваться офицерам и возвращаться с оружием в руках в родные деревни, чтобы защитить их от царских карателей. В документе проводилась идея союза всех демократических сил страны, прежде всего рабочих и крестьян. ВКС советовал крестьянам помогать забастовщикам и, в частности, разрушать железнодорожные пути, чтобы правительство не могло перемещать войска для подавления революции.

Как и в декабре 1905 г., ВКС призывал крестьян не платить податей и изымать вклады из сберегательных касс. В обращении было еще два важных пункта: крестьянам рекомендовалось не покупать землю у помещиков, которые в обстановке подъема крестьянского движения будут стараться сбыть ее подороже, а также не давать осенью рекрутов. Заканчивался документ призывом к борьбе за созыв Учредительного собрания, так как Дума в том виде, в каком она существовала в России в 1906 г., трудящимся не нужна и лишь Учредительное собрание сможет устроить жизнь народа по-настоящему и дать ему землю и волю⁵⁴. Таким образом, ВКС, солидаризируясь в принципе с идеей гражданского неповиновения, шел, однако, значительно дальше, хотя

и не призывал крестьян к захвату помещичьей земли и к вооруженному восстанию, как делали эсеры.

Характерно, что действия кадетов после роспуска Думы критиковали даже народные социалисты — самая умеренная из всех крестьянских партий и организаций. В десятом номере «Русского богатства» за 1906 г. была опубликована статья В. А. Мякотина «Наброски современности». Автор пронизировал по поводу заявления кадетов Ф. И. Родичева («Думу нельзя разогнать, как нельзя разбить иконостас Казанского собора»), подчеркивая, что кадеты дали загниотизировать себя мыслью о «неприкосновенности» Думы, мыслью, которая оказалась ложной от начала до конца. Касаясь призыва кадетов к гражданскому неповиновению, Мякотин писал, что подати и рекруты в России «взыскиваются силой» и поэтому решение не платить налоги и не давать солдат само по себе ничего не стоит, обрекая народ на розги и пули царских карателей. Мякотин подчеркивал, что кадеты не организовали в июльские дни ничего и никого, да и сами, за исключением единичных случаев, не последовали собственным рекомендациям, адресованным крестьянам.

Еще ранее, в седьмом номере «Русского богатства», народный социалист А. В. Пешехонов писал: «Я думаю, что было бы лучше, если бы народные представители, раз они считают это возможным и необходимым, сами восстание начали. Тогда Дума явилась бы тем организующим центром, которого не хватает движению для „активного выступления“. К ней начали бы стекаться люди и средства. Тогда свеаборгские и кронштадские силы, может быть, и не были бы так бесплодно растрачены»⁵⁵. Между тем Дума, взбудоражив народ, его не организовала, и в этом состояла несомненная вина кадетов и тех, кто пошел за ними, перед рабочими и крестьянами.

К сожалению, на что-либо большее энесы в июле 1906 г. не отважились, еще раз показав, что они являются, в сущности говоря, скорее литературным, чем политическим течением, выражающим интересы более зажиточной части деревни и неспособным к активным революционным действиям. Отрицательно, в сугубо реформистском духе влияли энесы и на трудовиков; однако в июле 1906 г. их воздействие было значительно ослаблено более сильным влиянием эсеров и социал-демократов, а главное — той мощной волной крестьянских выступлений, которая прокатилась тогда по всей стране. Поэтому в истории Трудовой группы июль 1906 год стал временем ее наибольшего сдвига влево, когда радикально настроенное меньшинство трудовиков пошло на прямой контакт с революционными партиями и агитировало за вооруженное восстание.

Разрыв трудовиков с кадетами привел к укреплению и активизации «левого блока». Выпуском ряда совместных документов от имени социал-демократов, эсеров, трудовиков, ВКС и ВЖС, обращенных к народу, восстанавливалась хорошая традиция, берущая начало в период высшего подъема революции, когда ре-

волюционно-демократический лагерь выступал перед лицом народа как единая сила. Подобный союз при всей непрочности и внутренней противоречивости шел на пользу всем участникам блока, особенно тем из них, кто по своей классовой природе тяготел к компромиссам и соглашениям с буржуазией. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить Выборгское воззвание с теми обращениями левых партий и организаций к народу, идея которых, как говорилось выше, зародилась еще в Выборге вечером 10 июля, но была реализована уже после окончания совещания. Характерно, что и меньшевики, которые в своих собственных документах были по рукам и ногам скованы идеей поддержки Думы и ориентацией на соглашение с кадетами, выглядели в «левоблокистских» документах значительно сильнее, на что сразу же обратил внимание Ленин⁵⁶.

Уже 12 июля 1906 г. в Петербурге появился в виде листовки Манифест ко всему российскому крестьянству, подписанный комитетом думской фракции РСДРП, комитетом Трудовой группы, ВКС, ЦК РСДРП, ЦК ПСР, ВЖС и Всероссийским учительским союзом⁵⁷. Манифест представлял собой яркий по форме и доступный пониманию самых широких крестьянских масс агитационный документ с призывом спасти родину от преступного антинародного правительства, готового предать национальные интересы и призвать немецкие и австрийские войска для расправы с русскими рабочими и крестьянами. Авторы воскрешали в памяти крестьян события недавнего прошлого: поиски надежных и верных народу кандидатов в депутаты Думы, надежды на то, что они добьются там справедливых законов о земле и воле, стремление крестьян своими наказаниями и приговорами, письмами, депутациями поддержать народных избранников, укрепить их твердость и мужество. Отмечалось, что крестьянские депутаты честно исполнили свой долг и не предали народного дела, получив в ответ от царского правительства гонения, аресты, тюремное заключение. Роспуск Думы означает, что «мирные переговоры между народом и правительством кончены. Начинается с новой силой великая борьба, в которой, может быть, прольются потоки крови. И вся эта кровь падет на голову преступного правительства».

В отличие от Выборгского обращения депутатов Думы в манифесте «левого блока» излагалась программа активных действий, направленных против царского правительства. Сравнение манифеста с меньшевистскими документами того же периода, где ничего не говорилось о крестьянском движении и его роли в революционной борьбе, позволяет сделать вывод, что здесь была закреплена линия, предложенная эсерами, ВКС и Трудовой группой. Она предусматривала: неподчинение распоряжениям царского правительства, повсеместное низложение местных властей и замену их выборными представителями от народа с передачей им отобранных у царской администрации денежных средств, немедленный захват всех не находящихся в пользовании крестьян

земель и передачу их (впредь до выработки Учредительным собранием нового земельного закона) в распоряжение выборных волостных и уездных властей. Революционные организации призывали крестьян к единению с рабочими, солдатами, «со всеми другими труженниками и со всеми преданными народу людьми». Подчеркивалось, что обязанность войск состоит в том, чтобы встать на защиту народа и отечества от изменнического правительства. Манифест заканчивался словами: «Пришла пора всей стране встать, как один человек, для спасения родины от гибели и пожара, для страшного всенародного суда над изменниками и врагами народа... Лучше смерть, чем возврат к опостылевшим, старым порядкам. Не пожалеем себя, а избавим всю нашу родину, детей и внуков наших от злодейств нашего правительства. Встанем же разом, дружно и сильно, каждый за всех и все за каждого. Нельзя медлить — отечество в опасности! Спасите родину! Волю и землю всему народу! Долой народных врагов, изменников, насильников, злодеев! Долой все царское правительство! Дорогу свободному русскому народу!».

В тот же день, 12 июля, в типографии ЦК РСДРП было отпечатано воззвание Соединенного комитета думской фракции РСДРП и Трудовой группы «К армии и флоту»⁵⁸. В нем говорилось, что вся страна разделилась на две части — огромное большинство (все крестьяне и рабочие, все бедные и угнетенные, лучшие из ученых и образованных людей, сознательные солдаты, лучшие офицеры и политические заключенные) и кучку насильников, которая рассчитывает только на военную силу. Вопрос состоит в том, будут ли солдаты стрелять в народ, детьми которого они являются? Зачем им защищать правительство, которое угнетает их «хуже, чем всех других»?

Авторы воззвания напомнили солдатам и матросам, что социал-демократы и трудовики стремились облегчить их положение — сократить срок службы до двух лет, добиться назначения солдатам ежемесячного денежного жалованья, защитить их от оскорблений со стороны военного начальства. Подчеркивалось, что без Государственной думы приказы царских властей не имеют законной силы. Социал-демократы и трудовики призывали солдат и матросов перестать повиноваться правительству и выступить против него вместе со всем народом за землю и волю. Всякий, кто будет стрелять в народ, объявлялся преступником, изменником и врагом народа. Само же царское правительство, вступившее на путь переговоров с Германией и Австро-Венгрией в целях привлечения их войск для подавления революции, также объявлялось виновным в государственной измене и ставилось вне закона. «Солдаты и матросы! — говорилось в воззвании. — Ваша священная обязанность — освободить русский народ от изменнического правительства и защитить Государственную думу... В этой борьбе избранные народные будут вместе с вами. Смело же за родину, за народ, за землю и волю против преступного правительства!»

Несмотря на то, что в двух приведенных выше документах не было еще прямого призыва к вооруженному выступлению против царского правительства и не указывались сроки, эти обращения фактически нацеливали крестьянство, солдат и матросов именно на близкое восстание. Положительным моментом был и сам факт обращения к той части населения страны, которая практически не участвовала в декабрьских вооруженных восстаниях 1905 г. и от позиции которой в немалой, если не в решающей, степени зависела судьба нового боя с царским самодержавием. Характерно, что трудовики призывали крестьян, солдат и матросов не столько к защите безвозвратно ушедшей в прошлое I Государственной думы (об этом лишь вскользь упоминалось один раз в обращении к армии и флоту), сколько к спасению родины, к решительной борьбе за землю и волю⁵⁹.

Важный этап в деятельности Трудовой группы начался после ее окончательного разрыва с кадетами. Около 11 час. вечера 14 июля члены Трудовой группы собрались в Териоках на собрание, продолжавшееся до рассвета. Был избран комитет группы в составе шести человек, который должен был выступать от ее лица, координируя свою деятельность с другими революционными партиями и организациями. Остальным же депутатам-трудовикам предлагалось разъехаться в родные места⁶⁰. После Териокского совещания, по данным Департамента полиции, трудовики и меньшевики выехали (видимо, 15 июля) в Выборг, где устроили новое совещание и избрали на нем Объединенный комитет из пяти трудовиков и нескольких социал-демократов⁶¹. Однако дальнейшего развития деятельность этого комитета, к сожалению, не получила.

Как будет показано ниже, Трудовая группа участвовала в третьей декаде июля 1906 г. в работе совещаний, проводившихся в рамках «левого блока», а также выпускала коллективные революционные воззвания. В августе 1906 г. комитет Трудовой группы обратился с «Извещением» ко всем гражданам, где излагалась история создания группы, основные вехи ее деятельности в Думе и после начала июльского кризиса. Комитет констатировал, что царь закрыл все мирные пути к правде и справедливости, и обращался к народу с призывом *«добывать их силой»* путем проведения выборов в *«полновластную народную Думу — Учредительное собрание»*⁶².

Таким образом, партии и организации трудовического течения заняли в июльские дни 1906 г. хотя и неоднородную, но в целом достаточно радикальную позицию, которая была намного левее кадетской. Представители левого крыла народнического лагеря (эсеры, левые трудовики) прямо или в слегка завуалированной форме призывали народ ответить на произвол царского правительства подготовкой к вооруженному восстанию. Их позиция в этот период в общем и целом была ближе к большевикам, чем к меньшевикам, хотя эсеровский авантюризм в вопросах подготовки и проведения восстания резко отделил их от больше-

виков. В итоге революционные партии и организации противопоставили кадетскому «пассивному сопротивлению» различные варианты сопротивления активного — от отдельных демонстраций и забастовок, которые должны были «раскачать» страну и подвести ее к новому подъему революционной волны (меньшевики), до немедленного вооруженного восстания в масштабах всей страны (эсеры) или подготовки к такому восстанию с прицелом на конец лета — начало осени (большевики). Вот почему П. Н. Миллюков явно искажал факты, когда говорил 15 июля в интервью корреспонденту французской газеты «Le Temps», что даже более левые партии не могут сделать в данном момент больше, чем партия «народной свободы» с ее идеей пассивного сопротивления.

Вопрос заключался теперь в том, как отнесется сам народ к этим альтернативным моделям поведения, предложенным ему различными политическими партиями. Ускорит ли роспуск Думы новый взрыв революционной борьбы? Кто выступит первым? Когда? Где? Тот же П. Н. Миллюков, например, считал, что Дума может рассчитывать прежде всего на поддержку крестьян и армии (и здесь его прогноз был довольно точен, так как пролетариат относился к Думе в целом довольно равнодушно); но активная роль солдат может быть сыграна, по мнению кадетского лидера, лишь после революционных выступлений других классов.

Еще один политический прогноз дал трудовик А. Ф. Аладьин. Возвращаясь из Лондона с международной парламентской конференции через Стокгольм, он заявил там, что в августе в России начнется общенациональное движение против абсолютизма. При этом отдельные забастовки перерастут во всеобщую стачку, а затем начнется военная революция и крестьянская Жакерия⁶³. Таким образом, мало кто ожидал, что первыми на борьбу поднимутся все-таки солдаты. Однако начали восстание именно они. Поздно вечером 17 июля 1906 г. в Финляндии поднялся русский гарнизон в крепости Свеаборг под Гельсингфорсом. Июльский политический кризис вступал в новую фазу.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 394; Т. 14. С. 30—31. По подсчетам историков, к IV съезду РСДРП было 30,8 тыс. большевиков и 24,5 тыс. меньшевиков (см.: Уткин А. И. О росте рядов большевистской партии в 1905—1907 гг. // Вопр. истории КПСС. 1986. № 9. С. 81).

² ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 596. Л. 1—2.

³ Не случайно тот же Л. Б. Красин писал вскоре после IV съезда РСДРП: «...Из десятиголовой коллегии лишь трое „заговорщиков“ и „анархистов“ (так он в шутку называет большевистских членов ЦК.— С. Т.), верящих в реальность таких вещей, как маузеры, пулеметы и проч. Семерка же (меньшевиков.— С. Т.) увлечена исключительно „идейной борьбой“ и спит и видит, чтобы через какие-нибудь щели провести хоть полдюжины кавказцев в Таврический дворец (имеются в виду депутаты от Кавказа в I Государственную думу.— С. Т.)». Одновременно Красин подчеркивал, что меньшевики характеризуют всю деятельность РСДРП в ноябре—декабре 1905 г. как силовую ошибку и готовы идти очень далеко в

- сторону увлечения исключительно легальными методами борьбы (см.: ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 596. Л. 4—5).
- ⁴ См.: Протоколы Пятого съезда РСДРП. М., 1935. С. 182—183.
- ⁵ Мы говорим об утре 9 июля потому, что уже днем А. А. Богданов выехал в Выборг.
- ⁶ См.: Протоколы Пятого Съезда РСДРП. С. 734—735.
- ⁷ Второй период революции. М., 1961. Ч. 2, кн. 1. С. 58.
- ⁸ Там же. С. 57.
- ⁹ См.: Каторга и сылка. 1925. № 6. С. 58.
- ¹⁰ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1971. Т. 2. С. 265—267; Переписка семьи Ульяновых. М., 1969. С. 161; Ленин в Петербурге — Петрограде. Л., 1980. С. 197—199.
- ¹¹ См.: *Лядов М. Н.* Из жизни партии в 1903—1907 гг. М., 1926. С. 180—181.
- ¹² Там же. С. 181.
- ¹³ *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. Берлин, 1924. Кн. 2. С. 86—87.
- ¹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 40.
- ¹⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. С. 267. Вспоминая о выступлении Ленина на активе Петербургской организации РСДРП, большевик А. И. Гуляев писал, что он говорил о непрекращающейся борьбе рабочих и крестьян, о необходимости развивать организацию боевых дружин, боевых троек, пятков, десятков (см.: *Гуляев А. И.* Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905—1907 гг. Л., 1935. С. 90—91).
- ¹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 318.
- ¹⁷ Там же. С. 322—323.
- ¹⁸ См.: *Мстиславский С.* Записи о Ленине // О Ленине. Воспоминания. М., 1925. Кн. IV. С. 98—97. С. Д. Мстиславский (Масловский) (1876—1943) был сыном известного военного историка-генерала. В период революции примкнул к боевой организации эсеров, сражался на баррикадах Красной Пресни, участвовал в подготовке вооруженного выступления на Балтике в 1906 г., консультировал петербургских большевиков по военно-техническим вопросам (в связи с чем и познакомился с В. И. Лениным). В дальнейшем Мстиславский был одним из руководителей Всероссийского офицерского союза, оформившегося в конце 1906 г., и редактировал его печатный орган — журнал «Народная армия» (подробнее об этом см. его воспоминания в журнале «Каторга и сылка», 1929. № 6. С. 11—17). В 1910 г. Мстиславский был заключен в Петропавловскую крепость. Активно участвовал в Февральской и Великой Октябрьской социалистической революциях. В дальнейшем принимал участие в гражданской войне, а после ее окончания занимался литературной работой. Самыми известными из его произведений стали роман «Накануне» и повесть «Грач — птица весення» о Н. Э. Баумане. События, связанные с подготовкой и проведением Кронштадского восстания в июле 1906 г., отражены в романе Мстиславского «На крови», выдержавшем несколько изданий.
- ¹⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 327.
- ²⁰ См.: *Троцкий Л. Д.* Соч. М., 1925. Т. II, ч. 1. С. 447—448.
- ²¹ См.: Протоколы Пятого съезда РСДРП. М., 1935. С. 118.
- ²² Заметим, что лишь находившийся в эмиграции Г. В. Плеханов, занимавший в меньшевистском лагере особую позицию по многим вопросам, позволил себе в августе 1906 г. в статье «Общее горе» открыто сказать, что «насиловое сопротивление» не принесет даже в случае успеха большого вреда царскому правительству. Тем не менее он считал, что из Выборга прозвучал обращенный к народу призыв встать на путь революции. Как и В. И. Ленин, Г. В. Плеханов был убежден, что опыт I Думы поможет народу избавиться от конституционных иллюзий. При этом он склонен был даже полагать, что правительственный акт 8 июля изменил общее соотношение сил в стране в пользу революции, а не в пользу реакции. Высказался Плеханов и за лозунг созыва Учредительного собрания вместо лозунга поддержки Думы. В итоге он советовал терпеливо ждать того момента, когда революционное настроение овла-

деет всем народом и значительной частью армии и тогда «общество» поддержит усилия революционеров. Нужно, чтобы вся крестьянская Россия подверглась революционизирующему воздействию пролетарской партии. Мы не можем победить, не сделав этого, заканчивал статью Плеханов, а сделав это, мы не можем не победить (см.: *Плеханов Г. В.* Соч. Т. XV. С. 167).

- ²³ См.: Протоколы Пятого съезда РСДРП. С. 735.
- ²⁴ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 35.
- ²⁵ Там же. С. 36.
- ²⁶ См.: Протоколы Пятого съезда РСДРП. С. 736.
- ²⁷ Как шло дело член ЦК РСДРП Ф. Э. Дзержинский в Главное правление СДКПиЛ, этому совещанию предшествовала какая-то сорванная полицией попытка встречи меньшевиков с кадетами, представителями союз- тов адвокатов и инженеров и некоторых других организаций (см.: *Дзержинский Ф. Э.* Избр. произв. М., 1977. Т. 1. С. 418). Датируя совещание партий и организаций «левого блока» 15 июля, мы исходим из данных перлюстрированного полицией письма (см.: ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. Д. 92. Л. 65), а также из того, что 14 июля трудовики были захвачены сначала на совещании с кадетами, а затем на собственном заседании в Териоках. Об инициативной роли ЦК РСДРП в созыве совещания см.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 52.
- ²⁸ См.: Протоколы Пятого съезда РСДРП. С. 182–183, 736.
- ²⁹ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 52; ЦПА ИМЛ. Ф. 69, Оп. 1. Ед. хр. 269. Л. 1.
- ³⁰ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 44.
- ³¹ См.: Там же. С. 46–47.
- ³² Протоколы Пятого съезда РСДРП. С. 736–737.
- ³³ См.: Петербургский комитет РСДРП. Протоколы и материалы заседаний. Июль 1902 – февраль 1917. Л., 1986. С. 241.
- ³⁴ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 392–393.
- ³⁵ См.: *Деренковский Г. М.* Всеобщая стачка и Советы рабочих депутатов в июле 1906 г. // Ист. зап. М., 1965. Т. 77. С. 109.
- ³⁶ Пролетарий. 1906. 19 сент.
- ³⁷ См.: Социал-демократия Польни и Литвы в революции 1905–1907 гг. М., 1956. С. 624–625.
- ³⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 1741. Ед. хр. 21 826.
- ³⁹ См.: Революционное движение в Калужской губ. в период первой русской революции. Калуга, 1955. С. 153–154. В дальнейшем Калужский комитет РСДРП призывал массы готовиться к вооруженному восстанию под лозунгом созыва Учредительного собрания, удерживая их от отдельных несвоевременных выступлений (Пролетарий. 1906. 21 авг.).
- ⁴⁰ См.: Листовки большевистских организаций в первой русской революции. М., 1956. Ч. 3. С. 135–137; Листовки Иваново-Вознесенской большевистской организации 1900–1917 гг. Иваново, 1957. С. 155–158.
- ⁴¹ См.: *Шаумян С. Г.* Избр. произв.: В. 2 т. 2-е изд. Доп. М., 1978. Т. 1. С. 170–172, 175–178, 182–184; Революционное движение в Армении, 1905–1907 гг.: Сб. док. и материалов. Ереван, 1955. С. 43–44.
- ⁴² См.: *Леонов М. И.* Партия эсеров в 1905–1907 гг.: организационная структура, состав, численность // Непролетарские партии России в трех революциях: Сб. статей. М., 1989. С. 135–136.
- ⁴³ См.: Протоколы Второго (экстренного) съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1907. С. 120.
- ⁴⁴ См.: *Былое.* 1918. № 1. С. 72 (Воспоминания Б. В. Савинкова).
- ⁴⁵ См.: *Чернов В. М.* Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 264.
- ⁴⁶ В состав ЦК ПСР, избранного на I съезде партии, входили М. А. Натансон, В. М. Чернов, А. А. Аргунов, Н. И. Ракитников, Е. Ф. Азеф. Затем в ЦК были кооптированы П. П. Крафт, С. Н. Слетов, Б. В. Савинков (см.: *Былое.* 1918. № 1. С. 69). 8 июля часть членов ЦК была арестована в Петербурге во время заседания в редакции газеты «Мысль» (Чернов и

- Аргунов бежали при этом через окно). Савинкова арестовали в это время в Севастополе.
- ⁴⁷ См.: *Зензинов В. М.* Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 340.
- ⁴⁸ См.: *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918. С. 248.
- ⁴⁹ См.: Там же. С. 248–250; *Партийные известия*. 1906. № 1. 22 окт. С. 3–6.
- ⁵⁰ Указания ЦК ПСР были развиты в ряде эсеровских листовок, выпущенных областными и местными комитетами партии (см. ЦГАОР СССР. Ф. 1741. Ед. хр. 3263, 17 602, 16 588, 16 487, 17 007 и др.).
- ⁵¹ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 586.
- ⁵² См.: Там же. С. 66–67. Как известно, в этот период на железнодорожном транспорте вели большую работу и социал-демократы. Состоявшаяся после роспуска Думы 2-я конференция социал-демократических организаций Юго-Западных железных дорог взяла курс на общенародное вооруженное восстание, создание Временного революционного правительства и созыв Учредительного собрания. В порядке партийной дисциплины конференция признала необходимым начать подготовку к всеобщей забастовке, но оговорила право призвать к ней железнодорожников Юга России только тогда, когда забастуют другие крупные пролетарские центры и железные дороги (см.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. С. 88; *Пролетарий*. 1906. 30 сент.). Аналогичное решение принял 19 июля 1906 г. III съезд депутатов служащих, мастеровых и рабочих Харьковско-Николаевской дороги (см.: Там же. С. 163) и I Туркестанский съезд рабочих и служащих Среднеазиатской и Оренбург-Ташкентской дорог, проходивший под руководством большевика В. В. Быховского (см.: *Революция 1905–1907 гг. в Узбекистане: Док. и материалы*. Ташкент, 1984. С. 237–247).
- ⁵³ В работе съезда участвовали делегаты от 24 губерний. Они говорили о том, что в случае разгона Думы «произойдет нечто невообразимое». Съезд нацеливал свои местные организации на подготовку восстания, которое «в решительный момент начнется по сигналу из Петербурга одновременно по всей России» (см.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 32). По агентурным сведениям Департамента полиции, в случае роспуска Думы еще до уборки урожая ВКС рекомендовал своим отделениям до осени вести агитацию, а затем начинать активную борьбу, в первую очередь в Поволжье, Харьковской и Курской губерниях, известных особенно революционным настроением крестьян. В связи с тем, что бюро ВКС начало «править», предполагалось объявить Союз отделом партии эсеров (Там же. С. 24).
- ⁵⁴ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 37–38. Аналогичные идеи развивались и местными группами содействия ВКС, например Харьковской (см.: ЦГАОР СССР. Ф. 1741. Ед. хр. 17 596).
- ⁵⁵ *Рус. богатство*. 1906. № 7. С. 178.
- ⁵⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 356.
- ⁵⁷ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 40–42. Авторство этого документа эсеры приписывали себе (см.: *Партийные известия*. 1906. № 1. С. 5).
- ⁵⁸ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 39–40.
- ⁵⁹ Позднее меньшевики пытались всячески принизить значение приведенных выше документов, выпущенных с участием трудовиков. Так, А. С. Мартынов говорил на V съезде РСДРП, что если Выборгское воззвание привлекло к себе внимание всей России и даже Западной Европы, то обращения трудовиков и социал-демократов к армии и крестьянству прошли якобы совершенно бесследно. Никто и не вспомнит о них, пока историк не извлечет эти документы из архива, заявив он (Протоколы Пятого съезда РСДРП. С. 142). Однако факты говорят об обратном. Обращение к армии и флоту не раз фигурировало в судебноследственных документах по делу участников военных восстаний на Востике. Часто встречаются воззвания трудовиков и других партий к

крестьянству, солдатам и матросам и в фонде вещественных доказательств ЦГАОР СССР. Известно, например, что Союз туркестанских организаций РСДРП отпечатал по 3 тыс. экз. этих прокламаций, а манифест к крестьянству был переведен на эстонский язык и распространялся по всей Эстонии (см.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. С. 400; Революция 1905–1907 гг. в Эстонии. Таллин, 1955. С. 478; Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары, 1974. С. 39; и др.). Количество подобных примеров можно было бы многократно умножить.

⁶⁰ См.: *Бондарев С., Субботин И.* Указ. соч. С. 30; *Ульянов Г. К.* Указ. соч. С. 25.

⁶¹ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 236. II отд. 1906 г. Д. 716. Л. 186 об.

⁶² Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 65–66.

⁶³ АВПр. 2 (газетная) экз. Канцелярии МИД России. Оп. 476. Д. 442. Л. 145 об.

В ОГНЕ ВОЕННЫХ ВОССТАНИЙ

Первые вспышки волнений в армии
в июле 1906 г.

В лету 1906 г. русская армия подошла в состоянии сильного политического возбуждения и революционного брожения. Это выразилось в стихийных вспышках солдатского возмущения, росте дисциплинарных проступков, обращениях солдат в Государственную думу с жалобами на политическое бесправие. При этом по сравнению с 1905 г., когда от императорской армии впервые откололось активно солидаризировавшееся с революционным народом меньшинство, в 1906 г. движение в вооруженных силах пошло не только вширь, но и вглубь. Солдаты и матросы были возмущены теперь не только казнокрадством и рукоприкладством офицеров, червивым мясом и рваными сапогами, но и унижением своего человеческого достоинства, отсутствием свободы слова и союзов, отстранением от участия в выборах в Думу. Они требовали созыва Учредительного собрания и наделения крестьян землей.

Большую роль в росте революционных настроений в армии и на флоте играли военные социал-демократические (главным образом большевистские) и эсеровские организации. В 1906 г. военную работу вели 80 организаций РСДРП и 48 профилированных социал-демократических военных организаций, издававших более 40 нелегальных газет для солдат и матросов¹. Об интенсивности социал-демократической работы в войсках летом 1906 г. говорит тот факт, что Военная организация при Петербургском комитете была связана в то время с 44 воинскими частями, причем в 31 из них действовали партийные комитеты или кружки². Очень интенсивно работала и Либавская военная организация РСДРП. Почти ежедневно она проводила летучие собрания, митинги, массовки. На 15 таких мероприятиях с 10 по 23 июля побывало в общей сложности более 2300 человек. Тематами собраний были роспуск Государственной думы, Выборгское воззвание, необходимость созыва Учредительного собрания. Ниже будет более подробно рассказано о работе Военной организации РСДРП в Финляндии и Кронштадтской военной организации РСДРП. Специальные листовки, обращенные к солдатам и казакам, выпускали в июльские дни Петербургский, Казанский, Костромской, Самарский, Читинский, Ярославский комитеты РСДРП, Военные организации при Петербургском, Московском, Бакинском, Воровежском, Крас-

ноярском, Одесском комитетах партии, Военная организация РСДРП в Финляндии, Военно-революционная организация СДКПиЛ, Двинский военно-революционный комитет РСДРП и некоторые другие организации. Все они звали солдат, матросов, казаков к переходу на сторону революционного народа, к активному участию в борьбе с самодержавием.

К сожалению, у нас нет пока обобщенных данных о работе эсеровских военных организаций. Известно, например, что при ЦК ПСР действовала специальная военная комиссия, а военные организации эсеров существовали в Петербурге, Нижнем Новгороде, Севастополе, Екатеринославе, Полтаве, Казани, Москве, Курске, Твери, Иркутске, Тифлисе, Кронштадте, Ревеле, Варшаве, Осовце, Ломже⁴. 29 июня в Териоках прошла конференция эсеровских военных работников, в которой участвовали уполномоченные от 11 организаций ПСР⁵. Из их выступлений создавалось впечатление, что все готово к вооруженному восстанию, хотя в действительности это было далеко не так, о чем на примере Кронштадта откровенно писала позже в своих воспоминаниях эсерка Ю. Зубелевич («Даша»). Как крик отчаяния звучали ее слова: «...Я вижу, что мы не знаем техники борьбы, что вопрос восстания был для нас вопросом морали, политики, чего угодно, только не вопросом военной техники! Оттого-то и весь наш план в десятки раз хуже, чем он мог бы быть, и разлетается, как карточный домик!»⁶.

Солдатские волнения и открытые восстания, которые произошли в период между 9 и 17 июля, т. е. с момента роспуска Думы и до начала восстания в Свеаборге, носили стихийный, разрозненный характер и не были подчинены какому-то общему плану, выработанному одной из революционных партий. «География» этих вспышек крайне прихотлива: Брест-Литовск и Красноводск, Самара и Полтава, Харбин и Екатеринодар, Таганрог и Карская область. Все выступления носили при этом очень кратковременный характер (от нескольких часов до одного-двух дней) и быстро подавлялись верными правительству войсками. Количество их также было относительно невелико — всего 14 (для сравнения отметим, что за период с 1 по 8 июля таких выступлений было 9, а за время с 17 по 23 июля — 16)⁷. Таким образом, роспуск Думы не внес в этот процесс существенно новых черт, свидетельствующих о переходе движения из одного качественного состояния в другое.

Уже в ночь с 9 на 10 июля без всякой видимой связи с роспуском Думы произошло выступление солдат 2-го Осадного артиллерийского полка в лагерях под Брест-Литовском, вызванное их недовольством условиями службы. После вечерней поверки 500—600 солдат сорвали традиционную молитву, бросали в офицеров камнями и грязью, ранив при этом двух человек. Они разгромили офицерское собрание и несколько палаток, а также солдатскую лавку⁸. Без предъявления политических требований

восстали 10 июля четыре саперных батальона в Новом Маргелаше (Ферганская область) ⁹.

Тем не менее было бы неверно полагать, что судьба Думы вообще не отразилась на солдатском движении этого периода, хотя протест против этого акта царских властей как бы влетелся в традиционные мотивы армейских беспорядков, связанных с тяготами военной службы, солидарностью с репрессированными товарищами и т. д. Так, например, в ходе восстания, вспыхнувшего близ Самары в ночь с 10 на 11 июля в Бузулукском пехотном полку, солдаты кричали полковому командиру: «Думу разогнали; значит, правительство ничего не хочет нам дать». Перед этим в полку был прочитан, а затем и обсужден на солдатской сходке царский манифест о роспуске Думы, что, несомненно, послужило толчком к выступлению. По призыву поручика В. Яхонтова, уже давно замеченного начальством в революционной деятельности, а также проникшего в полковой лагерь штатского агитатора А. Веймана, объявившего себя делегатом от «Народной и рабочей партии», солдаты собирались двинуться в Самару, чтобы освободить там арестованных. Однако на решительные действия отважились лишь 15 человек. В итоге 11 июля Яхонтов, еще два прапорщика и несколько солдат были арестованы и в полку водворен порядок ¹⁰.

15 июля в Мариампольском гарнизоне (Литва) солдаты наряду с требованиями облегчить условия их службы высказывали «претензии в связи с роспуском Думы» ¹¹. В тот же день в Полтаве имела место попытка солдат 34-го Севского полка вместе с артиллеристами и жителями города освободить из тюрьмы арестованных товарищей. Как явствует из судебно-следственных материалов, солдаты выражали недовольство роспуском Думы, а некоторые кричали: «Земли и воли!» ¹². Выяснилось, что ближайшим поводом для выступления послужил арест двух солдат, хранивших у себя революционную литературу. В ответ Полтавская военная организация эсеров призвала весь гарнизон города к восстанию и направила извещения об этом в эсеровские военные организации Харькова и Кременчуга. Однако пулеметный огонь, открытый правительственными войсками, заставил солдат-севцев вернуться в казармы. Вслед за этим последовала быстрая и суровая расправа с восставшими ¹³.

16 июля в Красноводске солдаты железнодорожного батальона вместе с железнодорожными рабочими пытались освободить своих товарищей, арестованных за участие в революционных выступлениях в Ташкентской крепости в ноябре 1905 г., однако потерпели неудачу ¹⁴. 13 и 22 июля вблизи Орла состоялись митинги солдат Юхновского и Ешифаньевского полков и рабочих орловской типографии, на которых ораторы призывали солдат к бунту и уничтожению начальства, а те отвечали согласием ¹⁵.

Но самые крупные события произошли в этот период в Дагестане. 17 июля 1906 г. здесь началось восстание солдат 83-го Самурского пехотного полка в урочище Дешлагар. Недовольство

солдат назревало давно. 3-й батальон полка был переведен в Дешлагар из Баку, где солдаты-самурцы выразили в феврале 1906 г. солидарность с матросами Каспийского флотского экипажа, отказавшимися нести караульную службу¹⁶. Как подчеркивал в рапорте на имя царя новый командир Самурского полка, сменивший убитого солдатами полковника Лемкуля, «вооруженное восстание есть дело рук нескольких весьма решительных вожakov из нижних чинов запаса, задержанных на службе вследствие нахождения их под судом, и некоторых унтер-офицеров действительной службы; остальная же масса, ничего не знавшая до момента восстания, была побуждена к этому силой и угрозой»¹⁷. Заметим, что заключительная часть рапорта была весьма типична для всех «объяснений» такого рода и преследовала цель представить положение дел в более выгодном для военного начальства свете, чем было в действительности.

Как сообщал один из участников восстания, оно было ускорено тем, что офицеры узнали о намерениях полковой солдатской социал-демократической организации вместе с другими воинскими частями, дислоцированными в этом районе, подняться против царских властей. Объясняя причины выступления, солдаты говорили офицерам, что «Государственная дума разогнана, правительство 45 лет (очевидно, со времени отмены крепостного права.— С. Т.) угнетает народ, с родины пишут, что наемные чеченцы убивают и истязают их родных, что войска по приказанию офицеров расстреливают ни в чем не повинных людей и что офицеры — изменники, так как служат старому, угнетающему народ режиму». Кроме того, раздавались обычные в то время жалобы на тяготы солдатской службы¹⁸.

В 4 часа утра 17 июля 3-й батальон полка вышел из казарм и вместе с оркестром, исполнявшим Марсельезу, прошел по улицам урочища на митинг. Солдаты избрали своим командиром 26-летнего унтер-офицера Федора Самойленко. Были избраны и его помощники — рядовой Ф. Яковенко и мастеровой Ф. Нога. Затем восставшие направились в крепость, к дому командира полка, где уже собрались и другие офицеры. К этому времени к 3-му батальону присоединились еще две роты. Командир полка, офицеры и полковой священник пытались уговорить солдат разойтись; но те заявили, что пришли арестовать командира и некоторых офицеров и потребовали от них сдать личное оружие. Кроме того, солдаты хотели перенести на гауптвахту знамена полка. В ответ командир полка заявил, что знамена они получают, только переступив через его труп. В переговоры с солдатами включились еще несколько офицеров и полковой священник, но ничего не помогло.

Сами восставшие утверждали позже, что один из офицеров выстрелил в солдат, и это послужило сигналом к расправе с наиболее ненавистными офицерами. Командование полка, наоборот, во всем винило солдат. В итоге командир полка, три офицера,

священник и два солдата были убиты, два офицера и два солдата ранены, остальные офицеры бежали в соседний аул¹⁹.

Восставшие заняли местную почтово-телеграфную контору и приостановили прием и выдачу корреспонденций, установили патрули на подступах к двум близлежащим железнодорожным станциям, закрыли винную лавку. Были направлены телеграммы в три соседних полка 21-й пехотной дивизии с призывом присоединиться к восстанию. По оценке самих восставших, в выступлении в Дешлагаре участвовало около 900 человек. Командование полка называло другую цифру — 400—500 и даже 200 человек. Оставшись в изоляции, самурцы продержались лишь до вечера 18 июля. Среди солдат началось брожение, они сами арестовали своих вожakov, многие восставшие скрылись в горах. 19 и 20 июля к урочищу подошли правительственные войска²⁰.

На следствии Ф. Самойленко и Ф. Яковенко показали, что восстание было поднято ими против «угнетенного состояния России и роспуска Государственной думы»²¹.

1 августа руководители восстания Ф. Самойленко, Ф. Нога, Я. Голубятников, Ф. Яковенко и П. Чаус были расстреляны. Всего суду были преданы 233 человека. Семерых приговорили к каторге, остальных — к различным срокам и видам наказаний. Мятежный батальон был расформирован. Следствие пришло к выводу, что бунт носил чисто политический характер, причем его руководители поддерживали связь с революционерами в разных городах. Кроме того, были и причины местного характера²².

18 июля 1906 г. произошло также восстание солдат резервного Мокшанского полка в г. Златоусте на Урале. Оно сопровождалось беспорядками на железнодорожной станции Златоуст (16—18 июля), двухчасовой стрельбой боевыми патронами, требованиями освобождения арестованных 17 июля товарищей. 19 июля в Златоуст прибыл боевой поезд с войсками и пулеметами, после чего порядок был восстановлен. Однако брожение в полку продолжалось и позже²³.

Мы остановились здесь лишь на самых ярких фактах революционных выступлений в армии на протяжении первой недели после роспуска Думы. Однако главные события произошли 17—20 июля гораздо ближе к столице Российской империи, в двух крупнейших военных крепостях этого района — Свеаборге и Кронштадте. Они стали кульминационным моментом июльского кризиса, вызвав немалые надежды в революционной среде и заставив изрядно поволноваться царские власти.

Свеаборг, 17—20 июля 1906 г.

Расположенная полукольцом на 13 островах Свеаборгская крепость, которая была построена шведами в середине XVIII в. и считалась неприступной, защищала с моря Гельсингфорс — главный город Великого Княжества Финляндского, служивший одновременно и базой Балтийского военного флота. Свеаборг

находился всего в 15 мин. езды на пароходе от Гельсингфорса. Центром крепости служил Комендантский остров, где располагались штаб, дом коменданта, артиллерийское управление, офицерское собрание, два жилых дома для семейных офицеров, телеграф, цейхгауз. Здесь были расквартированы миная рота и артиллерийская батарея. На Инженерном острове размещались еще одна артиллерийская батарея, а также весьма ненадежная, с точки зрения начальства, нестроевая рота. Главные укрепления Свеаборгской крепости были сосредоточены на Александровском, Михайловском и Лагерном островах, соединенных между собой дамбами. Сюда летом на лагерный режим переводили основную часть гарнизона. На Опасном острове находились пороховые склады, на Стрелковом — пехотные казармы и т. д.²⁴

Свеаборгский гарнизон насчитывал около 6 тыс. солдат и матросов — примерно четвертую часть всех расквартированных в Финляндии русских войск²⁵. «Живут они, окруженные со всех сторон водой, скучно, однообразно, раз в неделю отправляясь в город на побывку», — писала о свеаборжцах «Солдатская жизнь» — орган Московской военной организации РСДРП²⁶. Грубость офицеров, обворовывавших солдат и заставлявших их выполнять тяжелую, не предусмотренную уставом работу, плохое питание, серая, беспросветная солдатская жизнь фактически в чужой стране — все это делало обстановку в крепости крайне напряженной, особенно если учесть, что среди матросов, артиллеристов и минеров было много бывших фабрично-заводских рабочих, отличавшихся более высоким общим и политическим развитием, чувством товарищества, смекалкой и смелостью²⁷. Эти группы военнослужащих и давали в основном членов партийных организаций и революционных кружков.

Обстановка, сложившаяся в то время в Финляндии, благоприятствовала росту антиправительственных настроений и в расквартированных здесь русских воинских частях. 1905 год прошел в Финляндии, где было свыше 100 тыс. рабочих, под знаком подъема революционного движения. Левое крыло социал-демократической партии Финляндии выступало за тесные интернациональные связи между финскими и русскими рабочими. Высшей точкой рабочего движения в Финляндии в этот период стала всеобщая забастовка в октябре 1905 г., которая была частью Всероссийской политической стачки. В дальнейшем трудящиеся Финляндии активно участвовали в ноябрьской почтово-телеграфной забастовке и декабрьской железнодорожной стачке 1905 г. Характерно, что если в 1905 г. в Финляндии прошли 93 забастовки, то в первой половине 1906 г. — 120, а во второй — 54. В подавляющем большинстве случаев они носили экономический характер. Широко был отмечен день 1-го мая (митинги, демонстрации), шла борьба за реформу избирательной системы²⁸.

После того, как в результате Всероссийской октябрьской стачки в Финляндии была восстановлена политическая автономия²⁹, по соседству с Петербургом возникла прекрасная база для всех

революционных партий России. Здесь бывали В. И. Ленин, А. В. Луначарский, Л. Б. Красин, В. В. Воровский, М. Н. Лядов, Н. Е. Буренин, Е. Д. Стасова, А. М. Горький, руководители меньшевиков и эсеров. В Финляндии находились лаборатории по изготовлению взрывчатки, гранат и бомб, а также школа инструкторов Боевой технической группы при ЦК РСДРП. В ряде местных организаций финляндской социал-демократической партии (Гельсингфорс, Выборг) создавались специальные русские отделы с участием военнослужащих, которые устраивали совместные русско-финские митинги, собрания, демонстрации и вели работу по подготовке к предстоящему вооруженному восстанию.

Следует подчеркнуть, что власть русского жандармского управления распространялась в Финляндии лишь на военные гарнизоны царской армии. Реальную революционную силу здесь представляла Красная гвардия, состоявшая почти исключительно из рабочих и насчитывавшая в своих рядах около 20 тыс. человек, многие из которых имели оружие. Командиром Красной гвардии был капитан Иоганн Кок³⁰, имевший тесные связи с русскими революционерами (весной 1906 г. он встречался с В. И. Лениным)³¹.

Руководящим центром революционного движения в частях русской армии, расквартированных в Финляндии, а также на кораблях Балтийского флота, базировавшихся на Гельсингфорс, была в 1906 г. Военная организация РСДРП. В ее состав входил ряд местных групп — Гельсингфорская, Выборгская, Вильма-странденская, Тюсьбинская и др. В воинских частях действовали полковые, батальонные, ротные, батарейные, эскадронные, а на ряде боевых кораблей судовые комитеты РСДРП. Однако связь с матросами осложнялась постоянными перемещениями флота по Балтийскому морю. Военная организация РСДРП в Финляндии работала в тесном контакте с Петербургской, Кронштадтской и Ревельской военными организациями партии, но была автономна в своей деятельности. В 1906 г. в ней насчитывалось до 500 членов³². Кроме того, среди русских солдат и матросов в Финляндии вели революционную пропаганду эсеры, бундовцы, левые финские социал-демократы и финская Партия активного сопротивления. В итоге русские войска в Финляндии оказались сильно распропагандированными.

Во главе Военной организации РСДРП в Финляндии стояла Центральная группа под руководством большевика М. А. Трилисера³³. В организации работали также один из руководителей Декабрьского вооруженного восстания в Москве большевик З. Я. Литвин-Седой, большевики Л. П. Воробьев, А. П. Воробьева, Д. С. Пигит, В. И. Богомолов (партийная кличка Черт, настоящая фамилия Н. Н. Карлов), А. К. Воронский, Д. Д. Колпинский, Н. М. Федоровский и др. Таким образом, фактически это была большевистская военная организация, не пользовавшаяся поддержкой ЦК РСДРП, избранного на Объединительном съезде партии. Она имела также контакты с левым крылом финской со-

циал-демократии (О. Куусинен, Ю. Сирола, Э Хаапалайнен, Л. Лаукки, А. Нуортева и др.), Партией активного сопротивления и Красной гвардией и получала от финских товарищей некоторую материальную помощь. Организация обзавелась в Выборге своим печатным органом «Вестник казармы», распространяла петербургскую социал-демократическую газету «Казарма», печатала революционные прокламации, посылала на места своих пропагандистов и агитаторов³⁴.

Еще 30 октября 1905 г. в Свеаборге произошли волнения артиллеристов, предъявивших начальству ряд требований об улучшении своего положения, часть которых была удовлетворена. В дальнейшем революционная работа в частях русского гарнизона в Финляндии продолжалась. Особенно активно шла она с марта 1906 г. в Гельсингфорсе (собрания на явочных квартирах, массовки и митинги, в том числе русско-финские, распространение революционной литературы и т. д.). В Свеаборге руководителями военной социал-демократической организации были молодые офицеры-большевики Аркадий Емельянов и Евгений Коханский. Первому было в 1906 г. 22 года, второму — 20 лет. Оба закончили Михайловское артиллерийское училище в Петербурге и служили в свеаборгской крепостной артиллерии. Емельянов и Коханский приглашали к себе в офицерское общежитие солдат, беседовали с ними, раздавали запрещенные брошюры и прокламации. Как показал потом А. П. Емельянов на следствии, солдаты были с ним откровенны, и он часто касался в разговорах с ними положения крестьянской бедноты и говорил, что солдаты могут многое сделать, если станут на сторону народа³⁵. «Неблагонадежность» Емельянова и Коханского выявилась еще в январе 1906 г., и комендант крепости уже тогда собирался удалить их из Свеаборга, но «смягчил свое решение ввиду заявленных этими офицерами просьб и данных заверений»³⁶.

Под подозрением начальства находился и тридцатидвухлетний капитан С. А. Цион. Еще до июльского восстания он был переведен из Свеаборга в пограничную западную крепость Осовец, но к новому месту службы не явился и продолжал тайно жить в Гельсингфорсе. Сначала Цион состоял в Военной организации РСДРП, но затем за свои анархистские взгляды был исключен из ее состава и связался с эсерами, от имени которых и приезжал в июльские дни в Свеаборг. Как заявил на следствии Коханский, он виделся с Ционом мало, так как не доверял ему³⁷. То же, очевидно, можно сказать и о взаимоотношениях Емельянова с Ционом.

Отводя в планах военного восстания особое место Балтийскому региону, эсеры в 20-х числах июня 1906 г. предложили Военной организации РСДРП в Финляндии вступить в соглашение с их сравнительно недавно оформившейся военной организацией на территории Великого Княжества Финляндского. Однако большевики согласились лишь на создание информационно-межпартийной комиссии, которая и приступила к работе незадолго до

восстания³⁸. Что касается непосредственной работы большевиков по подготовке к восстанию в воинских частях на территории Финляндии, то она, по свидетельству М. А. Трилссера, началась всего недели за две до событий в Свеаборге (срок сам по себе очень небольшой).

Роспуск I Государственной думы, несомненно, ускорил развязку. 9 июля в столице Финляндии состоялся большой митинг, в котором участвовали примерно 20 тыс. человек, в том числе до 400 русских солдат, матросов и рабочих. Среди ораторов, говоривших в тот день на русском, шведском, финском, эстонском языках (в роли переводчика выступал И. Кок), были прибывшие из Петербурга член думской фракции РСДРП М. И. Михайличенко, известный писатель Леонид Андреев и представитель партии эсеров. Именно Михайличенко и зачитал на митинге телеграмму о роспуске Думы. Он сказал, что теперь не время для стихийных вспышек и поэтому нужно объединяться и действовать по указанию революционных партий. Михайличенко призвал солдат постоять за народ.

Кок закончил свою речь словами: «Долой самодержавие! Да здравствует социализм и революция!» Резолюция, принятая участниками митинга, призывала финнов организоваться и вооружаться, чтобы быть готовыми к активному выступлению против царизма. Во время митинга были проведены денежные сборы в пользу РСДРП и безработных, а также на вооружение пролетариата. Вечером уезжавших в Выборг Михайличенко и Андреева провожала тысячная толпа. Оркестр Красной гвардии исполнял Марсельезу, звучали революционные песни и лозунги³⁹.

На следующий день, 10 июля, Центральная группа Военной организации РСДРП в Финляндии обратилась к русским солдатам с прокламацией, где разъяснялись истинные причины роспуска Думы. Большевики предупреждали солдат, что правительство очень рассчитывает на их штыки, и призывали отказаться от роли убийц своих братьев — рабочих и крестьян. «Товарищи солдаты! Время освобождения близко, будьте готовы вступить в бой с царским правительством. Ждите, когда даст сигнал военная организация. Вместе с народом мы победим! Да здравствует всенародное вооруженное восстание! Долой царское правительство! Да здравствует Учредительное собрание!» — говорилось в этой яркой листовке, отпечатанной тиражом 2 тыс. экз.⁴⁰

Между 10 и 15 июля в Гельсингфорс прибыл представитель кронштадтских эсеров, сообщивший, что Кронштадт поднимется буквально на днях, и предложивший свеаборжцам поддержать это восстание⁴¹. В работе совещания участвовали большевики, эсеры, капитан И. Кок и другие представители революционных организаций. Большевики отказались принять эсеровский вариант действий, ссылаясь на необходимость получения инструкций от ЦК РСДРП и тщательной подготовки к восстанию. После жарких дебатов была принята предложенная большевиками резолюция, где говорилось, что РСДРП и ПСР будут энергично готовиться

к выступлению, но Кронштадт не поднимется до получения сообщения о готовности Свеаборга ⁴¹.

Как отмечал позже член ЦК РСДРП Л. Б. Красин, революционную работу в Свеаборге вели исключительно социал-демократы, но эсеры прислали в Финляндию несколько солдат-эмигрантов, которые «накаляли местную публику эсеровским враньем о Кронштадте, обещанием поддержки отсюда с броненосцев и прочее и прочее» ⁴². Таким образом, хотя и в косвенной форме, эсеры несли ответственность и за развитие событий в Свеаборге.

Примерно в это же время (точная дата неизвестна) был создан и Военно-боевой центр, в который вошли представители Военной организации РСДРП в Финляндии, финской Красной гвардии, Свеаборгского комитета Военной организации РСДРП. Их задачей были выработка плана действий в момент восстания и координация усилий воинских частей и финского пролетариата. Предполагалось, в частности, что в начале восстания красногвардейцы получат из свеаборгского арсенала 15 тыс. винтовок ⁴³.

Однако фактор стихийности и на этот раз перечеркнул все планы революционеров.

В ночь с 15 на 16 июля на Лагерном острове состоялся митинг минеров, артиллеристов и телеграфистов, где «читали письма и воззвания от Балтийского флота» и говорили о том, что «предполагается в недалеком будущем большое кровопролитие». Шла речь о захвате Свеаборга при участии флота, затем Кронштадта и, наконец, Петербурга, чтобы добиться исполнения требования Трудовой группы о земле и воле. В обвинительном заключении по делу об участниках Свеаборгского восстания говорилось, что 15—16 июля на Лагерном острове происходили митинги, на которых было решено начать восстание в ночь на 18 июля на трех островах — Михайловском, Александровском и Артиллерийском, откуда легко было открыть огонь по остальной части Свеаборгской крепости ⁴⁴. Таким образом, в Свеаборге сложилась очень острая, взрывоопасная обстановка, требовавшая от революционных партий принятия срочных решений.

16 июля по инициативе В. И. Ленина было созвано заседание исполкома ЦК РСДРП, на котором большевики приняли решение немедленно направить в Свеаборг А. Г. Шлихтера, М. Н. Лядова и Р. С. Землячку. Они должны были добиться отсрочки выступления, а в случае невозможности остановить стихийный взрыв — «принять самое деятельное участие в руководстве движением, т. е. помочь выступившим на борьбу массам организовать самостоятельно, разоружить и истребить реакцию, предпринять по надлежащей подготовке решительные наступательные действия и выступить с правильными и действительно революционными, способными увлечь весь народ лозунгами» ⁴⁵.

Однако события в Свеаборге развивались быстрее, чем предполагали революционеры. Вечером 16 июля минеры с Лагерного острова предъявили начальству претензии по поводу отмены так называемых «внешних денег» ⁴⁶. Одновременно они жаловались

на тяжесть службы и притеснения со стороны офицеров. Существуют две версии этих событий: одна исходит из того, что все происходило стихийно, другая — из предположения, что поднятая минерами «буза» была специально рассчитана на отвлечение внимания крепостного начальства от главных объектов будущего восстания, где шли приготовления к выступлению 18 июля⁴⁷. Как бы то ни было, 17 июля минеры отказались выйти на занятия. В ответ на это комендант крепости генерал Лайминг приказал арестовать 200 минеров, лишить их пищи и грозил расстрелом. Среди солдат шли разговоры о том, что «вечером начнется ружейная стрельба с Лагерного острова и орудийная с Михайловского и тогда произойдет всеобщее восстание в крепости»⁴⁸.

Одновременно в Гельсингфорс были направлены из Свеаборга уполномоченные для консультаций с Военной организацией РСДРП. Организация предложила отсрочить решение вопроса о восстании до возвращения флота из учебного плавания. Она считала восстание несвоевременным, а шансы на его поддержку со стороны армии и флота, а также рабочих и крестьян — минимальными⁴⁹. В тот же день, 17 июля, на Михайловский остров приезжал капитан Цион. Во время его встречи с Коханским было решено отложить восстание дней на пять, чтобы лучше подготовиться к решительному бою. Того же мнения придерживался и Емельянов⁵⁰. Однако горячие просьбы минеров выручить арестованных товарищей, а также угроза разоружения и ареста, нависшая над самими артиллеристами, заставила последних перейти к решительным действиям. Артиллеристы считали, что флот подойдет к Гельсингфорсу через пару дней, а до этого можно будет продержаться на одном из свеаборгских фортов. В итоге в 10 час. вечера 17 июля 1906 г. на Лагерном острове вспыхнуло восстание.

Определяя позже на следствии его причины, Емельянов назвал среди них сочувствие солдат разогнанной Думе, желание добиться улучшения положения в деревне, тяготы военной службы и сочувствие к товарищам-минерам⁵¹. Артиллеристы захватили оружие и попытались освободить арестованных товарищей из-под стражи, но эта попытка закончилась неудачно. В результате минеры так и не смогли принять активное участие в восстании. Затем артиллеристы во главе с Емельяновым перебрались на Михайловский остров, который и стал главной базой восставших, получивших там пушки, мортиры и пулеметы, а также пять пароходов, использовавшихся для связи с Гельсингфорсом.

К утру 18 июля восставшие солдаты, общее количество которых достигло 2 тыс. человек, овладели Артиллерийским, Инженерным и Александровским островами⁵². Важные события происходили в ночь на 18 июля и в Гельсингфорсе. Там узнали о начале восстания по нескольким орудийным выстрелам, которые были сделаны около полуночи с Михайловского острова. Центральная группа Военной организации РСДРП вызвала на совещание членов флотского комитета, который вел работу в матрос-

ской казарме на полуострове Скаттуден и на минных крейсерах «Эмир Бухарский», «Фини» и нескольких более мелких военных кораблях. Было решено, что Скаттуден поднимется первым, в 8 час утра, а затем начнется восстание на кораблях.

Около 4 час. утра на совещание прибыл из Свеаборга Емельянов. Обсудив создавшееся в крепости положение, руководители Военной организации пришли к выводу о необходимости развить наступательные действия. В случае отклонения комендантом Свеаборга ультиматума о сдаче восставшие должны были открыть по Комендантскому острову массированный артиллерийский огонь. Капитан Кок сообщил о решении призвать рабочих Гельсингфорса, включая железнодорожников, к всеобщей забастовке. Он предложил начать бомбардировку Гельсингфорса из Свеаборга, но русские революционеры отказались пойти на этот антигуманный шаг, тем более, что количество царских войск в городе было весьма ограниченным и больше всего пострадало бы от обстрела мирное население. О гуманности восставших говорит и тот факт, что они отпустили из Свеаборга в Гельсингфоре семьи офицеров, оставшихся верными правительству.

Перед возвращением в Свеаборг Емельянову передали красный флаг с надписями «Земля и воля» и «Учредительное собрание». С утра 18 июля и до конца восстания он развевался над Михайловским островом⁵³.

На совещании были распределены функции членов Военной организации. В ряд пунктов Великого Княжества для руководства восстанием были направлены специальные уполномоченные. Очевидно, тогда же был составлен текст прокламации к солдатам. Их информировали о том, что произошло накануне в Свеаборге, рассказали о первых успехах восставших и сообщили, что на помощь им идет флот. Организация призывала солдат примкнуть к восстанию, захватить власть в свои руки, уничтожить контрреволюционно настроенных офицеров⁵⁴.

С самого начала восстания у него было два главных руководителя — Емельянов и Коханский, которые, по общему признанию, выполняли свой революционный долг искренне и беззаветно⁵⁵. 18 июля Коханский перешел на Александровский остров, а Емельянов остался на Михайловском. Кроме того, из солдатской массы немедленно выделились сознательные элементы, которые оказались ничем не хуже (если не лучше) профессиональных командиров из дворян. Во всяком случае им подчинялись не за страх, а за совесть, что было большой редкостью в верных правительству частях. Среди руководителей восстания были нестроевой солдат Т. Я. Детилич, фейерверкер В. Е. Тихонов, М. И. Иванов, П. Г. Герасимов, В. Е. Виноградов, Н. М. Воробьев.

Как же развивались события в Свеаборге 18 июля? В 4 часа утра восставшие захватили в плен командира крепостной артиллерии генерала Агеева и убили полковника Нотара (они возвращались в крепость с берега и отказались выполнить требование

патрульных пристать на катере к Михайловскому острову, захваченному революционерами). В 6 час. утра после возвращения Емельянова из Гельсингфорса к коменданту Свеаборга были направлены парламентареры с требованием присоединиться к восставшим. Ответом генерала Лайминга был арест парламентареров, после чего между Михайловским и Комендантским островами началась артиллерийская дуэль, продолжавшаяся без перерыва до 7 час. вечера.

Как и было намечено, в 8 час. утра вспыхнуло восстание на полуострове Скаттуден (Катаянokka), где находились Свеаборгский военный порт и матросские казармы. Члены флотского комитета (Е. Михеев, М. Большаков, Д. Гончаренко, П. Приходько, Е. Кульбаков, Ф. Соловьев и др.), сообщив морякам о начавшемся в Свеаборге восстании, призвали их к оружию. Больше половины матросов с криками «Да здравствует революция!» высыпали во двор казармы. Над зданием было поднято красное знамя, заменившее правительственный флаг. Затем к восставшим прикнули и остальные моряки. Троекратным ружейным салютом они приветствовали своих свеаборгских товарищей и дали тем самым сигнал к началу восстания на стоявших неподалеку военных кораблях. Предполагалось, что матросы вместе с финскими красногвардейцами переправятся на них на занятые восставшими острова, а также будут охранять подступы к крепости с моря и вести огонь по правительственным войскам. Однако офицеры сумели изолировать революционно настроенных матросов и запереть их в трюмах. С кораблей был открыт пулеметный, а затем и артиллерийский огонь по Скаттудену, что значительно осложнило положение революционеров⁵⁶.

К Скаттудену подошли около 300 красногвардейцев и русских рабочих из Гельсингфорса. Началось их братание с моряками. Матросы стали переодеваться в гражданскую одежду (так им удобнее было действовать по ходу восстания), а рабочие вооружались винтовками и револьверами из арсенала флотской казармы. Матросы кричали: «Долой угнетателей! Да здравствуют рабочие!»⁵⁷. На Скаттудене действовали большевики М. А. Трилссер, З. Я. Литвин-Седой, Д. Д. Колпинский и другие члены Военной организации РСДРП. Был здесь и капитан Цион.

Попытки моряков и рабочих прорваться со Скаттудена в Гельсингфорс пресекались войсками и казаками. После этого восставшие на шлюпках и баркасах все же переправились в город, откуда перебравшись затем на Михайловский остров. Часть матросов со Скаттудена соединилась с финской Красной гвардией и развернула партизанские действия против буржуазной Белой гвардии и царских войск в самом Гельсингфорсе⁵⁸. В 4 часа дня 18 июля Скаттуден прекратил сопротивление.

Гельсингфорс являл собой 18 июля небывалое зрелище. Почти все жители (а их было тогда около 110 тыс. человек) высыпали на улицы города. Особое оживление царило среди рабочих. На стенах домов были расклеены листовки с призывом к за-

бастовке за подписью Кока. Однако из-за выжидательной позиции руководства социал-демократической партии Финляндии стачка не стала всеобщей. Что касается Красной гвардии, то ее первый батальон вывел из строя телеграф и железнодорожный путь на линии Петербург — Гельсингфорс (это позволило на 12 час. задержать переброску Преображенского полка в Финляндию), а второй и третий батальоны заняли позиции в окрестностях Гельсингфорса⁵⁹. Однако в целом в июльские дни Красная гвардия, по оценке Трилиссера, показала себя силой, приспособленной больше к парадным выступлениям, чем к серьезному бою⁶⁰.

Положение Военной организации РСДРП в Финляндии было очень сложным. Никаких конкретных указаний от ЦК или ПК РСДРП не поступало. Ситуация в других районах России оставалась туманной. Трилиссер вспоминал: во время восстания «мы совершенно не знали, что делалось в Питере и в том же Кронштадте»⁶¹. Центральная группа организации устраивала в дни восстания регулярные совещания в доме на Георгиевской, во дворе которого происходили также митинги солдат и матросов⁶².

Около 3 час. дня 18 июля на Михайловский остров вновь приехал Цион. Он зачитал восставшим манифест к армии и флоту, составленный после роспуска Думы трудовиками и социал-демократами. Участники митинга пели Марсельезу. Затем Цион вместе с Коханским стали устраивать на берегу артиллерийские батареи и баррикады. После этого Цион отправился в Гельсингфорс за продовольствием и больше в Свеаборг не возвращался⁶³.

Вечером 18 июля комендант Лайминг вновь отклонил требования революционеров сдать крепость. Перестрелка возобновилась и продолжалась до позднего вечера. С обеих сторон были убиты и ранены. Однако к решительным наступательным действиям восставшие так и не перешли.

Уже 18 июля в Свеаборге по прямому повелению царя был учрежден временный военный суд, который должен был судить «виновных в военном бунте, возникшем в означенной крепости, по законам военного времени»⁶⁴.

В ночь на 19 июля Емельянов доставил в Свеаборг на пароходе «Выстрел» продовольствие и дружину добровольцев (около 200 человек). Среди них были и финны-красногвардейцы (100—150 человек во главе с рабочими К. Рантала и А. Похьянтяхти), и русские, в том числе матросы со Скаттудена. Свеаборжцы встретили их громовым «ура!», вооружили и оставили на Михайловском острове⁶⁵. Несмотря на языковой барьер, с красногвардейцами было достигнуто полное взаимопонимание, и финны сражались вместе с русскими солдатами до окончания восстания.

Наступило 19 июля — самый трудный, решающий день Свеаборгского восстания. Если накануне восставшие еще ждали подхода Балтийского флота и бомбардировка Комендантского острова шла как бы вполсилы, то днем 19 июля после отклонения

комендантом очередного ультиматума восставших по правительственным войскам был открыт огонь из орудий всех калибров. По свидетельству очевидцев, стрельба не утихала ни на минуту: когда заряжали орудия, стреляли пулеметы — и наоборот. Весь Свеаборг был в огне и дыму. Часть правительственных войск хотела перейти на сторону восставших, но попала под их огонь и вернулась обратно. Однако и положение самих повстанцев становилось критическим. У них не было продовольствия, медикаментов, пресной воды. Взлетел на воздух пороховой склад, где хранилось 4,5 тыс. пудов взрывчатки. При этом погибло много артиллеристов, матросов и красногвардейцев. Ранен был и Емельянов. В рядах восставших возникло замешательство. Восстание подошло к переломному рубежу, когда нужны были либо отчаянный штурм либо какая-то передышка.

В этот драматический момент около 6 час. вечера на горизонте вдруг показались силуэты трех крупных военных кораблей: броненосцев «Цесаревич», «Слава» и крейсера «Богатырь». Они приблизились к Свеаборгу и стали на виду у Михайловского острова на расстоянии артиллерийского выстрела. Революционеры ликовали. Казалось, наступил долгожданный час. Наконец-то пришла обещанная помощь! Восставшие воспрянули духом и усилили огонь по Комендантскому острову. Однако их ждало горькое разочарование. Коханский на шлюпке вместе с несколькими артиллеристами направился к эскадре, чтобы вступить с моряками в переговоры, но был немедленно арестован. Распространявшиеся эсерами слухи о переходе флота на сторону революции оказались ложными. Отойдя на расстояние 18 километров от берега, корабли открыли огонь по Свеаборгу.

Михайловский остров оказался под перекрестным огнем со всех четырех сторон. Одновременно к правительственным войскам подошло подкрепление с суши. Тогда повстанцы стали готовиться к решительному броску на врага, чтобы захватить крепость или пробиться на берег, к Гельсингфорсу. Но было слишком поздно. Новый взрыв боеприпасов и большие потери окончательно сломили дух восставших. К ночи стрельба утихла, а на рассвете 20 июля было принято решение прекратить борьбу. Дальнейшее сопротивление стало бесполезным.

Замки от пушек и затворы от пулеметов бросали в море, туда же пошли и оставшиеся боеприпасы, чтобы не достаться карателям. Часть восставших на лодках все же прорвалась с островов на материк или в открытое море, а оттуда в Швецию. Утром 20 июля над Михайловским фортом, а вслед за этим и над другими островами, где находились революционные солдаты, были подняты белые флаги. Но правительственные войска еще долго продолжали вести огонь по прекратившим сопротивление революционным солдатам.

Арестованы были около тысячи солдат, сотня матросов, 66 финских красногвардейцев и 10 гражданских лиц. Погибли в боях или скрылись тоже около тысячи человек — не менее поло-

вины восставших⁶⁶. Солдат поместили в сырую и грязную казарму. Был так тесно, что люди спали сидя, прислонившись друг к другу. Кормили раз в день какими-то помоями, ложек не полагалось. Несмотря на эти страшные условия, восставшие еще нашли в себе силы обратиться к своим товарищам с письмом, призывая их «стоять за правду» и следовать примеру свеаборжцев. «Мы готовы послужить общему делу опять, если только останемся живы», — писали герои⁶⁷.

Военная организация РСДРП в Финляндии обсуждала вопрос о том, как помочь свеаборжцам. Планировался десант финских красногвардейцев на Лагерный остров для освобождения арестованных. Однако осуществить этот замысел не удалось⁶⁸.

Вскоре началась расправа. 29 июля были расстреляны А. П. Емельянов, Е. Л. Коханский, Т. Я. Детинич, В. Е. Тихонов, М. И. Иванов, В. Е. Виноградов, П. Г. Герасимов, Емельянов и Коханский, несмотря на уговоры родных и близких, отказались просить о помиловании. Перед смертью Емельянов обратился к расстреливавшим его солдатам со словами: «Вина в нашей смерти падает не на вас, а на судей и правительство. Но скоро, скоро наступит время, когда и они падут от руки мощного победителя — народа. Тогда над этими позорными столбами будут воздвигнуты памятники, и благодарное потомство будет с благоговением чтить память тех, кому сегодня надлежит умереть за святое дело. Да здравствует...». Пуля оборвала жизнь героя⁶⁹.

Большевистская газета «Вестник казармы» писала 1 августа 1906 г.: «Вечный покой тебе, товарищ „Филипп“ — подпоручик Емельянов! Ты был сознательным с.-д., ты состоял в нашей организации и глубоко верил в конечную правду ее борьбы. Ты горячо любил свой народ и его детей — солдат, и, когда пробил час, ты просто и смело встал во главе свеаборжских борцов за свободу, отдав за нее свою молодую жизнь! Ты умер на посту, как герой, и твое имя засияет, как звезда, приобщившись к яркому созвездию других бессмертных имен Великой Русской Революции! Да будет же о тебе светлая память, дорогой тов. Филипп!».

Всего суду были преданы 970 человек: 701 артиллерист, 170 минеров, 99 матросов. 55 человек приговорили к расстрелу (фактически расстреляли 28 человек), 127 сослали на каторгу, общий срок которой составлял фантастическую цифру — полных 16 веков! Более 700 свеаборжцев оказались после суда в тюрьме. Оправдали лишь 72 человека⁷⁰.

Расправа над героями восстания происходила в августе — сентябре 1906 г. Помимо руководителей, были расстреляны матросы М. Цехоцкий, М. Кузин, А. Неня, Е. Кульбаков, Я. Ягненков, В. Муравьев, Н. Роговицкий, В. Назаров, Ф. Парфенов, С. Елизаров И. Яковлев Ф. Соловьев, Ф. Николаичук, М. Татарченко, Н. Большаков, Ф. Ермохин, С. Санцевич, а также минеры М. Шишков, И. Соловьев, В. Шаханов, И. Черноусов.

Арестованных финских красногвардейцев осудили отдельно. Сначала по настоянию Столыпина их хотели предать военному

суду, но по ходатайству генерал-губернатора Финляндии Герарда на имя царя было принято решение отдать их в руки финского правосудия, что исключало вынесение смертных приговоров. Герард мотивировал свою просьбу тем, что казнь красногвардейцев может привести к усилению антирусских настроений. Кроме того, такой поворот дела настолько противоречил всем законам, что даже царские военные юристы высказались против плана Столыпина⁷¹.

После подавления восстания Военная организация РСДРП в Финляндии выпустила несколько листовок (25 и 27 июля, 14 и 16 августа), посвященных его итогам и урокам⁷². В них звучал призыв к продолжению борьбы, к единению армии с народом. Одновременно большевики гневно осуждали тех солдат, которые расстреливали своих товарищей в Свеаборге, а потом получали награды за «верную службу» царю и отечеству.

Военная организация РСДРП помогала бежавшим из Свеаборга матросам и артиллеристам скрыться от преследования властей (около 80 человек были переправлены в Швецию)⁷³. Характерный штрих: меньшевистский ЦК РСДРП ограничил свою «поддержку» лишь тремя паспортными бланками, обладатели которых могли покинуть Финляндию легальным путем⁷⁴. Как вспоминал член Боевой технической группы при ЦК РСДРП, один из асов конспиративной подпольной работы большевик Н. Е. Буренин, участники Свеаборгского восстания были окружены симпатиями финнов. Многих свеаборжцев укрыли в своих квартирах жители Гельсингфорса. Десятки матросов прятал, в частности, Вальтер Шеберг. Он кормил их, доставал гражданскую одежду, паспорта и переправлял за границу⁷⁵.

Причины поражения Свеаборгского восстания достаточно очевидны. Прежде всего следует подчеркнуть, что условия, в которых оно происходило, были крайне невыгодны для революционеров (разбросанность островов, их относительная удаленность от Гельсингфорса, внезапность восстания). Остро чувствовалась оторванность восставших от родины и особенно от крупных промышленных центров. Тем не менее вначале они имели ряд ощутимых преимуществ перед правительственными войсками, особенно в вооружении. Большинство населения либо сочувствовало восставшим русским солдатам, либо соблюдало благожелательный нейтралитет. Царские войска шли на усмирение свеаборжцев крайне неохотно, а офицеры первое время были откровенно растеряны.

Однако в дальнейшем вступили в действие факторы, которые помешали закрепить и развить первый успех. Не удалось скоординировать даже восстания в Свеаборге и Кронштадте (Кронштадт восстал в ту самую ночь с 19 на 20 июля, когда свеаборжцы уже готовились к сдаче), не говоря уже об организации всеобщего вооруженного восстания. Кроме того, свеаборжцы допустили ряд тактических ошибок, которые, несомненно, приблизили час их поражения. Большевик В. В. Филатов, пользо-

вавшийся в партийных кругах авторитетом как специалист по военным вопросам, справедливо отмечал, что главным просчетом восставших было промедление со штурмом Комендантского острова, который следовало провести уже в ночь с 17 на 18 июля. Вторая ошибка заключалась в том, что революционные солдаты не пошли на соединение с матросами, восставшими на Скаттудене утром 18 июля. Это могло бы стать первым шагом к занятию Гельсфингфорса, где восставшим была обеспечена поддержка Красной гвардии и местного пролетариата. Кроме того, восставшие довольно плохо стреляли из орудий и пулеметов: «Пулеметы трещали день и ночь, — пишет Филатов, — но все сводилось к сжиганию патронов, потери были ничтожны»⁷⁶. Нельзя было допускать, по мнению Филатова, и взрыва порохового погреба на Михайловском острове (следовало заранее рассредоточить запасы пороха или срочно блиндировать погреб). Большое значение имел и моральный фактор: растерянность восставших после взрыва боеприпасов и крушение надежд на помощь со стороны флота.

Руководителям восставших не хватало боевого, а часто и просто жизненного опыта, они злоупотребляли переговорами с комендантом крепости, их революционный гуманизм и желание избежать кровопролития подчас граничили с откровенным идеализмом. Однако следует сказать, что все эти вполне простительные по молодости лет ошибки А. П. Емельянов и Е. Л. Коханский с лихвой искупили своим личным мужеством и тем, что до конца разделили с солдатами их трагическую судьбу.

Отрицательно сказался на исходе Свеаборгского восстания и тот факт, что Военной организации РСДРП в Финляндии не удалось поднять восстания в других гарнизонах на территории Великого Княжества, например в Выборге. Не исчерпали своих возможностей для поддержки русских революционеров и финская Красная гвардия, и рабочий класс Финляндии, и ее социал-демократическая партия. Правые финские социал-демократы предпочли свернуть забастовку, хотя часть рабочих готова была продолжать борьбу.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что интернациональное единение русских революционных солдат и финских рабочих, проявившееся в дни восстания в Свеаборге, имело в будущем большое значение для укрепления дружбы двух соседних народов, которые страдали от гнета самодержавия и вместе боролись против него. В августе 1906 г. в финляндских газетах было опубликовано обращение русских моряков к финнам в связи с событиями в Свеаборге. Учитывая неблагоприятное впечатление, которое произвела на финнов жестокая расправа правительственных войск с участниками восстания, моряки объясняли это несознательностью многих солдат, чем широко пользовались их командиры. Поскольку трудящиеся Финляндии явно тяготели к мирным, ненасильственным формам борьбы, моряки подчеркивали, что царское правительство «презирает и топчет ногами мо-

ральные меры воздействия и мнения народа» и само толкает его на вооруженную борьбу. «Товарищи! Не унывайте, не презирайте нас! У нас, да и у вас общий враг. И, кроме того, знайте, что у нас повсюду враги, но мало друзей. Окажите нам дружбу! Это воодушевит и подкрепит нас в нашей великой борьбе, которой мы посвятили нашу жизнь. Будьте уверены, что наши поражения — также и ваши, наша победа — также и ваша, так судьба связала нас и вас», — говорилось в воззвании ⁷⁷.

Особо следует сказать о роли эсеров в Свеаборгском восстании. Л. Б. Красин писал: «...Немедленно после роспуска Думы социалисты-революционеры заявили, что поднимут Кронштадт, что связи у них там великолепны, план выработан, что, с другой стороны, ждать более нельзя, так как правительство может раскассировать сомнительные части войск, разоружить артиллерию и пр. и пр. ...Решение эсеров относительно Кронштадта повело к преждевременной вспышке в Свеаборге.... Организация наша в Финляндии и так едва-едва сдерживала солдат, и на этот раз в самый день восстания, несмотря на муссирование настроения эсерами, все-таки удалось взять обещание, что взрыва ... не будет. Однако обещание это не было выполнено, и в 11 час. вечера в крепости затрепали выстрелы. Все было скомкано» ⁷⁸. Последняя фраза Красина, как нельзя лучше, передает общее впечатление, которое остается от знакомства с историей Свеаборгского восстания. И без того явно недостаточно подготовленное в военном и в политическом отношении, оно несло на себе печать стихийных решений и не менее спонтанных действий, которые привели к трагическому финалу.

Тем не менее революционные солдаты и моряки Свеаборга, а вслед за ними и Кронштадта, вписали в июле 1906 г. яркую страницу в историю революционной борьбы. Царские власти были правы, когда квалифицировали Свеаборгское восстание не как «военный бунт», вызванный экономическими условиями солдатского быта, а как «мятеж политического характера» ⁷⁹. События в Свеаборге стали кульминационной точкой июльского кризиса. Вместе с тем они явились прологом еще одного военного восстания, вспыхнувшего в Кронштадте в ночь с 19 на 20 июля 1906 г.

Кронштадт, 19—20 июля 1906 г.

Детище Петра I, Кронштадт являлся первоклассной морской крепостью, служившей основной базой Балтийского военного флота. Он был расположен на острове Котлин в 30 километрах от Петербурга, совсем рядом с летней царской резиденцией в Петергофе. Одетые в гранит и железобетон форты Кронштадта были вооружены скорострельными крупнокалиберными пушками. Все укрепления, вытянувшиеся вдоль берега, соединялись однокольным железнодорожным путем. В городе с пяти тысячным населением, который вырос для обслуживания военно-морской базы, находились парходный завод, различные мастерские, че-

тыре дока, торговый порт, фабрика для пошива военно-морской форменной одежды.

В гарнизоне Кронштадта числилось в 1906 г. до 5 тыс. матросов и солдат, в том числе очень много рабочих-судостроителей, призванных летом 1905 г. на флот и занимавшихся ремонтом и снаряжением военных судов. Однако в летний период значительная часть матросов находилась на ученьях в море. Наибольшую опасность для царских властей представляли расквартированные в Кронштадте две флотские дивизии, минеры, саперы, а также рабочие. Что касается кронштадтских солдат-пехотинцев, то нужно сказать, что они являлись более отсталой в политическом отношении частью гарнизона.

Революционная агитация в Кронштадте была отмечена еще в 1902—1903 гг., а в 1904 г. здесь уже возникла Военная организация РСДРП. В конце октября 1905 г. крепость стала местом крупного военного восстания, которое было, однако, быстро подавлено царскими властями. Им удалось сбить пламя революционного взрыва с помощью черносотенного погрома (сопровождавшегося грабежами, пожарами и пьянством), к которому примкнула и менее сознательная часть восставших. Участникам восстания (к суду было привлечено полторы тысячи матросов и несколько сот солдат) грозило суровое наказание — многолетняя каторга, а многим и смертная казнь. Однако организованная по призыву Петербургского комитета РСДРП и Совета рабочих депутатов всеобщая политическая стачка столичного пролетариата заставила царское правительство отказаться от первоначального замысла и предать участников восстания не военно-полевому, а просто военному суду, который не выносил смертных приговоров.

Расправа над участниками Кронштадтского восстания в октябре 1905 г., а также увольнение в запас матросов призыва 1901 г. привели к сокращению в крепости и на кораблях Балтийского флота революционной прослойки военнослужащих. Гарнизон крепости все время находился на военном положении. Тем не менее к лету 1906 г. в крепости снова сложились благоприятные условия для массового революционного движения.

Комиссия, назначенная царем для расследования причин восстания 19—20 июля 1906 г., достаточно объективно выявила ряд факторов, способствовавших возникновению «бунта». На первое место среди них справедливо была поставлена «чрезвычайно настойчивая, энергичная и прекрасно организованная агитация, сильная удачно выбранным, близким и понятным сердцу простого народа лозунгом „Земля и воля!“». Наряду с этим сказывались «легкость общения» между войсками гарнизона, рабочими, местным населением и революционизированными матросами; перевод в Кронштадт матросов, замешанных в революционных выступлениях в Либаве, Севастополе, на Каспии; наличие среди моряков сильной пролетарской прослойки. Революционные настроения среди кронштадтцев заметно усилились после прибытия в крепость

из японского плена группы матросов-тихоокеанцев, участвовавших в русско-японской войне. Кроме того, неблагоприятная для царских властей ситуация усугублялась трениями между сухопутным и морским начальством, разбросанностью артиллеристов и инженерных войск по территории крепости, что затрудняло контроль за ними со стороны командования⁸⁰. Как доносили в Петербург кронштадтские полицейские власти, революционеры-пропагандисты, переодевшись в матросскую форму, очень легко проникали в Кронштадт, так как благодаря постоянным переменам в личном составе экипажей начальство не всегда знало в лицо своих подчиненных⁸¹.

25 мая 1906 г. кронштадтские жандармы были взбудоражены известием о том, что 27 или 30 мая матросы начнут обстреливать Кронштадт или Петергоф. В крепости срочно создали специальную комиссию во главе с комендантом для выработки плана отражения «мятежного нападения», а в Петербург немедленно полетели тревожные телеграммы о возможном «взрыве», который послужит сигналом для всеобщего возмущения в столице⁸². Как известно из воспоминаний депутата I Думы трудовика Ф. М. Оникко, которыми он поделился на заседании военно-морской секции Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в 1931 г., эта жандармская информация отнюдь не была плодом разгоряченного воображения царских ищек. Кронштадтцы действительно серьезно обсуждали в мае 1906 г. вопрос о восстании, и приехавшему в крепость Ф. М. Оникко стоило немалого труда успокоить их и доказать нецелесообразность вооруженного выступления в данный момент⁸³.

Подтверждение этому мы находим и в архивных военно-судебных документах. В них, в частности, говорится, что в мае 1906 г. «на собраниях, бывших на Павловской улице и на косе, разрабатывались планы всеобщего восстания, ареста всех офицеров, порчи телеграфных и телефонных линий». Предполагалось ворваться в Офицерское собрание, где находились пулеметы, бросить бомбу и во время паники увести пулеметы. Общее восстание намечалось на время после окончания полевых работ, т. е. ближе к осени 1906 г.⁸⁴

Переписка между министром внутренних дел П. А. Столыпиным и его коллегами — военным министром А. Ф. Редигером и морским министром А. А. Бирлевым — в июне 1906 г. показывает, что ситуация в Кронштадте внушала царскому правительству самые серьезные опасения. Как сообщал 2 июня 1906 г. Столыпину Редигеру, революционная пропаганда в Кронштадте шла настолько успешно, что 80% матросов и до 50% солдат можно было считать «сознательными, т. е. революционерами»⁸⁵. С весны 1906 г. в окрестностях Кронштадта вновь начались митинги матросов, солдат, кронштадтских, сестрорецких и петербургских рабочих, а также крестьян близлежащих деревень с участием представителей революционных партий. На митингах выступали, в частности, депутаты Думы — сельский учитель из

Ставрополя, трудовик Ф. М. Онишко и рабочий М. И. Михайличенко. На митингах присутствовали не только нижние чины, но и офицеры.

По словам Столыпина, все митинги «проходят в критике принятого правительством положения по отношению к Государственной думе, причем доказывается необходимость поддержать оружием заявления последней. Ораторы призывают войска с оружием в руках явиться в Петергоф и потребовать от государя императора выполнить все требования, выставленные Государственной думой. По словам сознательных матросов, в среде нижних чинов революционное настроение настолько повышено, что они не дождутся момента конфликта Думы с правительством и даже готовы воспользоваться призывом Трудовой группы, став на ее защиту, так как эта группа, по их мнению, является настоящей выразительницей нужд народа. Нижние чины Кронштадтского гарнизона с избытком снабжены легально издаваемой цине в России оппозиционной литературой»⁸⁶.

К началу июля в Кронштадте было очень беспокойно. В перлюстрированном полицией письме от 1 июля 1906 г., отправленном из Петербурга (автор явно принадлежал к революционным кругам), читаем: «Там (в Кронштадте.— С. Т.) очень беспокойно: матросы отказались идти на панихиду по Чухнину (убит в Севастополе 28 июня.— С. Т.); вызвали солдат — отказались стрелять, ну и т. д. Можно всего ожидать ... Едем успокаивать расхворившихся прежде времени матросов ... Удастся — наше счастье, не удастся — примем участие в организации восстания»⁸⁷. О напряженном и угрожающем положении в Кронштадте писал 5 июля и министр иностранных дел А. П. Извольский русскому послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу⁸⁸.

Серьезные опасения внушали властям и кронштадтские рабочие. Уже после подавления июльского восстания, в августе 1906 г., комендант Кронштадтской крепости дал довольно точную характеристику их настроений, которая целиком относится и к кануне восстания: «Помимо матросов,— писал он великому князю Николаю Николаевичу,— постоянною угрозой для порядка в крепости являются рабочие». Их контингент складывался из постоянных и сезонных портовых рабочих, а также приезжих — Путиловского, Коллинского и других заводов, которые занимались в Кронштадте достройкой и ремонтом военных судов. «Это большей частью молодые люди, крайне своевольные, буйные и неблагонадежные, повинующиеся вожакам своих заводов, замешанных в стачках и других противоправительственных агитациях», — писал комендант»⁸⁹.

Как сообщала большевистская газета «Вперед», 28 мая 1906 г. в Кронштадте состоялся многочисленный рабочий митинг, во время которого шел сбор денежных средств для помощи безработным. Участники митинга приветствовали обращение рабочих депутатов Думы от 18 мая и включили в свою резолюцию требования

передачи крестьянам всей земли без выкупа, восьмичасового рабочего дня и созыва Учредительного собрания⁹⁰.

В Кронштадте активно работали большевики, эсеры, анархисты. Некоторым влиянием на рабочих порта пользовались и меньшевики. Не слишком разбиравшиеся в идеологических разногласиях между различными социалистическими течениями матросские массы довольно болезненно относились к расколу в революционном лагере и призывали большевиков и эсеров, олицетворявших для них боевую, действенную сторону революции, к объединению. В конце апреля 1906 г. на общем собрании представителей гарнизона был избран на паритетных началах Исполнительный комитет — по пяти представителей от большевиков и эсеров. В его функции входили выработка плана и вся организационная работа по подготовке восстания⁹¹.

Кронштадтские большевики поддерживали тесные связи с Петербургским комитетом РСДРП и действовавшей при нем Военной организацией. В период, предшествовавший июльскому вооруженному восстанию, в Кронштадте работали член ПК РСДРП К. С. Жарновский (арестован в конце мая 1906 г.), Д. З. Мануильский («Фома»), член ПК РСДРП Е. Каноул (расстрелян после восстания), унтер-офицер минер С. В. Иванов (арестован 9 июля 1906 г.) и др. Перед самым восстанием в Кронштадт прибыли также члены Петербургской военной организации РСДРП врач Ф. В. Гусаров и инженер А. П. Малоземов⁹².

Как отмечалось на Таммерфорсской конференции военных и боевых организаций РСДРП, Кронштадтская военная организация РСДРП делилась на ряд районов: Матросский, Крепостной, Летучий, Госпитальный. Низовой организационной ячейкой был ротный комитет, руководящим органом — общегородской комитет, состоявший из выборных представителей от всех частей гарнизона. Большевистские ячейки имелись во всех ротах крепостной пехоты, в Енисейском, Двинском, Финляндском полках, в артиллерии, в минной электротехнической и саперных ротах, в инженерных и учебных командах, а также на десяти военных кораблях, в частности на броненосцах «Слава», «Император Александр II», крейсерах «Громобой», «Диана», «Дон», «Терек» и др. В Кронштадте распространялись все издания Петербургской военной организации РСДРП (за шесть месяцев 1906 г. — 12 тыс. экз. различных брошюр, 2400 экз. газеты «Казарма», 10 тыс. листовок). Систематически велись кружковые занятия, устраивались митинги в казармах и под открытым небом⁹³.

В ночь с 8 на 9 июля 1906 г. почти вся Кронштадтская военная организация РСДРП и многие эсеры — всего около 60 человек — были арестованы по доносу провокатора⁹⁴. Однако работа по подготовке восстания продолжалась, но уже при руководящей роли эсеров. Среди руководителей эсеровской организации в Кронштадте были представитель ЦК ПСР С. Ф. Михалевич («Ян») ⁹⁵, Ю. Зубелевич, матросы Н. Егоров (казненный впоследствии за участие в покушении на главного военного проку-

рора Павлова), Я. Сорокин и др. Заслуживает внимания тот факт, что ЦК ПСР довольно щедро снабжал эсеровскую организацию в Кронштадте денежными средствами и революционной литературой, в частности воззванием трудовиков и социал-демократов к армии и флоту и обращением революционных партий к российскому крестьянству⁹⁶.

О взаимоотношениях между большевиками и эсерами в Кронштадте честно и откровенно рассказали авторы листовки, выпущенной уже после поражения восстания от имени Исполнительного комитета Кронштадтской военной и рабочей организации РСДРП. Известно, что большинство в межпартийной военно-революционной организации Кронштадта принадлежало эсерам. Большевики вошли в нее «для взаимного обсуждения и совета», но считали, что вопрос о восстании не может решаться в рамках одного Кронштадта без учета общей ситуации в стране и без директив большевистского партийного центра.

Разъясняя разницу в большевистском и эсеровском подходе к проблеме восстания, авторы листовки писали: «Да и как могли бы мы вместе работать, если понимание положения было у нас совсем разное? Мы все время говорили: в России создается общий центр для руководства восстанием, начнется одновременное массовое движение в деревне и городе: тогда-то придет пора и для армии и для флота, тогда-то они и перейдут на сторону народа, чтобы доканать ненавистного врага. А социалисты-революционеры обвинили нас в том, что мы желаем, чтобы Питер командовал Кронштадтом; они учили, что, когда поднимется Кронштадт, восстанут и суда, и Ревель, и Либава, а за ними, наконец, и вся Россия ... Итак, наша тактика была: готовиться, организоваться и ждать общего движения; тактика эсеров — начинать, а за нами, мол, не отступят и остальные»⁹⁷.

В итоге выявились два подхода к проблеме восстания. Эсеры вели подготовку к нему как заговорщики, считая, что самое важное в этом деле — полная тайна и внезапность нападения. Большевики же считали, что если уж идти на восстание, то нужно придать ему массовый характер и в решающий момент обязательно вызвать на улицы рабочих. Эсеры, наоборот, воображали, что могут обойтись и без этого. Они готовили взрыв, не считая нужным даже предупреждать социал-демократов о своих затеях⁹⁸. В результате большевики были поставлены 19 июля перед фактом: им просто объявили, что восстание начнется вечером того же дня.

Характерно, что еще 16 июля на совещании представителей кронштадтского гарнизона и рабочих большинство участников высказалось против немедленного выступления, мотивируя это тем, что не все матросы имеют оружие, а рабочие не имеют вовсе и что среди войск гарнизона нет полной солидарности по вопросу о восстании⁹⁹. Тем не менее обстановка в Кронштадте могла измениться в любую минуту.

Г. Е. Зиновьев вспоминал, что В. И. Ленин принял известия

ни Кронштадта очень близко к сердцу. Для получения дополнительной информации было решено направить в Кронштадт большевиков И. Ф. Дубровинского, Г. Е. Зиновьева и Г. А. Алексинского. Ленин предложил им добираться до крепости на лодке, переодевшись рыбаками, поскольку все пароходы обыскивались. С помощью матросов посланцам Ленина удалось проникнуть в Кронштадт и принять участие в совещании, состоявшемся на квартире Д. З. Мануильского. На совещании были также меньшевистский депутат Думы И. И. Рамишвили и трудовик Ф. М. Онишко. Зиновьеву запомнились выступления матросов, предлагавших в основном отложить восстание. Именно в этом духе и было принято решение, не вызывавшее возражений ни со стороны меньшевиков, ни со стороны эсеров¹⁰⁰. Когда точно происходило указанное совещание, сказать трудно. Скорее всего речь может идти о ночи с 17 на 18 июля (известно, что Онишко прибыл в Кронштадт 17 июля), поскольку утром 19 июля, как вспоминал Мануильский, кронштадские большевики уже получили новую директиву от Петербургского комитета РСДРП — начать восстание вместе с эсерами.

Утром 18 июля в местной кронштадтской газете «Котлин» появилось сообщение о восстании в Свеаборге, а около часа дня была получена телеграмма из Гельсингфорса «Отец болен, нужны деньги», означавшая, что восставший флот идет к Кронштадту¹⁰¹. Созванное эсерами совещание продолжалось до 4 час. утра 19 июля, но его участники так и не приняли никакого окончательного решения. Раздавались голоса о неподготовленности к восстанию, но тут же ставился резонный вопрос о солидарности с восставшим Свеаборгом. Настроение матросов было нервным, взвинченным.

По сообщению начальника Кронштадтского жандармского управления, утром 19 июля из Петербурга прибыли «4 курсистки и 7 частных лиц (среди них были и большевики, и эсеры. — С. Т.) и настойчиво начали требовать среди собравшихся представителей войск и рабочих немедленного вооруженного восстания ввиду того, что это общее решение для всей России; указывали на полный якобы успех такового в Свеаборге и, главное, уверяли, что к 12 часам ночи к Кронштадту подойдут четыре больших военных судна из состава эскадры и окажут полное содействие к выполнению плана захвата в свои руки Кронштадта. Последнее обстоятельство явилось решающим»¹⁰².

Видимо, 18 июля, когда стало известно о восстании в Свеаборге, в Петербурге было достигнуто соглашение между ЦК РСДРП и ЦК ПСР о начале восстания в Кронштадте при участии обеих революционных партий. Руководитель кронштадтских большевиков Мануильский вспоминал: «Только 19-го утром Петербургский комитет при участии представителя ЦК, ввиду ... происшедшего перед тем Свеаборгского восстания, дал директиву принять участие в восстании ... Директива Петербургского комитета была немедленно передана воинским частям и была встречена

на весьма сочувственно»¹⁰³. Представитель ЦК ПСР Михалевич также сообщил на совещании в Кронштадте, начавшемся в 8 час. утра 19 июля, что он связался с ЦК РСДРП, где ему сказали, что если восстание начнется, социал-демократы присоединятся к нему¹⁰⁴.

Таким образом, с утра 19 июля большевики и эсеры должны были действовать в Кронштадте совместно. Давая ретроспективную оценку событиям того дня, кронштадтские большевики в упомянутой выше листовке писали: «Рассуждать, спорить, критиковать было некогда. Что можно сделать для поддержания товарищей, все было сделано. Но времени было мало; многих матросов мы просто физически не успели известить, другие приняли наши призывы холодно и недоверчиво: ведь ничего не было подготовлено, ведь мы накануне доказывали неразумность такого шага!»¹⁰⁵.

Решение начать восстание с особой остротой поставило вопрос о конкретном плане его проведения. Примерно 10 июля в Кронштадте на заседании Исполкома межпартийной революционной организации была выделена специальная тройка, которая под руководством Михалевича должна была заняться окончательной выработкой плана восстания¹⁰⁶. План разрабатывался на конспиративной квартире в Петербурге и был доставлен в Кронштадт только утром 19 июля. Ю. Зубелевич, которая выучила план наизусть, так передает в своих воспоминаниях его содержание: «... Вот внутри каждой части восставшие справляются с офицерами, со „шкурами“ (старослужащими, шпионившими за матросами.— С. Т.), с оружием, телефоном. Вот двигаются по городу под прикрытием енисейских (Енисейского нехотного полка.— С. Т.) пушек, присоединяют к себе остальные части добром или принуждают силой ... Захватывают все правительственные учреждения ... Суда тем временем одни охраняют Кронштадт от присылки черносотенных войск из Питера, а другие подходят к Петербургу, бомбардируют его, выставляют ультиматум правительству, высаживают на берег десант, ружья, пушки на подмогу поднявшимся рабочим и т. д.»¹⁰⁷.

Еще до начала восстания стало ясно (в том числе и самим эсерам), что в плане есть серьезные пробелы, что стоит выпасть из него хотя бы одному звену, и весь он рухнет. (Так, в самый последний момент выяснилось, что не предусмотрен вывод из строя телефонной станции). Поэтому вплоть до начала восстания план подвергался постоянным изменениям и уточнениям. Шли также споры о том, что делать во время восстания с офицерами — убить или арестовать (на последнем настаивали эсеры-интеллигенты)¹⁰⁸. Когда большевики потребовали 19 июля рассказать им о последнем варианте плана, Михалевич, ссылаясь на правила конспирации (а, вероятно, просто опасаясь большевистской критики), отказался это сделать. Не состоялась по вине Михалевича и встреча его с двумя членами ЦК РСДРП, прибывшими в Кронштадт¹⁰⁹.

Утреннее совещание 19 июля с участием эсеров, большевиков, представителей воинских частей и рабочих организаций, а также прибывшего 17 июля в Кронштадт трудовика Ф. М. Онишко¹¹⁰ было последним перед началом восстания. На совещании присутствовало от 50 до 60 человек¹¹¹, а продолжалось оно с 8 час. утра до 2 час. дня (после чего его участники поспешили в воинские части, чтобы завершить последние приготовления к восстанию). Как выяснилось позже, во многие части и рабочие дружины план боевых действий так и не попал, тогда как власти, знавшие через провокаторов о всех действиях революционеров, наоборот, сумели принять некоторые предупредительные меры. В итоге в восстании участвовало около 3 тыс. матросов и до 1,5 тыс. солдат¹¹².

План восстания с самого начала был скомкан. В Енисейском полку, на который возлагались большие надежды, офицеры через провокатора узнали о восстании и приняли контрмеры, в результате которых полк не только не присоединился к восставшим, но и участвовал в расправе с ними. Часть войск (около 2 тыс. человек) вместе с пулеметами и орудиями была предосторожно уведена из летних лагерей в город. В арсенале, где восставшие рассчитывали получить оружие, не оказалось (видимо, не случайно) патронов. На форте «Константин» восставшим не удалось привести в действие орудия из-за отсутствия затворов. Все это свидетельствовало о том, что командование сумело подготовиться к отражению натиска революционеров. Полиция была приведена в готовность еще накануне. Были усилены посты и выставлены наряды на почте, телеграфе, электростанции. У самих же революционеров отмечались досадные сбои. Фактически не сработала система сигнализации о начале восстания, не успела прибыть из Петербурга дружина эсеров-максималистов с бомбами и другим оружием, на которую рассчитывали повстанцы, не была своевременно выведена из строя телефонная связь и т. д. Провокатором оказался и связанный с эсерами надзиратель следственной тюрьмы Петрушкевич, обещавший освободить 400 арестованных матросов, которые должны были обеспечить затем захват оружия и арест офицеров.

Восстание началось в 23 часа 19 июля 1906 г. Почти одновременно выступили матросы двух флотских дивизий, минеры и саперы. Однако отсутствие четкого плана действий и грамотного военного руководства, неумение на ходу принимать новые решения в соответствии с изменившейся обстановкой, неразбериха, связанная с проведением восстания в ночное время, нерешительность и несогласованность действий отдельных руководителей — все это фактически сломало волю восставших еще до того, как были исчерпаны возможности закрепиться хотя бы в одной части крепости. Значительно осложняло действия повстанцев и то, что большинство моряков, находившихся на суше, не имели при себе оружия и так и не смогли его достать в ходе восстания. В итоге вооруженными оказались лишь несколько десятков матросов.

Восстание с самого начала раздробилось на несколько не связанных между собой потоков, что сразу же резко снизило шансы на его успех. Наиболее организованно выступили находившиеся в летних лагерях минеры и саперы во главе с унтер-офицером Т. Герасимовым, который сказал солдатам, что они должны добиваться земли и воли¹¹³. Восставшие арестовали офицеров (при этом были убиты полковник и капитан), захватили артиллерийский люнет «Литке» и затем на захваченном ими поезде направились по узкоколейной железной дороге к форту «Константин». Там они разбудили спящих артиллеристов криками: «Товарищи, вставайте. Земля и воля!»¹¹⁴. На все это ушло около двух часов — до 2 час. почти 20 июля. Вскоре над фортом взвилось эсеровское знамя с надписью: «Земля и воля!»

Однако на «Константине» сразу же начались осложнения: офицеры успели сообщить по телефону в крепость о захвате форта революционерами, основная масса солдат-артиллеристов оказалась пассивной, снаряды — запертыми на складе, часть орудий была выведена из строя. Поэтому повстанцы сумели сделать лишь один орудийный выстрел в сторону города, не причинивший правительственным войскам никакого вреда. В итоге захват форта оказался фактически бесполезным. События на «Константине» развивались в замедленном темпе, связь с другими фортами установлена не была, попытки вырваться из окружения после подхода правительственных войск закончились неудачей. Вдобавок силы были слишком неравными: верные царю части обстреливали форт из пулеметов и шрапнелью, а восставшие могли отвечать им только нестройным ружейным огнем. В 4 час 30 мин. утра над фортом «Константин» был поднят белый флаг, означавший его капитуляцию.

Вторым очагом восстания стала сама крепость. Здесь восстали матросы двух флотских дивизий, размещенные в казармах на Павловской и Поморской улицах. С моряками 1-й дивизии находились переодетый в матросскую форму Онинко, который произнес перед матросами яркую, зажигательную речь под лозунгом «За землю и волю!»¹¹⁵ и призвал их к оружию, и эсерка Зубелевич. Командовал отрядом моряков 1-й дивизии эсер матрос Недотрогин — кандидатура явно неудачная, так как он внес в действия восставших много неуверенности и путаницы. Моряков сразу же поставило в тупик то, что вопреки их ожиданиям Енисейский пехотный полк, у солдат которого они рассчитывали получить оружие, не поддержал восстание. Дело объяснялось тем, что один из эсеров, который должен был сообщить в Енисейский полк о времени выступления, оказался провокатором и не только не передал необходимую информацию солдатам, но и оповестил обо всем полковое начальство.

Настоящей борьбы за енисейцев развернуто не было. Как писали позже в своей листовке большевики, если бы к енисейцам пришла не горстка матросов (40—50 человек), а тысячная толпа народа, солдаты почти наверняка не стали бы стрелять в восстав-

ных, а возможно, даже были бы увлечены этим людским потоком. Сами енисейцы, которых после подавления восстания моряки обвинили в измене, писали в большевистскую газету «Казарма»: «Матросы теперь очень злы на кронштадтских солдат, что мы их не только не поддержали, но даже усмиряли. Правда, у нас в полку Енисейском много черной сотни, но есть и сознательные, и их большинство в некоторых ротах, так что можно было рассчитывать на поддержку. Но беда в том, что о восстании ничего не знали, а уж как вывели — шум, стрельба, кого-то убивают — тут трудно вести агитацию: если есть время, можно перетянуть колеблющихся, а раз началось столкновение, дело кончено — солдат стал как машина, знай щелкай затвором и особенно ночью, когда ничего толком не разберешь. Остановить стрельбу тогда почти невозможно. Надо еще знать, что солдаты еще плохо разбираются и не пойдут усмирять только в том случае, когда будут знать, в чем дело, а для этого надо пошире связи заводить»⁴¹⁶. В итоге Енисейский полк, хотя и неохотно, без всякого рвения, стреляя не целясь, все же принял участие в подавлении восстания.

Моряки вышли на улицы Кронштадта с большим опозданием — лишь к половине второго ночи и, разделившись на два отряда, направились к арсеналу и сухопутным казармам. При этом явно растерявшийся Недотрогин сбил с толку и матросов 2-й дивизии. Они должны были согласно плану на катерах отправиться на дальние форты, а вместо этого соединились с отрядом 1-й дивизии и устремились к арсеналу, где, однако, не оказалось патронов, да и оружия было очень мало. После этого моряки разделились на несколько групп, которые довольно bestолково метались по ночному Кронштадту, вступали в стычки с правительственными войсками, но нигде не смогли добиться успеха. В ходе восстания в крепости были убиты моряками четыре офицера, в том числе капитан первого ранга, ранены контр-адмирал и три офицера. Часть офицеров была арестована.

К морякам присоединилось около 400 молодых рабочих. Однако общая неразбериха помешала им активно помочь восставшим. «Мы спрашивали их, а они нас, куда идти и что делать, — вспоминал позже один из руководителей рабочих. — Никто ничего определенного не знал и узнать было негде. Циркулировали разнообразные слухи... Сообщили, что форт „Константин“ восстал, но тут же говорили обратное... А стрельба слышалась всюду... Один сообщил, что навстречу идут енисейцы для усмирения, другой передавал, что часть их отказалась стрелять, пристрелила офицеров. Неразбериха была невообразимая... Рабочие и часть матросов бросились строить баррикады...»⁴¹⁷. Начался разгром винных лавок и магазинов, хотя он и не принял таких размеров, как в октябре 1905 г.

Между тем к Кронштадту быстро подтягивались правительственные войска, прибывавшие из Ораниенбаума, Петергофа, Петербурга. Уже к 5 час. утра восстание в крепости было в

основном подавлено, а к 10 час. были обезоружены последние его участники, засевшие в казармах на Павловской улице. К вечеру 20 июля крепость перешла с военного положения на осадное¹¹⁸. Начались аресты. Один провал следовал за другим, хотя часть руководителей большевистской и эсеровской организаций удалось вывезти из Кронштадта. Был арестован и депутат Думы Ошипко. 24 июля в Петербурге арестовали Мануильского.

Что касается Балтийского флота, то он, по существу, не принял участия в Кронштадтском восстании. Власти сумели изолировать революционно настроенных моряков на бронепоседе «Александр II», крейсере «Громобой», учебном судне «Океан» и других кораблях. Тем не менее матросы с «Александра II» отказались выполнить приказ командира о задержании катера с восставшими, шедшего с форта «Константин».

Анализируя ход Кронштадтского восстания, большевик В. В. Филатов писал в газете «Казарма» 12 августа 1906 г., что восставшие сдались слишком рано. Форт «Константин», по его мнению, был хорошо укреплен и мог держаться еще долго. Очевидно, чувство растерянности, порожденное полным разрывом между планами революционеров и реальным ходом событий, настолько парализовало волю восставших, что они уже не могли сопротивляться правительственным войскам. Отсутствие централизованного и достаточно компетентного руководства, катастрофическая нехватка оружия, самая гнусная провокация сыграли в Кронштадте поистине роковую, трагическую роль. События в Кронштадте еще раз показали, что легковесный, чисто эмоциональный подход к восстанию, которым не раз грешили в 1905—1907 гг. эсеры, неизбежно обрекает народ на поражение, заставляя его кровью расплачиваться за ошибки руководителей. Не будет преувеличением сказать, что в июле 1906 г. поражение в Кронштадте потерпели не революционные моряки, а эсеровский авантюризм, органические изъяны которого не смогли преодолеть (и в этом не было их вины) большевики, честно выполнившие свой долг перед народом.

Надо сказать, что и сами эсеры подходили к ретроспективному анализу событий в Свеаборге и Кронштадте достаточно самокритично. О ряде допущенных там серьезных ошибок писал, в частности, «Виктор Военный» (В. В. Шестаковский), опубликовавший в 1940 г. в Париже в журнале «Социалист-революционер» статью «К вопросу о причинах неудач военных восстаний». Правда, он признавал, что в июле 1906 г. эсеры пытались действовать по определенному стратегическому плану, суть которого была выражена в статье так: «Петербург держится Кронштадтом, главная сила правительства — Балтийский флот. Захватить все, и победа наша! Коротко, ясно, просто»¹¹⁹. Однако план этот при всей его кажущейся ясности и простоте оказался неосуществимым и потому негодным.

Во-первых, победа революционеров в Петербурге, где правительство сосредоточило наиболее крупные военные и полицейские

силы, была почти безнадежна. Во-вторых, продолжает Шестаковский, в ходе подготовки и проведения военных восстаний на Балтике был допущен целый ряд ошибок, которые свели на нет героизм солдатских и матросских масс и привели к тому, что в их действиях обозначилось «много сумятицы, спешки, суетни»¹²⁰. Очень приблизительно был сделан расчет сил, на которые могли бы опереться революционеры. Так, не оправдались их надежды на Енисейский пехотный полк в Кронштадте, а ведь ему отводилась в эсеровских планах едва ли не главная роль в восстании. Не приняли в расчет и огромное значение кронштадтских крепостных фортов, способных держать под артиллерийским огнем весь остров Котлин и помешать высадке подкреплений для правительственных войск. Захватить эти форты было легче, чем овладеть самой крепостью, однако по плану эсеров восстание на них должно было начаться только после победы повстанцев в самом Кронштадте.

План Кронштадтского восстания явно не продуман до конца, причем любой, даже самый незначительный сбой в его «сценарии» ставил под вопрос возможность осуществления всего эсеровского замысла. Не была, например, предусмотрена изоляция еще до начала восстания контрреволюционно настроенных офицеров. Вопреки плану не удалось прервать телефонно-телеграфную связь между островом Котлин и материком, а также между отдельными отрядами правительственных войск в пределах самого Кронштадта. Не создали и «вольные боевые дружины» с участием рабочих и крестьян, которые не были скованы казарменной дисциплиной и могли бы своевременно и энергично начать восстание. Отсутствовали в Кронштадте и настоящие революционные командиры, способные грамотно и твердо руководить солдатами и матросами. В конце статьи автор предлагал учесть уроки военных восстаний и в дальнейшем вести военно-боевую работу так, чтобы избежать повторения подобных ошибок, в том числе и ненужного, с его точки зрения, «губительного великодушия» по отношению к противникам революции¹²¹.

Сразу же после подавления восстания началась расправа с его участниками. Минеров даже не стали доставлять в Кронштадт, а судили прямо на месте. Семеро из них (М. Алексеев, О. Пурвин, В. Казаков, И. Бакланов, М. Мазеров, А. Якушев, М. Василла) были расстреляны уже в 5 час. дня 20 июля. Когда осужденные сами копали себе могилы, комендант крепости генерал-лейтенант Адлерберг издевательски приговаривал: «Копайте, ребята! Копайте, копайте! Вы хотели земли, так вот вам земля, а волю найдете на небесах»¹²². После расстрела по могилам казненных, которые немедленно сравнивали с землей, церемониальным маршем провели участвовавшие в экзекуции войска и дружин арестованных.

3 августа вынесли приговор по делу 147 солдат, минеров, санеров, гражданских лиц, а 7 августа расстреляли студента-эсера А. Тер-Мкртчянца, крестьянина П. Конакова, сына ремес-

ленника К. Иванова, солдат Т. Герасимова, Т. Дорошенкова, Н. Рюмаева, Ф. Сильченкова, Я. Теканова, М. Филиппова, П. Виноградова. Тела убитых сбросили в море у Толбухина маяка.

Суд над матросами — а их было арестовано свыше 2,2 тыс. — готовился более тщательно. Первую партию — 760 человек — судили в сентябре 1906 г. Поскольку в Кронштадте не нашли зала, который мог бы вместить всех подсудимых, заседания суда происходили в подсобном помещении машинной школы. 18 сентября к смертной казни были приговорены 19 матросов — И. Корогодов, И. Красенков, И. Москаев, М. Севастьянов, Р. Коротчик, А. Кукорцев, М. Востриков, Ф. Ковальчук, Н. Комарницкий, С. Юров, Е. Лещук, Ф. Голованов, А. Кузнецов, Е. Лисицкий, Т. Глебоко, П. Крашенинников, С. Зендриков, П. Новожилов, Д. Никитин. 21 сентября их казнили.

В октябре газета «Казарма» опубликовала предсмертные письма некоторых осужденных, написанные перед казнью. Матрос-большевик Н. В. Комарницкий, который во время восстания с обнаженной саблей и с красной лентой через плечо руководил отрядом матросов, 17 сентября писал: «Товарищи! Остается несколько часов до расстрела. Все спокойны, мысль о близком переходе в вечность нас не пугает. У окна стоит часовая и плачет. Служащие со слезами приходят прощаться и просят на память ленточки, кокарды. Все понимают, что это не погром кронштадтских лавок, все поняли прекрасно, что восстали за счастье народа, желая лучшей доли ему. Поняло и правительство это и задумалось. Да сколько ни думайте, а земли и воли дадите! Офицеры и те многие сочувствуют нам, говоря не с презрением, а с уважением. Мы мало сделали, но сделали все, что могли, и отдаем последнее — жизнь. Но пусть правительство знает, что скоро, скоро наступит расчет. Убивая, расстреливая нас, они наживают сотни за каждую жизнь мстителей, стонет Россия, стонет бедный народ. Но сильнее этого стога раздастся крик мести народной, и поднимется русский народ на своих угнетателей — пойдет добывать себе свободу. Перепуганное, жалкое правительство спешно режет, вешает и расстреливает, думая этим уничтожить ненавистную ему крамолу. Нет! Мы не боимся, мы смело шли за правое дело, со смехом пойдем на казнь. Мы смеемся над бессилием наших палачей»¹²³. 18 сентября Н. Комарницкий продолжил письмо: «Братья, мстите за нас! Соединитесь дружнее на великое дело, сбросьте оковы правительства. Довольно рабских целей! Долой самодержавие! Долой царя! Матрос Николай Комарницкий»¹²⁴.

А вот отрывок еще из одного письма, написанного матросом П. И. Новожиловым родителям: «Я пойду на казнь с гордо поднятой головой! Мы знаем и верим, что тот день близок, когда всех извергов рода человеческого позовут к ответу, когда на наши могилы люди будут приносить цветы и свою благодарную любовь... Поклонитесь от моего лица родным полям и лесам,

исей сторонке родной, а верной подруге юности моей и моей кормилице — матушке Волге отнесите всю чистую любовь мою и в подарок ей бросьте в середину ее мою бескозырку!»¹²⁵. Так могли писать только очень смелые, честные и чистые люди!

Казнь моряков вылилась в настоящую антиправительственную демонстрацию. Осужденные пели «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Солдаты, надевавшие мешки на головы приговоренных к расстрелу, плакали. Расстрел затянулся, солдаты целились плохо. Мешки с телами расстрелянных сбросили в море, и местные рыбаки еще долго вылавливали их в море. Несколько трупов расстрелянных матросов прибило к берегу в Петергофе.

16 ноября закончился еще один процесс, на этот раз над 740 матросами. Всего по четырем процессам по делу участников вооруженного восстания в Кронштадте были казнены 36 человек, сосланы на каторгу 130, заключены в тюрьмы 316, отданы в исправительно-арестантские отделения 935 — в общей сложности 1417 человек (во время самого восстания с обеих сторон было убито 9 и ранено 20 человек)¹²⁶. Часть обвиняемых была оправдана. Для сравнения укажем, что за попытку восстания в октябре 1905 г. в Кронштадте было осуждено 229 человек¹²⁷. Опицко 17 сентября 1906 г. приговорили к ссылке на поселение.

Урокам Кронштадтского восстания был посвящен ряд большевистских листовок, в которых анализировались ошибки повстанцев, проводилась мысль о необходимости соединения военных восстаний с восстанием всего народа. Большевики воздавали должное героизму и мужеству участников восстания, стремились ободрить их перед судом, выражали твердую уверенность в конечном торжестве революции¹²⁸.

Крейсер «Память Азова», 20 июля 1906 г.

Третьим очагом восстания на Балтике стало выступление матросов на учебном крейсере «Память Азова». На корабле было 200 матросов постоянного состава и 500 гардемарин, проходивших на «Памяти Азова» морскую практику. Вместе с девятью другими кораблями крейсер входил в состав учебно-артиллерийского отряда, находившегося с мая на учениях в районе Ревеля.

На «Памяти Азова» действовал революционный комитет в составе Н. Лобадина (руководитель), С. Гаврилова, П. Колодина, В. Кузькина, Д. Котихина, Г. Болдырева, А. Ширяева, П. Пенкевича. Распространялись социал-демократические прокламации, большевистская «Волна», газеты демократического и либерального направлений, шли денежные сборы на нужды Ревельского комитета РСДРП. Были также на крейсере эсеры и сочувствующие им.

Связь с Ревельским комитетом РСДРП осуществлялась матросами через большевика-подпольщика Арсения Колтюха («Оскара») ¹²⁹. В конце июня команда крейсера едва не взбунтовалась из-за плохой пищи, а в начале июля — в связи с арес-

том одного из революционных агитаторов, работавшего на корабле. 14 июля «Память Азова» посетил морской министр Бирилев, после чего учебно-артиллерийский отряд был переведен в бухту Папон-вик, в 60 километрах к востоку от Ревеля. Царские власти рассчитывали, что в этом глухом месте матросы будут менее опасны, чем в Ревеле, где назревала крупная забастовка и было много безработных. С момента роспуска Государственной думы настроение матросов резко повысилось. Вечером 19 июля на крейсере, как и в Кронштадте, была получена телеграмма из Гельсингфорса с условленным текстом о начале восстания, а после 7 час. вечера на «Память Азова» прибыл переодетый матросом Коптюх.

В половине одиннадцатого началось расширенное собрание судового комитета. Однако командир крейсера узнал о нем от доносчика-гардемарина. Произошел обыск, закончившийся арестом Коптюха. Это и послужило сигналом к восстанию, начавшемуся в 2 час. 40 мин. ночи с 19 на 20 июля. Коптюх был освобожден, несколько офицеров, включая командира корабля Лозинского, убиты или ранены, другие — позорно бежали с крейсера. К 4 час. утра корабль находился во власти восставших.

На крейсере преобладали колеблющиеся или враждебные революции элементы, но их застigli врасплох, и революционеры стали на время хозяевами положения. Для управления судном был избран комитет из восьми человек во главе с Коптюхом, а командование крейсером взял на себя Н. Л. Лобедин. Попытка присоединить к «Памяти Азова» минные крейсера «Воевода» и «Абрек» закончилась неудачно: их командиры выбросили суда на сушу, а матросов увели подальше от берега. После этого крейсер «Память Азова» взяла курс на Ревель.

Коптюх объяснил матросам, что они борются «за правду и свободу», напомнил о восстании на броненосце «Потемкин» и восстании под руководством лейтенанта П. П. Шмидта, говорил о необходимости помочь рабочим¹³⁰. Когда около 10 час. утра 20 июля Коптюху сказали, что команда пала духом, он приказал «обратить ее на баке и обратился к матросам с речью: «Товарищи, многие из вас и очень многие не знают, отчего произошло настоящее возмущение. Я постараюсь объяснить это. Мы возмутились потому, что распущена Государственная дума, бывшие члены которой, собравшись в г. Выборге, решили начать настоящее дело; что самых лучших людей арестовывают. Правительство говорит, что земли нет, а земли много: у государя, церквей и помещиков. Трудовая группа и думская социал-демократическая фракция решили отдать землю крестьянам, а правительство желает сохранить земли для богатых, а бедным дать какие-то клочки». Затем Коптюх сообщил, что крейсер пойдет в Ревель и, соединившись с транспортным судном «Рига», на котором уже произошло или вот-вот произойдет восстание, направится к восставшему Свеаборгу. В Ревеле на борт крейсера должны прибыть, по словам Коптюха, два члена Государственной думы,

в том числе один из Петербурга. Коптюх зачитал команде Выборгский манифест и обращение трудящихся и социал-демократов к армии и флоту. Заключившая речь, он воскликнул: «Долой царя, долой правительство!» и предложил команде прокричать «Ура! за свободу. Однако его поддержали лишь немногие матросы¹³¹. Примерно так же объяснял цели восстания член судового комитета П. Колодин в беседе с одним из офицеров крейсера.

Ближайшие планы восставших были связаны с Ревелем, о чем Коптюх и написал в записке, адресованной Ревельскому комитету РСДРП, которая, к сожалению, не дошла по назначению¹³². Ревельские власти приняли срочные меры на случай высадки десанта с «Памяти Азова»: пехота заняла набережную, выход из гавани всем судам и лодкам был запрещен, готовились поезда для выезда из города зажиточной верхушки. К Ревелю были даже вызваны корабли из Гельсингфорса, чтобы в случае необходимости потопить мятежный крейсер¹³³.

Сначала «Память Азова» прошла мимо Ревеля к Либаве, тщетно пытаясь догнать учебное судно «Рига», на присоединение которого к восстанию надеялись революционные моряки¹³⁴. К половине шестого вечера 20 июля «Память Азова» вернулась на ревельский рейд. В это время команда крейсера расколотась. Восставшие вовремя не изолировали контрреволюционные элементы экипажа, которые, оправившись от первого испуга, повели разлагающую агитацию среди колеблющихся матросов и гардемарин. На некоторых командных постах оказались враждебные восстанию кондукторы, в том числе предатель Лавриненко, маскировавшийся под революционера (после подавления «позорного и зверского мятежа», как назвал восстание на «Памяти Азова» Николай II¹³⁵, Лавриненко был произведен в офицеры; в 1928 г. он был разоблачен и расстрелян). Достаточно сказать, что позднее в письме, напечатанном в первом номере газеты «Солдатская мысль» — органе Московской военной организации РСДРП — матросы с «Памяти Азова» назвали имена 16 провокаторов и предателей, содействовавших разгрому восстания.

Около 6 час. вечера оставшиеся верными царской присяге унтер-офицеры, кондукторы, гардемарини и часть матросов подняли контрреволюционный мятеж. Лобадин был убит или покончил с собой. Уже мертвого его искололи штыками. В ходе перестрелки погибли 20 матросов и несколько офицеров, а около 50 человек были ранены. Коптюха, пытавшегося вплавь добраться до берега, схватили и сдали властям.

В 7 час. вечера восстание на «Памяти Азова» было окончательно подавлено с помощью посланных на крейсер двух рот пехоты. Арестовали более 260 человек, в том числе известного эсера И. И. Фундаминского (Бунакова), который, не зная, что восстание уже подавлено, сделал попытку вечером 20 июля проникнуть на крейсер для ведения революционной пропаганды. Арестовали и двух его спутников — представителя Ревельского комитета РСДРП матроса М. Косырева, служившего ранее на

«Памяти Азова», и бывшего питерского рабочего П. Леушева (на суде он проходил под фамилией Иванова), который был послан из Кронштадта для связи с Ревелем¹³⁶.

В ходе предварительного следствия часть моряков была освобождена. К суду привлекли 91 человека. По личному распоряжению царя процедуру судопроизводства упростили¹³⁷. Суд проходил в Вышгородском ревельском замке с 31 июля по 4 августа 1906 г. В тюрьме Коптюх держался с большим достоинством и мужеством. В письме товарищам, которое чудом пробилось через крепостные стены, он сообщал, что останется верным революционному долгу, и советовал друзьям спешно покинуть Ревель¹³⁸. Два письма арестованных «азовцев», свидетельствовавшие об их мужестве и вере в правоту своего дела, были напечатаны 12 августа в газете «Казарма».

18 руководителей восстания на крейсере «Память Азова» были расстреляны (сначала их приговорили к смертной казни через повешение). Это А. Коптюх, П. Колодин, С. Гаврилов, А. Аникеев, А. Богданов, Т. Костин, Н. Баженов, Д. Григорьев, В. Кузнецов, Е. Потапов, Д. Костихин, А. Шилин, П. Пенкевич, Г. Болдырев, И. Кротков, И. Бортников, А. Крючков, А. Кудряшов. Пятеро матросов приговорили к 20 годам каторги, двоих — к 12, четырех — к 8 годам и т. д. 34 человека оправдали¹³⁹. За отсутствием улик были освобождены И. И. Фундаминский (немедленно уехавший за границу) и двое его спутников, дело которых слушалось отдельно от дела «азовцев»¹⁴⁰.

Власти торопились привести приговор в исполнение, так как в Ревеле бастовало около 3,5 тыс. рабочих¹⁴¹, а три пехотных полка были охвачены брожением. Солдаты отказывались выступать в роли палачей и участвовать в расстреле революционных моряков. На рассвете 5 августа, когда «азовцев» повели на казнь, вся тюрьма пела похоронный марш. Осужденные отказались от услуг священника, не позволили завязать себе глаза и даже не дали дочитать до конца приговор суда. Коптюх крикнул казакам: «Цельтесь в нас лучше, мы умираем за вас и за весь народ. Когда-нибудь и вы вспомните о нас»¹⁴². Тела казненных бросили в море. «Память Азова» переименовали в «Двину», разоружили и превратили в плавучую базу. Ныне у места казни героев-«азовцев» установлена мемориальная доска.

Трагедия крейсера «Память Азова», как и потемкинская эпопея и восстание на крейсере «Очаков» в 1905 г., еще раз показала, что революционное выступление на отдельно взятом боевом корабле, лишенное соответствующей базы на суше и не связанное с рабоче-крестьянским массовым движением, неизбежно обречено на поражение. Кроме того, восставшие «азовцы» вновь повторили ряд типичных ошибок, характерных для военных восставших периода революции 1905—1907 гг.: придерживались оборонительной тактики, не имели четкого плана действий, теряли даром много драгоценного времени, не обладали необходимой революционной бдительностью; причем никакой героизм не мог

компенсировать эти слабые стороны вспышек матросского протеста.

Заметим, что первоначальный замысел эсеров, а затем и ЦК РСДРП предусматривал еще несколько локальных военных восстаний (Севастополь, Усть-Двинск, Либава), участники которых должны были поддержать свеаборжцев и кронштадтцев. Об этом говорили на V съезде РСДРП большевик Е. М. Ярославский и латышский социал-демократ А. Бушевиц (Р. Рыбак)¹⁴³. Севастопольские большевики рассказывали на съезде, что разведные агенты ЦК РСДРП меньшевики В. К. Иков (Миров) и М. А. Лурье (Ю. Ларин) приехали в Севастополь с директивной партийного центра «форсировать вооруженные восстания и всеобщую политическую забастовку под лозунгом „Возврат старой Думы!“». Это подтвердил и бундовец (позже большевик) С. М. Нахимсон. Однако меньшевики заявили, что Иков имел якобы поручение проводить лишь идею всеобщей забастовки, а Ларин — выражал только свое собственное мнение¹⁴⁴.

Сейчас известно, что подготовка к восстанию в Севастополе летом 1906 г. действительно велась и социал-демократами, и эсерами. Военная организация РСДРП насчитывала там около тысячи членов, причем восставший Севастополь должны были поддержать партизанскими действиями и другие крымские социал-демократические организации. Кроме того, они должны были направить в город-крепость отряды вооруженных дружинников. Однако, учитывая общую обстановку в стране, большевики признали восстание в Севастополе несвоевременным, о чем и заявили на заседании Севастопольского комитета РСДРП 26 июля¹⁴⁵. После этого пробили отбой и севастопольские эсеры¹⁴⁶.

Так закончилась самая яркая и драматическая глава в истории июльского политического кризиса. Восставшие в Свеаборге, Кронштадте, Дешлагаре и некоторых других местах солдаты и матросы, как отмечалось, не сумели преодолеть тех недостатков в организации вооруженных восстаний, которые имели место в декабре 1905 г. (потеря темпа, неумение оперативно перестраиваться с учетом быстро меняющейся обстановки, слабое взаимодействие отдельных революционных отрядов, недостаток опытных военных кадров и оружия, оторванность политического центра восстания от места боевых операций и т. д.). Вместе с тем военные восстания 1906 г. еще раз показали мужество и героизм народных масс, которые, как умели, честно и до конца боролись за землю и волю. Очень часто они руководствовались при этом лишь классовым инстинктом, их захлестывала революционная стихия. Но можно ли винить их за это и взваливать на их плечи тяжкий груз ответственности за понесенное народом в июльские дни 1906 г. поражение? Ответ на этот вопрос может быть, на наш взгляд, только один — отрицательный.

Легкие восстания 1906 г., несмотря на поражение, многому научили народ и в политическом, и в военно-организационном

отношениях и с этой точки зрения сослужили свою службу революции, став еще одной ступенью на пути к свободе. Однако цена, которую заплатил народ за неподготовленность к вооруженной борьбе и неправильный выбор момента для ее начала, оказалась неоправданно большой. На совести эсеров остается то, что они сознательно взвинчивали настроение солдат и матросов на Балтике, вводя их в заблуждение относительно степени готовности к восстанию армии и флота в целом и сбрасывая со счетов неблагоприятную для начала открытой вооруженной борьбы ситуацию в городах и сельской местности. Азартное стремление эсеров любой ценой ускорить ход событий и стать «героями» июльских боев, которые должны были, по их расчетам, далеко превзойти декабрь 1905 г., дорого обошлось народу, заплатившему за этот окроvenный авантюризм кровью.

Отсутствовал серьезный анализ объективной обстановки и у меньшевистской части ЦК РСДРП. При этом если в декабре 1905 г. меньшевики шли в хвосте у большевиков, то в июле 1906 г. они металась между кадетами и эсерами, пойдя в конце концов на поводу у последних. Однако осуждали меньшевики свой очередной зигзаг влево страшно неуверенно и непоследовательно, а после провала военных восстаний и неудачи всеобщей политической забастовки пролетариата резко повернули вправо и окончательно похоронили лозунг вооруженного восстания почти за год до окончания первой российской революции.

Большевики являлись последовательными сторонниками лозунга вооруженного восстания, однако к практическому решению этого вопроса подходил в 1906 г. достаточно осмотрительно. Июль большевики не считали благоприятным моментом для начала вооруженной борьбы с царизмом. Однако жизнь заставила их принять участие в военных восстаниях на Балтике, либо подчиняясь партийной дисциплине (Кронштадт), либо повинаясь вполне естественному для каждого революционера сознанию долга перед стихийно восставшим народом, который нельзя было в трудный момент бросать на произвол судьбы (Свеаборг). Изменить коренным образом объективно неблагоприятную для восставших ситуацию большевики не могли. К тому же они допускали в ходе проведения военных восстаний немало тактических и организационных просчетов: искусством ведения вооруженной борьбы в 1905—1907 гг. по-настоящему не овладела еще ни одна революционная партия в России.

Военные восстания на Балтике в июле 1906 г. вновь убедительно показали, как велика ответственность политических руководителей народа, решающих вопрос о времени, месте, формах и лозунгах борьбы и поднимающих на эту борьбу массы. К сожалению, революционная стихия и на этот раз взяла верх над трезвым политическим расчетом. Стремление продвинуть революцию сразу на несколько ступеней вперед обернулось на практике ее объективным откатом назад.

Военные восстания в Свеаборге и Кронштадте во многом из-

менили ход июльского политического кризиса, история которого отчетливо делится на два больших этапа — до этой кульминационной точки и после нее. Каждый политический лагерь вынес из неудачи собственные уроки. Правящие «верхи» окончательно уверовали в свою силу и правильность взятого ими курса на роспуск Думы в сочетании с куцыми реформами. Либералы, у которых Свеаборгское восстание на короткое время вновь воскресило надежду на возможность возвращения распущенной Думы¹⁴⁷, покорно смирились и окончательно поняли всю бессмысленность «пассивного сопротивления». Лишь рабочие и крестьяне продолжили борьбу с царизмом, но и для них поражение свеаборжцев и кронштадтцев явилось тяжелым ударом. Пролетариат сделал попытку поддержать своих товарищей, одетых в солдатские шинели и матросские бушлаты, но к тому моменту, когда началась стачка солидарности в Петербурге, восстания в Свеаборге и Кронштадте были уже подавлены.

¹ См.: *Розенблюм К.* Военные организации большевиков в 1905–1907 гг. М., 1934. С. 53.

² См.: *Очерки истории Ленинградской организации КПСС.* Л., 1980. Т. 1. С. 149.

³ См.: *Солдат.* 1906. 3 авг.

⁴ См.: *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918. С. 257; *Bushnell J.* Mutiny amid Repression. Bloomington, 1985. P. 160.

⁵ См.: *Спиридович А. И.* Указ. соч. С. 257–258.

⁶ См.: *Зубелевич Ю.* Кронштадт в 1906 году. Кронштадт, 1917. Ч. 2. С. 106; Ч. 3. С. 120.

⁷ См.: *Bushnell J.* Op. cit. P. 212.

⁸ См.: *Революционное движение в Белоруссии. 1905–1907 гг.* Минск, 1955. С. 572.

⁹ См.: *Второй период революции.* М., 1963. Ч. 2, кн. 3. С. 402–403.

¹⁰ См.: *Революционное движение 1905–1907 гг. в Самарской губ.* Куйбышев, 1955.

¹¹ См.: *Революция 1905–1907 гг. в Литве: Док. и материалы.* Вильнюс, 1961. С. 441.

¹² См.: *Революция 1905–1907 гг. на Украине.* Киев, 1955. Т. 2, ч. 2. С. 283; *Второй период революции.* Ч. 2, кн. 3. С. 140–141.

¹³ См.: *Груза Г.* Полтавское военное восстание // 1905 год на Полтавщине. Полтава, 1925. С. 46.

¹⁴ См.: *Второй период революции.* Ч. 2, кн. 3. С. 421, 425, 449.

¹⁵ См.: *Революционное движение в Орловской губ. в период первой русской революции 1905–1907 годов.* Орел, 1957. С. 128.

¹⁶ См.: *Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана.* Баку, 1963. Т. 1. С. 164.

¹⁷ См.: *Второй период революции.* Ч. 2, кн. 3. С. 336–337.

¹⁸ См.: *Революционное движение в Дагестане (1905–1907 гг.).* Махачкала, 1956. С. 151–152.

¹⁹ См.: ЦГВИА СССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 682. Л. 16–16 об.; *Второй период революции.* Ч. 2, кн. 3. С. 308.

²⁰ См.: ЦГВИА СССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 682. Л. 17.

²¹ См.: *Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг.* Л., 1936. С. 188.

²² См.: *Второй период революции.* Ч. 2, кн. 3. С. 647; ЦГВИА СССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 682. Л. 17.

²³ См.: *Второй период революции.* Ч. 2, кн. 2. С. 385–386, 493.

²⁴ См.: *Моск. ведомости.* 1906. 3 авг.

- ²⁵ Всего в Финляндии находились восемь стрелковых полков, полевая и горная артиллерия, пулеметные команды, крепостные гарнизоны в Свеаборге и Выборге, телеграфная и инженерная команды (Протоколы Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП. М., 1932. С. 24; далее: Протоколы...).
- ²⁶ Солдатская жизнь. 1907. 1 марта.
- ²⁷ Судя по сведениям, собранным о 127 свеаборжцах, отправленных после восстания на каторгу, среди артиллеристов было много кузнецов, котельщиков, столяров, а среди минеров—механиков, слесарей, техников. 79% солдат-минеров жили до службы в Петербурге и промышленных центрах, а еще 8% — в других городах. Среди артиллеристов эти показатели составляли соответственно 24 и 5%, среди матросов — 35 и 17%. Характерно, что неграмотных среди них вообще не было, причем в тех или иных учебных заведениях учились до призыва 83% минеров, 75% матросов и 53% артиллеристов (см.: Протоколы... С. 274, 276, 278).
- ²⁸ См.: *Овчинникова А. Я.* Революционная Россия и Финляндия. 1905—1907. Таллинн, 1988. С. 80—81.
- ²⁹ 22 октября 1905 г. было приостановлено действие манифеста 1899 г., предоставлявшего русским властям право издавать законы без согласия финского сейма, а также ряда постановлений о чрезвычайных полномочиях русского генерал-губернатора Финляндии. 7 июля 1906 г. в Финляндии ввели новую конституцию, предусматривавшую созыв однопалатного сейма на основе всеобщего, в том числе и для женщин, избирательного права.
- ³⁰ И. Кок (1861—1916) — уроженец Гельсингфорса, получил военное образование в России, затем служил в Выборге и в 1896 г. вышел в отставку. И. Кок был членом социал-демократической партии Финляндии. В конце октября 1905 г. рабочие Гельсингфорса попросили его взять на себя руководство только что возникшей Красной гвардией. По собственному признанию, Кок стремился избежать гражданской войны (см.: *Кок И.* Всеобщая забастовка в Финляндии. СПб., 1907. С. 17). После Свеаборгского восстания Кок, спасаясь от преследований русских властей и финской буржуазной Белой гвардии, назначившей за его выдачу крупную награду, сначала скрывался в Финляндии, а затем уехал в США, где увлекся идеями анархизма. Умер в Нью-Йорке.
- ³¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1971. Т. 2. С. 237.
- ³² См.: *Овчинникова А. Я.* Указ. соч. С. 96.
- ³³ М. А. Трилиссер (1883—1940) работал в социал-демократических организациях с 1901 г. В 1905 г. вел революционную деятельность в Казани, где в декабре стал ответственным организатором военной работы и оставался им до весны 1906 г. После кратковременной работы в Петербурге Трилиссер перебрался в Финляндию. Руководил изданием газеты «Вестник казармы», выпуском листовок, активно участвовал в Таммерфорской конференции военных и боевых организаций РСДРП (ноябрь 1906 г.). В 1907—1914 гг. находился в тюрьме, затем до 1917 г. — на поселении в Сибири. В годы Советской власти — на партийной и советской работе.
- ³⁴ Всего до ноября 1906 г., когда состоялась Таммерфорская конференция военных и боевых организаций РСДРП, Военная организация РСДРП в Финляндии издала 200 тыс. экз. листовок и девять номеров газеты «Вестник казармы» тиражом 13,5 тыс. экз. (см.: Протоколы... С. 27).
- ³⁵ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 592.
- ³⁶ Военные восстания в Балтике в 1905—1906 гг.: Сб. док. М., 1933. С. 211.
- ³⁷ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 592.
- ³⁸ Об этом рассказал на Таммерфорской конференции военных и боевых организаций РСДРП в ноябре 1906 г. большевик М. А. Трилиссер (см.: Протоколы... С. 73—74).
- ³⁹ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 236. Отд. II. 1906 г. Д. 2. Ч. 1. Т. 5. Л. 50—50.б.; Д. 716. Л. 39; Красная летопись. 1925. № 3. С. 113—114.
- ⁴⁰ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 91.

- ⁴¹ См.: Протоколы... С. 74; *Зубелевич Ю.* Указ. соч. Ч. 3. С. 14–16; *Цион С. А.* Три дня восстания в Свеаборге. Гельсингфорс, 1907. С. 41. Было условлено, что сначала революционеры пришлют из Свеаборга в Кронштадт телеграмму: «Отец здоров», означающую, что военные корабли, базирующиеся на Гельсингфоре, готовы к восстанию. В ответ кронштадтцы тоже должны были сообщить о своей готовности к выступлению, после чего из Свеаборга ожидалась вторая телеграмма: «Отец болен», означающая, что восставшая эскадра уже находится на пути к Кронштадту. Лишь после получения из Кронштадта нового подтверждения Свеаборг должен был начать восстание.
- ⁴² Протоколы... С. 255.
- ⁴³ См.: *Власова М. Н.* Участие финских красногвардейцев в Свеаборгском восстании 1906 г. // Скандинавский сб. 2. Таллинн, 1957. С. 226.
- ⁴⁴ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 114; ЦГВИА СССР. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1265. Л. 3.
- ⁴⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 328. 17 июля секретарь Военной организации при ЦК РСДРП В. Р. Менжинская выехала в район Выборга, где жил А. Г. Шлихтер, и передала ему поручение В. И. Ленина. Шлихтер прибыл в Гельсингфорс, установил связь с Военной организацией РСДРП в Финляндии, но оказать влияние на ход событий в Свеаборге не смог, так как гельсингфорские товарищи решили проверить его личность и на время изолировали от участия в партийной работе. Тем временем восстание уже закончилось (см.: Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1968. Т. 1. С. 318–319; *Шлихтер А. Г.* Ильич, каким я его знал. М., 1970. С. 13–25). Не лучше сложилась ситуация и у М. Н. Лядова. Он получил задание отправиться в Свеаборг на явке в Технологическом институте от члена ЦК РСДРП меньшевика В. Н. Крохмалю. Лядов прибыл в Гельсингфорс, видимо, только 20 июля и через большевика В. М. Смирнова связался с Военной организацией РСДРП, где ему сообщили, что «восстание, наверное, подавлено». В итоге Лядову не оставалось ничего другого, как посоветовать скорее заканчивать восстание, а его организаторов срочно переправить за границу (см.: *Лядов М. Н.* Из жизни партии в 1903–1907 гг. М., 1926. С. 175).
- ⁴⁶ «Винные деньги» (2 коп. в день на человека) выдавались солдатам вместо вина, которое полагалось им по rationу. Выдача их была отменена под предлогом увеличения расходов на питание.
- ⁴⁷ См.: ЦГВИА СССР. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1265. Л. 3.
- ⁴⁸ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 112.
- ⁴⁹ См.: Протоколы... С. 260.
- ⁵⁰ См.: *Цион С. А.* Указ. соч. С. 44; Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 592.
- ⁵¹ Там же. С. 228, 591.
- ⁵² См.: Протоколы ... С. 262.
- ⁵³ Там же. С. 57, 76; ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 236. Отд. II. 1906 г. Д. 2. Ч. 12. Л. 30 об.
- ⁵⁴ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 92.
- ⁵⁵ Там же. С. 261.
- ⁵⁶ ЦГВИА СССР. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1263. Л. 10–10 об.
- ⁵⁷ Протоколы ... С. 76–77.
- ⁵⁸ См.: Протоколы... С. 264. Как вспоминал большевик В. М. Смирнов, многие годы работавший в Гельсингфоре, в рабочем пригороде финской столицы произошло кровавое столкновение между Красной и Белой гвардией, причем на стороне красногвардейцев сражались и русские матросы, переодетые рабочими (Пролетарская революция. 1926. № 1. С. 143).
- ⁵⁹ См.: Протоколы ... С. 77; ЦГАОР. Ф. 102. 7 д-во. Д. 8. Ч. 3. Т. II. Л. 83.
- ⁶⁰ См.: Протоколы ... С. 78.
- ⁶¹ Протоколы ... С. XIX.
- ⁶² Там же. С. 328.
- ⁶³ См.: *Цион С. А.* Указ. соч. С. 55, 59.
- ⁶⁴ ЦГВИА СССР. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1265. Л. 74.
- ⁶⁵ См.: Протоколы ... С. 265.

- ⁶⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 102. 7 д-во. Д. 8. Ч. 3. Т. II. Л. 110.
- ⁶⁷ Письмо было опубликовано в газете «Казарма» 5 сентября 1906 г. и распространялось также Военной организацией РСДРП в Финляндии отдельной листовкой, выпущенной тиражом 2 тыс. экз.
- ⁶⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 102. 7 д-во. Д. 8. Ч. 3. Т. II. Л. 86.
- ⁶⁹ Цит. по кн.: *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте. 1825–1917. М.; Л., 1948. С. 308.
- ⁷⁰ См.: Протоколы ... С. 271.
- ⁷¹ См.: *Соколов В. Н.* Свеаборг. М., 1933. С. 55–56; Красный архив. 1931. Т. 6 (49). С. 144–148.
- ⁷² Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 95–96, 98–99, 103–106.
- ⁷³ См.: *Лядов М. Н.* Указ. соч. С. 175.
- ⁷⁴ Протоколы ... С. 26; Пролетарская революция. 1926. № 1. С. 153–154.
- ⁷⁵ См.: На баррикадах. Л., 1984. С. 113.
- ⁷⁶ Казарма. 1906. 12 авг.
- ⁷⁷ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 107.
- ⁷⁸ Протоколы ... С. 255.
- ⁷⁹ Военные восстания в Балтике в 1905–1906 гг. М., 1933. С. 229.
- ⁸⁰ См.: Там же. С. 124–126.
- ⁸¹ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 118.
- ⁸² Там же. С. 117–118. Характерно, что Столыпин прямо связывал эти планы со сделанным ЦК партии эсеров Кронштадтской военно-революционной организации предложением «атаковать резиденцию государя императора» (Там же. С. 21).
- ⁸³ ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 327. Л. 7.
- ⁸⁴ См.: ЦГВИА СССР. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1197. Л. 3.
- ⁸⁵ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 120.
- ⁸⁶ Там же. 1. С. 121.
- ⁸⁷ ЦГАОР. Ф. 102. Оп. 265. Д. 86. Л. 19.
- ⁸⁸ См.: *Iswoisky A.* Au service de la Russie. Paris, 1937. Vol. 1. P. 333.
- ⁸⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 238. Отд. II. 1906 г. Д. 9. Ч. 1. Лит. А. Л. 10 об.
- ⁹⁰ Вперед. 1906. 2 июня.
- ⁹¹ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 327. Л. 5; Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 116, 118, 119–122; *Иванов С. В.* В Кронштадте, в Архангельске, в Либаве. Из воспоминаний о работе рабочих в военных организациях РСДРП 1904–1907 гг. // Красная летопись. 1922. № 5. С. 319; *Егоров П.* Кронштадтское восстание // Былое. 1917. № 4 (26). С. 90.
- ⁹² Решение об этом принято на заседании Петербургской военной организации РСДРП 19 июля. 21 июля Гусаров, Малоземов и другие члены военной организации были арестованы (см.: *Ахун М., Петров В.* Революционная работа в войсках Петербургского гарнизона в 1905–1906 гг. // Красная летопись. 1925. № 4 (15). С. 56).
- ⁹³ См.: Протоколы ... С. 23.
- ⁹⁴ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 327. Л. 10.
- ⁹⁵ В Центральном военном бюро ПСР Михалевич руководил пропагандистской и агитационной работой. Он участвовал в народническом движении еще с 80-х годов XIX в. Восстание Красноярского гарнизона в декабре 1905 г., позволившее революционерам более чем на месяц захватить власть в городе, которое Михалевич наблюдал лично, убедило его в огромных возможностях армии в революции (см.: *Bushnell J.* Op. cit. P. 159).
- ⁹⁶ ЦГВИА СССР. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1197. Л. 3, 7 об.
- ⁹⁷ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 127–128. Об этих разногласиях рассказала и эсерка Ю. Зубелевич (см.: Кронштадт в 1906 г. Ч. 3. С. 20–25).
- ⁹⁸ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 128.
- ⁹⁹ Там же. С. 123.
- ¹⁰⁰ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 180.
- ¹⁰¹ Аналогичные телеграммы были направлены в Ораниенбаум, Ревель, на крейсер «Память Азова». В ряд городов Финляндии (Перкьярви, Виль-

манstrand, Выборг, Або) ушла 18 июля телеграмма: «У нас торговля началась, начинайте, отправляйте сюда. Ц. Гр.». 20 июля по тем же адресам в Финляндии была дана телеграмма «Торговля закрыта, не открывайте. Ц. Гр.» (См.: Красная летопись, 1922. № 5. С. 186–187). Обращает на себя внимание тот факт, что вопреки достигнутой ранее договоренности об обмене несколькими телеграммами между Свеаборгом и Кронштадтом (сначала «Отец здоров», а затем «Отец болен») в Кронштадт пришла сразу вторая телеграмма. Это вызвало тогда недоумение, но разобраться в сути дела и проверить, нет ли здесь провокации, было уже некогда. Между тем не исключено, что к эпизоду с телеграммой приложила руку охранка.

¹⁰² Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 123–124.

¹⁰³ Цит. по кн.: *Найда С. Ф.* Указ. соч. С. 314.

¹⁰⁴ *Зубелевич Ю.* Кронштадт в 1906 г. Кронштадт, 1917. Ч. 3. С. 51.

¹⁰⁵ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 128.

¹⁰⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 327. Л. 40–41, 48; *Зубелевич Ю.* Указ. соч. Ч. 3. С. 8–12.

¹⁰⁷ *Зубелевич Ю.* Указ. соч. Ч. 3. С. 53–54.

¹⁰⁸ См.: *Егоров Н.* Указ. соч., С. 93.

¹⁰⁹ См.: *Зубелевич Ю.* Указ. соч. Ч. 3. С. 56–57, 63–65; ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 327. Л. 77.

¹¹⁰ Ф. М. Онинко еще в период деятельности Думы бывал в Кронштадте, в частности на военных кораблях, и легально (как депутат), и нелегально при содействии Михалевица (ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 327. Л. 40–41). Он участвовал в Выборгском совещании депутатов-перводумцев, а после его окончания явился на конспиративную квартиру ЦК ПСР близ Выборга и заявил, что не поедет на родину, в Ставропольский край, а хочет работать в военной организации. Члены ЦК ПСР В. М. Чернов, М. А. Натансон и Е. Ф. Азеф направили его в Гельсингфорс, где он встретил представителя Кронштадтской военной организации эсеров «Дмитрия». Присутствовал Онинко и на упоминавшемся выше совещании большевиков и эсеров в Гельсингфорсе в середине июля, когда решался вопрос о совместном выступлении Свеаборга и Кронштадта. После этого совещания состоялась встреча Онинко, «Дмитрия», Циона и капитана Кока, на которой обсуждался вопрос о вооружении красногвардейцев винтовками из арсенала в Свеаборге, десанте в Петербург с участием финских красногвардейцев, а также о сигналах и телеграммах на случай выступления (Там же. С. 53–55).

18 июля именно Онинко получил в Кронштадте телеграмму из Гельсингфорса с условленным заранее текстом («Отец болен»). Он же председательствовал на последнем перед восстанием собрании представителей всех воинских частей Кронштадта утром 19 июля. У Онинко был найден при аресте карандашный план крепости с указанием улиц, площадей, мест расположения флотских экипажей и пехотных частей, здания Морского собрания, арсенала, квартир высших офицеров и т. д. (Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 154). Характерно, что Онинко обращался к М. А. Натансону с просьбой прислать в Кронштадт для руководства восстанием толкового офицера, но Натансон ответил, что у ЦК эсеров нет для этого подходящей кандидатуры (ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 327. Л. 46). Что касается политического руководства восстанием, то известно: Онинко сыграл в нем достаточно видную роль.

¹¹¹ ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 327. Л. 59.

¹¹² Военные восстания в Балтике в 1905–1906 гг. С. 65.

¹¹³ См.: ЦГВИА СССР. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 4196. Л. 6.

¹¹⁴ Там же. Л. 7.

¹¹⁵ Определенное представление о позиции Ф. М. Онинко после роспуска Думы может дать его статья «Письмо из села», опубликованная 14 июля 1906 г. в ставропольской социал-демократической газете «Голос». Статья заканчивалась призывом к борьбе за землю и волю, низложению местных властей и замене их выборными, уничтожению «народных врагов, изменников и насильников», ниспровержению царского правительства и

- созыву Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Онипко призывал народ к отказу от уплаты налогов и отбывания воинской повинности и к «другим решительным действиям», с помощью которых можно будет добиться полной политической свободы, получить всю землю и освободить рабочих, крестьян и солдат от подчинения дворянству (см.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 154; ЦГВИА СССР. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1197. Л. 7 об.).
- 116 Казарма. 1906. № 8.
- 117 Красный балтиец. 1920. № 4. С. 40. Автором воспоминаний был бывший депутат Петербургского Совета рабочих депутатов эсер А. Пискарев, который после того, как депутаты в ожидании суда были выпущены в июле 1906 г. на поруки, прибыл во главе рабочей дружины Московского района Петербурга в Кронштадт и принял участие в восстании.
- 118 Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 125.
- 119 Социалист-революционер. 1910. № 2. С. 201.
- 120 Там же. С. 202.
- 121 Там же. С. 211, 214–215, 217, 220, 222.
- 122 Казарма. 1906. 26 окт.
- 123 Там же.
- 124 Письма славы и бессмертия. 4-е изд. М., 1976. С. 58.
- 125 Там же. С. 60.
- 126 См.: *Найда С. Ф.* Указ. соч. С. 322.
- 127 См.: Военные восстания на Балтике. С. 66–67.
- 128 Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 128–129; Листовки петербургских большевиков. Т. 1. С. 409–410.
- 129 Согласно данным, опубликованным в большевистской военной газете «Казарма» 26 ноября 1906 г., А. И. Коптюх родился в 1886 г. в крестьянской семье на Херсонщине. В юности на него оказал сильное влияние один старый народоволец. Работая в Николаеве на заводе слесарем, Коптюх вступил в 1903 г. в РСДРП и связал свою судьбу с большевиками. Жизнь бросала его по разным районам юга Украины и Крыма. Он был несколько раз ранен, сидел в тюрьме, бежал, несколько месяцев скрывался в Швейцарии. По возвращении на родину работал в Кронштадтской и Петербургской военных организациях РСДРП. Во второй половине мая 1906 г. приехал в Ревель. Здесь пользовался огромной популярностью как прекрасный оратор и опытный организатор. Отличался необыкновенной смелостью, выносливостью и находчивостью.
- 130 См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 200–201.
- 131 Там же. С. 203.
- 132 См.: ЦГИА СССР. Ф. 857. Оп. 1. Д. 1179. Л. 3.
- 133 См.: Революция 1905–1907 гг. в Эстонии. Таллинн, 1955. С. 515.
- 134 Вечером 20 июля на «Риге» была предпринята попытка восстания, но ее быстро пресекли. 56 матросов предали суду (см.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 184–190, 599).
- 135 См. телеграмму царя эстляндскому генерал-губернатору Ползикову (Правительственный вестник. 1906. 29 июля). Телеграмму являлась ответом на переданные царю через Ползикова заверения в том, что верная присяге часть команды была вовлечена в восстание лишь под давлением обстоятельств и всегда сохраняла преданность Николаю II.
- 136 См.: ЦГИА СССР. Ф. 857. Оп. 1. Д. 1179. Л. 5–6, 63–78 об.; *Кардашев Ю. П.* Буревестники. Революции в России и флот. М., 1987. С. 150.
- 137 См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 179.
- 138 См.: Военные восстания в Балтике в 1905–1906 гг. С. 313.
- 139 Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 207–208.
- 140 Там же. С. 598.
- 141 См.: Революция 1905–1907 гг. в Эстонии. С. 481.
- 142 *Шабалин И. А.* Восстание и казнь моряков с «Памяти Азова». Ревель, 1917. С. 19–21. Последняя речь А. И. Коптюха, обращенная к казакам, в различных источниках приводится в разной редакции.
- 143 См.: Протоколы Пятого съезда РСДРП. М., 1935. С. 154–155, 166.
- 144 Там же. С. 167, 307.

¹⁴⁵ См.: Очерки истории Крымской областной партийной организации. Симферополь, 1981. С. 23.

¹⁴⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. Д. 93. Л. 50.

¹⁴⁷ Так, 18 июля П. Н. Милюков предсказывал в «Речи», что новый революционный подъем начнется примерно через месяц, а к зиме народное движение будет в зените. 19 июля начавшееся в Свеаборге восстание вдохновило лидера кадетов на следующее заявление: «Мы стоим перед возможностями, которые трудно предусмотреть». При этом он уверял читателей «Речи», что Свеаборг восстал за восстановление старой Думы и что шансы этого лозунга на успех значительно возросли. Возвращение старой Думы, писал Милюков, было бы самым простым выходом для правительства. Однако уже 21 июля Милюков предрекал в той же «Речи» откровенное наступление правительственной реакции.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН В ПЕРИОД КРИЗИСА

Попытка проведения всеобщей политической стачки и причины ее неудачи

Восстание в Свеаборге, о котором в Петербурге узнали 18 июля, круто изменило всю ситуацию, потребовав от всех революционных партий быстрых и конкретных решений. Восставшим солдатам нужна была немедленная помощь. Поэтому продолжать топтаться на месте, как делал ЦК РСДРП в период с 9 по 17 июля, запутавшись в дискуссиях о формах и лозунгах борьбы, значило бы теперь нанести серьезный удар по самой идее революционного союза народа и армии, пролетариата и крестьянства, за который всегда выступали социал-демократы. Бездействие в такой момент было бы равносильно предательству братьев-солдат, к которым в любой момент могли примкнуть и моряки-балтийцы.

Однако и после 18 июля ЦК РСДРП продолжал действовать крайне неоперативно. Досадные промедления и колебания были допущены и в процессе выработки политических решений, и в ходе их реализации. Напомним, что 18 июля ЦК санкционировал участие социал-демократов в предстоящем Кронштадтском восстании, но о забастовке в поддержку восставших солдат и матросов он пока молчал. 19 июля была сделана попытка созвать новое координационное совещание всех революционных партий и организаций, однако оно не состоялось «по случайным», как объясняли позже меньшевики, причинам¹. Видимо, 20 июля ЦК РСДРП принял, наконец, решение о проведении всероссийской политической забастовки. Призыв к ней был дан в довольно бледной по форме и расплывчатой по содержанию прокламации ЦК, где меньшевики вновь попытались гальванизировать политический труп I Государственной думы.

В этой листовке, точная дата публикации которой нам неизвестна, говорилось: «Рабочие и работницы! Лишенная власти Государственная дума была не в состоянии дать народу свободу, крестьянам землю. Это сможет сделать только всенародное Учредительное собрание, созданное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Лишенная власти Дума убедилась в своем бессилии, как только попыталась перейти от слов к делу, как только сделала первый шаг в сторону народа. Следовательно, заставьте народных представителей идти дальше по той же дороге, заставьте их открыто перейти на сторону восставшего народа. Требуйте от них, чтобы они помог-

народу в его борьбе за власть, чтобы они помогли ему свергнуть правительство палачей, чтобы они взяли власть в свои руки, чтобы на развалинах царского самодержавия немедленно призвали весь народ к избранию своих представителей во всенародное Учредительное собрание. Да здравствует всенародная стачка! Долой царское правительство! Да здравствует всенародное Учредительное собрание, созванное представителями народа!»² Срок начала забастовки в листовке даже не указывался.

В ночь с 20 на 21 июля (это одна из немногих дат, которая указана в источниках точно) состоялось второе за время кризиса координационное совещание революционных партий и организаций — РСДРП, ПСР, Бунда, ППС, Трудовой группы и думской фракции РСДРП. Представители ВКС, СДКПиЛ и Латышской социал-демократии прибыть на эту встречу не смогли. Трудно сказать что-либо определенное и об участии в совещании большевиков. На повестке дня стоял один вопрос — об организации всероссийской политической забастовки.

Сначала за немедленную забастовку на совещании высказались только ЦК РСДРП и комитеты Трудовой группы и думской социал-демократической фракции. Бундовцы считали, что тактически выгоднее было бы начать забастовку позже, но затем под влиянием известий о восстаниях в Свеаборге и Кронштадте и о подготовке к проведению стачки в Петербурге решили поддержать идею всероссийской политической забастовки при условии, что это сделает и большинство других революционных партий и организаций³. ППС высказалась за участие польского пролетариата лишь в демонстративной стачке солидарности, объявленной при этом на строго определенный срок, что мотивировалось введением в Польше военного положения и наличием там до 300 тыс. русских солдат.

Большое значение имела позиция народнических организаций. Трудовики заявили, что начинать движение нужно все же в городах, ибо деревня раскачивается медленно и этот процесс займет там полгода, а то и больше. Если же первыми поднимутся рабочие, то одновременно выступит, по мнению трудовиков, и деревня. В целом же они поддержали ЦК РСДРП. В ходе совещания эсеры тоже сняли свои прежние возражения против забастовки. Этим возражений было три: 1) инициатива выступления должна принадлежать деревне; 2) нужно дать шире развернуться солдатским восстаниям; 3) решение о забастовке целесообразно принимать Совету рабочих депутатов. Однако первый эсеровский довод против стачки был парирован трудовиками, второй — заявлением социал-демократов о том, что нельзя оставить свеаборжцев и кронштадтцев без поддержки народа⁴, третий — указанием на то, что невозможно уйти от решения вопроса о стачке на уровне политических партий, тем более что Петербургский Совет рабочих депутатов неправомочен решать его в масштабах всей страны. В конце концов совещание единогласно решило призвать народ к всероссийской забастовке и вы-

работало на основе проекта ЦК РСДРП текст соответствующего обращения.

Обращение «Ко всему народу!», отпечатанное в типографии ЦК РСДРП, подписали Комитет социал-демократической фракции Думы, Комитет Трудовой группы, ЦК РСДРП, ЦК ПСР, ЦК ППС, ЦК Бунда. В нем говорилось, что восстания в Свеаборге и Кронштадте послужат сигналом к новому всероссийскому натиску на самодержавие, к решительной борьбе за землю и волю. «Не безвластная Дума, а полновластное Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования — вот цель, которую должен себе поставить народ. И не царские министры, а власть, опирающаяся на революционный народ, должна созвать это собрание», — говорилось в воззвании. Революционные партии призывали народ к участию во всенародной забастовке, низвержению царского правительства и поставленных им властей, созданию народного правительства. «Да здравствует всенародная забастовка — первый шаг решительной борьбы за власть народа!» — так заканчивался этот важный документ, в последней фразе которого был, таким образом, слабый намек на то, что предстоящая стачка будет (или, вернее, может) носить характер стачки-восстания⁵.

На том же ночном совещании 21 июля было создано информационное бюро из представителей РСДРП, Бунда, ПСР, ППС, Латышской социал-демократии, думской фракции РСДРП, всероссийских крестьянского и железнодорожного союзов. Их местные организации обязаны были выступать сообща и лишь в случае невозможности соглашения могли действовать по собственному усмотрению. На местах должны были также создаваться объединенные комитеты для работы среди солдат. Революционным организациям рекомендовалось обмениваться сведениями о перемещении воинских частей и имеющихся там нелегальных связях, а также агитационной литературой и людьми для работы среди солдат⁶. Можно смело сказать, что если бы это решение было претворено в жизнь, то практическая реализация идеи «левого блока» поднялась бы на новую, более высокую, чем прежде, ступень. К сожалению, все, о чем договорились тогда революционные партии, осталось только на бумаге.

Таким образом, ночное совещание 21 июля завершило, наконец, затянувшийся почти на две недели процесс выработки революционными партиями и организациями своего ответа на роспуск Думы. При этом жизнь внесла существенные коррективы в их первоначальные планы, ибо события в Свеаборге и Кронштадте окончательно отодвинули в тень бесславно закончивший свое существование первый российский парламент и поставили на повестку дня вопрос о новом всенародном вооруженном восстании против царского самодержавия. Однако условия для его проведения были в июле 1906 г. еще хуже, чем в декабре 1905 г.: не продвинулась вперед военно-техническая подготовка восстания; крестьянство в массе своей было по-прежнему не готово

к вооруженной борьбе; военные восстания на Балтике были быстро подавлены; настроение пролетариата оказалось намного ниже, чем в декабрьские дни. В этих условиях успех объявленной революционными партиями и организациями третьей, после октября и декабря 1905 г., всероссийской стачки пролетариев с самого начала был более чем проблематичен, чего не могли не понимать и сами участники «левого блока».

Естественно, напрашивается вопрос: что делали в этот драматический момент В. И. Ленин, большевистские члены ЦК и ПК РСДРП? К сожалению, сведения об этом более чем скудны и опираются лишь на довольно неопределенные, с точки зрения хронологии, а отчасти и противоречивые воспоминания участников событий, написанные уже в начале 1920-х годов. Видимо, не случайно составители биографии В. И. Ленина не сочли возможным включить в нее приведенные мемуаристами факты, так как проверке они практически не поддаются, хотя и проходить мимо них, видимо, все же не следовало.

Так, член ПК РСДРП большевик Б. С. Перес сообщил, что поздно вечером 19 июля⁷ в людном петербургском ресторане «Вена» состоялась встреча В. И. Ленина с большевистскими партийными работниками, на которой было решено призвать рабочих к стачке-восстанию. Однако буквально через несколько часов в редакции кадетской «Речи» Пересом была получена информация о подавлении Свеаборгского восстания, заставившая Ленина пересмотреть это решение («бить отбой», как писал Перес)⁸.

И. А. Теодорович, поддерживавший в июльские дни 1906 г. связь между Петербургским комитетом РСДРП и В. И. Лениным, вспоминал, что известия из Свеаборга побудили большевиков провести через Исполнительную комиссию ПК решение организовать во всех районах столицы на конспиративных квартирах круглосуточные дежурства, чтобы в любой момент можно было поднять рабочих на забастовку⁹. 20 июля Теодорович сообщил Ленину о восстании в Кронштадте. «Владимир Ильич,— вспоминал он,— нашел, что события так разрастаются, что требуют немедленного нашего вмешательства, и восстание важнейших частей армии и флота нужно поддержать забастовкой»¹⁰. Таким образом, задержка информации о подавлении восстания в Кронштадте вновь воскресила надежды большевиков на возможность перехода к решительным действиям.

Современного читателя может удивить, каким образом петербургские большевики могли не знать, что происходило 20 июля в Кронштадте, расположенном недалеко от столицы. Однако не нужно забывать, что сообщения о подавлении восстания попали в печать не ранее 21 июля, а выезд из крепости и въезд в нее были запрещены. Не случайно петербургские большевики в одной из своих листовок с анализом причин неудачи июльской забастовки указывали, что в течение нескольких дней у них не было никакой возможности определить исход военных восстаний¹¹.

Наконец, В. И. Невский вспоминал, что 20 июля Петербургский комитет РСДРП принял решение объявить всеобщую стачку в Петербурге, которая и началась с полудня 21 июля¹². Выступая на V съезде РСДРП, член Петербургского комитета Г. Е. Зиновьев разъяснил позицию Комитета в период июльского политического кризиса. Он рассказал, что сначала Комитет решительно и категорически высказался против всяких немедленных выступлений, а затем под влиянием событий в Свеаборге и Кронштадте отступил от своей старой позиции, причем огромную роль здесь сыграл фактор партийной дисциплины, требовавшей подчинения ЦК. «Центральный комитет, — подчеркнул Зиновьев, — официально объявил нам накануне забастовки, что им разосланы по всей России товарищи с распоряжением немедленно начать выступления (забастовки и, где можно, восстания). Центральный комитет категорически настаивал на единстве действий, он требовал от нас выступления»¹³.

Сохранились две листовки Петербургского комитета с призывом к забастовке. Одна из них была отпечатана, видимо, до объявления стачки, вторую Г. М. Деренковский датирует вечером 21 июля, ибо в ней говорится уже о начале забастовки. В первой листовке большевики призывали рабочих поддержать восставший Свеаборг (о Кронштадте здесь еще не упоминается). «Пусть наша дружная борьба поднимает солдат и крестьян во всей России на отчаянный и решительный бой с царским правительством, бой за землю для крестьян, за свободу для всего народа», — говорилось в прокламации¹⁴.

Во второй листовке большевики ставили вопрос о поддержке восстаний в Свеаборге и Кронштадте, а также финской Красной гвардии в Гельсингфорсе. Однако общая тональность этой прокламации уже существенно иная. Большевики рекомендуют здесь не раздражать армию враждебными действиями и предупреждать возможные провокационные акции властей, способные натравить солдат на рабочих. В листовке уже не говорится ни о наступлении «решительного дня борьбы», ни об «отчаянном и решительном бое». Таким образом, вопрос о стачке-восстании во второй листовке был по существу снят. Не случайно она заканчивается призывами: «Долой самодержавие! Да здравствует революционная армия! Да здравствует всеобщая забастовка! Да здравствует Учредительное собрание!»¹⁵

В ходе забастовки и после ее окончания меньшевики распространяли слухи о том, что большевики якобы не только не помогали организации стачки, но даже противодействовали ей¹⁶. Однако воспоминания большевиков В. И. Невского и И. А. Теодоровича, которые сами агитировали рабочих за стачку¹⁷, решительно опровергают эту версию.

В организацию забастовки включились и Советы депутатов, вновь возникшие в Петербурге в июле 1906 г. Позволим себе в этой связи небольшое отступление от основной линии нашего рассказа. Дело в том, что идея воссоздания в столице Совета воз-

ника еще в мае 1906 г., когда ЦК РСДРП приступил к организации совещаний представителей петербургских рабочих с рабочими депутатами Думы, причем заговорили об этом сами пролетарские массы. Настроения в пользу проведения новых выборов в Совет заметно усилились в июне, чему в немалой мере способствовало приближение суда над руководителями первого Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г. во главе с Г. С. Хрусталевым-Носарем и Л. Д. Троцким. Активно поддерживали лозунг воссоздания Совета эсеры. 30 июня 1906 г. их Петербургский комитет принял решение обратиться к рабочим с призывом приступить к выборам депутатов, мотивируя это насущной потребностью в создании «авторитетного организационного центра, который объединил бы всех петербургских рабочих и который был бы в состоянии руководить массой как в мирное, так и в боевое время»¹⁸. Аналогичную идею высказал и Хрусталев-Носарь, выступивший со статьей «Быть или не быть новому Совету рабочих депутатов»¹⁹.

Большевики на первых порах не поддерживали этот план. В отличие от меньшевиков и эсеров, они подчеркивали чисто «боевое значение этого рода организации» и на заседании Петербургского комитета РСДРП 21 июня сочли нужным даже предостеречь рабочих от немедленного образования Совета, назвав эту идею «провокационной»²⁰. Отвечая Хрусталеву-Носарю, Ленин в статье «Об организации масс и выборе момента борьбы» (4 июля 1906 г.) также заявил, что до тех пор, пока нет массового забастовочного движения и тем более условий для вооруженного восстания, создавать Советы было бы преждевременно²¹.

Думается, однако, что большевики были в данном случае неправы. Дело в том, что процесс создания Советов неизбежно должен был растянуться во времени и задержка с проведением выборов депутатов могла привести (и действительно привела)²² к организационному параличу этих организаций в момент решающих событий. Поэтому заблаговременное создание Советов в преддверии кризисной ситуации дало бы революционерам ряд неоспоримых, на наш взгляд, преимуществ, которых они лишились затем из-за своего доктринерства и организационной неповоротливости. Можно предположить, что налицо был известный рецидив тех «антисоветских» настроений, которые возникли в октябре — ноябре 1905 г. у части петербургских большевиков во главе с членом ЦК А. А. Богдановым и были погашены только благодаря вмешательству вернувшегося из эмиграции Ленина. Известную роль в несколько настороженном отношении некоторых большевиков-комитетчиков к Совету могли сыграть также и чисто фракционные соображения (поддержка идеи выборов меньшевиками и эсерами), а также неприятные воспоминания о событиях 1905 г., когда большевики оказались в первом Петербургском Совете рабочих депутатов в меньшинстве.

Роспуск Думы и начало нового политического кризиса в стра-

не побудили большевиков изменить свою позицию. 12 июля ПК РСДРП предложил обсудить вопрос о Совете рабочих депутатов на районных партийных собраниях, а 15 июля рекомендовал всем партийным работникам столицы тот организационный план воссоздания Советов, который был выработан в Невском районе города. Он предусматривал выборы низовых, фабрично-заводских ячеек Советов, районных Советов (из расчета один депутат от 500 рабочих или от одного небольшого предприятия) и городского Совета. Последний должен был состоять из двух—пяти депутатов от каждого района и представителей от революционных партий, ВКЗ, Почтово-телеграфного союза и других аналогичных союзов и организаций, получавших право совещательного голоса²². В тот же день, 15 июля, листовку с призывом к созданию Советов выпустили петербургские эсеры²³.

В некоторых районах Петербурга Советы начали функционировать 15—16 июля 1906 г. Так, 15 июля депутаты от Выборгского и Петербургского районов столицы приняли резолюцию с призывом готовиться к всероссийской политической забастовке, но предлагали начать ее «лишь после того, как крестьянство и армия будут готовы протянуть руку помощи»²⁴.

Хорошо помня уроки октябрьских и декабрьских дней 1905 г., Департамент полиции разослал 17 июля по городам страны специальный циркуляр, требовавший всеми мерами воспрепятствовать созданию Советов «ввиду серьезного их значения»²⁵. Однако широкого развития движение за воссоздание Советов рабочих депутатов в июле 1906 г. не получило. Оно дало некоторые практические результаты лишь в Петербурге и Москве, было отмечено в Киеве²⁶. Новые Советы уже не имели той силы и значения, как их предшественники в конце 1905 г., и быстро прекратили свое существование. Тем не менее они сыграли определенную роль в проведении всеобщих политических стачек в Петербурге и Москве в июле 1906 г.

В Центральном партийном архиве сохранился очень интересный документ — проект обращения Петербургского Совета рабочих депутатов с призывом к всеобщей политической забастовке, написанный членом ПК РСДРП большевиком И. П. Гольденбергом (Мешковским)²⁷. Он датируется архивистами 21—23 июля 1906 г., но, по всей видимости, был написан не позже 21 июля, так как в нем говорится, что Совет назначает на пятницу (21 июля) в 12 час. дня всеобщую политическую забастовку. Здесь же сообщалось о том, что выборные от заводов и фабрик объявляют себя Советом рабочих депутатов г. Петербурга. Норма представительства — один депутат от 500 рабочих. Поскольку решительный бой с царизмом требует «средоточия и единства всех революционных сил», в Совет, помимо выборных от заводов и фабрик, входят представители крупнейших, насчитывающих не менее тысячи членов, профсоюзов столицы, а также всероссийских железнодорожного, почтово-телеграфного и крестьянского союзов, РСДРП и партии эсеров.

В обращении подчеркивалось, что пролетариат уже не одинок в своей борьбе. На глазах растет и крепнет боевой союз революционных рабочих и крестьян, которые тоже организуют свои стачечные комитеты и Советы крестьянских депутатов. Брожением охвачена армия, о чем красноречиво свидетельствуют восстания в Свеаборге и Кронштадте. «Настал момент поддержать армию, поднимающуюся на борьбу за свободу. Россия ждет, чтобы поднялся Петербург. Мы нашим выступлением укрепим борющихся, поднимем сомневающих и колеблющихся. Пусть наш пример втянет в решительный бой и городскую бедноту, и крестьянство, и армию! Перед боевым союзом всех сил народа не устоят проклятому самодержавию. Народ встает на борьбу за власть, — и он победит! Да здравствует всеобщая политическая забастовка! Да здравствует боевой союз революционных сил народа! Долой самодержавие! Да здравствует всенародное Учредительное собрание!»²³.

В субботу 22 июля удалось, наконец, созвать намечавшееся ранее заседание Исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов, который и взял на себя практическое руководство стачкой в столице. 22—23 июля в Териоках, состоялось широкое совещание, в котором участвовали делегаты от всех районов Петербурга, представители Центральных и Петербургских комитетов РСДРП и ПСР, а также Центрального бюро профсоюзов. На нем было принято обращение к гражданам столицы²⁴, в котором, в частности, указывалось, что военные восстания в Свеаборге, Кронштадте, Брест-Литовске, Дешлагаре знаменуют вступление передовых частей армии и флота в революционную борьбу, причем подавление этих выступлений солдат и матросов еще не означает поражения революции в целом. «Пусть наша забастовка, — говорилось в обращении, — свяжет в неразрывный боевой союз революционный пролетариат с революционной армией и крестьянством. Пусть наша забастовка даст *мощный толчок всероссийскому движению* (курсив авт.—С. Т.). Пусть будет она сигналом к той великой борьбе, в которой народ завоеует себе свободу, добьется Учредительного собрания». Исполком Совета призывал петербургских рабочих продолжать стачку и умножать ряды ее участников, ссылаясь при этом на обращение революционных партий и организаций от 21 июля.

Судьбу июльской стачки в Петербурге во многом решало настроение рабочих масс. Очевидцы событий сходятся в том, что оно было достаточно пестрым и мало напоминало то единодушие, с которым выступал пролетариат Петербурга в октябре или московские рабочие — в декабре 1905 г. Так, корреспондент большевистской газеты «Пролетарий» отмечал, что в Московском районе Петербурга все предприятия остановились 21 июля в течение какого-нибудь часа. «Самые широкие слои рабочих Московской заставы были воодушевлены идеей *решительной битвы за всенародное Учредительное собрание*». Огромное большинство их и после окончания стачки сохраняло бодрое настроение, говоря:

«Хоть завтра назначай новую забастовку, пойдем на борьбу, если только выступление будет общее, всероссийское». Сразу же после получения директивы партийного центра остановились многие заводы на Васильевском острове. В Городском районе рабочие тоже активно включились в забастовку, но после ее окончания заявляли, что считают частичную борьбу вредной и губительной и «вразброд» действовать больше не желают. В то же время в Нарвском районе корреспондент «Пролетария» отмечал крайне отрицательное отношение рабочих к забастовке, ее преждевременность и недостаточную подготовленность³⁰. О том, что забастовка началась недружно, писал в своих воспоминаниях и В. С. Войтинский³¹.

Меньшевики в письме ЦК РСДРП к партийным организациям № 5 с анализом итогов и уроков июльской стачки отмечали, что к ней сразу же примкнули те слои рабочих, которые не участвовали в октябрьских и декабрьских забастовках 1905 г., и даже те, которых раньше причисляли к черносотенцам. Так, работу бросили самый отсталый мартеновский цех Путиловского завода, рабочие резинового завода, сахарного завода Кенига, 10 тыс. строителей, пороховые заводы. К ним примкнули солдаты Ижорского полка, отказавшиеся нести караульную службу. Забастовали конка и 2 тыс. извозчиков.

Однако рабочие главных казенных заводов — Семянниковского, Обуховского, Балтийского, а также основная часть путиловцев отказались бастовать. У части рабочих появилось нервное, раздраженное настроение. Строители, например, говорили: «Теперь вы нас не вызовете на политическую забастовку. Если захотят, чтобы мы бастовали, пусть „металлические“ приходят нас снимать»³². Многие рабочие говорили, что после опыта декабрьских событий 1905 г. они согласны только на решительную боевую забастовку. А условием ее проведения они считали участие железнодорожников и отчасти движение в деревне. Железнодорожники же ввиду репрессивных мер царских властей (карательные поезда стояли наготове) заявляли, что вступят в движение последними, в самый критический момент. В конечном итоге меньшевики вынуждены были признать, что заводские рабочие в общем поддержали позицию большевиков, говоря, что нужно готовиться к будущему решительному бою³³.

А вот что говорилось в перлюстрированном полицией письме из Петербурга от 24 июля: «Уже третий день всеобщей забастовки, а массы еще не знают даже, для чего бастовать, во имя каких лозунгов, сколько бастовать и т. д., причем крупные заводы не хотят присоединяться, так что „всеобщая“ забастовка только на словах. У всех тяжелое чувство, все видят, что дело кончится скверно, что через 2—3 дня все станут на работу... Во всяком случае революции теперь будет нанесен сильный удар, хотя и правительством выйдет помятым из боя»³⁴.

Крайняя неясность обстановки ставила партийных работников, непосредственно общавшихся с рабочим, в очень трудное

положение. Те, кто готовы были держать курс на перерастание стачки в восстание, вынуждены были «темнить» в рабочих аудиториях, ибо чувствовали, что масса явно не готова в данный момент к решительному бою. Более «здравомыслящие» и осторожные агитаторы придерживались мнения, что бастующие должны ограничиться лишь выражением протеста против карательной политики правительства, и недвусмысленно давали понять, что чем скорее стачка закончится, тем лучше. Что же касается петербургских эсеров, то многие из них, несмотря на решение своих руководящих центров, тормозили проведение июльской забастовки, разжигали недовольство рабочих социал-демократами и переманивали их в эсеровские организации.

Большинство петербургских рабочих не откликнулось на призыв революционных партий к забастовке, а известия о безжалостном подавлении восстаний в Свеаборге и Кронштадте еще более понизили их настроение. Столица была наводнена войсками, патрулирующими улицы города. По ночам часто вспыхивали пожары, увеличилось количество грабежей и убийств. Обстановка была нервной, тревожной.

Но, несмотря на то, что всеобщей стачки в Петербурге в июле 1906 г. явно не получилось, масштабы ее — по меркам второго этапа революции — были достаточно впечатляющими. В справке Петербургского охранного отделения от 25 июля были приведены следующие данные о числе забастовщиков на промышленных предприятиях³⁵.

До 21 июля были закрыты администрацией по случаю забастовок семь фабрик и заводов с числом рабочих 5400 чел. Забастовали до 21 июля семь фабрик и заводов с числом рабочих 2316 человек. Итого 7716 человек. 21 июля забастовали на 83 фабриках и заводах 40159 человек, 22 июля забастовали на 41 фабрике и заводе 18280 человек. Итого — 58 439 человек.

24 июля забастовали на 11 фабриках и заводах 8255 человек и одновременно приступили к работе на 23 фабриках и заводах 14 190 человек.

Всего на 24 июля не работали вместе с забастовавшими и локаутированными до 21 июля рабочими 60 220 человек.

25 июля бастовали рабочие 86 фабрик и заводов (40 408 человек).

Кроме того, бастовали рабочие городской конки, трамвая, Финляндского пароходства, Ириновской железной дороги.

По подсчетам ленинградских историков, в июльской стачке в Петербурге участвовали 70,5 тыс. рабочих с 361 промышленного предприятия³⁶. Широко распространена в литературе и цифра 80 тыс. стачечников, включающая в себя наряду с фабрично-заводскими рабочими строителей, транспортных рабочих, приказчиков и т. д.

Неудача забастовки и утрата перспективы перевода ее в вооруженное восстание побудила революционные партии и организации на пятый день стачки призвать рабочих к ее окончанию.

25 июля по инициативе большевика И. А. Теодоровича Исполком Петербургского Совета рабочих депутатов обратился к рабочим с призывом временно прекратить забастовку, чтобы вновь выступить в благоприятный момент вместе с железнодорожным пролетариатом и революционным крестьянством на борьбу с царизмом, за полное народовластие, за всенародное Учредительное собрание. Решение было принято 20 голосами против 15³⁷. В тот же день Петербургский комитет эсеров также призвал рабочих приостановить забастовку и ждать от Совета сигнала к новому выступлению, когда «российский пролетариат одновременно и рука об руку с трудовым крестьянством и революционными солдатами и матросами выступит и добьет своего злейшего врага»³⁸.

ПК РСДРП, арестованный по доносу провокатора 23 июля на заседании близ станции Удельная³⁹, собрался в новом составе не ранее 25, а затем 28 июля. Характерно, что, несмотря на окончание стачки, он решил продолжить работу по формированию районных и общегородского Совета рабочих депутатов путем прямых выборов (один депутат районного Совета от 500 рабочих, городского — от 5000 рабочих). Были избраны также два члена ПК для переговоров с эсерами по вопросу об образовании Совета рабочих депутатов⁴⁰. Однако осуществить эти решения в условиях наступления реакции большевики уже не смогли.

В итоге 26 июля 1906 г. забастовка в Петербурге в основном была завершена. 27 июля не работали 8166 рабочих⁴¹ с тех предприятий, где продолжались экономические забастовки или были проведены локауты.

Еще одним центром июльской политической забастовки стала Москва — «вторая столица» России, крупный промышленный центр, где было более 400 тыс. рабочих. Московская организация РСДРП насчитывала в мае примерно 5100 членов, в том числе 3 тыс. большевиков, причем объединение социал-демократов произошло здесь сравнительно поздно — 8 мая 1906 г.⁴² В Москве традиционно было сильно влияние большевиков, которые вели активную революционную работу, включая и подготовку нового вооруженного восстания⁴³. Что касается эсеров, то их было в Москве около 2 тыс. человек⁴⁴.

21 июля в Москву прибыл член ЦК РСДРП меньшевик П. Н. Колокольников и сообщил о решении ЦК начать забастовку. В тот же день с участием Колокольникова состоялось экстренное заседание девяти членов МК РСДРП, которые единогласно решили в случае объявления политической забастовки в Петербурге немедленно призвать московских рабочих к аналогичному выступлению. Было решено также приступить к выборам в Совет рабочих депутатов. При этом МК установил нормы представительства в Совете от различных предприятий, профсоюзов и безработных, а также от РСДРП, ПСР, ВРС, ВЖС, Почтово-телеграфного союза. Одновременно ставилась задача вернуть усиленную агитацию в деревне (этой работой должен

был руководить Совет рабочих депутатов при участии Московского окружного комитета РСДРП) и в войсках Московского гарнизона. Было решено (правда, шестью голосами против трех) призвать солдат к немедленным и решительным действиям. Это решение было отпечатано на гектографе тиражом 800 экз. и распространено по городу⁴⁵.

22 июля в Москве стало известно о начале забастовки в Петербурге. Верные своей традиции решать важнейшие вопросы партийной жизни как можно более демократическим путем (вспомним, как принималось решение о Московском вооруженном восстании в декабре 1905 г., когда фактически проводилось нечто вроде партийного референдума), московские социал-демократы созвали в ночь с 22 на 23 июля общегородскую конференцию РСДРП. На ней 103 голосами против 21 при 17 воздержавшихся было решено присоединиться к забастовке питерского пролетариата под лозунгом созыва Учредительного собрания революционным путем. При этом московские социал-демократы хорошо понимали, что говорить о стачке-восстании теперь уже бесполезно. Поэтому было решено придать стачке мирный характер, не допуская столкновений рабочих с войсками и каких-либо насильственных действий. Водопровод и пекарни, снабжавшие население черным хлебом, должны были продолжать работу. Что касается почты, телеграфа и железных дорог, то на их участии в забастовке социал-демократы не настаивали, учитывая сложность положения из-за возможных правительственных репрессий⁴⁶.

Забастовку в Москве начали утром 24 июля рабочие металлургического завода братьев Гужон и машиностроительного завода Вейхельта, котельного завода Бари и машиностроительного завода братьев Бромлей. С полудня прекратили работу все типографии. На следующий день стачка пошла вширь. К вечеру бастовали механические и чугунолитейные заводы, несколько текстильных фабрик (хотя в целом текстильщики отнеслись к стачке довольно индифферентно), ряд предприятий легкой и пищевой промышленности. Всего, по сообщению старшего фабричного инспектора Московской губ., бастовали около 200 предприятий, на которых было занято более 30 тыс. рабочих⁴⁷. Однако подсчет этот был далеко не полным. По данным либеральной газеты «Русское слово» со ссылкой на «рабочие сферы», 24 июля в Москве бастовали 54 тыс. чел., а вместе с трамвайщиками и печатниками — около 80 тыс. чел.⁴⁸ Но нужно учитывать, что многие средние и мелкие предприятия бастовали по полдня и даже меньше.

Из того же отчета старшего фабричного инспектора мы узнаем и о настроениях московских рабочих. Расходясь в первый день забастовки с пением революционных песен и красными флагами со своих заводов и фабрик, они говорили, что «забастовка чисто политическая, что лозунгом ее является требование созыва прежней Думы с тем, чтобы она выработала основания для Учредительного собрания, что они попытаются поддержать на-

чавшуюся в Петербурге забастовку, может быть, удастся перевести ее во всеобщую, распространить и на железные дороги». Рабочие предполагали продержаться не менее двух недель, но некоторые из них сомневались в том, что забастовка будет всеобщей, и предсказывали скорый ее конец. Как пишет тот же старший фабричный инспектор, всеобщая забастовка распространялась вяло. Многие рабочие примыкали к ней неохотно, ссылаясь на решение Совета рабочих депутатов или на чувство товарищеской солидарности. Женщины-работницы были против стачки. Подводя итог своим наблюдениям, инспектор пишет: «Видно было с самого начала, что забастовка скоро прекратится, что между рабочими нет такого единодушия и подъема, которые заметны были осенью прошлого года. Поскольку можно судить по словам рабочих, по-видимому, и среди руководителей стачки не было полного единодушия, существовало мнение о несвоевременности всеобщей забастовки. По-видимому, и Совет рабочих депутатов составилась наскоро, без достаточных полномочий и достаточного авторитета, так как на многих фабриках теперь (28 июля — С. Т.) нет депутатов»⁴⁹.

К выборам в Советы московские рабочие приступили еще в середине июля. Так, 14 июля состоялось собрание 2 тыс. рабочих Немецкого и Рогожского районов Москвы, на котором после речей социал-демократов и эсеров было решено приступить к созданию Советов рабочих депутатов⁵⁰. Первое заседание городского Совета в составе 137 депутатов состоялось 24 июля⁵¹. На нем был избран Исполком и принято решение избегать столкновений с войсками.

Валый ход забастовки предопределил и ее быстрое окончание. После того, как член ЦК РСДРП меньшевик Л. М. Хинчук привез 26 июля известие о том, что забастовка в столице заканчивается, МК РСДРП принял аналогичное решение и для Москвы. 27 июля после обеда работали все московские предприятия, кроме нескольких фабрик, уже давно бастовавших по экономическим причинам. Неудачу забастовки фабричная инспекция объясняла тем, что рабочие, особенно на Пресне, еще хорошо помнили о поражении Декабрьского восстания 1905 г., а также репрессиями (многочисленные аресты и высылка из Москвы) и запретом властей платить забастовщикам под угрозой закрытия предприятий на основании положения о чрезвычайной охране. Однако подлинной причиной быстрого прекращения стачки было то, что она с самого начала носила чисто демонстрационный характер и не пользовалась поддержкой рабочих.

В связи с окончанием забастовки в Москве МК РСДРП выпустил листовку, в которой воспроизводилась резолюция МК с оценкой этого выступления. В ней отмечалось, что момент для всенародного выступления был выбран неудачно, однако срыв забастовки нельзя рассматривать как поражение всей революции. Специально подчеркивалось, что москвичи не могли не примкнуть к забастовке, начатой в Петербурге⁵². В конце июля МК РСДРП

выпустил еще одну листовку под названием «Правительство радуется», где подчеркивалось, что хотя июльская забастовка и не достигла цели, но считать ее бесполезной не следует. Да и как иначе могли действовать московские рабочие, когда на борьбу поднялись солдаты и матросы, которых в свою очередь поддерживали пролетарии Петербурга? Увидев намерение правительства задуть народ, пролетариат, как верный часовой на посту, поднял тревогу, призвал следить за врагом и дать ему отпор. Правда, сигнал, который петербургские и московские рабочие дали своими выступлениями народу, оказался преждевременным. Время для всенародного восстания еще не наступило. Но сигнал был услышан в Риге, Астрахани, Одессе, Харькове. Что касается всенародного восстания, то день его недалек. И не надо смущаться радостью врагов. «Наша победа впереди! Держите же высоко ваше знамя, никогда не опуская его!»—писали московские большевики⁵⁴.

Одновременно с Москвой ЦК РСДРП сделал попытку поднять на забастовку и другие пролетарские центры — ведь стачка мыслится как всероссийская. 21 июля 1906 г. один из членов ЦК РСДРП, видимо П. Н. Колокольников, встретился с представителем большевистского Областного бюро социал-демократических организаций Центральной России. Бюро немедленно оповестило о призыве ЦК к забастовке местные партийные организации Центрального района, отправив в наиболее важные пункты специальных агентов.

На места сообщили, что главной целью забастовки является воздействие на крестьянство и армию и что она должна проводиться немедленно. Рекомендовалось также создавать широкие Советы рабочих депутатов и другие беспартийные организации, привлекая в них представителей крестьян и солдат. Среди последних большевики советовали распространять воззвание трудящихся и думской фракции РСДРП к армии и флоту. Подчеркивалось, что действиям революционных воинских частей необходимо придавать наступательный характер. Из конкретных действий были признаны целесообразными истребление реакционного офицерства, создание ротных, батальонных и полковых солдатских комитетов, захват складов с оружием и вооружение рабочих и крестьян. В деревне рекомендовалось распространять «левоблжистский» манифест «Ко всему российскому крестьянству», создавать агитационные группы из рабочих, организовывать крестьянские комитеты, призывать к захвату земли, бойкоту помещиков, отказу от уплаты налогов и отбывания воинской повинности. В случае начала восстания в городах следовало направлять туда крестьянские вооруженные отряды для поддержки рабочих. Местным организациям было дано разъяснение, что следует избегать конфликтов с эсерами и поэтому агитацию в деревне лучше вести от имени беспартийных Советов рабочих депутатов и других аналогичных организаций.

Обстановка на местах не благоприятствовала, однако, про-

ведению директивы ЦК в жизнь, так как крестьянство было занято полевой страдой, а рабочие не обнаруживали готовности к немедленному выступлению. Поэтому почти все местные комитеты РСДРП Центральной России высказались против проведения забастовки в данный момент. Так, Московский окружной комитет партии заявил, что «время для объявления всеобщей забастовки выбрано неудачно, а порядок ее объявления служит наилучшей гарантией ее неуспеха». Курский комитет РСДРП признал призыв ЦК к забастовке «крупной политической ошибкой». Несвоевременность забастовки отмечали также Воронежская, Иваново-Вознесенская, Костромская, Тульская, Нижегородская и другие партийные организации⁵⁴.

26 июля в Москву прибыл член ЦК РСДРП с официальным сообщением, что стачка в столице закончена, но что директива о необходимости хотя бы частичных выступлений на местах остается в силе. Однако Областное бюро своей властью отменило эти выступления, допуская их лишь для крестьян. Не по-меньшевистски решался на местах и вопрос о лозунге выступления. Курская, Калужская, Московская городская организации выдвинули лозунг Учредительного собрания, созываемого революционным путем, Московская окружная — связывала созыв Учредительного собрания с созданием Временного революционного правительства, а Костромская окружная — вообще выразила недоверие ЦК⁵⁵.

В итоге июльская забастовка не приняла всероссийского характера и закончилась неудачей. Официальная статистика зафиксировала в июле 168,7 тыс. забастовщиков. 74,7 тыс. из них бастовали по экономическим мотивам, причем полного или частичного удовлетворения своих требований добились 49,3 тыс. человек. В политических стачках участвовали 94 тыс. рабочих⁵⁶. С учетом всех категорий рабочих и в масштабах всей страны эти цифры были значительно больше, хотя точных подсчетов на сегодняшний день мы не имеем.

Из июльских экономических забастовок можно выделить стачки на Бакинских и Грозненских нефтепромыслах, в южном горно-промышленном районе, в Риге, на Нарвской и Кренгольмской мануфактурах в Эстонии и ряде других предприятий. Прошли успешные забастовки портовых рабочих и судовых команд в Таганроге и Ростове-на-Дону⁵⁷.

26—28 июля в Астрахани состоялась десятитысячная забастовка, в организации которой участвовали местный меньшевистский комитет РСДРП и профсоюзы. Как сообщал начальству астраханский полицмейстер, стачка имела «политическую подкладку» и была проведена по распоряжению «Центрального революционного комитета»⁵⁸, т. е. ЦК РСДРП. Подтолкнули рабочих к забастовке и слухи о возможном закрытии профсоюзов (24 июля по городу было расклеено объявление губернатора с предупреждением о том, что по отношению к забастовщикам примут самые решительные меры, а их профсоюзы будут закрыты)⁵⁹. Обстановка в городе была напряженной: в ночь на

18 июля на улицах было расклеено Выборгское воззвание, а утром на рабочей бирже неизвестные раздавали прокламации с призывом к вооруженному восстанию⁶⁰. Еще до начала всеобщей стачки в Астрахани бастовали портовые грузчики, чернорабочие и рабочие некоторых других профессий. Затем к ним присоединились электростанция, заводские рабочие, бондари, трамвайщики. Однако руководители стачки, в том числе большевики Б. Г. Бабалов, А. Н. Жустов, А. Д. Пospelов и др., были арестованы⁶¹. Власти приняли меры к скорейшему прекращению забастовки и добились успеха.

Таким образом, призыв ЦК РСДРП и других революционных партий не встретил поддержки со стороны рабочих. Быстрый разгром Свеаборгского и Кронштадтского восстаний, а затем неудача всеобщей стачки в Петербурге и Москве дискредитировали саму идею забастовки, которая распалась на ряд разрозненных выступлений и не приняла сколько-нибудь ярко выраженного политического характера. Не было сделано и никаких реальных шагов по переводу стачки в восстание. В итоге июльские стачки 1906 г., сыграв известную положительную роль в борьбе пролетариата с самодержавием и буржуазией, не стали переломным рубежом в процессе развития революции и не послужили сигналом к ее новому подъему.

Крестьянское движение

Неотъемлемой составной частью июльского политического кризиса стало крестьянское движение. 682 выступления — таково далеко не полное число крестьянских волнений в июле 1906 г., выявленных советскими историками⁶². Это было несколько меньше, чем в июне, но в три раза больше, чем в августе 1906 г. Правда, некоторые современники описываемых событий ожидали после роспуска Думы чуть ли не новой пугачевщины⁶³, но и то, что произошло в действительности, заставило буквально трепетать помещиков во многих районах страны. В июне—июле 1906 г. аграрное движение достигло второго, после последнего квартала 1905 г., пика в своем развитии, еще раз показав, сколько ненависти накопилось у крестьян к своим бывшим господам, а у тех — страха и злости на мужиков. Недаром уездный предводитель дворянства из Тамбовской губ. В. М. Петрово-Соловово по свежим следам июльских событий писал П. А. Столыпину, что по отношению к бунтующим крестьянам нужно поступать без всякой пощады и милосердия, наказывая бунтовщиков вплоть до казни на глазах всего населения и насильственно выселяя «смутьянов» в другие районы страны⁶⁴.

Вот как описывал настроение крестьян Киевской губ. в начале августа 1906 г. автор одного из писем, перлюстрированных полицией. «Настроение в деревне после роспуска Думы сильно приподнятое. Оно захватило и те элементы, которые до сих пор стояли в стороне и по темноте своей сторонились от всего ново-

го. Негодование против правительства огромно. Царя поносят самыми скверными словами... Все пропитано сознанием неизбежности вооруженного восстания». В одном селе собрали на оружие 500 руб., в других — по 200—300 руб. «Село представляет из себя сухой стог сена, куда нужно только бросить малейшую искорку, чтобы он занялся со всех сторон». Автора письма поражал также высокий уровень социального развития крестьян: они получали газеты, читали книги, имели кооперативную лавку, среди них было много атеистов⁶⁵.

Интересный материал о настроении широких крестьянских масс различных губерний Европейской России приводился на упоминавшемся выше кадетском совещании в Москве 2—3 августа 1906 г. Многие выступавшие отмечали негодование крестьян по поводу роспуска Думы. Так, в Калужской губернии, где крестьяне и раньше были настроены довольно радикально (на полях во время работ нередко можно было услышать Марсельезу), роспуск Думы был встречен с большим озлоблением. Отмечались многочисленные случаи демонстративного выхода из церкви при чтении царского манифеста, а самого царя называли Николаем кровавым. Выборское воззвание крестьяне считали весьма умеренным ответом на действия правительства, ибо население ждало призыва к аресту всех существующих властей и выборам новых. В некоторых деревнях начался бойкот водки. В Воронежской губ., с весны 1906 г. охваченной крупными аграрными волнениями, роспуск Думы «вынес смертный приговор идее царизма в парод». Озлобление крестьян и антидинастические настроения наблюдались в Полтавской и Черниговской губ., а на Могилевщине из каждых семи крестьян пять высказывались за республику⁶⁶.

Довольно бурно реагировало на роспуск Думы и охваченное неурожаем Поволжье. Самарское крестьянство приняло царский манифест со злобой, а Выборгское воззвание разошлось более чем в 100 тыс. экз., хотя его и считали недостаточно радикальным. Всеобщее озлобление и падение престижа царской власти отмечалось в Астраханской, Симбирской, а частично и в Нижегородской губ. Упали монархические настроения среди крестьян Казанской губернии⁶⁷.

В Таврической губ. крестьяне решили начать самостоятельное движение в духе Выборгского воззвания, в первую очередь бойкот винной монополии. Отказ от уплаты налогов частично осуществлялся в Рязанской, Вологодской, Воронежской губерниях. Были и случаи отказа от рекрутчины (в трех волостях Вологодской губернии)⁶⁸. Вместе с тем ряд участников кадетского совещания отмечал большую пестроту в настроениях крестьянской массы, пассивность многих крестьян, боязнь репрессий, упадок настроения после роспуска Думы.

Для того, чтобы реально оценить возможность резкого подъема революционной активности в деревне — а революции нужен был для ее дальнейшего развития именно такой *качественный*

скачок, — следует учитывать уровень крестьянского движения накануне кризиса. Как уже говорилось выше, его следует признать достаточно высоким, но констатация этого факта нуждается в двух существенных оговорках: движение шло в разных районах страны очень неравномерно и сравнительно редко поднималось при этом до высших, вооруженных форм борьбы с помещиками и властями. Преобладали такие средства сопротивления помещикам, как захват их имущества, порубка лесов, поправки посевов, арендные и сельскохозяйственные забастовки.

Следует подчеркнуть, что еще до роспуска Думы под влиянием агитации со стороны революционных партий и организаций крестьяне выдвигали во многих местах очень радикальные требования, включая созыв Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права и передачу всей земли народу. Давали знать о себе работа в деревне социал-демократов и эсеров, деятельность ВКС, а также вызывавшие горячее сочувствие крестьян попытки трудовиков противостоять в Думе царским министрам и кадетам. Лозунг «Земля и воля!» приобретал все большую популярность в самых широких крестьянских массах.

Самостоятельно дошли крестьяне и до мысли об отказе от платежей налогов и рекрутчины. Рекомендации такого рода встречались во многих крестьянских документах еще до Выборгского воззвания. Так, например, 8 июля 1906 г. крестьяне Мелеховской волости Белгородского уезда Курской губ., обсудив ответ правительства на адрес Думы и правительственное сообщение по аграрному вопросу, заявили: «Земли и воли мы можем добиться только после победы нашей над старым правительством через Учредительное собрание, куда прямо изберем уполномоченных всеобщим, равным и тайным голосованием. Вот эти-то наши народные представители сделают нужное дело. Мы полагаем, что в настоящее время глупо было бы платить подати, поставлять рекрут и признавать какое-либо начальство — ведь это все лишь к нашему вреду ведется»⁶⁹.

Росла в деревне и неудовлетворенность работой Государственной думы, где одна только Трудовая группа и фракция РСДРП защищали интересы крестьян. Поэтому роспуск Думы и Выборгское воззвание, которое мало что говорило уму и сердцу простого крестьянина, не стали тем потрясением, тем «ударом грома», которые могли бы всколыхнуть всю российскую деревню сверху донизу, заставить ее забыть о своих насущных нуждах и повседневных заботах, полевой страде, будущем урожае и дружно взяться за топоры и вилы.

Бессспорно, крестьяне жалели своих депутатов, сочувствовали им, остро переживали крушение надежд на решение аграрного вопроса сверху. Но полученное в разгар летних полевых работ и в обстановке резкого усиления карательной политики властей, известие о роспуске Думы, которое вдобавок часть крестьян считала подложным, все же не могло поднять деревню на восстание. Не смогли сделать этого и воззвания революционных партий

и организаций. Для того, чтобы «раскачать» огромную крестьянскую страну, нужно было немалое время и наглядный пример со стороны городского населения или солдат, а в июле 1906 г. революционные события развивались очень скоротечно и не успели расшевелить многомиллионную крестьянскую массу. В итоге аграрное движение в период июльского кризиса не поднялось на более высокую ступень, чем в конце 1905 или даже в июне 1906 г., хотя крестьянам и удалось причинить дворянству немалый материальный ущерб и доставить много хлопот правительству Столыпина.

В июле 1906 г. наиболее крупными очагами крестьянского движения были Центральные черноземные губернии, Поволжье, Украина. Частично были охвачены им и другие районы страны. В Курской губернии, например, в лесах князя Барятинского и около села Волоконска Львовского уезда чуть ли не ежедневно происходили митинги с зажигательными речами, раздачей листовок, брошюр и даже оружия. Главными ораторами здесь выступали народные учителя и два студента. 21 июля в с. Лукьяновка Старосельского уезда произошло столкновение крестьян с полицией и казаками. Крестьяне оказали сопротивление при попытке ареста четырех своих товарищей. Они были вооружены вилами, косами, дубинами, а один — даже револьвером. Казаки открыли огонь. Были жертвы, нескольких крестьян арестовали. 20 июля 3-тысячная толпа крестьян напала на экономию Барятинского в селе Снагости Рыльского уезда: крестьяне стреляли в стражников, бросали в них камнями. В ответ шестеро крестьян были убиты и трое ранены. Крестьянским движением были охвачены и другие уезды губернии⁷⁰.

Драматично развивались события на Волге — одном из крупных центров социал-демократической и эсеровской пропаганды и агитации в деревне, районе резких социальных конфликтов, пораженном к тому же в 1906 г. засухой. Особенно активно развернулось крестьянское движение в Самарской губ. Так, в середине июля 1906 г. разыгрались кровавые события в деревне Байряки Чеканской волости Бугульминского уезда. В ответ на массовую порубку леса конные стражники убили здесь двух и ранили трех крестьян. 21 июля 1906 г. в деревне Воронцовке Бузулукского уезда более тысячи крестьян трех соседних деревень, вооружившись вилами, косами и кольями, не дали арестовать крестьянина Е. Козлова, которого обвиняли в подстрекательстве к порубке леса в соседнем помещичьем имении, и ранили камнями двух стражников. В ответ те открыли огонь: два крестьянина были убиты и 10 ранены. В ночь на 21 июля был совершен ряд поджогов в селе Старый Буян, широко известном по революционным событиям осени 1905 г.⁷¹

29 июля эсеры сделали попытку поднять восстание в самарском селе Кинель—Черкаassy, однако она закончилась неудачно. Надо сказать, что эсеровские организации Поволжья и прежде всего Самары стремились добросовестно выполнить директиву

ЦК своей партии. Ими было организовано убийство самарского губернатора Блока, взрыв бомбы в здании Самарского губернского жандармского управления, выпущен ряд прокламаций с призывами к восстанию, адресованных крестьянам и всему населению губернии. Тем не менее общий замысел эсеровского руководства остался нереализованным. Восстание в Кинель—Черкассах было быстро подавлено, а другие села вообще не выступили. С отрицательной стороны показал себя в ходе восстания и направленный в Кинель—Черкасссы из Самары в качестве руководителя эсер Л. Шадрин⁷².

В Саратовской губ. в июле было отмечено 123 крестьянских выступления⁷³.

Неоднократно происходили в июле 1906 г. столкновения крестьян с войсками и стражниками на Украине — в Киевской, Харьковской, Екатеринославской, Таврической, Подольской, Волынской и других губерниях. Многие из них закончились для крестьян трагически. Причинами столкновений были стачки сельскохозяйственных рабочих и аресты властями их руководителей, отказы крестьян выдать своих вожakov, потравы помещичьих полей, лугов, садов и т. д.⁷⁴ Характерно, что на митинге фабричных и сельскохозяйственных рабочих и крестьян близ села Мунтау Бердянского уезда, где распространялся Выборгский манифест, раздавались возгласы совсем не мирного характера: «Будем биться до тех пор, пока не будет ни правительства, ни Николая»⁷⁵.

Широкий размах приняло крестьянское движение на Ставропольщине. Крестьяне грудью встали на защиту своего земляка, депутата Думы трудовика Ф. М. Онишко, пользовавшегося у них огромной популярностью. После ареста Онишко на Ставрополье началась полоса митингов, участники которых требовали его освобождения. В ЦГАОР СССР хранится целое дело, составленное из телеграмм участников этих собраний и митингов на имя царя и Столыпина⁷⁶. 25 июля в Ставрополе состоялся 10-тысячный митинг, на котором было единодушно поддержано требование освобождения Онишко. 17 сентября он был приговорен к ссылке на поселение — приговор достаточно мягкий, если учесть участие Ф. М. Онишко в Кронштадтском восстании.

В течение всего июля продолжались волнения донских казаков в станице Усть-Медведицкой. Еще 17 мая они приняли наказ, в котором протестовали против использования их в качестве полицейской силы, требовали устранения правительства, запятнавшего себя кровавыми расправами с народом, возвращения Войску Донскому земель, захваченных помещиками и чиновниками, бесплатного обучения детей и т. д. 9 июля казаки станицы добились освобождения своих товарищей, арестованных за революционную пропаганду, а в конце июля отстранили от должности местных старшин и старост. 16 июля состоялся сход крестьян слободы Михайловской Усть-Медведицкого округа Донской обл., на котором крестьяне, отказавшиеся поверить в

подлинность царского манифеста о роспуске Думы, приняли решение создать для отстаивания своих интересов народную вооруженную милицию⁷⁷.

Примером того, как разворачивалось крестьянское движение в Нечерноземье, может служить Владимирская губерния. 20 июля 1906 г. в селе Большое Окулово Муромского уезда произошло столкновение между крестьянами и стражниками, которые хотели их разоружить, чтобы помешать нападению на усадьбу графинь Уваровых. Толпа крестьян численностью от 500 до 600 человек с кольями и вилами кидала в урядника и стражников камнями и грозила их убить. Когда же те ретировались в соседнее село, графская усадьба была сожжена и разграблена. 22 июля крестьян умирили с помощью казачьей сотни, спешно прибывшей из Иваново—Вознесенска. 8 руководителей крестьянского движения были арестованы⁷⁸.

16—23 июля имели место крестьянские выступления в Юрьевском и Покровском уездах Владимирской губ. (поджоги, разгром садов), для ликвидации которых вызывались стражники и казаки. Надо сказать, что в Юрьевском уезде весной и летом 1906 г. шла усиленная социал-демократическая агитация и были организованы крестьянские ячейки РСДРП. 20 мая в с. Парском состоялся четырехчасовой митинг с участием более 200 крестьян, на котором после разъяснения аграрной программы РСДРП и открытого диспута между социал-демократом и кадетом была принята резолюция в поддержку Трудовой группы. Крестьяне признали полное бессилие Думы и поддержали лозунг Учредительного собрания. Кроме того, они потребовали от Думы передать решение аграрного и рабочего вопросов выборным крестьянским комитетам и Советам рабочих депутатов, дать народу демократические свободы, приступить к подготовке созыва Учредительного собрания и отдать под суд царских чиновников, запятнавших себя кровью народа.

При аресте зачинщиков движения в селе Озерцах крестьяне оказали сопротивление казакам, которые открыли огонь и убили двоих крестьян. 23 июля там же были убиты агитаторы И. С. и В. С. Морозовы и еще два крестьянина. Главным центром революционной агитации в этом районе был завод Кольчугина, рабочие которого готовили 20 июля на ярмарке в селе Ильинском политическую демонстрацию и разгром усадьбы соседнего помещика, в имени которого за месяц до этого были волнения. Лишь вызов казаков помешал осуществлению этого плана. Как доносил Столышину и. д. владимирского губернатора Сазонов, революционеры старались внушить крестьянам, что с роспуском Думы ничего для них сделано не будет⁷⁹.

В документах отмечены многочисленные случаи проведения крестьянских митингов, отстранения от должности сельских властей и выборов крестьянами своих доверенных людей, а также распространения листовок революционных организаций. В целом можно сказать, что июль 1906 г. вписал яркую страницу в

историю борьбы российского крестьянства за землю и волю, ознаменовал собой новый шаг в развитии самосознания крестьян и их организации. Не случайно в это время крестьяне действуют, как правило, большими массами (иногда по несколько тысяч человек), стойко защищают своих вожаков, пытаются сопротивляться царским карателям. В их сознание довольно прочно вошла мысль, что надежды на Думу лопнули и у них остаются лишь свои, исконно крестьянские методы борьбы — «красный петух» и дубина. Но, как и раньше, крестьянство не проявляло в своей борьбе необходимой стойкости, выдержки и последовательности, быстро сдавало завоеванные позиции, покорно ложилось под розги. В этом состояла великая трагедия революции 1905—1907 гг., во многом обусловившая ее поражение.

В июльские дни народ не смог переломить ход событий в свою пользу и остановить начавшийся спад революции. Но без его героической попытки дать отпор наступлению реакции, предпринятой в июле 1906 г., революция закончилась бы гораздо раньше, ее завоевания были бы намного скромнее, а торжество господствующих классов — более полным и наглым. Выбор форм, лозунгов и сроков борьбы не был в июле 1906 г. оптимальным. Народ принес тогда на алтарь революции много неоправданных жертв. Но как бы мы ни оценивали сегодня позиции, занятые в июле 1906 г. различными революционными партиями, какие бы ошибки они тогда ни совершили, борьба масс в те исторические дни не пропала даром, став еще одним эпизодом в великом противоборстве народа и его угнетателей, обогатив трудящихся новым опытом классовых боев, без которого была бы невозможна их будущая победа.

¹ См.: Второй период революции. М., 1961. Ч. 2, кн. 1. С. 52.

² Цит. по кн.: Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905—1907 гг. М., 1956. С. 633—634.

³ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 53.

⁴ На V съезде РСДРП было оглашено заявление участников этого совещания меньшевика А. С. Мартынова, бундовцев А. И. Кремера и М. И. Либера (Гольдмана) о том, что эсеры настаивали, чтобы Свеаборгское и Кронштадтское восстания были поддержаны не рабочей забастовкой, а новыми восстаниями в армии и на флоте. Представители ЦК РСДРП и думской меньшевистской фракции заявили, что это значило бы выдать солдат с головой царским властям и обречь их на расстрел. В итоге было принято предложение о забастовке (см.: Протоколы Пятого съезда РСДРП. М., 1935. С. 166—167).

⁵ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 51.

⁶ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. Д. 93. Л. 77 (письмо ЦК Бунда своим местным организациям от 23 июля 1906 г.).

⁷ Перес пишет о 18 или 19 июля, но поскольку он упоминает тут же о подавлении Свеаборгского восстания, то первая дата отпадает.

⁸ См.: Пролетарская революция. 1923. № 6—7. С. 166—167.

⁹ Там же. 1924. № 7. С. 174.

¹⁰ Там же. С. 175.

¹¹ См.: Листовки петербургских большевиков. М., 1939. Т. 1. С. 420.

¹² См.: Пролетарская революция. 1924. № 7. С. 180, 175.

¹³ Протоколы Пятого съезда РСДРП. С. 158—159.

- ¹⁴ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 272 (курсив мой.— С. Т.).
- ¹⁵ Там же. С. 274.
- ¹⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 402. Оп. 265. Д. 94. Л. 5.
- ¹⁷ См.: Пролетарская революция. 1924. № 7. С. 180, 175.
- ¹⁸ Мысль. 1906. 2 июля.
- ¹⁹ Эхо. 1906. 1 июля.
- ²⁰ См.: Петербургский комитет РСДРП. Протоколы и материалы заседаний. Июль 1902 — февраль 1917. Л., 1986. С. 235.
- ²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 288.
- ²² См.: Петербургский комитет РСДРП... С. 239, 241.
- ²³ См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 2.
- ²⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 402. Оп. 263. II отд. 1906 г. Д. 716. Л. 162—162 об.
- ²⁵ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 77.
- ²⁶ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 402. Оп. 265. Д. 92. Л. 10.
- ²⁷ См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 385. Оп. 1. Ед. хр. 64.
- ²⁸ Там же. Л. 4. Был ли опубликован этот документ, неизвестно.
- ²⁹ Обращение датировано 23 июля и было отпечатано в типографии ЦК РСДРП. Документ использован в упомянутой выше статье Г. М. Деренковского (Ист. зап. М., 1965. Т. 77). Полный текст см.: ЦГАОР СССР. Ф. 1741. Ед. хр. 11 648.
- ³⁰ См.: Пролетарий. 1906. 21 авг.
- ³¹ См.: Войтинский В. С. Годы побед и поражений. Берлин, 1924. Кн. 2. С. 89.
- ³² Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 54.
- ³³ Там же. С. 55.
- ³⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 402. Оп. 265. Д. 91. Л. 64.
- ³⁵ Там же. Д. 94. Л. 8; Пролетарий. 1906. 21 авг.
- ³⁶ См.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Л., 1980. Т. 1. С. 149.
- ³⁷ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 279—280.
- ³⁸ ЦПА ИМЛ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 3.
- ³⁹ Были арестованы 18 членов ПК, в том числе 12 большевиков (Ф. И. Голощекин, Б. С. Перес, Я. К. Бранденбургский, Д. С. Постоловский и др.).
- ⁴⁰ См.: Петербургский комитет РСДРП... С. 246—249. В новый состав комитета вошли И. А. Теодорович, И. Ф. Дубровинский, А. П. Смирнов, Е. И. Канатчиков, Г. Е. Зиновьев, меньшевик В. О. Цедербаум и др.
- ⁴¹ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 610.
- ⁴² Там же. С. 411—412.
- ⁴³ Так, при аресте в июле 1906 г. членов Военно-технического бюро при МК РСДРП у них были изъяты оружие и бомбы, планы города с обозначением объектов, представляющих особый интерес во время восстания, разного рода чертежи, связанные с ведением уличных боев, устав боевой дружины РСДРП, памятка «Что нужно знать и помнить каждому дружиннику» и т. д. 16 и 23 июля, а также 1 и 6 августа под Москвой проходили учебные стрельбы дружинников (см.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 466—467, 483—485; ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 263. II отд., 1906 г. Д. 757. Л. 1, 2, 6, 7).
- ⁴⁴ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 424.
- ⁴⁵ Там же. С. 465.
- ⁴⁶ Там же. С. 471.
- ⁴⁷ См.: Там же. С. 476.
- ⁴⁸ Рус. слово. 1906. 28 июля.
- ⁴⁹ Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 476—477.
- ⁵⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 1741. Ед. хр. 17 388.
- ⁵¹ Рус. ведомости. 1906. 28 июля.
- ⁵² См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 475.
- ⁵³ Листовки московских большевиков в период первой русской революции. М., 1955. С. 447.
- ⁵⁴ Пролетарий. 1906. 21 авг.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ См.: Ленинский сборник XXV. М., 1933. С. 138—139, 132—133.

- ⁵⁷ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. С. 312–313; Революция 1905–1907 годов на Тереке: Док. и материалы. Орджоникидзе, 1986. Т. 2. С. 157; Революция 1905–1907 гг. на Украине. Киев, 1955. Т. 2, ч. 2. С. 22–25; Революция 1905–1907 гг. в Латвии: Док. и материалы. Рига, 1956. С. 95–96; Революция 1905–1907 гг. в Эстонии. Таллин, 1955. С. 480–481; *Золотов В. А., Демешина Е. И.* Дон в первой русской революции. Ростов н/Д., 1981. С. 177.
- ⁵⁸ См.: Революционное движение в Астрахани и Астраханской губ. в 1905–1907 гг. Астрахань, 1957. С. 421–426.
- ⁵⁹ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 2. С. 250–252.
- ⁶⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 263. II отд. 1906 г. Д. 716. Л. 188.
- ⁶¹ См.: Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1958. 2-е изд. С. 54–55.
- ⁶² См.: *Дубровский С. М.* Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1956. С. 42.
- ⁶³ Так, Д. Н. Шинов писал 9 июля 1906 г. своему родственнику: «Если же, избави бог, распусят Думу, о чем здесь усиленно говорят, то революция, а главное повсеместное аграрное восстание неизбежны, и страшно подумать, какая может разразиться пугачевщина и какие польются потоки крови». В другом письме, написанном 10 июля и тоже перлюстрированном полицией, Шинов вновь повторял, что «от роспуска Думы ничего хорошего в деревнях ожидать нельзя; более вероятно, что вскоре начнутся там аграрные беспорядки» (см.: ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. Д. 88. Л. 8, 11).
- ⁶⁴ См.: 1905. Материалы и документы. Аграрное движение в 1905–1907 гг. М.; Л., 1925. С. 372–373.
- ⁶⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. Д. 94. Л. 39
- ⁶⁶ См.: Красный архив. 1931. Т. 4/5 (47/48). С. 117, 120–122, 126.
- ⁶⁷ Там же. С. 120, 121, 128, 124, 119.
- ⁶⁸ Там же. С. 125, 116–118.
- ⁶⁹ Второй период революции. Ч. 2, кн. 2. С. 140. См. также приговор 118 крестьян Благовещенского общества Шенкурского уезда Архангельской губернии от 13 июля 1906 г. в кн.: 1905. Материалы и документы. Аграрное движение в 1905–1907 гг. М.; Л., 1925. С. 18–20.
- ⁷⁰ См.: Революционные события 1905–1907 гг. в Курской губ. Курск, 1955. С. 204–205, 202–203; 1905. Материалы и документы. Аграрное движение в 1905–1907 гг. С. 258–259.
- ⁷¹ См.: Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955. С. 342–343; Второй период революции. М., 1962. Ч. 2. кн. 2. С. 284–285.
- ⁷² См.: *Леонов М. И.* Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905–1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье в 1905–1907 гг. Куйбышев, 1985. С. 57.
- ⁷³ См.: Очерки истории Волгоградской областной организации КПСС. 2-е изд. Волгоград, 1985. С. 53.
- ⁷⁴ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. С. 116, 126–131, 181–183; Революция 1905–1907 гг. на Украине. Т. 2, ч. 2. С. 181–182.
- ⁷⁵ Революционное движение в Таврической губ. в 1905–1907 гг.: Сб. док. и материалы. Симферополь, 1955. С. 170.
- ⁷⁶ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 263. II отд. 1906 г. Д. 733.
- ⁷⁷ См.: *Золотов В. А., Демешина Е. И.* Указ. соч. С. 192, 196–197; Второй период революции. Ч. 2, кн. 2. С. 204.
- ⁷⁸ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 2. С. 18.
- ⁷⁹ См.: Там же. С. 16–17, 19–20.

КОНТРАСТУПЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ СИЛ

Столыпин: путь к власти

В той мере, в какой отдельно взятая личность может персонифицировать политику целого класса, а тем более государства, есть все основания называть правительственный курс после роспуска I Государственной думы столыпинским. Ведь именно Председатель Совета министров и министр внутренних дел П. А. Столыпин стал вдохновителем и руководителем охранительной политики самодержавия и одновременно инициатором и проводником тех буржуазных реформ, с помощью которых правящие круги России рассчитывали «умиротворить» страну. Столыпин явился тем деятелем, которому правящий помещичий класс доверил тогда свою судьбу, и хотя Николай II по-прежнему занимал лучшую каюту политического корабля, на его капитанском мостике в 1906—1911 г. возвышалась статная фигура нового премьера — некоронованного императора Петра IV, как называли его льстецы.

Значение Столыпина особенно возрастало, если учесть некоторые личные качества царя — его духовную ограниченность, неуверенность в себе, подверженность внешним влияниям, склонность к мистицизму и фатализму. Николай II выполнял свои царские обязанности примерно так же, как прилежный, но лишенный «искры божьей» школьник делает домашние уроки — аккуратно, до головной боли, но без всякого интереса и «огонька». Обладая житейским здравым смыслом и немалой работоспособностью, Николай не был наделен, однако, даром масштабного, стратегического мышления, столь необходимого для любого государственного деятеля и тем более для верховного повелителя такой уникальной страны, как Россия, встретившей вдобавок XX век на одном из самых крутых поворотов своей истории. Вежливость, воспитанность и даже некоторая сентиментальность царя, о которых пишут многие мемуаристы, самым поразительным образом уживались в нем с невероятным равнодушием ко всему, что не затрагивало личные интересы императорской семьи. Чуть-чуть загадочный, часто неискренний, очень скрытный и даже коварный, Николай II стал для Столыпина достаточно сложным в общении «хозяином». Правда, в 1906 г. царь и новый премьер еще переживали своего рода «медовый месяц» своего политического сотрудничества, но очень скоро уверенный в себе и привыкший командовать Столыпин стал тяготить Ни-

колая, которого органически тянуло к людям заурядным и даже серым.

В то время как для Столыпина июль 1906 г. был временем высшего напряжения всех его духовных и физических сил, Николай II, судя по его дневнику, вел все тот же монотонный, размеренный образ жизни, позволяя себе, правда, иногда пожаловаться на «поганое время»¹. «Сердце обливается кровью от мерзостных событий, бывших в Свеаборге, в Кронштадте и на моем «Памяти Азова»! Я очень устал головою, хотя телом здоров», — писал он матери 21 июля 1906 г.²

В дни июльского кризиса привычный распорядок дня в Петергофе, где жил тогда царь, менялся мало. Николай катался на велосипеде, плавал на байдарке, проводил войсковые смотры, регулярно (но не чаще обычного) встречался с министрами. Камерфурьерский журнал зафиксировал его встречи с П. А. Столыпиным 10, 15, 19, 24 и 29 июля. Для сравнения отметим, что за то же время царь принимал дворцового коменданта Д. Ф. Тренова и военного министра А. Ф. Редигера по шесть раз, министров иностранных дел, финансов, юстиции, морского — по три раза и т. д.³

По дневниковым записям Николая II не заметно, чтобы в дни июльского кризиса царь был в каком-то особенно первом состоянии. По сравнению с периодом высшего подъема революции он чувствовал себя намного увереннее. Кроме того, на его поведении всегда — а в острые, кризисные моменты особенно — лежал отпечаток некоего мистического фатализма, непоколебимой веры в то, что бог не допустит гибели романовской династии, а значит, и России. Об этом писал, в частности, в своих воспоминаниях об июльских событиях 1906 г. министр иностранных дел А. П. Извольский, вложивший в уста царю следующую фразу: «Если вы видите меня столь спокойным, то это потому, что я имею твердую и полную уверенность, что все в руках божьих. Что бы ни случилось, я склонюсь перед его волей». Никогда, продолжал Николай, я не имел другой мысли, как только служить стране, управление которой он мне вверил⁴. Думается, однако, что у царского «спокойствия» были на этот раз более прозаические причины: восстание было разгромлено, не пошло вширь и не захватило Петербурга, а это означало, что маневр с роспуском Думы удался.

Премьер Столыпин, вероятно, тоже подписался бы под этими словами, но он был человеком совершенно другого склада и, главное, масштаба дарования, чем его суверен. В начале двадцатого столетия самодержавный строй последний раз в своей истории выдвинул две крупные политические фигуры, каждая из которых внесла заметный вклад в спасение умирающего режима от натиска революции. С. Ю. Витте (1849—1915) и П. А. Столыпин (1862—1911), бесспорно, были самыми видными государственными деятелями императорской России в последние десятилетия ее существования. Оба они занимали ключевые посты в правительст-

венном аппарате, активно боролись с революцией и вместе с тем выступали в роли реформаторов, мечтавших о модернизации и европеизации России. И при всем несхождении их характеров, личных судеб, интеллектуального кругозора, довольно трудно в полной мере раскрыть феномен Столыпина без сопоставления его с Витте.

Витте вошел в историю прежде всего как инициатор крупных экономических реформ, покровитель торгово-промышленной буржуазии, духовный отец «конституционного самодержавия». Он как бы персонафицировал процесс приспособления самодержавного строя к российской капиталистической действительности, олицетворяя собой курс на спасение основ старого порядка путем частичных уступок духу времени. Умный, хитрый и изворотливый политик, Витте соединял в себе черты «либерального» бюрократа, капиталистического дельца, крупного финансиста, специалиста по железнодорожному делу, дипломата и публициста. Известен Витте и заигрыванием с либералами, инициативой в подготовке «конституционного» манифеста 17 октября 1905 г. и первыми в истории царской России переговорами о привлечении общественных деятелей в состав правительства. Именно на время его премьерства приходится знаменитые «дни свобод», наступившие в России после Октябрьской политической стачки 1905 г., выработка новых Основных законов Российской империи и проведение выборов в I Государственную думу. Недаром уже после отставки Витте в реакционных кругах прямо говорили, что он чуть ли не сознательно содействовал революционерам, а автор одного перлюстрированного полицией в 1906 г. письма даже называл его в шутку главным после черта деятелем русской революции⁵.

Столыпин, наоборот, до сих пор остается в глазах большинства людей прежде всего палачом революции, хотя по количеству расстрелянных и репрессированных в годы его пребывания у власти он явно уступает многим другим вершителям судеб России. Что касается столыпинских реформ, то на протяжении десятилетий они однозначно подавались в нашей историографии со знаком минус, а их результаты неизменно интерпретировались только как провал. Иногда даже могло сложиться впечатление, что Витте и Столыпин — это политические антиподы, точно так же как долговязая, нескладная и довольно «мужиковатая» фигура первого резко контрастировала с ладно скроенной, представительной, хотя и несколько мрачноватой фигурой второго. Однако выдвинутые к власти совершенно разными слоями правящего дворянского класса, люди с разными характерами и складом мышления, Витте и Столыпин имели и много общего, причем в ряде отношений Столыпин был своего рода политическим душеприказчиком Витте, а Витте — его крестным отцом.

Их объединяло ревностное, не за страх и деньги, а за совесть служение одному классу, одному общественному строю, одному монарху, глубокая враждебность революции и вместе с

тем понимание необходимости и неизбежности экономической и политической модернизации России и превращения самодержавия в помещичье-буржуазную монархию. Оба они — и Витте, и Столыпин — были намного умнее, сильнее духом и внутренне значительнее, чем их суверен, оба рано или поздно испытали на себе царскую немилость, оба в конечном счете оказались в положении людей, пытающихся спасти исторически обреченное дело и встречающих непонимание и сопротивление даже со стороны тех, кому они служили и искренне хотели помочь. Наконец, оба эти деятеля оказались прозорливее правящего помещичьего класса, хорошо понимая, что необходимо не только стрелять и вешать, но и лаврировать между различными слоями общества, используя для укрепления самодержавия новейшие методы политической эквилибристики.

Конечно, нельзя забывать о том, что Витте был премьером в период высшего подъема и самого начала отступления революции — отсюда его «эластичность» и некоторый налет либерализма, в то время как Столыпин, соединявший в своих руках функции главы правительства и руководителя административно-полицейского ведомства, уже добивал отступавшую с боями революцию, а затем как бы олицетворял собой тот твердый порядок, который пришел на смену «безумному», с точки зрения господствующих классов, 1905 году. Однако нужно помнить о том, что и у Витте было по крайней мере два лица — «либерала» и оплота трона. Достаточно упомянуть о поведении Витте 8 января 1905 г., когда он сознательно не захотел предотвратить неумолимо надвигавшуюся трагедию «Кровавого воскресенья», о его планах введения военно-полевых судов в декабре того же года, в период подавления серии вооруженных восстаний, вспыхнувших в разных уголках страны, о борьбе возглавлявшегося им правительства с забастовочным движением и т. д. Недаром Николай II писал матери, что «Витте после московских событий (в декабре 1905 г. — С. Т.) резко изменился, теперь он хочет всех вешать и расстреливать»⁶. Одобрил С. Ю. Витте и роспуск I Государственной думы. В интервью корреспонденту английской газеты «Daily Telegraph», которая опубликовала его 14 июля, находившийся тогда в Аахене русский экс-премьер заявил, что в любой стране такой парламент, как I Дума, был бы распущен. При этом он добавил, что царь искренне желает установить в России конституционный режим, тем самым еще раз прикрыв Николая II перед лицом европейского общественного мнения.

Преемственность в курсе Витте и Столыпина выражалась и в довольно четко прослеживавшейся линии на бонапартистское лавирование в области межклассовых отношений, и в политике насильственной ломки крестьянской общины (стольпинская аграрная реформа была задумана фактически еще при Витте)⁷, и в идее союза помещиков с верхушкой торгово-промышленной буржуазии. Бесспорно, Витте был тоньше, изворотливее Столыпина. Однако тот, в свою очередь, явно превосходил его силой ха-

рактера, энергией, административной хваткой. Так или иначе в бюрократической верхушке царской России периода империализма трудно найти другого деятеля (вспомним хотя бы таких премьеров, как И. Л. Горемыкин и В. Н. Коковцов, не говоря уже о Б. В. Штюрмере), который мог бы встать вровень с Витте и Столыпиным.

П. А. Столыпин был незауряден как личность и вместе с тем достаточно типичен для определенного социального слоя, поставленного в определенные исторические обстоятельства. Он являлся представителем крупнопоместного (около 7,5 тыс. десятин земли в западных и поволжских губерниях) провинциального дворянства, соединившего преданность самодержавию и историческим устоям России со стремлением приспособиться к новым капиталистическим отношениям. Столыпин принадлежал к старинному, известному с XVI в. роду, представители которого дали российскому самодержавию немало верных слуг, подвизавшихся и в военном, и в гражданском ведомствах. Отец Столыпина был участником Крымской войны, служил в артиллерии вместе с Л. Н. Толстым. В период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. А. Д. Столыпин стал генерал-губернатором Восточной Румелии. Закончил он военную службу в чине генерала от артиллерии, причем последней его должностью был пост коменданта Кремлевского дворца в Москве. Интересно отметить, что А. Д. Столыпин пробовал заниматься литературным трудом (он написал, например, «Историю России для народного и солдатского чтения»), музыкой, скульптурой, хотя в каждом из этих увлечений оставался дилетантом.

Сам П. А. Столыпин закончил физико-математический факультет Петербургского университета, где изучал не только физику и математику, но и химию (этот курс читал Д. И. Менделеев), геологию, ботанику, зоологию, агрономию (его выпускная работа была посвящена выращиванию табака на юге России). По окончании университета Столыпин поступил на государственную службу в Петербурге (Министерство государственных имуществ, МВД), но затем перебрался в провинцию. Он стал в 1899 г. сначала ковенским уездным, а потом губернским предводителем дворянства, соединив общественную деятельность с занятиями сельским хозяйством в своем имении Колнобереже. В 1902 г. при Плеве Столыпин был выдвинут на пост гродненского губернатора. Характерно, что уже тогда он отстаивал идею перехода к хуторскому хозяйству, в достоинствах которого смог лично убедиться во время частых поездок в Пруссию. При этом Столыпин был твердо убежден, что не стоит ждать, пока крестьяне сами «созреют» для такой реформы, ибо это означало бы «отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немыслима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью»⁸. Иначе говоря, аграрная реформа, по мнению Столыпина, должна была проводиться «сверху», без согласия крестьян.

Пребывание в западных губерниях России стало важной вехой в политической биографии Столыпина: здесь он близко познакомился с капиталистическим сельским хозяйством прусского типа, а также с крестьянским, рабочим и национальным вопросом. Все это, несомненно, пригодилось затем Столыпину в период его деятельности на посту главы царского правительства.

Самый молодой в России губернатор был вскоре замечен в «верхах» и переведен в Саратов — важный административный центр Поволжья, известный со времен Разина и Пугачева своим массовым крестьянским движением. Аграрный вопрос стоял в Саратовской губернии очень остро: 893 помещика имели здесь 2 млн дес. земли, а 336 тыс. крестьянских дворов — 3 млн дес., причем у 60% крестьян земельные наделы не превышали всего 6 дес. В период саратовского губернаторства Столыпин не раз имел возможность показать свою «твердость», административное рвение, враждебность к либерализму и демократической интеллигенции. На отчете саратовского губернатора за 1904 г., где Столыпин развивал идею перехода к единоличной крестьянской собственности на землю, Николай II наложил резолюцию: «Эти мысли заслуживают внимания»⁹.

Социально-политическая ориентация Столыпина ярко раскрылась в грозном для царизма и дворянства 1905 г. Уже 12 января, когда в Саратове заговорили о возможности проведения забастовки протеста против расстрела рабочих в Петербурге, Столыпин выпустил объявление к жителям города, в котором, в частности, говорилось: «Всякие скопления рабочих на улицах и в общественных местах допущены не будут. В случае малейшей попытки нарушить порядок он будет немедленно восстановлен силою»¹⁰. Столыпин самодовольно заявлял в те дни: «Революции у нас нет и не будет, и не только шествия, но и простого скопления народа я не допущу»¹¹. Конечно, сдержать свое слово Столыпину не удалось, но порядок он наводил действительно беспощадно.

Не раз приходилось бывать Столыпину и в охваченных волнениями саратовских деревнях, проявляя при этом и несомненное личное мужество. В марте 1905 г. министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов докладывал царю, что благодаря энергичным действиям Столыпина аграрные беспорядки в губернии подавлены¹². Ретивость губернатора отмечал 6 августа в докладе царю и тогдашний товарищ министра внутренних дел, всесильный временщик Д. Ф. Трепов¹³, подчеркивавший, что Столыпин проявил в этой сложной обстановке незаурядное самообладание и не раз подвергался опасности (в него бросали камнями и даже стреляли). Известно, что по приказу Столыпина порке подвергались целые деревни.

Вместе с тем Столыпин проявлял завидную политическую ловкость, создавая впечатление, что закон и порядок для него превыше всего. Так, например, в октябре 1905 г. он приказал стрелять в распоясавшихся погромщиков-черносотенцев; среди последних появились даже жертвы¹⁴. Столыпин умело перекла-

дывал ответственность за расправы над крестьянами на царских генерал-адъютантов Сахарова и Максимовича, что позволило ему прослыть «либеральным» губернатором.

Вот почему в октябрьские дни 1905 г., когда Витте начал первый тур переговоров о привлечении в состав Совета министров представителей либерально-буржуазных кругов, которых не устраивал тогдашний министр внутренних дел П. Н. Дурново, в правительственных сферах впервые всплыла кандидатура Столыпина. Предложил ее обер-прокурор Синода князь А. Д. Оболенский. Столыпин был вызван в Петербург, однако назначение его тогда не состоялось. Среди общественных деятелей некоторые отзывались о Столыпине довольно сочувственно, другие говорили, что не знают его, третьи считали, что он человек «неопределенный», так как «умеет ужиться со всякими направлениями». Витте же заявил, что, хотя он лично и не знает Столыпина, последний пользуется хорошей репутацией как администратор.

Уже после убийства Столыпина стали проясняться некоторые подробности этого эпизода. В кадетском руководстве против кандидатуры Столыпина якобы восстал И. И. Петрункевич, припомнивший, что тот был причастен к избитию казаками земских врачей в г. Балашове, хотя сам Петрункевич наотрез оказался от этой версии, а А. И. Гучков публично заявил об отсутствии каких-либо отрицательных отзывов о саратовском губернаторе в октябре 1905 г. В либеральных кругах преобладало мнение, что фиаско Столыпина было связано с позицией Витте, который будто бы видел в его слабом знакомстве с организацией и функциями секретной полиции непреодолимое препятствие к занятию должности министра внутренних дел¹⁵.

Однако прошло всего полгода, и 26 апреля 1906 г. 44-летний Столыпин дождался своего часа, «катапультировав», по образному выражению современной американской исследовательницы Роберты Мэннинг, из Саратова прямо в министерское кресло. На этот раз ситуация складывалась в его пользу: Витте ушел в отставку, для нейтрализации влияния кадетской Думы был призван реакционный кабинет Горемыкина, а мнение либеральных деятелей в расчет больше не принималось. Сработала и очередная дворцовая интрига: друзья Столыпина и особенно его шурин, Д. Б. Нейдгардт, который служил прежде в Преображенском гвардейском полку и был в самых лучших отношениях с Николаем II, удачно «подказали» царю кандидатуру нового министра внутренних дел, призванного заменить окончательно скомпрометировавшего себя в глазах общества после декабрьских событий 1905 г. Дурново. Не исключено, что к назначению Столыпина приложил руку и Д. Ф. Трепов, сохранявший огромное влияние на императора.

Выбор Столыпина в качестве министра был продиктован рядом причин. Здесь сыграли свою роль и его заслуги в борьбе с революцией, и относительная независимость саратовского провинциала от высших бюрократических сфер Петербурга с их вечной

междуусобной грызней и взаимными подсиживаниями, которые иногда раздражали царя. Налицо было и явное желание монарха «вливать свежую кровь» в бюрократическую машину империи, и его намерение продемонстрировать единение с самой надежной опорой самодержавия — столбовым русским дворянством, не потерявшим связи с землей, чуждым каких бы то ни было либеральных влияний и знавшим, как казалось царю, что нужно народу.

Столыпин был умен, образован, энергичен, смел, честолюбив, хорошо выполнял роль преданного слуги царю и отечеству и вместе с тем мог легко носить маску «конституционного» министра или «отца крестьян». Он прекрасно держался на трибуне, умел хорошо говорить, знал три иностранных языка. Словом, это был государственный деятель новой формации, характерной уже для XX в.¹⁶ Время с мая по июль 1906 г. было, по справедливому замечанию кадетской «Речи»¹⁷, решающим в карьере Столыпина. Столыпину нужно было доказать царю свою личную преданность, расторопность, твердость и вместе с тем удержаться в отношениях с Думой на той грани, за которой ему грозила репутация «второго Дурново» и отставка. Эта трудная задача была им в общем и целом решена¹⁸, хотя Дума довольно быстро раскусила нового министра внутренних дел.

Столыпин выступал в Таврическом дворце летом 1906 г. дважды, 8 и 12 июня, отвечая на запросы депутатов о провокационных действиях полиции, а также о роли МВД в борьбе с голодом¹⁹. Если учесть, что всего министру внутренних дел было адресовано 198 запросов, то сам собой напрашивается вывод о том, что Столыпин стремился избегать прямого общения с депутатами. Выработывая свой стиль общения с Думой, министр внутренних дел старался произвести впечатление человека широких взглядов, способного признать отдельные частные ошибки и проступки своих подчиненных, но не допускающего и тени сомнения в правильности правительственного курса и честности тех, кто его осуществляет. Однако левое крыло Думы и часть кадетов встретили Столыпина явно враждебно. Из зала по его адресу встали возгласы: «Довольно! Погромщик! Долой! В отставку!»²⁰ Против Столыпина очень резко выступали социал-демократ И. И. Рамишвили (он назвал министра «громителем» и потребовал предать суду), трудовики А. Ф. Аладын, С. И. Бондарев и др.²¹

Интересно отметить, что сразу же после заседания Думы 8 июня кадет М. Я. Герценштейн писал жене: «Министры говорили вяло, т. е. Щегловитов (министр юстиции, — С. Т.) как типичный чиновник, а Столыпин — как честный, но неумный и совсем не осведомленный человек. Их ответы были просто канцелярские отписки». А вот какое впечатление произвел Столыпин на меньшевичку Л. И. Аксельрод, которая сообщила 21 июня 1906 г. в Женеву Г. В. Плеханову, что Столыпин держался с искусственным спокойствием, но весьма надменно. «Палата слушала

его речь с явным пренебрежением, и кончил он ее при глубоком единодушном молчании»²².

Совершенно очевидно, что Столыпин вынужден был балансировать между царем, на поддержку которого он делал главную ставку, Советом объединенного дворянства, своими коллегами-министрами и Думой, не забывая при этом и своих личных интересов, состоявших как минимум в сохранении поста министра внутренних дел. Трудно сказать, мечтал ли он в мае—июне 1906 г. о большем, но не исключено, что, наблюдая за безликим и пассивным И. Л. Горемыкиным, Столыпин уже тогда видел себя его преемником. Во всяком случае в конце июня—начале июля 1906 г. энергичный министр внутренних дел уже твердо держал курс на кресло главы правительства: за несколько дней до роспуска Думы он говорил министру финансов В. Н. Коковцову, что «ему не раз уже дано понять, что, вероятно, Горемыкин останется весьма недолго и ему, Столыпину, не миновать быть его преемником, т. к. при современном общественном настроении и при том, что каждую минуту можно ждать самых резких всплесков, естественно, что министр внутренних дел должен быть Председателем Совета министров»²³.

В этой связи становится понятным, почему Столыпин не мог сочувствовать идее кадетского министерства, хотя и вел в июне 1906 г. по поручению царя переговоры по этому вопросу²⁴. Кадеты не устраивали Столыпина не только своей программой, но и тем, что им не нужен был министр Столыпин. Поэтому последний не прочь был свалить на партию «народной свободы» грязную работу, связанную с роспуском Думы, но отдавать в ее руки свою личную судьбу он, конечно, не хотел²⁵. Отсюда явная неприязнь Столыпина к П. Н. Милюкову, а затем и к Д. Н. Шипову, недвусмысленно давшим понять министру внутренних дел, что в случае назначения одного из них на пост главы правительства ему придется уйти.

Убедившись в невозможности сговориться с кадетами о создании коалиционного министерства на приемлемых для себя условиях, Столыпин сделал все от него зависящее, чтобы убедить царя в том, что приход к власти кадетов грозит России гибелью²⁶. Убийство в конце июня адмирала Чухнина в Севастополе и генерала Козлова (павшего, видимо, жертвой своего схождения с дворцовым комендантом Д. Ф. Треповым) в Петергофе, ход думских прений по аграрному вопросу, натиск Совета объединенного дворянства, требовавшего роспуска Думы,— все это укрепляло позиции П. А. Столыпина. Одновременно падали акции Д. Ф. Трепова — главного сторонника создания кадетского кабинета в ближайшем окружении царя. Заметим, что и сам Трепов, очевидно, старался продвинуть кадетов к власти лишь для того, чтобы наглядно показать царю их неспособность управлять страной и убедить «верхи» в необходимости установления военной диктатуры²⁷.

Видимо, не последнюю роль в назначении Столыпина на пост главы правительства сыграло и мнение его предшественника, И. Л. Горемыкина. Николай II писал матери осенью 1906 г. о Столыпине: «Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю. Старый Горемыкин дал мне *добрый совет*, указавши *только* на него! И за то спасибо ему»²⁸.

Столыпинская тактика борьбы с революцией

9 июля 1906 г. Столыпин держал своего рода экзамен. Все с нетерпением ждали ответа на главный вопрос — сойдет правительству с рук роспуск Думы или народ встанет на ее защиту? Предварительные прогнозы говорили в пользу успеха задуманной акции. «Тишина» в Петербурге утром 9 июля должна была еще больше успокоить Столыпина. Но истинное душевное равновесие он начал, видимо, обретать лишь после того, как на его стол одна за другой стали ложиться телеграммы от губернаторов, свидетельствовавшие о том, что в общем и целом страна встретила роспуск Думы спокойно²⁹.

Конечно, были и исключения — да и как их могло не быть в такой колоссальной, многоязычной империи, как Россия. Так, например, в Таганроге большевики организовали в городском саду митинг, а затем демонстрацию протеста против роспуска Думы, разогнанную с помощью полиции. Было ранено 15 человек. В городе началась забастовка портовых рабочих и судовых команд³⁰. В Ростове-на-Дону возбужденная толпа требовала 9 июля освобождения политических заключенных, но была рассеяна полицией³¹. Митинги и демонстрации прошли 9 июля в Пятигорске и Кисловодске, причем в Кисловодске раздавались призывы к вооруженному восстанию в защиту Думы³².

Вечером 9 июля в Баку, на Биби-Эйбате, состоялся митинг рабочих-нефтяников, во время которого было получено известие о роспуске Думы. Было произнесено несколько речей в ее защиту, устроена демонстрация с красными флагами и пением Марсельезы. Раздавались возгласы: «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!»³³.

Наконец, во «второй столице» — Москве — произошел досадный для властей инцидент на Красной площади, где вокруг партии заключенных, которых переводили из одной тюрьмы в другую, возникла демонстрация. Ее участники пели революционные песни, бросали камни в жандармов, пытались освободить арестованных. Отмечались случаи, когда рабочие срывали со стен указ о роспуске Думы или делали на его тексте революционные надписи³⁴.

Но все это были лишь отдельные «мелочи», которые не могли серьезно испортить общую картину «спокойствия». Из 87 губерний и областей России 82 находились в июльские дни на военном положении или на положении чрезвычайной и усиленной охраны³⁵. По сравнению с июнем в несколько раз увеличилось чис-

ло арестов и обысков. Военно-полицейская машина царизма работала полным ходом. Достаточно сказать, что в июле 1906 г. было произведено несколько крупных «ликвидаций» революционных организаций. Так, 7—8 июля в Петербурге были арестованы 39 эсеровских руководителей, в том числе члены ЦК и ПК ПСР. 10 и 11 июля в Москве арестовали 65 эсеров, включая членов Московского городского и окружного комитетов ПСР, а 27 июля — еще 19 эсеров. С 7 по 23 июля арестам подверглись 21 член Петербургского комитета РСДРП и более 50 членов его Военной организации. 20 июля были дополнительно арестованы 33 эсера в Петербурге, 23 июля прошли большие аресты социал-демократов в Киеве и т. д.³⁶ Настоящее наступление было развернуто царизмом на революционную и демократическую печать. Если за 72 дня работы I Государственной думы было приостановлено издание 105 газет и журналов, то за такой же период после ее роспуска — уже 140. С 9 по 27 июля были закрыты в разных городах страны 28 типографий, где печатались революционно-демократическая периодика, целый ряд книжных складов и магазинов. При этом «география» гонений на прогрессивную печать была крайне широка: рядом с Петербургом, Москвой, Варшавой, Тифлисом, Одессой, Саратовом в списке стоят и такие небольшие населенные пункты, как Пятигорск, Камышин, Кобеляки, Ромны, Хвалынский, Верхнеудинск и др.³⁷

Первые заседания Совета министров под председательством П. А. Столыбина были довольно бесцветными. В повестке дня преобладали вопросы военно-полицейского характера. Так, 9 июля ввели военное положение в Таганрогском округе. 25 июля было образовано временное генерал-губернаторство из некоторых районов Екатеринославской губернии, где произошли крупные вспышки рабочего движения (Юзовка и др.), а также Области Войска Донского (Таганрогский округ). В тот же день было продлено на год, до 4 сентября 1907 г., положение усиленной охраны для всех местностей империи, находившихся на этом военно-полицейском режиме в 1906 г. 11 июля усилены меры наказания за предоставление денежных средств на революционные цели³⁸.

Одновременно 18 и 25 июля решались и некоторые вопросы экономического характера, направленные на укрепление положения дворянства (выдача ссуд потерпевшим ущерб от аграрного движения прибалтийским помещикам), а также на успокоение голодающей деревни (дополнительное ассигнование 55 млн руб. на продовольственную помощь жителям голодающих районов и 1,1 млн руб. на организацию общественных работ для голодающих Поволжья). В связи с предполагаемыми аграрными реформами был рассмотрен вопрос о деятельности Крестьянского банка³⁹. Тревожное время не располагало к длинным дискуссиям по сложным социальным проблемам, которые вдобавок еще не были пропущены через громоздкую бюрократическую машину, готовившую их для обсуждения на заседаниях Совета министров. Поэтому в июле 1906 г. царское правительство занималось

либо оперативными вопросами, связанными с борьбой против революционного движения, либо «пережевывало» старое горемыкинское наследие.

Особый акцент в столыпинской программе «успокоения» России делался на мерах репрессивного характера. Очень характерны резолюции Столыпина на документах, связанных с ростом крестьянского движения после роспуска Думы. Когда 10 июля в с. Борисовка Грайворонского уезда Курской губернии 2 тыс. крестьян напали на квартиру станового, обезоружили стражников, избили пристава и волостного старшину, а затем уничтожили всю документацию местных властей и подожгли дом графа Шереметева, после чего были «усмирены» войсками (среди крестьян были убитые и раненые), Столыпин распорядился телеграфировать курскому губернатору о необходимости принять «самые суровые меры» против восставших. «Вообще усилить меры строгости до достижения полного успокоения», — гласила его резолюция на донесении курских полицейских властей. Получив затем сообщение об аресте 26 руководителей крестьянского движения в Корочанском уезде той же Курской губернии, Столыпин распорядился: «Телеграфировать, что аресты вожаков я считаю главнейшею и самую настоятельную мерою при настоящем положении вещей»⁴⁰.

Просьба воронежского губернатора от 1 августа 1906 г. о присылке в губернию дополнительных воинских частей встретила полное понимание Столыпина, который наложил следующую резолюцию: «Там повторения беспорядков допускать нельзя: 1) написать военному министру, что безусловно необходимо направить в губернию еще две сотни; 2) губернатору написать об этом, присовокупив, что никакие войска не помогут, если они не будут при беспорядках *действовать оружием*; 3) в земский отдел сообщить, чтобы оттуда были даны указания не выдавать *излишних ссуд*»⁴¹. Таким образом, крестьян рекомендовалось приводить в чувство вполне по-бисмарковски — железом и кровью, используя вдобавок и такое грозное оружие, как голод.

Документы свидетельствуют о том, что приказы и советы Столыпина неукоснительно принимались к исполнению местными властями. Расстрелы бунтующих крестьян происходили в июле 1906 г. в Воронежской, Орловской, Курской, Самарской, Подольской, Киевской, Ковенской, Харьковской, Екатеринославской и других губерниях.

Явное раздражение Столыпина встретило Выборгское воззвание, хотя новый глава правительства и пытался представить его неким «комическим» документом, который нельзя принимать всерьез. 10 июля за его подписью в провинцию ушла телеграмма с требованием принять все меры к недопущению ознакомления населения с содержанием Выборгского воззвания. На следующий день губернаторы получили новую шифрованную телеграмму Столыпина, который возлагал на них личную ответственность за пресечение распространения этого документа. Если же он все-

таки дойдет до жителей подпольным путем, говорилось далее в телеграмме, властям надлежит разъяснить народу, что воззвание носит мятежный характер и «направлено против священной царской власти». Наконец, 12 июля в телеграмме за № 2066 было дано указание задерживать и привлекать к дознанию всех, замеченных в распространении Выборгского возвания⁴³.

В циркуляре МВД на имя губернаторов от 11 июля были перечислены следующие меры для пресечения беспорядков: высылка неблагонадежных лиц из пределов губерний; арест всех причастных к деятельности революционных партий; ссылка в отдаленные места империи «при обнаружении документов, свидетельствующих о заговоре, приготовлении бунта и проч.». Губернаторам предписывалось не разрешать собраний и митингов, «возбуждающих к противозаконным деяниям», а также учредить в наиболее опасных пунктах вверенных им губерний особый полицейский надзор, «предписав ему удаление из этих местностей всех лиц, проявляющих склонность к возбуждению населения»⁴³.

«Подтягивал» судебное ведомство и министр юстиции И. Г. Щегловитов. 19 июля он направил циркуляр председателям и прокурорам судебных палат и окружных судов, где требовал повысить бдительность к охране закона, соблюдать твердость в охране государственного порядка, осуществлять быстрое воздействие на врагов государства и общества. Такова монаршая воля, подчеркивал министр⁴⁴.

Одновременно новый глава правительства призывал местные власти к необходимой гибкости. 12 июля 1906 г. в «Правительственном вестнике» была опубликована телеграмма Столыпина всем генерал-губернаторам, губернаторам, градоначальникам и заместителю Кавказа в связи с назначением его Председателем Совета министров. «Порядок» и «обновление» — вот лейтмотив этого документа, проникнутого идеей сильной и твердой власти, способной дать отпор революции. Вместе с тем в телеграмме отмечалось, что огульные репрессии, а также незаконные и неосторожные действия властей нетерпимы. «Намерения государя неизменны. Правительство проникнуто поэтому твердым намерением способствовать отмене и изменению в законном порядке законов, устаревших и не достигающих своего назначения. Старый строй получит обновление. Порядок же должен быть охранен в полной мере. В этом вы должны проявить собственную инициативу, и ответственность за это лежит на вас», — говорилось в телеграмме. Так была оперативно сформулирована программа нового правительства, получившая дальнейшее развитие и детализацию в правительственной декларации, опубликованной 24 августа.

В работу по обеспечению «порядка» включилась и церковь. Синод разослал циркуляр, в котором обязал священников читать в церквях манифест царя о роспуске Думы. Циркуляр предлагал не касаться при этом политических вопросов, но разъяснять населению, что царь делает для крестьянства все возможное⁴⁵.

15 июля в «Речи» и 18 июля в «Новом времени» было опубликовано

ликовано интервью Столыпина корреспонденту агентства Рейтер. Премьер заявил, что роспуск Думы — этого бесплодного, умирающего учреждения — не только не был государственным переворотом, но являлся чуть ли не актом царской милости, ибо в противном случае вряд ли удалось бы сохранить авторитет верховной власти. Что касается кадетов, то они, по мнению Столыпина, стали «крепостными своих ультралиберальных вожakov», делали все больше уступок революционерам и добивались низвержения существующего правительства, а потому и получили то, что заслужили.

Перед царем, продолжал Столыпин, было три пути — переход к реакции, бесстрастное выжидание надвигающейся революции или решительные реформы. Этот последний путь и был избран Николаем II и новым правительством. Однако осуществлению реформ должно было предшествовать подавление революционного движения. Поэтому Столыпин энергично защищал репрессивные меры в отношении противников существующего строя, хотя арест членов Государственной думы он считал излишним. Выборское воззвание Столыпина назвал при этом смешной буффонадой, не стоящей серьезного разбора.

Формулируя свое кредо, Столыпин заявил: нужна твердость, а не реакция, гуманность, а не жестокость, здравый смысл, а не истерические посулы. «Для подавления революции во всем мире применяется сила, но я настойчиво повторяю, что реакции нет места в нашей программе и что все преобразования, требуемые духом высокого либерализма, будут осуществлены, как только для них будет подготовлена почва». Одновременно Столыпин вновь повторил, что возможно образование коалиционного кабинета, и подчеркнул намерение правительства осуществить программу аграрных преобразований.

Сила Столыпина в июльские дни заключалась в том, что за ним стоял весь правый лагерь, встретивший роспуск Думы буквально с ликованием. «Слава Богу, Таврический свинарник разогнан», — так начиналось одно из писем, написанное 10 июля 1906 г. и перлюстрированное полицией. Однако людей такого типа, как автор этого письма, явно беспокоило отсутствие в их среде крупных, мыслящих деятелей, способных управлять государственным кораблем. «Ни наверху, ни внизу нет людей, а это пугает всех больше всего. У них хватит последовательности на пять минут, а там опять начнут плутать, как в зимнюю пургу», — говорилось далее в том же письме⁴⁶.

Вот почему твердый курс Столыпина был встречен в правых кругах с большим одобрением. Так, помощник одесского градоначальника Гирс писал в Саратов графу Татищеву в июле 1906 г., что «первый острый момент проведен Столыпиным удачно». «Явилась власть, заговорившая твердо и властно, восстановившая свой престиж, и все подтянулось. Только не было бы шантаний и полумер, которые заставляли правительство идти в хвосте событий и делать не то, что было надо, а поневоле приходи-

лось»⁴⁷. Граф Д. С. Шереметев писал из Петербурга 13 июля, что в Столыпине видят «государственного человека с железной волей и вместе с тем желающего безотлагательно приступить к некоторым реформам». «Вся надежда на Столыпина,— заканчивал он письмо,— даже вел. кн. Николай Михайлович который пессимист, говорит, что наконец нашелся в России государственный ум»⁴⁸.

Роспуск Думы был использован правящими кругами для организации широкой политической кампании, призванной продемонстрировать единение царя и «здоровой части нации». Уже 9 июля московские монархисты отслужили благодарственный молебен по случаю роспуска Думы и направили телеграммы на имя царя, Столыпина и адмирала Дубасова, прославившегося жестоким подавлением Декабрьского вооруженного восстания⁴⁹.

Поток верноподданнических телеграмм на имя царя из провинции, опубликованных в «Правительственном вестнике», открыла телеграмма самарского губернского предводителя дворянства А. Наумова от 9 июля, на которую царь отозвался резолюцией: «Искренне благодарю самарское дворянство за его преданность и готовность служить на благо Родины»⁵⁰. 21 июля в «Правительственном вестнике» было напечатано сообщение о телеграммах и приветственных адресах на имя царя, полученных из Тулы, Орла, Киева, Харькова, Астрахани, Тамбова, Симферополя, Москвы, Риги, Елисаветграда, Одессы, Петербурга, Ярославля, Саратова, Иваново-Вознесенска, Екатеринослава, Полтавы, Казани, Вологды, Самары, Кишинева и десятка более мелких городов и местечек⁵¹.

В письме екатеринбургских монархистов царю от 19 июля говорилось: «Не смущайся, государь, осуждающими твое деяние криками, которые громки не содержанием и численностью, а лишь дерзостью. Народ твой заодно с тобой скорбит о людях, не оправдавших твоего безграничного доверия, вполне спокойно созерцает заслуженно постигшую их участь, с непоколебимым доверием полагается на твое Божьим промыслом руководство». Одновременно авторы письма жаловались на «преследования» со стороны еврейско-кадетской организации, в частности на привлечение к судебной ответственности редактора местной червоточенной газеты «Голос народа», которая перепечатала материалы с осуждением Государственной думы. 23 июля та же организация вновь призвала царя не медлить с принятием решительных мер для предотвращения грядущей гражданской войны. «Единое средство для охраны и укрепления создавших Отечество начал мы видим в военной диктатуре, которую и молим тебя учредить». Все беды, по мнению авторов письма, происходят от захвата преобладающего влияния в суде, школе, а отчасти и в администрации кадетской партией с ее «атрофированными русскими чувствами и антинациональными политическими воззрениями»⁵².

Тульское отделение Союза русского народа молило царя не давать равноправия евреям и совершенно устранить их от учас-

тия в новых выборах. Из Вологды просили: «Царствуй, как и встарь, неограниченным хозяином земли русской». В письмах и телеграммах постоянно звучал и такой мотив: нужно изменить порядок выборов в Думу. Раздавались даже призывы: Дума — только для русских⁵³. 26 июля 1906 г. ряд предводителей дворянства подал царю записку с просьбой изменить существующий избирательный закон.

Для создания иллюзии «единения» народа с царем были организованы и верноподданнические телеграммы от крестьян. Так, 27 и 28 июля в «Правительственном вестнике» были опубликованы телеграммы крестьян на имя царя, в которых выражалась благодарность за манифест 17 октября и указ от 3 ноября 1905 г. (об отмене выкупных платежей), порицание «сеятелям смуты» и непоколебимая готовность противостоять ей.

Большой интерес представляет собой и дошедшая до нас часть личной корреспонденции Столыпина периода июльского кризиса 1906 г. Так, например, отставной надворный советник Клеванин из Томска советовал ему изменить избирательный закон таким образом, чтобы в Думе «не было засилия крестьян», а заодно запретить депутатам разъезжать по стране и ежедневно публиковать в газетах фамилии тех, кто не посещает думских заседаний, чтобы не платить зря 40-рублевые депутатские «суточные». Шли также советы Столыпину из-за рубежа. Члены «Общества свободной церкви» в шотландском городе Эдинбурге рекомендовали поскорее объявить политическую амнистию, дать свободу печати и убрать казаков, которые «принесли много позора вашей стране». Берлинский банкир Шаппах предлагал русскому премьеру проявить заботу о солдатах, уравнивать всех граждан империи, включая евреев, в правах и быстрее проводить обещанные реформы. Немецкий купец Шотцен советовал создать в России специальную конституционную комиссию из иностранных экспертов, представителей различных политических партий и государственных чиновников. До окончания ее работы и принятия конституции русской оппозиции, по мнению этого «доброжелателя» из Германии, следовало бы помолчать, а правительству — не допускать произвола, который лишь раздражает население⁵⁴.

В этой связи становится понятным, почему царское правительство предприняло в июле 1906 г. ряд мер для успокоения общественного мнения и правительств зарубежных стран. В связи с роспуском Думы министр иностранных дел А. П. Извольский направил 10 июля русским дипломатическим представителям за границей циркулярную телеграмму, где говорилось о «серьезных причинах», побудивших царя пойти на этот решительный шаг, и подчеркивалась его твердая решимость обязательно созвать новую Думу в феврале 1907 г. Однако успокоить своих друзей за рубежом царизму оказалось не так-то просто.

Французское общественное мнение, за исключением крайне правых, уже давно высказывало беспокойство по поводу политической слепоты Горемыкина. Буржуазный Париж явно не уст-

раввал рост волнений в русской армии и расширение масштабов крестьянского движения в самых разных районах России. Как сообщал еще 18 мая советник царского посольства во Франции Неклюдов министру иностранных дел Извольскому, «наши друзья» обеспокоены тем, что в Петербурге не хотят идти на уступки в аграрном вопросе, поскольку, по мнению французов, «это заткнуло бы рот анархистской пропаганде». В июне 1906 г., после еврейского погрома в Белостоке, французскому послу в России М. Бомпару были даны из Парижа инструкции выступить перед Николаем II с демаршем в пользу создания «министерства доверия» и примирения с Думой. Лишь дружеский совет Извольского, предупредившего посла, что при русском дворе такой шаг был бы расценен как вопиющая бестактность, остановил французского дипломата⁵⁵.

Роспуск Думы был встречен паникой на парижской бирже и резко отрицательными отзывами большинства газет⁵⁶. 31 июля в парижской «*Matin*» был опубликован приветственный адрес на имя С. А. Муромцева, подписанный председателем Общества друзей русской свободы, известным французским писателем А. Франсом и другими видными деятелями культуры. Это был настоящий вызов Николаю II и кабинету Столыпина. Однако правительство Франции, получив заверения официального Петербурга в намерении сохранить Думу, решило проявить сдержанность. Не случайно банкир Э. Нецлин, много сделавший для того, чтобы «пробить» апрельский заем 1906 г., сообщил 28 июля В. Н. Коковцову, что все «неприятные моменты» уже позади⁵⁷.

Лондонские и венские газеты также критиковали роспуск Думы и предсказывали Николаю II всеческие осложнения⁵⁸. 16 июля английская либеральная газета «*Tribune*» писала, например, что революция в России неизбежна и произойдет в течение ближайших двух-трех недель. Итальянская печать также почти единодушно высказывала свои симпатии распущенной Думе: По мнению царского дипломата Корфа, это объяснялось во многом воспоминаниями о собственной итальянской истории, в которой понятия революции и патриотизма были связаны самым тесным образом⁵⁹.

Непредвиденный для царского правительства инцидент произошел в Лондоне, где премьер-министр Г. Кэмпбелл-Баннерман, выступая 11 июля на открытии международной парламентской конференции с участием депутатов I Государственной думы, заявил: «Я верю, что Дума возродится в той или иной форме. Дума умерла, да здравствует Дума!» По существу, британский премьер лишь перефразировал поговорку, которая в дореволюционной Франции выражала незыблемость монархического принципа («Король умер, да здравствует король!»). Однако в обстановке повышенной нервозности, царившей в Петербурге в июле 1906 г., правящие круги России расценили эти слова как дерзость, направленную лично против Николая II. А. П. Извольскому стоило большого труда убедить своих коллег по Совету министров и са-

мого царя в том, что Кэмпбелл-Баннерман отнюдь не защищал в данном случае русских революционеров и либералов, а сказал в сущности лишь то, что можно было прочесть в официальных царских документах по поводу роспуска Думы. С большим трудом дело удалось замять, причем британский премьер даже предлагал написать собственноручное письмо царю с разъяснением недоразумения⁶⁰. Удалось также предотвратить приезд в Россию английской делегации из либералов и лейбористов для вручения сочувственного адреса бывшему председателю I Государственной думы С. А. Муромцеву⁶¹.

По-иному складывалась ситуация в Германии. Русский посол в Берлине Н. Д. Остен-Сакен сообщал 14 июля А. П. Извольскому, что немецкая печать, за исключением социалистических газет, встретила указ о роспуске Думы вполне сочувственно. В адрес Думы сыпались обвинения в политической незрелости, а ее обращение к народу по аграриному вопросу объявлялось противозаконным и даже революционным шагом. Оппозиционные газеты «Vossische Zeitung» и «Berliner Tageblatt», наоборот, выступали за создание кадетского кабинета и осудили роспуск Думы. А социал-демократическая газета «Vorwärts», по словам русского посла, даже обрушилась на царское правительство с «неприличной бранью». Это, писал Остен-Сакен, может «до известной степени служить показателем того, что в решении императорского правительства социал-демократы видят серьезную опасность для революционного движения в России»⁶².

В основном благожелательно для Николая II был встречен роспуск Думы в американской буржуазной печати. Русский посол в США барон Р. Р. Розен в письме министру иностранных дел Извольскому от 20 июля (2 августа) 1906 г. констатировал довольно прохладное отношение американского буржуазного общественного мнения к роспуску Думы. Он объяснял это тем, что требования, с которыми выступила Дума («амнистия политических убийц, бомбометателей и разбойников», отмена смертной казни, упразднение Государственного совета и проект «огульного принудительного отчуждения земельной собственности одного класса населения для облагодетельствования другого на социалистических началах»), не могли встретить и не встретили сочувствия в США, где «поддержка всеми, хотя бы крайними, средствами ненарушимости закона и порядка безусловно признается первой обязанностью государства и где право собственности как коренное начало всякого цивилизованного человеческого общежития тщательно охраняется самой конституцией»⁶³.

Последние попытки создания коалиционного правительства

Принимая назначение на пост Председателя Совета министров, П. А. Столыпин оставил за собой право пополнить его состав членами Государственной думы и Государственного совета⁶⁴,

т. е. представителями той самой буржуазной общественности, привлечение которых в состав Совета министров считалось тогда в правящих «верхах» одним из средств стабилизации государственного механизма. Поэтому в первом же после роспуска Думы интервью Столыпина, опубликованном в петербургских газетах 12 июля, говорилось о том, что «последует, хотя и осмотрительно, привлечение общественных элементов в кабинет и будет обеспечена свобода печати»⁶⁵. Эту мысль Столыпин повторил и в упоминавшемся выше интервью корреспонденту агентства Рейтер.

В новых условиях партнерами Столыпина по переговорам о создании «либерализованного» кабинета могли быть только деятели, стоявшие правее кадетов, поскольку последние окончательно скомпрометировали себя в глазах царя своим «бестактным» и «дерзким» поведением в Выборге. Кроме того, прием, оказанный в стране Выборгскому воззванию, ясно показывал, что акции кадетов на политической бирже котируются довольно низко, а потому и заигрывать с ними больше не стоит. Вдобавок лидер партии «народной свободы» П. Н. Милюков прямо заявил 15 июля 1906 г. в интервью корреспонденту французского офиса «Le Temps», что кадеты не могут войти в правительство Столыпина, поскольку он не принимает их условий (экспроприация крупной земельной собственности, полная политическая амнистия, отмена смертной казни и исключительных законов, обновление административного персонала, расширение бюджетных прав Думы, реформа Государственного совета)⁶⁶. Вот почему место кадетов в новом, июльском туре переговоров заняли октябристы и «мирнообновленцы» — П. А. Гейден, Н. Н. Львов, А. И. Гучков, Д. Н. Шипов, а также Г. Е. Львов («сомнительный», по выражению Милюкова, кадет, не подписавший Выборгское воззвание)⁶⁷ и известный юрист А. Ф. Кони.

Как писала 11 июля близкая к Столыпину газета «Россия», правительство теперь ясно понимало, «от кого оно может ждать, что будет поддерживаемо, и от кого не может ничего ждать, кроме противодействия». Обращение царизма к октябристам было вполне не закономерным. Ведь они являлись второй после кадетов по своему значению оппозиционной либерально-буржуазной партией России. Октябристы представляли более умеренную, консервативную струю в русском либерализме и находились как бы на границе либерального и правительственного лагерей, намного обгоняя кадетов по темпам продвижения в сторону соглашения с царизмом. Пределом мечтаний октябристов было соблюдение основных положений манифеста 17 октября 1905 г., заложившего, по их представлениям, прочные основы отечественного конституционализма. После декабрьских вооруженных восстаний 1905 г. октябристы быстро покатались вправо. Процесс организационного строительства партии в основном завершился в период выборов в I Государственную думу, хотя некоторая «перетряска» партийных рядов имела место и позже (так, после выборов в «Союз 17 октября» вошла значительная часть

членов торгово-промышленной партии и, наоборот, в июне 1906 г. из него вышла группа его основателей, создавших фракцию «мирного обновления»).

Социально-политическое лицо октябризма определяли крупная торгово-промышленная и финансовая буржуазия, а также крупные помещики и представители высших слоев «цензовой» буржуазной интеллигенции. В этом и состояла привлекательность «Союза 17 октября» для Столыпина. По сравнению с кадетами октябристы несомненно, стояли ближе к «деловой» российской буржуазии, отражая в своей программе не далекое идеальное будущее, а интересы текущего дня с его грубой, но вполне реальной «прозой». Вместе с тем в ряды октябристов вступали высокооплачиваемые торгово-промышленные служащие, чиновники самых различных рангов, отставные генералы, адмиралы, полковники. С другой стороны, октябристская программа не получила ни малейшей поддержки со стороны рабочего класса, трудового крестьянства и демократических слоев городского населения.

В группу «мирнообновленцев» вошли левые октябристы и часть правых кадетов (П. А. Гайден, М. А. Стахович, Е. Н. Трубецкой, Н. Н. Львов, Д. Н. Шишов и др.), критиковавшие «Союз 17 октября» за то, что его губят нахлынувшие туда «лжелибералы». Сам «мирнообновленцы» уже 12 июля опубликовали обращение к своим избирателям, в котором доказывали строго конституционный характер роспуска I Государственной думы и призывали не оказывать сопротивления правительству (отметим, что ЦК партии октябристов присоединился к этому воззванию, а ее лидер А. И. Гучков, который сначала считал роспуск Думы преждевременным, затем одобрил даже столыпинские военно-полевые суды)⁶⁸. Различие между «мирнообновленцами» и октябристами в июле 1906 г. носило еще достаточно второстепенный характер, причем и те, и другие демонстрировали свою лояльность правительственному курсу. Последующий переход Столыпина к более жестоким методам подавления революции вызвал, однако, критику со стороны «мирнообновленцев» и усиление их разногласий с октябристами⁶⁹, которые с осени 1906 г. превратились в прямых защитников столыпинского режима.

Начиная новый тур переговоров с консервативно-либеральными деятелями, Столыпин преследовал по меньшей мере тройную цель: «успокоить» страну, расколоть оппозицию и доказать Западу, что Россия может успешно идти по пути европеизации, сохраняя основы своего политического строя⁷⁰. При этом царизм, контролировавший в общем и целом ситуацию в стране, сразу же дал понять, что никаких существенных уступок с его стороны на новых политических торгах с либералами не предусматривается. Не случайно уже 15 июля во время встречи с Г. Е. Львовым и Д. Н. Шишовым глава правительства заявил: не время говорить о программах, сейчас нужны дело и работа, общественные деятели должны верить царю и помочь ему⁷¹. Как вспоминал со слов Львова его секретарь Полнер, эта беседа, проходив-

шая на даче Столыпина на Аптекарском острове, носила бурный и беспорядочный характер ⁷².

Отношение консервативно-либеральных кругов к Столыпину было достаточно противоречивым, но все же с преобладанием явного недоверия. Д. Н. Шипов, например, прямо заявил П. А. Столыпину, что через 2—3 месяца тот прибегнет к самым крутым мерам и репрессиям. И хотя глава правительства возмутился («Какое право имеете Вы это говорить?»), жизнь показала, что предсказания Шипова сбылись уже через месяц, т. е. гораздо раньше названного срока. 16 июля Г. Е. Львов и Д. Н. Шипов направили Столыпину письмо, где сформулировали условия своего вступления в кабинет. Они подчеркивали, что ослабить революцию можно только «открытым выступлением правительства навстречу свободе и социальным реформам». Партнеры Столыпина по переговорам настаивали на передаче им половины министерских портфелей ⁷³, подготовке для Думы ряда законопроектов в духе манифеста 17 октября и расширения крестьянского землевладения, не останавливаясь даже перед принудительным отчуждением части земель. Кроме того, они считали необходимым немедленно прекратить в стране смертные казни и действие всех исключительных положений, дать амнистию всем, кто не посягал на жизнь и имущество других граждан, созвать II Думу не позже 1 декабря 1906 г. ⁷⁴.

Параллельно с этим шли и переговоры П. А. Столыпина с А. И. Гучковым и Н. Н. Львовым. Он изложил им свой план аграрной реформы, в основе которого лежала идея насаждения средней и мелкой крестьянской собственности, приобщения крестьян-собственников к культуре, введения волостного земства, развития сельскохозяйственного кредита и т. д. В ответ собеседники Столыпина заявили, что новому правительству потребуется определенная программа (эти мысли премьеру явно не понравились) и предложили несколько дополнительных кандидатур на министерские посты (А. Ф. Конн, историк П. Г. Виноградов, П. А. Гейден), на что премьер милостиво согласился ⁷⁵.

17 июля П. А. Столыпин беседовал с П. А. Гейденом, убеждая его не только самому войти в правительство, но и повлиять на решение Д. И. Шипова и Г. Е. Львова. На упоминавшееся выше письмо этих деятелей Столыпин ответил в тот же день, что «душевно сожалеет» по поводу их отказа от его предложения. Он писал также, что изменение срока созыва Думы невозможно, а решение вопроса об отмене смертной казни и амнистии зависит всецело от царя. Сомневался Столыпин и в том, что Николай II освободит его от обязанностей министра внутренних дел. Он сожалел, что произвел на своих партнеров впечатление человека, который боится смелых реформ и является лишь сторонником «маленьких уступок». «...Я не признаю никаких уступок, ни больших, ни маленьких,— писал он.— Я нахожу, что нужно реальное дело, реальные реформы и что мы в промежутке 200 дней, отделяющих нас от новой Думы, должны всецело

себя отдать подготовке их и проведению возможных в жизнь»⁷⁶.

Очень сложно проходили переговоры Столыпина с известным юристом и судебным деятелем А. Ф. Кони. Столыпин не скрывал, что А. Ф. Кони нужен ему как «имя», как «фирма», способная привлечь к правительству симпатии населения. А. Ф. Кони, настаивавший на отмене смертной казни, долго колебался, но в конце концов решил отказаться от сомнительного предложения. При этом он отметил в своих воспоминаниях интересный факт: когда Столыпин узнал от него о намерении Гейдена создать внутри будущего коалиционного правительства «блок» из общественных деятелей, А. П. Извольского и В. Б. Фредерикса, который контролировал бы деятельность всего кабинета, премьер назвал этот план «троянским конем», добавив: «Но я теперь *хозяин положения* и, имея полноту власти, вовсе не желаю ввозить к себе подобного коня»⁷⁷. Фраза очень примечательная для характеристики Столыпина и его оценки силы правительства в июльские дни.

В связи с этим представляет интерес реакция либеральной общественности на слухи о вступлении А. Ф. Кони в состав правительства. О многом говорит, в частности, письмо известного русского историка В. О. Ключевского⁷⁸, написанное 21 июля 1906 г. и адресованное А. Ф. Кони. Его начальная фраза напоминает настоящий крик души: «Известие о вступлении Вашем в министерство Столыпина давит меня как кошмар, и я пишу в надежде, что этот кошмар с меня спадет». Ведь речь шла о том самом Столыпине, который распустил I Государственную думу, пользовавшуюся доверием народа. Между тем требования Думы, по мнению Ключевского, — это «самое меньшее, чем может быть достигнуто бескровное успокоение страны». Поэтому роспуск был «чреват самыми фатальными последствиями и являлся лучшей визитной карточкой нового премьера. «Поддерживать правительство в такую минуту — значит помогать осуществлению той идеи заговора, которую разрабатывает Двор и власти, ибо государственных идей без непрерывного содействия Думы они осуществить уже не могут», — писал В. О. Ключевский. При этом он обращал внимание А. Ф. Кони на то, что его, знаменитого адвоката и правоведа, не ввели в состав Государственного совета, где он мог бы «внести луч света государственной мысли и порядка в сбродный хаос дилетантов или реакционеров», а теперь тянут в состав правительства, скомпрометировавшего себя роспуском Думы. «Простите великодушно, что я взял смелость написать Вам эти строки. Я не вмешивался бы в Ваше решение, если бы меньше Вас уважал. Деятельность Кони касается всякого русского человека, и всякий русский в любой час может позволить себе в нее вмешаться»⁷⁹.

Неизвестный нам адресат писал А. Ф. Кони примерно в то же время: «Слава Богу, что Вы отказались утопить Ваше честное знаменитое имя в грязи и крови „коалиционного“ министерства Столыпина... Кони, Гейден, Львов — эти имена должны

были, как трехстворчатые белые ширмы, прикрывать черную сотню. Правительство так низко пало в глазах общества и народа (что только говорят теперь мужики...), что если бы оно составило теперь министерство из Марков Аврелиев (римский император, считавшийся олицетворением государственной мудрости.— С. Т.), им *никто* бы не поверил. Мы во власти стихии»⁸⁰. Характерно, что несколько ранее в знак протеста против роспуска Думы из состава Государственного совета вышли видные русские ученые кадетского направления: профессор В. И. Вернадский, известные историки — академики А. А. Шахматов и А. С. Лаппо-Данилевский и др.⁸¹

18 июля Столыпин сообщил Совету министров, что II Государственная дума будет созвана на основе старого избирательного закона⁸². Это означало, что царизм решил не спешить с «крайними» мерами и не дразнить без нужды общественное мнение. Однако уже на следующий день, 19 июля, когда шло восстание в Свеаборге и назревало восстание в Кронштадте, Николай II объявил Столыпину в Петергофе, что в состав Совета министров можно было бы вести на данном этапе только А. И. Гучкова и Н. Н. Львова. Первому предназначался пост министра торговли и промышленности, второму — главноуправляющего землеустройством и земледелием. Столыпин вернулся в столицу неузнаваемым и заявил, что условия принимает только капитулирующее правительство, а правительство сильное само их ставит и побеждает тех, кто с ним не согласен⁸³.

20 июля, когда восстания в Свеаборге и Кронштадте были уже подавлены, Николай II дал в Петергофе аудиенции Н. Н. Львову и лидеру октябристов А. И. Гучкову. В записке, адресованной П. А. Столыпину, царь писал, что говорил с каждым из них по часу. «Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т. е. государственного управления, в особенности Львов»⁸⁴. Матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, Николай написал по этому поводу более откровенно и резко: «У них собственное мнение выше патриотизма вместе с ненужной скромностью и боязнию скомпрометироваться. Придется и без них обойтись»⁸⁵.

Все эти маневры понадобились Николаю для того, чтобы продемонстрировать обществу свою приверженность реформаторскому курсу и самые добрые намерения по отношению к буржуазной общественности. «Мне известно и о пущенном слухе, будто я переменял свое мнение о пользе привлечения людей со стороны, что, разумеется, не так. Я был против вступления *целой группы* лиц с какой-то программой», — писал царь Столыпину⁸⁶.

В свою очередь А. И. Гучков вынес из беседы с царем твердое убеждение, что благоприятный момент для расширения состава правительства за счет общественных деятелей упущен. Несмотря на то, что открыто Николай II возражал А. И. Гучкову только по поводу возможности признания равноправия евреев, но было видно, что царь уже уверен в безопасности престола и

находит совершенно излишним какое-либо обновление своей внутренней политики⁸⁷.

Таким образом, серьезный компромисс между короной и «обществом» оказался невозможен, а несерьезный — бесполезен и никому не нужен. 25 июля в «Новом времени» было опубликовано официальное сообщение Петербургского телеграфного агентства о неудаче переговоров с общественными деятелями, встретивших «затруднения вне доброй воли правительства». Что касается намерений последнего, говорилось в сообщении, то они остаются неизменными и будут соединять твердый курс на водворение порядка («на что правительство имеет достаточно силы и средств») с немедленным проведением тех разумных реформ, которые должны ввести жизнь России в закономерное русло. 28 июля в «Новом времени» были опубликованы ответные письма П. А. Гейдена, Н. Н. Львова и Д. Н. Шипова. Гейден писал, что вопреки утверждению ПТА об отсутствии единства среди общественных деятелей пять кандидатов в министры были полными единомышленниками и имели собственную программу, оказавшуюся, однако, неприемлемой для правительства. Львов и Шипов квалифицировали роспуск Думы как большую ошибку, которую нужно скорее исправить, и писали, что нет смысла делать из них министров-чиновников.

27 июля были произведены новые назначения в состав Совета министров: Д. А. Философов был назначен министром торговли и промышленности. Б. А. Васильчиков — главноуправляющим земледелием и землеустройством, П. П. Извольский (брат министра иностранных дел) — обер-прокурором Синода⁸⁸. Теперь правительство могло действовать «в полном комплекте» и перейти, наконец, к практическому осуществлению курса, намеченного Столыпиным.

12 августа 1906 г. Николай II подписал указ о передаче Крестьянскому банку для продажи крестьянам части удельных земель, а 27 августа было решено пустить в продажу крестьянам и часть казенных земель⁸⁹. Еще 30 июля состоялось совещание царя с великими князьями по вопросу о продаже крестьянам 1800 тыс. дес. удельной земли, находившейся в аренде у крестьян, чтобы подать пример другим помещикам. Совещание было продолжено 9 августа. Характерно, что великие князья Владимир и Константин были против подобного шага, а Николай Николаевич, наоборот, предлагал не продать, а подарить крестьянам эту землю⁹⁰.

19 августа в стране были введены военно-полевые суды, призванные покончить с «крамолой». Разумеется, можно спорить о том, была ли эта мера спровоцирована неудачным покушением на жизнь Столыпина, организованным 12 августа в доме премьера на Аптекарском острове эсерами-максималистами, или она была запрограммирована премьером заранее. В любом случае этот шаг свидетельствовал о переходе правительства в решительное наступление на революцию. Одновременно 18 августа были усилены наказания за революционную работу в войсках.

В правительственном сообщении от 24 августа обосновывался курс на сочетание репрессий с реформами, в первую очередь аграрной. Правительство объявило о намерении отменить некоторые правовые ограничения в отношении крестьян и старообрядцев, а также лиц еврейской национальности. В смету 1907 г. были внесены расходы в сумме 5,5 млн руб. на расширение сети народных школ и повышение жалования учителям. Далее в сообщении перечислялись 12 важнейших законопроектов, которые предполагалось подготовить для будущей Государственной думы, в том числе о свободе вероисповедания, неприкосновенности личности и гражданском равноправии, увеличении крестьянского землевладения, государственном страховании рабочих, реформе местного управления, суда, средней и высшей школы, введении подоходного налога и т. д.¹ Однако осуществление этих реформ затянулось на долгие годы, а некоторые так и остались на бумаге вплоть до свержения самодержавия в феврале 1917 г.

Но главное место в предложенном Столыпиным пакете реформ занимали перемены в аграрном строе страны. Это был, по выражению В. И. Ленина, последний кланец, через который могли выйти «революционные пары» в русской деревне. Время показало, что и здесь царизм ждало горькое разочарование: эффект столыпинская аграрная реформа все же дала.

Тот факт, что июльский политический кризис закончился в пользу царского правительства, не означал, однако, окончания революции. Столыпину предстояло еще пройти через испытания, связанные с работой более левой, чем Первая, Второй Государственной думы, вновь умирять рабоче и крестьянское движение. Июль 1906 г. стал генеральной репетицией 3 июня 1907 г., но их разделяли десять месяцев революции, заполненные острой классовой борьбой.

¹ См.: Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 197.

² Там же. С. 192.

³ Подсчитано по: ЦГИА СССР. Ф. 516. Оп. 2. Д. 206. Л. 31–87.

⁴ *Извольский А. П.* Воспоминания. Пг.: М., 1924. С. 139.

⁵ См.: ЦГИА СССР. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 1980. Л. 167. См. также: Там же. Л. 14. Д. 1982. Л. 19.

⁶ Красный архив. 1927. Т. 3. С. 187.

⁷ Справедливо, однако, замечание М. С. Симоновой, считающей, что проект виттевской аграрной реформы принадлежит эпохе «колеблющегося», предреволюционного самодержавия, тогда как столыпинская аграрная реформа – продукт эпохи торжествующей контрреволюции. Отсюда гибкость, рыхлость, неуверенность виттевской программы в отличие от жесткого и достаточно прямолинейного курса Столыпина (см.: *Симонова М. С.* Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987. С. 171). Известный английский историк Т. Шанин также подчеркивает, что Столыпин не был «изобретателем» тех реформ, которые связывают обычно с его именем. Но он обосновал их необходимость с учетом опыта революции, подкрепил своим авторитетом и поставил на службу новому аграрному курсу материальные ресурсы правительства и аппарат возглавлявшегося им Министерства внутренних дел (см.: *Shanin T.* Russia 1905–07. Revolution as a Moment of Truth. London, 1986. P. 237).

- ⁸ Цит. по: *Зырянов П. Н.* Столыпин без легенд // *Историки отвечают на вопросы.* М., 1990. Вып. 2. С. 110.
- ⁹ Цит. по кн.: *Сонгоу М. S. P. A. Stolypin: practical Politics in late tsarist Russia.* Boulder, 1976. P. 16. В отчете отмечалось «всепоглощающее влияние на весь уклад сельской крестьянской жизни общинного владения землей, общинного строя. Строй этот вкоренился в повятине народа. Нельзя сказать, чтобы он его любил, он просто другого порядка не понимает и не считает возможным. Вместе с тем у русского крестьянина страсть всех уравнивать, все привести к одному уровню, а так как массу народа нельзя поднять до уровня самого деятельного и умного, то лучшие элементы должны быть прижжены к пониманию и устремлению худшего, инертного большинства... Жажда земли, аграрные беспорядки сами по себе указывают на те меры, которые могут вывести крестьянское население из настоящего ненормального положения. Естественным противовесом общинному началу является единоличная собственность. Она же служит залогом порядка, так как мелкая собственность представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве». Аналогичные взгляды проникали постепенно и в сознание других представителей высшей царской администрации. См.: *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932. С. 501.
- ¹⁰ Революция 1905–1907 гг. в России: Док. и материалы. Начало первой русской революции. Январь – март 1905 года. М., 1955. С. 377–378.
- ¹¹ Там же. С. 391.
- ¹² Там же. С. 748.
- ¹³ Революционное движение в России весной и летом 1905 года. М., 1957. Ч. 1. С. 835.
- ¹⁴ См.: *Антонов-Саратовский В. П.* Красный год. М.; Л., 1927. Ч. 1. С. 126.
- ¹⁵ См.: *Новое время.* 1911. 15 и 25 сент.; *Голос Москвы.* 1911. 14 окт.
- ¹⁶ Правда, С. Ю. Витте называл П. А. Столыпина «человеком мало книжно образованным, без всякого государственного опыта и средних умственных качеств и среднего таланта» (*Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 351). Однако эту явно пристрастную характеристику нужно отнести за счет личной вражды двух царских временщиков.
- ¹⁷ См.: Речь. 1911, 6 (19) сент.
- ¹⁸ По словам В. Н. Коковцова, Николай II проникался все большим доверием к Столыпину, который нравился ему ясностью ума, мужеством и откровенностью в выражении своего мнения (см.: *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 1. С. 185).
- ¹⁹ См.: Государственная дума. Стенограф. отчет. Сес. 1. СПб., 1906. Т. II. Стб. 1125–1129, 1140–1141, 1241–1243.
- ²⁰ Там же. Стб. 1141, 1252.
- ²¹ Там же. Стб. 1159–1160, 1161–1164, 1249 и др.
- ²² ЦГИА СССР. Ф. 1982. Оп. 2. Д. 1982. Л. 78; Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 3. Д. 301. Ед. хр. В. 8. 84. Л. 2.
- ²³ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. 1. С. 205–206. Это доказывает ошибочность мнения А. П. Извольского, писавшего, что Столыпин был достигнут своим назначением на пост главы правительства врасплох (см.: *Извольский А. П.* Указ. соч. С. 134).
- ²⁴ Столыпин дважды предлагал председателю I Думы кадету С. А. Муромцеву обсудить возможность создания кадетского министерства при условии сохранения за собой МВД (Речь. 1911. 6 (19) сент.), но получил отказ. 26 июня состоялась встреча П. А. Столыпина с П. Н. Милюковым (см.: *Милюков П. Н.* Три попытки // *Самодержавие и либералы в революции 1905–1907 гг.* М.; Л., 1925. С. 59–61; *Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 448), а на следующий день он вместе с А. П. Извольским принял Д. Н. Шипова и Н. Н. Львова. Возможно, имели место и другие встречи Столыпина с либеральными деятелями.
- ²⁵ В беседе с Н. Н. Львовым Столыпин заявил, что «роспуск Думы должен быть произведен обновленным правительством, имеющим во главе общественного деятеля, пользующегося доверием в широких кругах общества» (см.: *Шипов Д. Н.* Указ. соч. С. 445).

- ²⁶ См.: Милюков П. Н. Три попытки. С. 60.
- ²⁷ Трепов выдал свои намерения одной фразой в интервью корреспонденту агентства Рейтер, опубликованном в английских газетах 24 июня 1906 г. Ратая за создание чисто кадетского правительства («ни коалиционное правительство, ни министерство, взятое вне Думы, не дадут стране успокоения»), он заявил: «Если даже это средство не поможет, придется — и только тогда — обратиться к крайним мерам» (подчеркнуто мною. — С. Т.) (см.: Новое время. 1906. 25 июня). Как утверждал А. П. Извольский, «расчеты Трепова были весьма просты: кадетский кабинет не преминул бы с первых же шагов вступить в решительный конфликт с императором; в этом случае Трепов намеревался при помощи петербургского гарнизона устранить кадетов и заменить их правительство своей военной диктатурой; затем оставалось отменить манифест 17 октября, что Трепову казалось вполне возможным» (цит. по кн.: Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 291). Документальных подтверждений подобных намерений Трепова не имеется; но трудно поверить, что человек, отдавший в октябре 1905 г. знаменитый приказ «Холодных залпов не давать и патронов не жалеть», превратился летом 1906 г. в убежденного и искреннего сторонника конституционализма. Поэтому хотя в исторической литературе и делаются ссылки на то, что о диктаторских планах Трепова говорили в основном его политические противники с целью скомпрометировать, думается, что они были недалеки от истины. Если даже Трепов «старался» в июне — июле 1906 г. и не для себя лично, то его стремление к установлению в стране реакционного режима вряд ли можно подвергнуть сомнению.
- ²⁸ Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 204.
- ²⁹ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 236. Отд. II. 1906 г. Д. 716. Л. 15, 16, 18, 19, 21, 23, 36, 40, 43, 51 и др.
- ³⁰ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 2. С. 479; 1905—1907 годы на Дону. Ростов н/Дону, 1955. С. 294, 331.
- ³¹ Новое время. 1906. 11 июля.
- ³² ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 236. Отд. II. 1906 г. Д. 716. Л. 61, 102.
- ³³ См.: Рабочее движение в Баку в годы первой русской революции. Баку, 1956. С. 398—400.
- ³⁴ См.: Речь. 1906. 11 июля.
- ³⁵ Рус. богатство. 1906. № 8. С. 171.
- ³⁶ См.: Деренковский Г. М. Всеобщая стачка и Советы рабочих депутатов в июле 1906 г. // Ист. зап. М., 1965. Т. 77. С. 130; Новое время. 1906. 12 июля; Правительственный вестник. 1906. 2 авг.; Вондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975. С. 166.
- ³⁷ См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хр. 354. Л. 11, 18—19.
- ³⁸ См.: Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. Вып. 1. С. 86, 106—108, 128—130, 89—90.
- ³⁹ Там же. С. 91, 98—105, 109—119.
- ⁴⁰ 1905. Материалы и документы. Аграрное движение в 1905—1907 гг. М.; Л., 1925. С. 257—258, 260.
- ⁴¹ Там же. С. 318.
- ⁴² ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 236. Отд. II. 1906 г. Д. 716. Л. 29, 48, 73.
- ⁴³ Бранчанинов А. Н. Междоумье. СПб., 1907. Вып. 1. С. 18—19.
- ⁴⁴ Там же. С. 19—20.
- ⁴⁵ Речь. 1906. 12 июля.
- ⁴⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 265. Д. 89. Л. 26.
- ⁴⁷ Там же. Д. 91. Л. 65.
- ⁴⁸ Там же. Д. 89. Л. 23.
- ⁴⁹ Правительственный вестник. 1906. 12 июля.
- ⁵⁰ Речь. 1906. 11 июля.
- ⁵¹ Список телеграмм и адресов на имя царя см.: ЦГИА СССР. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 666.
- ⁵² ЦГАОР СССР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1061. Л. 5—7, 10—12.
- ⁵³ Там же. Л. 14, 15, 24, 26 об., 27, 65, 79, 37.

- ⁵⁴ См.: ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 154. Л. 11–12 об.; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1105. Л. 141, 137, 134–134 об.
- ⁵⁵ См.: *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986. С. 120–124; *Iswolsky A.* Au service de la Russie. Paris, 1937. Vol. 1. P. 200; *Vompard M.* Mon ambassade en Russie (1903–1908). P. 1937. P. 216–219.
- ⁵⁶ См.: АВПР. 2-я (газетная) экспедиция Канцелярии МИД России. Оп. 476. Д. 442. Л. 87 об., 91 об. и др.
- ⁵⁷ См.: Красный архив. 1923 г. Т. 4. С. 132.
- ⁵⁸ АВПР. 2-я (газетная) экспедиция Канцелярии МИД России. Оп. 476. Д. 442. Л. 89–90 об.
- ⁵⁹ Там же. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 120. Л. 382–382 об.
- ⁶⁰ См.: *Извольский А. П.* Воспоминания. С. 136.
- ⁶¹ В связи с роспуском Думы по инициативе группы редакторов лондонских газет был создан комитет для организации кампании выражения симпатий к русскому народу и его парламенту. В адресе на имя Муромцева говорилось: «Наша собственная история научила нас тому, что представительное правление и личная свобода — единственная основа, на которой нация может базировать свой прогресс и процветание. Наша добрая воля по отношению к России побудила нас следить за созданием Думы и ее борьбой за власть с глубоким интересом и надеждой. Мы восхищаемся гением русского народа, героизмом его жертв за свободу и страданиями в борьбе. Это не может не трогать сердца всех людей. Полный триумф свободы в России, которого мы ожидаем в недалеком будущем, позволит русскому и английскому народам дать формальное выражение той дружбы, которая уже связывает их, дружбы, основанной на общности идеалов, которая должна помочь реализовать стремление всех европейцев к цивилизации, преданной делу мира». (АВПР. 2-я (газетная) экспедиция Канцелярии МИД России. Оп. 476. Д. 442. Л. 82, 149). Под воззванием подписались около 300 английских парламентариев, более 60 духовных лиц, лордов, профессоров, редакторы 26 газет, руководители крупнейших тред-юнионов (см.: *Обнинский В. П.* Новый строй. СП., 1909. Вып. 1. С. 189).
- ⁶² См.: АВПР. Ф. Канцелярия. Оп. 470, 1906 г. Д. 26. Л. 200–202 об.; *Iswolsky A.* Op. cit. Vol. 1. P. 60.
- ⁶³ АВПР. Ф. Канцелярия. 1906 г. Оп. 470. Д. 443. Т. 1. Л. 205 об.—206.
- ⁶⁴ См.: *Извольский А. П.* Воспоминания. С. 135.
- ⁶⁵ АВПР. 2-я (газетная) экспедиция Канцелярии МИД России. Оп. 476. Д. 442. Л. 86.
- ⁶⁶ См.: *Le Temps.* 1906. 19 juil.
- ⁶⁷ См.: *Полнер Т. П.* Жизненный путь кн. Г. Е. Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932. С. 112.
- ⁶⁸ См.: Новое время. 1906. 12 июля, 27 авг.
- ⁶⁹ В начале сентября вышел из партии октябристов Д. Н. Шипов. Осудил позицию А. И. Гучкова и П. А. Гейден.
- ⁷⁰ В этой связи представляет интерес письмо директора Парижско-Нидерландского банка, главы синдиката банкиров, заключивших в апреле 1906 г. заем с Россией, Э. Нецдина министру финансов В. Н. Коковцову от 15 июля 1906 г. Нецдин прямо писал о том, что на французское общественное мнение после роспуска Думы больше всего повлияло отсутствие в России крупных беспорядков, а также то, что «ловый кабинет, судя по уже проявленной им тенденции, обещает быть действительно либеральным и, кажется, намерен твердо встать на путь политического прогресса» (Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М.; Л., 1926. С. 323).
- ⁷¹ См.: *Шипов* Указ. соч. С. 464–465. Несмотря на жесткую позицию Столыпина, его переговоры с общественными деятелями встречали противодействие внутри Совета министров. Так, государственный контролер П. Х. Швенебах считал, что даже участие в правительстве октябристов и «мирнообновленцев» в конечном счете превратило бы кабинет Столыпина в «кадетский», а сам он был бы «вынергт» оттуда «через шесть не-

дель». По мнению Шванебаха, восстание в Кронштадте заставило Столыпина отказаться от затей с коалиционным министерством, хотя его «заигрывания» с либералами продолжались (см.: *Шванебах П. Х.* Записки савовника // *Голос* минувшего. 1918. № 1—3. С. 115—116, 123).

На имя Столыпина поступил и запрос от Совета Всероссийского съезда уполномоченных дворянских обществ, где выражалось беспокойство по поводу переговоров с общественными деятелями. «...Не найдете ли Вы возможным,—говорилось в записке,—рассеять и сомнения тех дворянских кругов, которые усматривают в именах некоторых общественных деятелей в составе будущего кабинета перемену общего направления правительственной политики. Ждем подтверждений, что общий курс правительственной политики останется неизменным» (ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 154. Л. 9—10).

⁷² См.: *Поллер Т. И.* Указ. соч. С. 124.

⁷³ Речь шла о постах министров внутренних дел, юстиции, народного просвещения, торговли и промышленности, государственного контролера, главноуправляющего землеустройством и земледелием, обер-прокурора Синода.

⁷⁴ См.: *Шипов Д. Н.* Указ. соч. С. 467—469.

⁷⁵ См.: *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977. С. 141—143.

⁷⁶ См.: *Шипов Д. Н.* Указ. соч. С. 470.

⁷⁷ *Кони А. Ф.* Собр. соч. М., 1966. Т. 2. С. 370—371.

⁷⁸ В. О. Ключевский отрицательно отнесся и к роспуску Думы, и к Выборгскому воззванию. По воспоминаниям его ученика А. И. Яковлева (впоследствии видного советского историка, члена-корреспондента АН СССР), В. О. Ключевский, узнав о Выборгском манифесте, воскликнул: «Провухен ценнейший исторический случай свергнуть прогнивший порядок. Такие моменты не повторяются столетиями. Никакого противодействия со стороны петербургской своры и не было бы: они («окружение Николая II»,— поясняет А. И. Яковлев) сюртуков на депутатах не решились бы взорвать! А наши молодцы сумели только сочинить Выборгское воззвание!» (Цит. по кн.: *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 493). Вполне возможно, что А. И. Яковлев несколько преувеличил здесь оппозиционные настроения своего учителя. Но, так или иначе, версия о критике Ключевским Выборгского воззвания, очевидно, не могла родиться на пустом месте. Напомним, что еще на Петергофских совещаниях в июле 1905 г., где обсуждался проект создания так называемой Булыгинской законодательной Думы, Ключевский по сравнению с другими его участниками держался, по оценке Нечкиной, «левых позиций» (Там же. С. 465).

⁷⁹ *Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 204—205.

⁸⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 402. Оп. 265. Д. 91. Л. 67.

⁸¹ См.: *Новое время.* 1906. 13 июля.

⁸² См.: *Красный архив.* 1933. Т. 5 (60). С. 116.

⁸³ См.: *Миллюков П. Н.* Три попытки. С. 93.

⁸⁴ *Красный архив.* 1924. Т. 5. С. 102.

⁸⁵ Там же. 1927. Т. 3 (22). С. 192—193.

⁸⁶ Там же. 1924. Т. 5. С. 103.

⁸⁷ См.: *Старцев В. И.* Указ. соч. С. 121—122.

⁸⁸ См.: *Правительственный вестник.* 1906. 28 июля.

⁸⁹ См.: Там же. 24 авг.; *Собрание узаконений и распоряжений правительства.* 1906. Отд. 1. 2-е полугодие. Ст. 1399. С. 2713—2714.

⁹⁰ См.: *Красный архив.* 1931. Т. 2 (45). С. 126—127.

⁹¹ См.: *Правительственный вестник.* 1906. 24 авг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Июльский политический кризис 1906 г., бесспорно, явился крупным, переломным событием в ходе первой российской революции. Для царизма это было третье, после октября и декабря 1905 г., серьезное потрясение, а для революционных сил — третье крупное столкновение с правящим классом. Недаром Ленин отмечал, что Декабрьское восстание 1905 г., имело продолжение в виде целого ряда разрозненных военных восстаний и стачек лета 1906 г.¹ Как и в конце 1905 г., правительство после упорной борьбы сумело взять верх над народом, хотя и не смогло еще разгромить революцию до конца.

Действуя старыми, испытанными в 1905 г. методами, царизм нанес освободительному движению предупреждающий удар, распустив 8 июля 1906 г. I Государственную думу. Напомним, что в конце ноября — начале декабря 1905 г. объектом аналогичного удара стал Петербургский Совет рабочих депутатов, деятельность которого явилась прямым вызовом царскому правительству. Таким образом, на повестку дня вновь была поставлена силовая борьба, навязанная царизмом обществу в относительно благоприятный для себя и с экономической, и с военно-дипломатической точек зрения момент.

В целом план роспуска Думы был подготовлен и проведен Столыпиным достаточно успешно. Новый премьер, безусловно, учитывал такие факторы, как относительное равнодушие основной части пролетариата к судьбам кадетской Думы, занятость крестьянства полевыми работами, политическую дряблость либералов, а также консолидацию напуганных революцией помещиков и крупной буржуазии вокруг царизма. Не приходилось в это время ожидать и сколько-нибудь серьезного нажима извне в поддержку Думы и курса на либерализацию политической обстановки в стране, ибо западные державы хотели прежде всего сохранения в России стабильности и порядка. Кроме того, Столыпин не без основания полагал, что в памяти народа еще достаточно свежи уроки декабрьских вооруженных восстаний 1905 г. и карательные экспедиции Ренненкампа, Меллер-Закомельского и других царских сагацов. Сыграл свою роль и такой отвлекающий маневр правительства, как ставшие достоянием широкой общественности переговоры о создании кадетского министерства. В итоге на стороне Столыпина были фактор внезапности, военно-полицейская сила, материальные ресурсы и отсутствие у широких народных масс психологического настроя на крайние, вооруженные методы борьбы.

Вместе с тем было бы неверно представлять дело так, будто Столыпин действовал в июле со стопроцентной гарантией на успех: слишком остры были социальные противоречия в стране и слишком внушительную силу представлял из себя революционный лагерь. Факты свидетельствуют о том, что осуществить программу-максимум, т. е. провести роспуск Думы без всяких революционных потрясений, Столыпину все же не удалось, хотя и царь, и его честолюбивый премьер, несомненно, мечтали об этом. Оба они понимали, что «малейший бунт в Петербурге отзовется во всей стране и скопрометирует нас перед Европой»².

Не удалось Столыпину продиктовать свои условия и либеральным лидерам, авторитетом которых он намеревался прикрыть деятельность своего кабинета. Наконец, царизму пришлось пойти и на такую (видимо, первоначально не планировавшуюся) экстраординарную меру, как временное введение военно-полевых судов, просуществовавших до начала работы II Государственной думы и унесших более тысячи человеческих жизней. Не нужно доказывать, что все эти издержки роспуска Думы вызвали негативную для царизма реакцию как внутри страны, так и за рубежом и означали новое морально-политическое поражение режима.

В поведении либерального лагеря в июльские дни не было, пожалуй, ничего неожиданного. По меркам буржуазного либерализма кадеты действовали в июле 1906 г. достаточно смело. Во всяком случае в 1905 г. на их счету не было ни одной акции, которую можно было бы поставить в один ряд с Выборгским воззванием. Однако реальные последствия этого шага, как уже говорилось выше, были ничтожны. Достаточно сказать, например, что если в 1905 г. на призывные пункты не явилось 68 414 человек, то в 1906 г., после призыва депутатов Думы к гражданскому неповиновению — 67 914 человек, т. е. не больше, а даже меньше, чем в первый год «великой смуты»³. В итоге ни кадеты, ни народ не приняли идею «пассивного сопротивления» всерьез, ибо осуществить ее в условиях царской России было просто невозможно.

Июльский кризис нанес серьезный удар по притязаниям кадетов на гегемонию в освободительном движении. Об этом хорошо сказала на V съезде РСДРП выдающаяся деятельница международного рабочего движения Р. Люксембург: если весной 1906 г. либералы вновь почувствовали себя в седле, опять поверив, что именно они являются вождями освободительного движения в стране, то после роспуска Думы либерализм «полетел стремглав в бездну бессилия и ничтожества». Один из важнейших уроков июльских дней Р. Люксембург видела в том, что пролетариат доказал либералам, что он не манекен в их руках и не желает быть пушечным мясом, всегда готовым выступить на сцену в роли пугала для абсолютизма, а ведет свою линию в революции и подчиняется законам и логике собственного, независимого от либералов движения⁴. Не пошло за либералами и крестьянство, о чем говорят, в частности, разрыв трудовиков с кадетами после

Выборгского совещания и поведение передового слоя сельского населения, предпочитавшего действовать в июле 1906 г. революционными методами, а не в духе кадетских призывов.

Однако в целом народ оказался не готовым подняться в июле 1906 г. на решительную вооруженную борьбу с царизмом. Позиция авангарда революции — пролетариата — в тот период еще раз доказала, что вооруженные восстания делаются не «по заказу» революционных партий и их вождей, а должны опираться на силу боевых рабочих дружин и революционно настроенной части армии и флота, с одной стороны, и на решительное, граничащее порой с отчаянием настроение передовой части народа — с другой. Настроение, которое можно выразить в крылатом лозунге «Свобода или смерть!»

В декабре 1905 г. в тех местах, где восстания стали фактом, недостаток оружия хотя бы отчасти компенсировался высоким боевым духом революционных борцов, буквально рвавшихся в решительную схватку с самодержавием. В июле 1906 г. такого настроения у рабочих, не говоря уже о других слоях трудящегося населения, не было, и никакие военные восстания не могли компенсировать отсутствие этого важного фактора.

В этой связи можно однозначно утверждать, что тактика эсеров в июльские дни 1906 г. носила ярко выраженный волюнтаристский, а во многом просто авантюристический характер. Что касается социал-демократов и особенно ЦК РСДРП, то следует сказать: аналогичная однозначная оценка их политической линии в этот переломный момент невозможна уже потому, что большевики и меньшевики, несмотря на формальное единство, действовали в период кризиса по-разному.

Надо сказать, что первые попытки анализа тактики РСДРП в июле 1906 г. были сделаны сразу же по горячим следам событий. Так, член ЦК РСДРП большевик Л. Б. Красин писал 6 августа находящимся в США А. М. Горькому и М. Ф. Андреевой, что июльскую забастовку сделали неизбежной не роспуск Думы, а восстания в Свеаборге и Кронштадте. При этом он признавал, что до тех пор, «пока еще была надежда удержать Свеаборг и в случае удачи сделать из Финляндии военный базис восстания, забастовка преследовала цель вызвать всеобщее выступление». Однако пока собирались Советы и вся эта громоздкая машина пришла в движение, писал Красин далее, восстания были подавлены. Поэтому забастовка в Петербурге и Москве прошла вполсилы или даже в треть силы и фактически оказалась лишь демонстрацией сочувствия рабочих солдатам и матросам. Тем не менее Л. Б. Красин считал, что Россия находится еще «на этапе восходящей революционной волны». «...Хотя несколько преждевременных выстрелов и было сделано, — заключал он, — возможность хорошего залпа в ближайшем будущем не исключена». Вслед за В. И. Лениным Л. Б. Красин считал, что аграрные волнения достигнут кульминации к концу августа — началу сентября, вслед за ними последуют новая забастовка в городах и

новые военные восстания и в результате Россия переживет до конца 1906 г. крупные события «декабрьского» типа⁵.

Вскоре получил возможность публично высказаться о причинах поражения июльской забастовки и В. И. Ленин. В статье «Политический кризис и провал оппортунистической тактики», опубликованной 21 августа 1906 г. в первом номере новой большевистской газеты «Пролетарий» (до этого у большевиков почти полтора месяца не было своего центрального печатного органа), он подчеркнул, что в период июльского кризиса налицо была полная растерянность ЦК РСДРП по вопросу о лозунгах и формах борьбы. Лишь после того, как кадеты остановились на «пассивном сопротивлении», ЦК пошел на контакты с партиями и организациями трудовического течения. Таким образом, в конечном счете он примкнул к мелкобуржуазной революционной демократии (т. е. вынужден был провести разграничительную политическую линию там же, где ее всегда проводили большевики), но сделал это с большим запозданием и недопустимыми для руководящего центра пролетарской партии колебаниями.

Ленин подверг далее критике тезис ЦК о роли Думы как «преемницы» царской власти, подчеркнув, что уже декабрь 1905 г. на практике решил этот вопрос в пользу Советов рабочих депутатов и других массовых демократических организаций. Обратил он внимание и на то, что ЦК очень долго стремился уклониться от прямой постановки вопроса о вооруженном восстании и принял этот лозунг — да и то в расплывчатой, завуалированной форме или в виде полуофициальных инструкций местным партийным организациям — лишь в самый последний момент, наспех и только под нажимом других революционных партий и организаций⁶. В итоге ЦК РСДРП оказался в крайне неприглядном и, прямо скажем, непривычном для себя положении людей, которых ведут на поводу.

Идея стачки-демонстрации и частичных массовых выступлений в знак протеста против роспуска Думы провалилась решительно и бесповоротно. Робкие попытки организации стачки-восстания, во-первых, явно запоздали, а во-вторых, не получили необходимой поддержки масс. Тем не менее в глазах Ленина эти попытки, не оправдывая целый ряд тактических просчетов, все же доказывали если не политическую мудрость (об этом говорить не приходилось), то по крайней мере не до конца исчезнувшее революционное чутье членов ЦК — меньшевиков.

В мае 1907 г. на V съезде РСДРП В. И. Ленин вновь вернулся к этой теме. В связи с резкой критикой в адрес ЦК со стороны многих партийных организаций, которая раздавалась и до, и во время съезда, он счел нужным повторить, что ЦК, сколько бы тактических ошибок он ни совершил, нельзя упрекать за неудачу июльского выступления. «Это не упрек, а скорее похвала для такого ЦК, как меньшевистский, что он все же пошел тогда навстречу революции.

Не вина ЦК, что он, сидя в Петербурге, не знал о настрое-

нии пролетариата во всей России. Нельзя объявить ошибкой и то, что мы верили тогда в восстание и ждали его. Восстание действительно произошло, и наши предварительные лозунги, наша политика перед восстанием были одним из элементов удачи или неудачи этого восстания,— говорил Ленин.— Ошибку ЦК я вижу в том, что революционную борьбу, дошедшую до восстания, он стремился замкнуть в рамки переволюционных или урезанных революционных лозунгов. Это выразилось в лозунге ЦК: «Частичные массовые выступления». Это выразилось еще более в лозунге: «За Думу как орган власти для созыва Учредительного собрания». Бросать такие безжизненные лозунги значило приспосабливать пролетарскую политику к политике либеральной буржуазии. И опять-таки события показали всю тщету и все бессилие попыток подобного приспособления»⁷.

Характеризуя деятельность меньшевистского ЦК в дни июльского политического кризиса, член ЦК от большевиков А. А. Богданов говорил на съезде: «Я не знаю, можно ли винить ЦК за то, что он призывал к всеобщей забастовке и восстанию, когда гремели пушки Свеаборга и Кронштадта. Я думаю, что нет, что эта попытка была неизбежна при тогдашних обстоятельствах и что она говорит даже в пользу ЦК, доказывая, что он был еще способен к революционным действиям. Но принижение тактических лозунгов партии — это то, в чем ЦК был безусловно виновен. Я не знаю, в какой мере это принижение лозунгов могло способствовать успеху самой борьбы, но если поражение и было даже все равно неизбежным, то принижение лозунгов жестоко обостряло боль поражения»⁸.

Многие местные большевистские партийные организации критиковали ЦК РСДРП гораздо резче. Так, Областное бюро организаций РСДРП Центральных районов России пришло к выводу, что ЦК переоценил значение роспуска Думы и то впечатление, которое он произвел на пролетариат. ЦК не учел того, что крестьянство мало знало о событиях и вдобавок было занято полевыми работами. Кроме того, ЦК плохо осведомил местные организации партии об изменении своих директив, которые до этого сводились к рекомендации сдерживать частичные выступления. Поэтому новая директива ЦК о проведении стачки явилась на местах неожиданностью. С другой стороны, и сам ЦК плохо знал положение дел в партии, настроение местных комитетов и пролетарских масс. Отрицательную роль сыграло, по мнению Областного бюро, и то, что местные эсеровские организации, в отличие от ЦК ПСР, противодействовали стачке (Москва, Тула)⁹.

Эта точка зрения была закреплена затем в конце августа 1906 г. на 2-й конференции социал-демократических организаций Центральных районов России, на которой были представлены 12 крупнейших городов этого региона, где работали около 17 тыс. членов партии. Конференция осудила линию ЦК и одобрила тактический план, изложенный в работах В. И. Ленина¹⁰. В ленинском духе были выдержаны и решения конференции за-

падносибирских организаций РСДРП (11—15 сентября), выразивших недоверие ЦК¹¹. С критикой ЦК выступили также Тверской комитет РСДРП, Читинская организация РСДРП, IV съезд Брянской окружной организации РСДРП, социал-демократы Балаханского района Баку¹². Все они подчеркивали, что условий для восстания в июле не было, а стачка явилась лишь напрасной растратой сил. Вместе с тем большевики подчеркивали, что подготовка к вооруженному восстанию остается важнейшей задачей партии. Критикуя меньшевистский ЦК, большевики требовали созыва нового партийного съезда.

При этом некоторые большевистские комитеты (Киевский, Уфимский) открыто выражали претензии в адрес ЦК РСДРП, который оставил их в решающий момент без информации и необходимых инструкций¹³.

Подведением итогов июльского кризиса занимались и меньшевики. ЦК РСДРП в письме к партийным организациям № 5 от 29 июля 1906 г. заявил, что «общее выступление в связи с роспуском Государственной думы имело шансы превратиться в централизованную победоносную революцию». Тем не менее меньшевики вынуждены были признать, что передовые рабочие Петербурга поддержали в июле большевиков, а не меньшевиков. На будущее ЦК сохранял в силе лозунг «развязывания революции» путем организации на местах — при наличии сколько-нибудь благоприятных условий — всеобщих забастовок¹⁴.

Некоторые меньшевистские работники после июльских событий были настроены по отношению к ЦК очень критически. Так, Л. И. Аксельрод писала в Женеву Г. В. Плеханову, что ЦК окончательно скомпрометировал себя в глазах рабочих. «Если бы объявили всеобщую забастовку с целью мирной демонстрации, то она бы прошла по всей России и имела бы огромное агитационное значение. Но раз ЦК начал фактически гнать на решительный бой, то масса стала отступать, потому что знает, что решительный бой пока невозможен. Теперь господствует полная растерянность». По мнению Л. И. Аксельрод, ЦК вел себя в июльские дни в сущности авантюристически и не получил поддержки рабочих¹⁵.

В июле 1906 г. часть меньшевиков вновь, как и в ноябре—декабре 1905 г., качнулась влево. Л. И. Аксельрод метко заметила по этому поводу: «ЦК и вообще меньшевики вынуждены силой обстоятельств в бурные политические моменты приближаться к большевистской тактике. Дело в том, что пока речь идет об организации рабочих масс и об экономических требованиях, то всецело овладевают массой меньшевики, но когда наступают моменты политических выступлений, то тогда главную роль играют вначале передовые рабочие. Передовые же рабочие развиты более или менее политически, но не социал-демократически. Вследствие этого они являются опорой большевиков и оказывают влияние на тактику меньшевиков»¹⁶. Оставляя в стороне спорный тезис автора этого заявления о несциал-демократическом

характере большевистских взглядов, следует подчеркнуть, что внешнюю сторону явления Л. П. Аксельрод схватила здесь достаточно точно.

Но кратковременные повороты влево, как правило, сменялись у меньшевиков полосой отрезвления и «покаяния». Так случилось и после декабря 1905 г., и после июля 1906 г. Отступление меньшевистских лидеров было полным. Характерно, что выступая с отчетом о деятельности ЦК РСДРП в период между IV и V съездами РСДРП, лидер меньшевизма Ю. О. Мартов не смог привести ни одного серьезного аргумента в защиту меньшевистской тактики в период июльского кризиса. Вину за просчеты ЦК он пытался свалить на «пассивность пролетариата», «проклятое подполье», мешающее партии знать настроения масс, а также на большевиков. В своей речи Мартов заявил: «Неудача вызванного по нашей инициативе движения послужила поводом для резкой критики тактики Центрального комитета. Мы не намерены защищаться против этой критики. Напротив. Самый факт неудачи, самый тот факт, что начавшееся движение немедленно замерло, как только стало известно, что восставший Свеаборг сдался,— самый этот факт достаточно ясно говорит о том, что движение с самого начала было обречено на неудачу, поскольку связывалось с случайно вспыхнувшими местными военными восстаниями и поскольку за промежуток времени, прошедший между роспуском Думы и началом этих восстаний, не проявилось в пролетарских массах сколько-нибудь широкого стихийного движения»¹⁷.

К этим оценкам фактически присоединился и член ЦК бундовец Р. А. Абрамович, который заявил на V съезде РСДРП, что «факт неудачного призыва остался фактом и ответственным является ЦК, поскольку, конечно, можно говорить об ответственности в данном случае». Он подчеркнул, что лозунг «частичных выступлений» можно было бы расценить лишь как «революционный укол», который мог вызвать лишь «искусственные вспышки»¹⁸.

А. С. Мартынов также признал, что ЦК очень сильно переоценил в июле революционное настроение рабочих. Он заявил даже, что относится к ЦК строже, чем Ленин, и что «такого рода храбрость, такого рода увлечение приличествует безответственному прапорщику, а не ответственному полководу». Однако вину за отсутствие у ЦК необходимой информации о настроениях рабочих Мартынов тут же возложил на большевистский Петербургский комитет партии, который был осведомлен о них так же мало, как и ЦК¹⁹.

Июльские события показали, что пролетариат, который обычно активно откликался на призывы ЦК РСДРП, не поддержал на этот раз его лозунги не только в общероссийском, но даже в общепетербургском или общемосковском масштабе. «Эту забастовку,— подчеркивал Ленин,— прекратили передовые рабочие, и они были правы, ибо из забастовки выходила демонстрация, а на деле стояла задача великой и решительной борьбы. Пере-

довые рабочие правильно учли момент. Они быстро изменили ошибочное стратегическое движение и сберегли силы для грядущей битвы. Они чутьем поняли неизбежность стачки-восстания и вред стачки-демонстрации»²⁰.

Итак, в июле 1906 г. в России произошла целая серия выступлений части революционных и оппозиционных сил против поворота правительственной политики в сторону более жесткого, контрреволюционного охранительного курса. Нетрудно заметить, что по мере того, как эти выступления захватывали нижние этажи социальной пирамиды, именуемой российским государством, протест против роспуска Думы все больше отступал на задний план перед глубоким недовольством масс всем существующим в стране порядком или превращался лишь в повод для выражения классовой солидарности различных групп трудящихся, вовлеченных в революционное движение.

Ни состав Думы, ни конкретные результаты ее работы не способствовали тому, чтобы роспуск этого учреждения стал той «искрой», от которой могла вспыхнуть огромная, многоязыкая страна. В защиту Думы можно было организовать в лучшем случае лишь отдельные выступления протеста, но не политическую кампанию всероссийского масштаба и значения, будь то так называемое гражданское неповиновение или всеобщая политическая стачка, не говоря уже о всенародном вооруженном восстании. Для последнего в то время в России вообще не было необходимых условий, поскольку ни народ, ни даже сами революционеры не были готовы к нему ни психологически, ни в военно-организационном отношении. К чести большевиков нужно сказать, что они понимали это не только лучше эсеров, безответственно бросивших в июльские дни призыв к восстанию, но и лучше меньшевиков, оказавшихся тогда гораздо большими «заговорщиками» и «вспышкочускателями», чем сторонники Ленина.

Не стали детонаторами общенационального взрыва и локальные, очень скоротечные и неудачные военные восстания на Балтике, хотя они на время и создали иллюзию возможности организации массовой стачки-восстания в поддержку поднявшихся на бой с царизмом солдат и матросов. В итоге эсеры и меньшевики (а последние тянули за собой в силу партийной дисциплины и большевиков) фактически зашли в тупик и вынуждены были довольствоваться более чем скромными политическими результатами, которые не могли всерьез испугать царские власти. Эсеры, а в определенной степени и социал-демократы несут свою долю ответственности за те жертвы, которые были принесены народом в ходе солдатских и матросских выступлений в Свеаборге, Кронштадте и других местах, хотя открытым остается вопрос, могли ли, например, те же большевики при желании удержать свеаборжцев или кронштадтцев от восстаний. Не забудем, что балтийцы таили в себе огромный заряд стихийного революционного протеста, который еще больше разжигали эсеры.

²⁰ К сожалению, тупиковый и для либералов, и для революцио-

неров характер всей ситуации, сложившейся вокруг роспуска Думы, в полной мере стал очевиден лишь в исторической ретроспекции, породив непосредственно в июльские дни 1906 г. многочисленные планы и проекты, которые буквально «вымучивались» в ходе длительных дискуссий и словесных баталий только затем, чтобы обнаружить затем свою утопичность.

На первый взгляд, революционные выступления рабочих, крестьян, солдат и матросов в период июльского политического кризиса не принесли народу каких-либо ощутимых результатов. Скорее, наоборот. I Дума тихо сошла с исторической сцены. Приблизить созыв II Думы не удалось. Количество забастовщиков сократилось в августе по сравнению с июлем в четыре раза. Произошел резкий спад революционной активности крестьянства, не говоря уже о солдатах и матросах. В стране стали действовать военно-полевые суды. Некоторым утешением могло служить лишь то, что правительство не дало хода ультраконсервативным проектам восстановления неурезанного самодержавия, а буржуазия еще не осмеливалась отбирать у народа то, что он завоевал в 1905 г.

Однако в ходе июльского кризиса политическое сознание масс по ряду позиций обрело большую ясность и четкость, освободилось от некоторых иллюзий и заблуждений, что уже само по себе имело немаловажное значение. Народ наглядно убедился в бессилии либералов вести на равных политический диалог с правительством, воочию увидел бесплодность их усилий навести мосты между властью и людьми труда. Потерпела фиаско идея «пассивного сопротивления» царскому режиму, с помощью которого кадеты рассчитывали отстоять российский парламент и даже расширить процесс демократизации страны, чего отнюдь нельзя сказать об идее вооруженного восстания, продолжавшей сохранять свою привлекательность для значительной части народных масс. В то же время кровавые уроки Свеаборга и Кронштадта нанесли ощутимый удар по эсеровскому авантюризму, на поводе у которого пошла и часть меньшевиков. В той мере, в какой ультрареволюционные иллюзии захватили (пусть на короткое время) и большевиков, им тоже нужно было сделать из июльских событий 1906 г. необходимые выводы на будущее.

Итоги июльского политического кризиса 1906 г. еще раз показали перспективность революционной тактики «левого блока», которая пробивала себе дорогу, несмотря на серьезные расхождения доктринального характера и различия в тактике, существовавшие в то время между различными партиями и организациями демократического лагеря. Союз левых сил отнюдь не носил идиллического характера, складывался трудно, часто давал сбои. Но то, что удалось сделать в 1905—1907 гг. в плане реализации идеи «левоблокизма», прочно вошло в актив освободительного движения в России.

События первой российской революции, в том числе и июльский кризис 1906 г., в значительной мере помогли поднять заве-

су тумана, окутывавшего тогда ближайшее будущее страны. Все яснее становилось, что решение стоявших перед ней задач в области индустриализации и модернизации всех социально-политических структур и институтов основные классы российского общества будут искать не в достижении общенационального консенсуса, а путем конфронтации полярно противоположных социальных сил. Об этом красноречиво говорило поведение каждого из трех политических лагерей, действовавших в начале нынешнего столетия в России. Царизм и дворянство, которым явно подражала в этом отношении и буржуазия, цепко держались за свои права и привилегии, так что каждую уступку народ вырывал у них буквально с боем. В свою очередь революционеры также были настроены на продолжение борьбы до победного конца и не надеялись в массе своей на достижение компромисса с самодержавной властью. Что же касается либералов, то у них было слишком мало сил, чтобы добиться создания в России правового государства. И с этой точки зрения за событиями 1905—1907 гг. уже явственно проглядывали контуры 1917 г.

Но было бы преувеличением сказать, что коренной вопрос всей истории России второй половины XIX — начала XX в. — реформа или революция? — был окончательно решен уже в 1905—1907 гг. Вот почему наш рассказ об июльском политическом кризисе 1906 г. заканчивается, если можно так выразиться, не точкой, а многоточием.

¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 7.

² Второй период революции. М., 1961. Ч. 2, кн. 1. С. 272.

³ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 402. Оп. 263. II отд. 1906 г. Д. 775. Ч. 1. Д. 57, 86.

⁴ См.: Протоколы Пятого съезда РСДРП. М., 1935. С. 404—405.

⁵ Второй период революции. Ч. 2. Кн. 1. С. 60.

⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 358—359.

⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 320.

⁸ Протоколы Пятого съезда РСДРП. С. 120.

⁹ См.: Пролетарий. 1906. 21 авг.

¹⁰ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 406.

¹¹ См.: Пролетарий. 1907. 7 янв.; Революционное движение в Омске в годы первой русской революции (1905—1907). Омск, 1957. С. 154.

¹² См.: Пролетарий. 1906. 29 авг., 8 сент.; Второй период революции. Ч. 2, кн. 2. С. 427; Революционное движение в Орловской губ. в период первой русской революции 1905—1907 годов. Орел, 1957. С. 131—132.

¹³ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 402. Оп. 263. II отд. 1906 г. Д. 9. Ч. 60. Л. 656; Пролетарий. 1906. 19 сент.

¹⁴ См.: Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 52, 55.

¹⁵ Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 3. Д. 301. Ед. хр. В. 8. 90. Л. 2; см. также: Д. 302. Ед. хр. В. 9. 105. Л. 5.

¹⁶ Там же. Д. 302. Ед. хр. В. 9. 105. Л. 6.

¹⁷ Протоколы Пятого съезда РСДРП. С. 82.

¹⁸ Там же. С. 132—133.

¹⁹ Там же. С. 144.

²⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 337.